СТАТЬИ

ДВАДЦАТИПЯТИТЫСЯЧНИКИ

Е. Зомбе

Коллективизация сельского хозяйства, переход мелких, раздробленных крестьянских хозяйств на путь крупного, обобществлённого — один из сложнейших поворотов в истории нашей страны. «Это был глубочайший революционный переворот, скачок из старого качественного состояния общества в новое качественное состояние» [1].

В 1929 г. совершился коренной перелом в недрах крестьянства. Широкие массы бедноты и середняков вступили на путь социалистического развития. Поворот крестьянских масс на путь коллективизации был подготовлен всей предшествовавшей политикой коммунистической партии и советского правительства, воплотивших в жизнь кооперативный план Ленина. Партия и правительство создали все условия для социалистического преобразования деревни. «Своеобразие этой революции состояло в том, что она была произведена с в е р х у, по инициативе государственной власти, при прямой поддержке с н и з у со стороны миллионных масс крестьян, боровшихся против кулацкой кабалы, за свободную колхозную жизнь» [2].

Преодолев огромные трудности внутреннего и международного характера, Советская страна добилась победы политики социалистической индустриализации, без которой нельзя было осуществить социалистическую реконструкцию сельского хозяйства.

Роль рабочего класса в коллективизации сельского хозяйства осуществлялась различными путями. Рабочий класс СССР с огромным подъёмом создавал техническую базу для коллективизации сельского хозяйства. Руководящая роль рабочего класса в коллективизации сельского хозяйства осуществлялась через органы государственной власти. Но этим дело не ограничивалось. Рабочий класс посылал свои передовые отряды для непосредственной практической помощи крестьянству в деле коллективизации. Освещение деятельности одного из таких отрядов, известного под именем «двадцатипятитысячников», является содержанием настоящей статьи.

Изучение роли двадцатипятитысячников как активных участников революции сверху, совершавшейся в деревне, представляет интерес с различных сторон: во-первых, изучение деятельности двадцатипятитысячников помогает уяснить вопрос о том, как происходил этот глубочайший революционный переворот в деревне в 1929—1930 гг., какие силы играли роль в преодолении огромных трудностей в деле коллективизации; во-вторых, деятельность двадцатипятитысячников отражает лицо рабочего класса СССР; наконец, деятельность двадцатипятитысячников подчёркивает особенности советского государства, как государства нового типа, государства социалистического.

---

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 291. М. 1938.
[2] Там же, стр. 291—292.

1929 год — год решающих сдвигов в истории советского государства, год великого перелома. Он «означал крупнейшие успехи социализма в промышленности, первые серьёзные успехи в сельском хозяйстве, поворот середняка в сторону колхозов, начало массового колхозного движения» [3].

Крестьянство было обеспечено материально-технической базой для массовой коллективизации. Но для успешного выполнения задачи социалистического преобразования деревни этого было недостаточно.

Деревне, переходившей от мелкособственнического хозяйства на путь крупного хозяйства, хозяйства социалистического типа, требовалась организаторская помощь социалистического города, промышленных центров. Рабочее шефство над деревней, получившее мощный толчок для своего развития в связи с появлением ещё в 1923 г. статьи Ленина «Странички из дневника», сыграло большую роль в этом отношении.

Рабочее шефство установило то общение, ту форму товарищества между рабочими города и работниками деревни, о необходимости которых писал Ленин в «Страничках из дневника». На помощь крестьянству из промышленных центров направлялись в решающие моменты сельскохозяйственного производственного процесса тысячи и десятки тысяч рабочих бригад—кузнецов, слесарей, токарей, агитаторов, культурных работников. Роль и значение этих бригад в социалистической переделке деревни были высоко оценены И. В. Сталиным, который среди других причин небывалого успеха колхозного строительства указал и на роль авангарда рабочих, на то, что «это дело взяли в свои руки передовые рабочие нашей страны». «Я имею в виду, — писал товарищ Сталин, — рабочие бригады, десятками и сотнями рассеянные в основных районах нашей страны. Надо признать, что из всех существующих и возможных пропагандистов колхозного движения рабочие-пропагандисты являются лучшими пропагандистами среди крестьянских масс. Что же может быть удивительного в том, что рабочим удалось убедить крестьян в преимуществе крупного коллективного хозяйства перед индивидуальным мелким хозяйством, тем более, что существующие колхозы и совхозы являются наглядным примером, демонстрирующим это преимущество?» [4].

Осуществлявшаяся шефскими обществами рабочая помощь деревне не могла удовлетворить, однако, потребностей деревни в период массовой коллективизации. Теперь деревне нужна была систематическая, постоянная помощь политически зрелых рабочих-организаторов, имевших опыт работы на крупных социалистических предприятиях.

Вопрос о систематическом организаторском участии передовых рабочих в социалистической переделке деревни приобрёл большую остроту, стал настоятельным именно в год великого перелома. Колхозы возникали впервые в истории, и кадры организаторов для колхозов должны были выковываться в процессе самого колхозного строительства. Понятно поэтому, какое решающее значение для успеха коллективизации приобретало перенесение передовыми промышленными рабочими навыков и опыта их работы на крупном социалистическом производстве.

Исключительный интерес представляет история возникновения самой идеи о посылке рабочих в деревню на длительную, систематическую работу. До сих пор в литературе было распространено мнение, что вопрос о посылке двадцатипятитысячников в деревню связан только с решением ноябрьского пленума Центрального Комитета партии в 1929 г., принявшего специальное постановление по этому вопросу. Однако в самом решении ноябрьского пленума ЦК подчёркивается в первую очередь инициатива, идущая снизу и выразившаяся в тяге промышленных рабо-

[3] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 286.
[4] И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 270. 11-е изд.

чих к активному участию в коллективизации деревни. «Эта массовая инициатива рабочих фабрик и заводов, — говорилось в решениях пленума, — должна быть всемерно поддержана и развита...» Весь фактический материал по истории рабочей помощи деревне в годы великого перелома, перехода к систематической помощи в лице двадцатипятитысячников целиком подтверждают это основное положение, зафиксированное в решениях ноябрьского пленума ЦК; факты показывают, как эта идея возникла снизу и была поддержана партией, развита и поставлена на прочные организационные рельсы, как претворялась в жизнь основная идея, выраженная Молотовым на 1-й Московской областной партийной конференции в сентябре 1929 г.: «...пока промышленные рабочие вплотную не возьмутся за практическую поддержку дела коллективизации в деревне, ничего прочного, ничего действительно надёжного, ничего действительно социалистического в строительстве колхозов, охватывающих подлинно-широкие бедняцко-середняцкие массы, не будет»[5]. Молотов, констатируя помощь, которую оказывали деревне промышленные рабочие, профсоюзы, направлявшие рабочих в деревню на проведение отдельных кампаний, указывал, что всего этого уже недостаточно, что «нужно искать новых форм участия промышленных рабочих в коллективизации крестьянского хозяйства»[6].

Обратимся к фактам. По мере развития колхозного движения в среде рабочих промышленных центров всё более возрастал активный интерес к социалистической реконструкции деревни. На происходивших в районах Москвы летом 1929 г. широких рабочих конференциях вопросы реконструкции сельского хозяйства занимали в выступлениях делегатов доминирующее место.

Расширенный пленум Мосшефсовета от 31 октября 1929 г. констатировал «огромный и всё растущий интерес к вопросам коллективизации и социалистического переустройства деревни со стороны рабочей массы, её мощный порыв к практическому участию в деревенском строительстве»[7].

На 1-й Сталинградской конференции рабочего общества шефства над деревней отмечалось, что «в 1929 г. волной росла инициатива снизу, когда рабочие массы на заводах резко ставили вопрос перед шефорганизациями о том, что на проведение сплошной коллективизации нужно бросить политически стойких ударников с завода»[8].

В начале января 1930 г. А. А. Андреев, бывший тогда секретарём Северокавказского краевого комитета партии, отмечал исключительный политический подъём среди промышленных рабочих в связи с массовой коллективизацией деревни: «Такой подъём, который мы сейчас наблюдаем, характерен только для крупных революционных переворотов. Это не обычный подъём, а это есть подъём революционный, особенно подъём среди рабочих... Все вопросы рабочего быта, все вопросы, над которыми работают профсоюзы в отношении зарплаты и т. д., перекрыты вопросами коллективизации... Все недостатки рабочего снабжения, все вопросы недостатка продуктов, их дороговизна и т. д. — всё перекрыто коллективизацией. Всё внимание рабочего сосредоточено на коллективизации... Он инстинктом чувствует, что узел всех вопросов и трудностей есть коллективизация, и чем скорее будет этот вопрос разрешён, тем скорее будут сняты, разрешены и остальные вопросы»[9].

---

[5] «Правда» от 13 октября 1929 года.

[6] Там же.

[7] «Информационный бюллетень № 3 оргбюро шефского общества Московской области и Мосшефсовета» за ноябрь 1929 г., стр. 22.

[8] Решения 1-й Сталинградской конференции рабочего общества шефства над деревней, стр. 19.

[9] Сборник материалов по вопросам сплошной коллективизации сельского хозяйства Северокавказского края. Вып. 2-й, стр. 7. 1930.

5 октября 1929 г. в газете «Молот», органе северокавказских краевых организаций, было напечатано письмо одного ростовского рабочего по поводу предложения рабочих Московского электрозавода принять рабочим крупных предприятий шефство над вновь строящимися мощными зерновыми совхозами. Автор письма предлагал «эту новую форму социалистического сотрудничества... развернуть гораздо шире... Для того, чтобы подтянуть темпы развития сельского хозяйства до промышленных темпов, необходимо вовлечь в его реконструкцию широчайшие массы промышленного пролетариата. Не может быть двух мнений о том, откликнется ли промышленный пролетариат на эту новую форму социалистического сотрудничества и сумеет ли он вместе с трудовым крестьянством в кратчайший срок провести переустройство деревни. Залогом этому служит отношение рабочих к социалистическому соревнованию заводов, к займам индустриализации страны. С ещё большим энтузиазмом рабочий класс отзовётся на участие в решительном переустройстве деревни. Практически мы предлагаем теперь же объявить перекличку между фабриками и заводами на осуществление социалистического сотрудничества с деревней... Случайных наездов отдельных товарищей и голой агитации деревне мало, — нужны не только слова, но и дело. И дело должно быть осуществлено представителями фабрик и заводов, посылаемыми в деревню для постоянной работы, сроком, скажем, на год—два. Посылать надо сознательных и выдержанных рабочих по добровольному желанию, которые сумели бы собрать вокруг себя, активизировать и заразить своим энтузиазмом всё трудовое крестьянство».

Первыми на это письмо откликнулись рабочие ростовского отделения Государственного электротехнического треста (ГЭТ). Они постановили отчислять ежемесячно ½—1 процент своей заработной платы на содержание рабочих, посылаемых в деревню. Инициатива рабочих ростовского отделения ГЭТ не была единичной: так, в конце октября 1929 г. общее собрание рабочих завода «АМО» (Москва) вынесло аналогичное решение.

В ноябре 1929 г. состоялся пленум Центрального Комитета ВКП(б). Пленум заслушал доклад «Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства». Отметив крупнейшие успехи в осуществлении директивы XV съезда партии о коллективизации сельского хозяйства, пленум вместе с тем констатировал ряд недостатков в колхозном строительстве, в том числе недостаточную организованность и низкую производительность труда в колхозах, засорённость социального состава части колхозов и «нередко прямую неудовлетворительность руководящих органов колхозного движения».

Особого внимания требовал пленум к подбору кадров. «Мощным резервом, из которого должны черпаться руководящие кадры социалистического земледелия, являются индустриальные рабочие. ЦК считает необходимым, помимо систематического укрепления колхозного движения партийными руководящими силами, направить в деревню в течение ближайших месяцев на работу в колхозы, машинно-тракторные станции, кустовые объединения и т. п. не менее 25 тысяч рабочих с достаточным организационно-политическим опытом. В подборе этих рабочих профсоюзы должны принять активнейшее участие» [10].

9 декабря 1929 г. ВЦСПС вынес решение, в котором указал: «Рабочие вербуются (для деревни. — *Е. З.*) из партийного, комсомольского и профсоюзного актива, из актива добровольных обществ, из рабочих, проявивших себя в рабочих бригадах, и т. д.» [11].

---

[10] «ВКП(б) в резолюциях», Ч. 2-я, стр. 569. 1933.

[11] Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 5451, д. 91, л. 1.

Постановление ноябрьского пленума ЦК партии вызвало подлинный энтузиазм в рабочей среде. Рабочие массами подавали заявления о желании ехать на работу в колхозы.

1-й Всесоюзный съезд рабочих-ударников, собравшийся в Москве в начале декабря, обратился к рабочим страны с призывом: «Становитесь во главе социалистического переустройства деревни; посылайте лучших индустриальных рабочих для руководства коллективизацией»[12].

Рабочие Харьковского паровозостроительного завода в своём обращении к рабочим Харькова писали: «На постановление ЦК о посылке 25 тысяч рабочих в колхозы рабочие-паровозники уже откликнулись. Паровозники на всех участках были впереди. Превысив программные задания первого года пятилетки, они показали пример боевой работы; на новом революционном фронте паровозники будут также в первых рядах, они уже начали массовую вербовку добровольцев и призывают к этому же всех рабочих Харькова»[13]. В резолюции рабочей конференции, собравшейся в Ростове в декабре 1929 г., говорилось: «Рабочий класс, имеющий громадный опыт под руководством коммунистической партии поднимать и строить социалистическое хозяйство, должен и здесь, на фронте социалистической реконструкции сельского хозяйства, стать во главе»[14].

Участники рабочей конференции в городе Сартаны, Мариупольского округа, в приветствии И. В. Сталину в связи с пятидесятилетием со дня его рождения от имени 15 тысяч рабочих-металлистов сообщали: «Рабочие металлургических заводов имени Ильича горячо откликнулись на призыв ЦК ленинской партии. На сегодняшний день записалось добровольцами 700 человек. Мы производим из числа записавшихся тщательный отбор и организуем отряд большевиков-коллективизаторов имени Сталина»[15].

Активное участие в социалистическом преобразовании деревни воспринималось рабочими-добровольцами как их классовый долг; они готовились к борьбе за осуществление стоявших перед ними задач. Один из рабочих 7-й типографии в Москве писал: «Желаю отдать свою энергию и активность перестройке сельского хозяйства. Считаю, что сейчас, как никогда, за коренную переделку деревни надо взяться самим рабочим»[16]. Один старый, кадровый рабочий завода «Серп и молот» заявил: «Я отдам на строительство новой, социалистической деревни все свои силы, все свои знания... Мне хочется увидеть нашу отсталую, разделённую на клочки деревню деревней социалистической. И я сделаю всё, что зависит от моих сил и знаний, чтобы осуществить это великое дело. Вот почему я добровольцем хочу ехать в деревню»[17].

Среди добровольцев были участники гражданской войны, партизаны. Это были старые солдаты социалистической революции, считавшие своим долгом принять активное участие в совершавшейся тогда в деревне революции. Участник гражданской войны, рабочий на строительстве Ростовского завода сельскохозяйственного машиностроения, писал: «В то время, когда идею партии коммунистов (большевиков) надо было претворить в жизнь, т. е. повести вооружённую борьбу против угнетателей рабочего класса, я в 1918 г. по призыву партии добровольно пошёл в ряды Красной Армии... Поскольку требуется новую идею партии по отношению сплошной коллективизации Северокавказского края также претворить в жизнь, прошу о посылке меня в любую деревню на предмет организации кол-

---

[12] «Труд» от 11 декабря 1929 года.

[13] Архив НКЗема СССР, оп. 242, св. 2, д. 25. Информационная сводка № 2.

[14] Сборник материалов по вопросам сплошной коллективизации Северокавказского края. Вып. 1-й, стр. 90. Ростов на Дону. 1930.

[15] «Труд» от 24 декабря 1929 года.

[16] «Рабочая Москва» от 27 декабря 1929 года.

[17] Журнал «Лицом к деревне» № 24 за 1929 год.

хоза, так как есть желание отдать последние силы на общее благо рабочих и крестьян»[18].

Другой участник гражданской войны, беспартийный уральский плотник, имевший 27 лет производственного стажа, заявил: «Я услышал призыв советской власти и коммунистической партии. Прошу принять меня добровольцем в ряды идущих товарищей. Я шёл на кровавый фронт добровольцем Красной гвардии, а потом Красной армии. Так и здесь не боюсь пойти на фронт труда»[19].

Добровольческое движение возрастало со дня на день. Количество поданных добровольцами заявлений доходило по СССР почти до 75 тысяч. По Москве и Московской области контрольная цифра направляемых в деревню составляла 6600, а заявлений было подано 18 тысяч; по Ленинграду контрольная цифра равнялась 4400, количество заявлений доходило до 10 тысяч.

Огромное значение, которое придавалось организаторской роли передовых промышленных рабочих в колхозном строительстве, подчёркивалось постановлением Совета народных комиссаров СССР от 28 декабря 1929 г. «О льготах для промышленных рабочих, направляемых на работу по колхозному строительству». «Острый недостаток организаторов и руководителей колхозного строительства, особенно в районах сплошной коллективизации, — говорилось в мотивировочной части постановления, — вызывает массовые обращения колхозов к рабочим фабрик и заводов о помощи им путём выделения подготовленных работников... Считая необходимым создать наиболее благоприятные условия для рабочих и работниц, приходящих из промышленности на работу по колхозному строительству, Совет народных комиссаров постановляет...»[20]. Далее шли пункты о льготах для направляемых в деревню рабочих: сохранение среднего уровня заработной платы, получавшейся рабочими на предприятии, сохранение за ними права на жилищную площадь в городе и т. д. Таким образом, широкое добровольческое движение промышленных рабочих в помощь колхозному строительству нашло поддержку в актах верховных органов советской власти.

Кандидатуры добровольцев широко и тщательно обсуждались на предприятиях. Безоговорочно отвергались те, кто смотрел на поездку в деревню как на возможность лучше устроиться, отдохнуть «на лоне природы». Основными мотивами отвода кандидатур были: недостаточное политическое развитие, отсутствие твёрдой политической линии в вопросах колхозного строительства и борьбы с кулаками, недостаточный стаж производственной или общественной работы, прогулы.

На общем собрании рабочих пекарни № 2 Пролетарского общества потребителей станции Болшево, Северной железной дороги, обсуждавшем 28 декабря 1929 г. кандидатуры добровольцев, говорилось: «Надо чутко отнестись к подбору добровольцев в колхозы. От нас, рабочих, партия и советская власть запрашивают таких товарищей, которые действительно показали бы на деле в великом колхозном строительстве стойких борцов за великое дело. Мы должны дать из своей среды на великое дело перестройки нашего хозяйства самых передовых товарищей»[21].

Нелегко было предприятиям в период борьбы за первую пятилетку лишаться квалифицированной рабочей силы, но пролетарское государство, партия, сама рабочая масса считали политически необходимым по-

---

[18] «Сельмашевец», газета строительства Ростовского завода с.-х. машиностроения, от 17 декабря 1929 года.

[19] Архив НКЗема СССР, оп. 242, св. 2, д. 19. Итоговая сводка о вербовке на Урале 1250 рабочих в колхозы.

[20] Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР № 1 за 1930 г., ст. 7, стр. 12

[21] Архив ВЦСПС, ф. МОСПС, д. 72. Выписка из протокола № 3 общего собрания рабочих пекарни № 2 в Болшеве.

слать в деревню лучших производственников и общественников. Один из рабочих московского завода «Динамо» указывал, что необходимость в организаторской помощи передовых рабочих деревне заставляла снимать «людей из мастерских и посылать в колхозы» [22].

О производственном и общественно-политическом облике двадцатипятитысячников дают представление следующие кандидатуры. Путиловцы: подрамщик столярного цеха, проработал на заводе более 26 лет, член партии с 1919 г.; главный кондуктор транспортного отдела, производственный стаж — 12 лет, член партии с 1928 г.; бригадир слесарного цеха фабрики «Скороход», член Ленинградского совета, проработал на производстве больше 20 лет. Председатель Средневолжского крайкома партии, присутствовавший при отборе двадцатипятитысячников из среды ленинградского пролетариата, дал следующую оценку отбору: «Ленинградский пролетариат выполнил решение ЦК партии с энтузиазмом, с полным пониманием своей классовой роли в реконструкции сельского хозяйства, с сознанием политической миссии индустриального пролетариата в этой области социалистического строительства» [23].

Московские предприятия также выдвигали лучших производственников и общественников. Завод «АМО», получивший задание дать 30 человек, выдвинул больше 100 добровольцев. Среди них: С. В. Городилин, литейщик, член партии, окончил вечерний комвуз, производственный стаж — 25 лет; П. П. Палицына, фрезеровщица, производственный стаж — 12 лет, член партии, выполняла на заводе работу организатора женщин; И. В. Терентьев, слесарь, производственный стаж — 10 лет, беспартийный (вступил в партию позже — в 1931 г.); Л. Я. Пучков, жестянщик, был на заводе секретарём цеховой организации ВЛКСМ; Ф. Ф. Доценко, долбёжник механического цеха, производственный стаж — 11 лет, член партии. Среди добровольцев было немало руководящих работников низовых профорганизаций и профактива: председателей и секретарей, завфабкомов, уполномоченных цехов и т. д.

Ведущую роль в посылке рабочих играли Москва и Ленинград (свыше 40%), за ними следовали десятки других промышленных центров Российской федерации, а затем — Украина, давшая свыше 8 тыс. добровольцев. Анализ состава двадцатипятитысячников со всей наглядностью подтверждает ведущую роль русского рабочего класса в осуществлении организаторской помощи коллективизации деревни. Двадцатипятитысячники, представители основных индустриальных центров, были в своей подавляющей массе русскими рабочими, пришедшими на помощь не только русской деревне, но и национальным окраинам в решающий момент колхозного строительства.

Посылку двадцатипятитысячников в деревню, по существу, неправильно было бы называть мобилизацией, так как подавляющее большинство рабочих ехало в добровольном порядке.

Состав 23,5 тысячи из двадцатипятитысячников характеризуется следующими общими данными: мужчин—92,3%; возрастной состав рабочих: до 22 лет—9%, 23—29 лет—47,1%, 30—39 лет—32,1%, 40 лет и выше — 22,8%; члены партии и кандидаты составляли 69,6%, члены комсомола — 8,6%, беспартийные — 21,5%; по стажу работы: до 5 лет — 13%, от 5 до 12 лет — 39% и свыше 12 лет — 48% [24].

Таким образом, ведущее место среди двадцатипятитысячников занимали коммунисты — около 70%. Почти половина двадцатипятитысячников (48%) имела производственный стаж больше 12 лет. Состав двадцатипятитысячников по партийности, квалификации, производственному ста-

---

[22] «Мотор», газета завода «Динамо», от 21 января 1930 года.
[23] «Поволжская правда» от 12 января 1930 года.
[24] ЦГАОР, ф. 5451, д. 91, л. 75—76.

жу, общественно-политическому уровню отвечал тем директивам, которые даны были Центральным Комитетом партии и ВЦСПС. К основной массе рабочих, направлявшихся в деревню, вполне применима была характеристика, данная «Ленинградской правдой» ленинградским рабочим, отобранным в счёт 25 тысяч: «Это — коренники, представители того слоя пролетариата, который мы называем костяком рабочего класса»[25].

Участие отдельных профсоюзов в выделении рабочих выразилось по СССР в следующих цифрах: наибольшее количество дали металлисты — 10 тысяч человек, следующее место занимают железнодорожники — 4500, текстильщики — 4030, далее шли другие профсоюзы.

Президиум ВЦСПС, подводя первые итоги вербовки двадцатипятитысячников, подчёркивал, что «огромный энтузиазм, проявленный рабочим классом в проведении этого важнейшего политического мероприятия, направленного на укрепление и дальнейшее развёртывание колхозного строительства... подтверждает лишь правильность линии, проводимой партией в деле социалистической реконструкции сельского хозяйства, и готовность широчайших рабочих масс не на словах, а на деле проводить эту линию в жизнь»[26].

Уезжали рабочие в деревню с большим подъёмом, не скрывая от себя, однако, предстоявших им трудностей. Один из рабочих саратовского завода имени Ленина перед отъездом в деревню говорил: «Я бежал из старой, убогой деревни, на собственной шкуре испытал я прелесть кулацкого произвола... Ненавидел я эту деревню и потому ушёл на завод. Когда я услышал, что в порядке дня поставлен вопрос об уничтожении кулачества как класса, я изъявил желание снова возвратиться в деревню, чтобы вместе с другими добить и задушить старые порядки. Трудно было расставаться с заводом, покидать станки в такое время, когда мы объявили себя ударниками... А всё же сознание того, что колхозной деревне нужны кадры, брало верх. И мы с радостью едем. Поработаем в колхозах, на полях, а к станку придут новые силы рабочего класса»[27].

Настроение двадцатипятитысячников характеризуется письмом ленинградских рабочих завода имени Карла Маркса. Они писали: «Едем мы с полным сознанием ответственности и трудностей, с которыми придётся встретиться. Более того: мы едем именно потому, что знаем об этих трудностях и о том, что для преодоления их деревне нужно крепкое пролетарское руководство и помощь»[28].

Направлявшиеся на работу в совхозы двадцатипятитысячники свою будущую работу мыслили в неразрывной связи с задачами коллективизации. Рабочий Щепетильниковского трамвайного парка (Москва) писал: «Я, рабочий с 11-летним стажем, бросаю своё производство и еду на зерновую фабрику, ибо вижу, что этим мероприятием мы делаем наше зерновое хозяйство прибыльным и культурным. Крестьянские массы, которые будут работать на полях совхозов и колхозов, научатся мыслить так же, как и мы, уезжающие на эту историческую перестройку деревни на новый фабрично-заводской лад... Я решился добровольно ехать, чтобы не на словах, а на деле проводить идеи коллективизации»[29].

Среди двадцатипятитысячников было свыше 20% беспартийных. Ленинско-сталинская политика коллективизации сельского хозяйства, этот глубочайший революционный переворот, всколыхнувший рабочие массы, дала новое доказательство органической связи коммунистической партии с массами: многие, готовясь к ответственному делу борьбы за социалистическую реконструкцию деревни, не хотели ехать в деревню беспартийными. «Сознавая, — писали рабочие Балтийского судо-

[25] «Ленинградская правда» от 10 января 1930 года.
[26] «Труд» от 16 марта 1930 года.
[27] «Красный Хопёр» от 23 января 1930 года.
[28] «Правда» от 4 января 1930 года.
[29] «Лицом к деревне», № 1 за 1930 год.

строительного завода в Ленинграде, — особую ответственность той работы, на которую мы идём, заявляем, что в выполнении этой великой классовой линии мы должны отвечать не только перед пролетарской советской общественностью, но и перед коммунистической партией. А потому всей беспартийной группой в 7 человек подаём коллективное заявление с просьбой о приёме нас в ВКП(б)»[30].

В партию вступило свыше 30 рабочих, уезжавших в деревню от коллектива Коломенского машиностроительного завода, 24 рабочих Московского тормозного завода. Подали заявление о приёме в партию 80 рабочих завода «Динамо» (Москва). «Сейчас, — писали они, — когда рабочий класс выделяет из своих рядов сотни лучших пролетариев на работы в совхозы и колхозы... наш славный завод «Динамо», как и всегда, будет итти в авангарде в деле строительства социализма. Просим принять нас в ряды ВКП(б), желаем стать ленинцами, просим зачислить нас добровольцами в колхозы»[31]. Среди подписавших это заявление те же коренники рабочего класса: 60-летний литейщик Базылев с 43-летним производственным стажем, сварщик Фельдгайм с 26-летним производственным стажем, рабочий изолировочного цеха Галкин с 34-летним стажем и др. «Ответственность за колхозное строительство и моё добровольное желание помочь в деле этого строительства заставили меня не оставаться в стороне от партии»[32],— мотивировал своё желание вступить в партию один из ленинградских рабочих.

Отправка двадцатипятитысячников в деревню началась в двадцатых числах января 1930 года. К 6 февраля на места прибыло 19 тысяч рабочих, которые были распределены по республикам и областям следующим образом: Украинская ССР — 3750, Нижняя Волга — 2600, Северный Кавказ — 2300, Центральная черноземная область—2080, Средняя Волга—1600, Урал—1230, Западная область—1100, Московская область—966, Ленинградская область—600, Белорусская ССР—600, Нижегородский край—500, Иваново—промышленная область—490, Башкирия—400, Крым—329, Армянская ССР—200, Татарская АССР—150, Чувашская АССР — 107[33]. Около двух третей рабочих (12 330 человек из 19 тысяч) было, таким образом, направлено в основные зерновые районы.

Колхозная деревня приветствовала постановление ноябрьского пленума ЦК партии. Передовая часть крестьянства понимала значение организаторского непосредственного участия промышленных рабочих в социалистической реконструкции деревни. Собрание бедноты и середняков села Борского в Средневолжском крае, приняв в начале 1930 г. решение об организации колхоза, обратилось через «Правду» к московским рабочим с конкретной и очень настойчивой просьбой: «Разрешая вопрос об окончательной форме перехода единоличного хозяйства к крупному общественному, мы наталкиваемся на отсутствие среди нас достаточно опытных руководов как в организационном, так и в техническом отношениях. Ваше непосредственное участие в этой грандиозной перестройке сельского хозяйства требуется с сегодняшнего же дня. Отступлений от принятых решений быть не может, а время не ждёт. 720 бедняков и середняков Борского просят партийные и профсоюзные организации Москвы и области обратить на это наше письмо особое внимание. Мы надеемся, что московские рабочие, с которыми крестьяне нашего края заключили хозяйственно-политический договор, немедленно же откликнутся на наш призыв и, в частности, Борскому дадут лучших строителей колхозов, чем ещё сильнее закрепится смычка города с деревней»[34].

---

[30] «Ленинградская правда» от 10 января 1930 года.
[31] «Труд» от 14 января 1930 года.
[32] «Партстроительство» № 3—4 за 1930 г., стр. 29.
[33] Архив НКЗема СССР, оп. 212, св. 2, д. 26. Сводка № 15 на 6 февраля 1930 года.
[34] «Правда» от 3 января 1930 года.

Это письмо — выразительный документ эпохи: в нём и страстное, непреклонное стремление к строительству новой жизни («Отступлений от принятых решений быть не может...») и признание ведущей роли передовых рабочих в этом строительстве.

Первый съезд крупных колхозов Николаевского района Нижней Волги, представлявший около 13 тысяч крестьянских хозяйств, в приветствии И. В. Сталину писал в январе 1930 г.: «Мы горячо благодарим ноябрьский пленум ЦК ВКП(б), решивший мобилизовать 25 тысяч индустриальных рабочих для посылки их на работу в колхозы, и с величайшим нетерпением ожидаем присылки в наши колхозы испытанных в классовой борьбе, прошедших суровую школу заводской жизни пролетариев города»[35].

Северокавказский краевой съезд колхозников приветствовал «широкое движение рабочих масс за посылку лучших, квалифицированных пролетариев на работу в деревню и просил профессиональные союзы усилить эту практику в дальнейшем, чтобы добиться скорейшего перенесения опыта социалистической промышленности в коллективное земледелие»[36]. В Колхозцентр поступали массовые просьбы с мест направить к ним двадцатипятитысячников. По неполным данным, таких заявлений поступило по РСФСР свыше 23 тысяч, по СССР заявки превысили 30 тысяч. С просьбами обращались отдельные колхозы, колхозные съезды, райколхозсоюзы и т. д. Колхозники Балашовского района телеграфировали рабочим Ижорского завода (Ленинград): «Громадный революционный и организационный опыт пролетариев Ленинграда перенесёте вы в наши колхозы. Ждём вас с нетерпением» [37].

Первые отряды рабочих прибыли в деревню в конце января 1930 года. Всего на места прибыло около 27 тысяч промышленных рабочих. Основная масса была использована на работе в колхозах. По данным Колхозцентра, относящимся к 18 тысячам двадцатипятитысячников, 10 с лишком тысяч из них, то есть 58%, были направлены на работу в колхозы, из них около 7 тысяч — в качестве председателей и членов правлений колхозов. Значительная часть рабочих (свыше 30%) была использована на инструкторской работе в райколхозсоюзах и кустовых объединениях [38].

Необходимо подчеркнуть стремление большинства рабочих быть использованными непосредственно на работе в колхозах, не оставаться в округах и районах.

Постановление ноябрьского пленума ЦК партии было реализовано в многообразной, широко развернувшейся организационно-хозяйственной и общественно-политической работе двадцатипятитысячников.

В весенние месяцы 1930 г. пролетарское руководство было особенно необходимо деревне. После появления статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов» и постановления ЦК ВКП(б) от 15 марта «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» в деревне началось решительное исправление ошибок. Статью И. В. Сталина и постановление ЦК партии быстро взялся «разъяснить» кулак. Сельские власти в иных случаях терялись и превращали эти документы в полулегальные материалы, замалчивали их. В этой обстановке особенно важна была роль двадцатипятитысячников: надо было помочь крестьянину хорошо понять смысл и значение статьи И. В. Сталина и постановления ЦК, обсудить положение в том или ином колхозе в свете этих руководящих указаний, развернуть беспощадную критику всех недостатков и ошибок, предупредить распад колхозов, организовать движение за дальнейшую коллективизацию.

---

[35] «Правда» от 20 января 1930 года.
[36] «Правда» от 14 января 1930 года.
[37] Кац-Каган И. «25 000 пролетариев у руля колхозов», стр. 11. М. 1930.
[38] ЦГАОР, ф. 5451, д. 91, л. 78.

Многие двадцатипятитысячники начали борьбу против перегибов в колхозном строительстве сразу по прибытии на места. Рабочие-динамовцы писали из Нехаевского района, Хопёрского округа: «Работа наша началась с исправления крупных перегибов, допущенных партийным руководством района. Борьба была нелёгкая. К голосу динамовцев сначала не хотели прислушиваться... динамовцев называли рупором кулацкой контрреволюции. Потребовалось около месяца работы, статья товарища Сталина и решение ЦК, чтобы положение было выправлено» [39].

Рабочий из артели имени М. Гельца Н.-Мориковского сельсовета, Тарасовского района, Донецкого округа, рассказывал о проведённой им борьбе: «Искривления партийной линии я не допускал в нашем колхозе, за что я неоднократно до появления статьи товарища Сталина и постановления ЦК партии подвергался разным нападкам на партийной ячейке. Зато после появления статьи товарища Сталина создан большой подъём настроения, что уже видно из того, что ни одного выхода (из колхоза) не было» [40].

Разъяснение статьи И. В. Сталина стояло в центре внимания двадцатипятитысячников. Их упорная работа помогала ликвидировать перегибы, удерживала крестьян от выхода из колхозов, помогала создавать новые. Четвёртая партийная конференция Новониколаевского района, Хопёрского округа, писала коллективу московского завода «Серп и молот»: «В своей практической работе при помощи лучших пролетариев с вашего завода мы исправляем допущенные нами ошибки и искривления в колхозном движении. Только с помощью ваших 25-тысячников мы добились закрепления в колхозах половины всех могущих быть в них» [41].

Эту же роль рабочих подчёркивал Северокавказский краевой комитет партии. «Основное ядро 25-тысячников борется на селе за проведение генеральной линии партии, выступая открыто против искривления этой линии» [42], — говорилось в одном из постановлений крайкома в мае 1930 года.

Там, где появлялись рабочие промышленных центров, поднималась активность бедноты и всего трудового крестьянства в борьбе против кулаков, колхозы очищались от классовых врагов. Это вело к новому приливу в колхозы единоличников.

Кулак прекрасно понял политическое значение приезда промышленных рабочих в деревне и ещё до прибытия их повёл против них наступление. Посылка рабочих в деревню «разъяснялась» классовым врагом как присылка «комиссаров», командиров, желающих «хорошо пожить на шее у колхозников», или как мера избавления от безработицы, якобы имевшей место в городах. В Сибири кулаки пугали крестьян: «Погодите, вот приедут ленинградские рабочие, они вам покажут! Они вам вторую революцию сделают, землю отберут, на барщину в колхозы погонят» [43].

Успех работы двадцатипятитысячников обеспечивался одним организационно-политическим мероприятием: двадцатипятитысячники начинали работу с организации или укрепления групп бедноты, бедняцко-батрацкого ядра. «Об организации работы с беднотой можно говорить только теперь, когда приехали 25-тысячники»,— говорилось на совещании Ленинградского областного совета профессиональных союзов в июле 1930 года [44]. Двадцатипятитысячники, прибывшие в Ракшинский район ЦЧО, начали работу с организации бедноты. Сплочение бедноты помогло очи-

---

[39] «Правда» от 4 июня 1930 года. «Динамовцы на Хопре».

[40] Архив НКЗема СССР, оп 242, св. 2; л. 16 (из докладной записки группы двадцатипятитысячников Колхозцентра).

[41] Ефимов Г. и Марморштейн И. «О 25-тысячниках», стр. 31. Л. 1931.

[42] Архив ИМЭЛ. Фонд № 17, д. 3305.

[43] Ефимов Г. и Марморштейн И. Указ. соч., стр. 10.

[44] ЦГАОР, ф. 5451, д. 88, л. 166.

шению колхоза от кулацких хозяйств, после чего колхоз стал сразу расти и укрепляться. «Такие же факты отмечаются и в Щигровском, Репьевском и ряде других районов» [45],—говорилось в докладе Союза союзов сельскохозяйственных коллективов ЦЧО «О работе 25-тысячников в 1930 году».

Возраставшая роль двадцатипятитысячников в общественной и производственной жизни деревни сопровождалась усилением борьбы кулачества. Когда кулак на деле убедился в том, что двадцатипятитысячники являются стойкими помощниками партии, руководителями социалистической реконструкции крестьянского хозяйства, когда он увидел, что все его попытки поссорить трудовое крестьянство с рабочими-организаторами обречены на неуспех, он стал прибегать к террору. Не один двадцатипятитысячник пал на боевом посту от рук кулаков и их наёмников. В селе Макарье, Усманского района, Тульского округа, председателем колхоза работал тульский рабочий Артамонов. За несколько дней до начала весеннего сева кулаки убили Артамонова. «Смыть позорное пятно с Макарья, укрепить колхоз, назвать его именем рабочего Артамонова» [46], — постановили колхозники и в образцовом порядке вышли на весенний сев.

Весенняя посевная кампания стояла в центре внимания страны.

В «Ответе товарищам колхозникам» И. В. Сталин указывал: «Ближайшая практическая задача колхозов состоит в борьбе за сев, в борьбе за наибольшее расширение посевных площадей, в борьбе за правильную организацию сева. К задаче сева должны быть приспособлены сейчас все другие задачи колхозов» [47]. Весь свой производственный опыт, все свои навыки к организованному труду вложили рабочие в подготовку и проведение первой большевистской весны в колхозах.

Кулак прилагал все усилия к тому, чтобы помешать севу в колхозах, сорвать его; он вёл агитацию против сбора семян, пытался вредить ремонту инвентаря и т. д. Надо было парализовать действия кулака, своевременно закончить ремонт инвентаря и собрать семенной фонд. На совещании двадцатипятитысячников в Ленинградском областном совете профессиональных союзов в конце июня 1930 г. было отмечено: «Несмотря на то, что наши рабочие посланы от станка, они сумели быстро подготовиться к весеннему севу. Наши рабочие провели эту работу, применив свой производственный опыт, опыт наших производственных совещаний и общих собраний» [48]. В этом заявлении — ключ к пониманию роли двадцатипятитысячников в подготовке и проведении первой большевистской весны. Приехавшие в деревню рабочие в своём большинстве не знали деревни и, тем не менее, добились успешного выполнения, а нередко и перевыполнения планов весеннего сева; это объяснялось тем, что они выступали как организаторы колхозного крестьянства, передавая ему свой опыт работы на социалистическом предприятии. Роль двадцатипятитысячников в организации труда в колхозах была исключительно велика, а вопросы организации труда имели решающее значение для успеха сева первой большевистской весны.

Организация труда предусматривала хорошо продуманный план, правильную расстановку сил, нормирование труда, дисциплину. В новом деле организации коллективного крестьянского хозяйства разрешение всех этих вопросов представляло исключительную трудность и требовало от двадцатипятитысячников организаторских данных и уменья подойти к массе вчерашних единоличников, парализовать кулацкие попытки использовать для подрыва колхозного строя вековые традиции бывшего крестьянина-единоличника.

---

[45] ЦГАОР, ф. 5451, д. 92, л. 216.
[46] Там же, д. 99, л. 171.
[47] И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 342. 10-е изд.
[48] ЦГАОР, ф. 5451, д. 92, л. 211—215.

Конкретных указаний по вопросам организации труда в колхозах двадцатипятитысячники не имели. Примерный устав сельскохозяйственной артели, утверждённый в начале 1930 г., давал лишь самые общие указания по этому вопросу, а Колхозцентр почти совсем не занимался в этот период вопросами организации труда. «Серьёзного подхода к этому делу (организации труда. — *Е. З.*) у наших руководящих центров колхозного движения, к сожалению, до сих пор не было»[49],— говорил В. М. Молотов на ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) 1929 года. Двадцатипятитысячникам приходилось полагаться на самих себя, на свой общественно-политический и производственный опыт, на помощь колхозного актива.

Будовский колхоз «Красная победа», Рязанского района, Александровского округа, в период подготовки весеннего сева был накануне развала из-за неорганизованности, неналаженности хозяйства, отсутствия дисциплины. Колхозники начали разбегаться. В колхоз был направлён двадцатипятитысячник. Он ввёл чёткую дисциплину, организовал учёт инвентаря, скота, помог выработать нормы труда, создать бригады. Наряды стали выдаваться и выполняться аккуратно. Колхоз усилиями и энергией рабочего был вырван из прорыва и выдвинут на премию при окружном смотре подготовки колхозов к севу[50].

Двадцатипятитысячники из села Струкеевского, Барнаульского округа, писали: «Колхоз, в который мы прибыли, был совершенно безжизненным. Никто из сто членов, включая и правление, не знал, что им предстоит делать. Пришлось пересмотреть состав колхоза и исключить тех, кто постоянно вёл разлагающую работу среди колхозников. При нашем участии составлены рабочие и производственные планы. Люди и хозяйство разбиты на бригады по участкам, и по ряду выполнения работ принят метод ударничества и соцсоревнования»[51].

Особое значение имела вошедшая рабочими практика производственных совещаний. Эти совещания стали стержнем производственной жизни колхоза, а методом повышения производительности труда, выполнения и перевыполнения производственных планов стало социалистическое соревнование.

Двадцатипятитысячник, председатель Рушкарского колхоза (ЦЧО), рассказывал: «Свой опыт производственной работы я старался перенести в колхоз. И он целиком оправдал себя. Производственные совещания, производственные комиссии, чёткое распределение обязанностей между членами правления и бригадами с таким расчётом, чтобы каждый отвечал за свой участок работы, введение плановости значительно укрепили колхоз... Теперь можно сказать, что колхоз на твёрдых ногах»[52].

Производственные совещания сплачивали вчерашних единоличников, поднимали их активность и инициативу в вопросах организации колхозного производства.

Начало организации социалистического соревнования в деревне было положено опять шефскими рабочими бригадами. Двадцатипятитысячники расширили распространение этого решающего для повышения производительности труда метода.

Председатель правления колхоза имени Демьяна Бедного, в Новоаннинском районе Средней Волги, одного из лучших колхозов области, говорил: «У нас как будто без соревнования ничего не делается. Без соревнования мы ни одной работы не выполняем, да и не выполнили бы. Не справились бы, если бы не ударные бригады, если бы не соревнование»[53].

Сложнейшей проблемой в колхозах в этот период была проблема оплаты труда. Вырабатывавшиеся под руководством двадцатипятитысяч-

---

[49] В. Молотов «О колхозном движении», стр. 10. 1930.

[50] «Правда» от 25 июня 1930 года.

[51] Ефимов Г. и Мармонштейн И. Указ. соч., стр. 29—30.

[52] «Социалистическое земледелие» от 25 июня 1930 года.

[53] Там же, от 31 декабря 1930 года.

ников формы сдельной оплаты труда, оплаты по трудодням, часто вызывали недоверие колхозников. Но колхозники убеждались на опыте, что сдельщина повышает производительность труда, бьёт по лодырям, лучше организует производство. Организующая роль промышленных рабочих в правильном разрешении этой проблемы была очень велика. «25-тысячники правильно ставили вопросы организации труда, распределения урожая, введения сдельной оплаты и т. д.» [54], — подытоживала работу рабочих докладная записка о деятельности двадцатипятитысячников в ЦЧО.

Акт обследования, проведённого бригадами Колхозцентра в 1930 г., тридцати колхозов, возглавленных двадцатипятитысячниками в Уральском районе, отметил следующие результаты передачи колхозникам производственного опыта рабочих: «а) введение учёта работы и рациональное использование рабочей силы; б) введение в работу колхозов соцсоревнования и ударничества (как внутри колхозов, так и вне таковых); в) введение в систему работы колхозов производственных комиссий с привлечением актива колхозников к их работе; г) лучшая постановка работы с повышением труддисциплины и выявлением отсталых настроений и разгильдяйства среди колхозников; д) помощь близлежащим колхозам в деле налаживания хозяйства и перенесения достижений своего колхоза; е) налаженность взаимоотношений между колхозниками и единоличниками и ряд других положительных моментов в руководстве колхозами, о чём говорят отзывы самих колхозников» [55].

В докладной записке о работе двадцатипятитысячников в ЦЧО за период с 1 февраля 1930 г. по 1 мая 1931 г. указывалось: «Рабочие-двадцатипятитысячники за незначительными исключениями показали действительные образцы большевистской работы в проведении важнейших хозяйственно-политических кампаний, коллективизации, организационного укрепления колхозов, введения методов социалистического соревнования и ударничества, сдельщины; 25-тысячники являются застрельщиками этих новых форм труда в колхозном хозяйстве» [56].

В результате организаторской работы промышленных рабочих колхозы, в которых работали двадцатипятитысячники, заняли ведущее место в выполнении планов весенней посевной кампании. Об этом сообщали районные руководящие работники, обследовательские бригады, колхозники, печать. «Ряд колхозов, благодаря энергичной работе 25-тысячников, весенний сев перевыполнил, расширены посевные площади» [57],— свидетельствуют обобщённые данные по районам Урала. Секретариат Северокавказского краевого комитета ВКП(б) отмечал в мае 1930 г.: «В колхозах Сальского и Майкопского округов 25-тысячники проводят работу по-ударному, являясь первыми застрельщиками по социалистическому соревнованию, результатом чего является превышение посевных планов» [58]. Интересна оценка первых итогов работы двадцатипятитысячников, данная членами одного из колхозов. Колхозники из колхоза «Ленинский путь», Урюпинского района, Хопёрского округа, зафиксировали в протоколе общего собрания: «Под руководством московского рабочего колхозники в первую большевистскую весну одержали первую победу в деле социалистического строительства сельского хозяйства путём расширения посевных площадей и качественного улучшения сева» [59].

Деятельность промышленных рабочих в деревне выходила далеко за пределы непосредственно колхозного строительства.

---

[54] ЦГАОР, ф. 5451, д. 92, л. 215.

[55] Архив НКЗема, оп. 242, св. 33. Акты обследования от 21 марта 1931 г. работы 25-тысячников, работавших в Уральском районе.

[56] Архив НКЗема, оп. 242, св. 33. Акты обследования от 21 марта 1931 г. работы 25-тысячников, работавших в Уральском районе, л. 3.

[57] ЦГАОР, ф. 5451, д. 92, л. 2.

[58] Архив ИМЭЛ, фонд № 17, д. 3305.

[59] «Мартеновка» от 25 июня 1930 года.

Двадцатипятитысячники проводили большую общественно-политическую работу на селе. Огромной их заслугой было то, что они часто начинали работу с создания на селе партийной организации. Двое рабочих сообщали из станицы Темергоевка, Армавирского округа: «Сейчас руководим партийной работой, которая совсем отсутствовала»[60]. «Первым долгом организовал партийную ячейку»[61],— писал рабочий завода «Мосэлектрик» из колхоза в Киргизии.

Решения ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) «Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства», а позднее решения XVI съезда партии давали двадцатипятитысячникам развёрнутую программу для их деятельности. Ни один пункт этой программы не был упущен рабочими.

Ноябрьский пленум указал на значение для социалистического преобразования деревни повышения её культурного уровня, и двадцатипятитысячники в меру своих сил и возможностей проявляли инициативу в выполнении этой задачи: организовывали школы грамоты, создавали избы-читальни, содействовали строительству клубов. Особенно много настойчивости и энтузиазма проявили рабочие в выполнении директивы партии о радиофикации села.

Промышленные рабочие принесли с собой в деревню дух большевистской критики и самокритики, значение которых было подчёркнуто в решениях ЦК партии и XVI партсъезда, и широко использовали это оружие для борьбы с извращениями линии партии, недостатками местных учреждений и организаций, мобилизуя на эту борьбу и само крестьянство. «Во все уголки проник пролетарский глаз, обнаруживая недочёты, вскрывая безобразия, которые либо оставались незамеченными местными работниками либо сознательно допускались ими»[62]. Когда рабочим не удавалось справиться собственными силами, они сигнализировали в центр — Центральному Комитету ВКП(б), ВЦСПС, Рабоче-крестьянской инспекции, прося принять соответствующие меры. И меры принимались. Руководитель бригады, обследовавший положение двадцатипятитысячников в Вольском округе, отмечал: «В Вольском округе много 25-тысячников. Их основательно боятся из-за критики и самокритики, которую они проводят: в деревне к этому ещё не привыкли»[63]. То же явление отметил член обследовательской бригады по Барнаульскому округу: «Там наблюдается какая-то боязнь наших ленинградских товарищей, потому что они указывают на недочёты, а с делом самокритики в округе обстоит плохо»[64]. За всеми этими краткими сообщениями скрывалась ожесточённая борьба передовых рабочих за улучшение партийной, хозяйственной работы в деревне, против нарушения советских законов врагами народа или бюрократами и головотяпами. Рабочие не уступали в этой борьбе. «Мы принесли с собой, — говорил один из них, — с предприятий, пославших нас на работу в колхозы, сознание величайшего значения самокритики. Она — всегдашнее наше оружие»[65].

Упорная борьба двадцатипятитысячников много способствовала улучшению работы партийного и советского аппарата, очищению его от чуждых элементов.

Немало трудностей испытали двадцатипятитысячники в связи с нарушением директив партии и правительства о правильном их использовании и о создании для них соответствующих материально-бытовых условий в деревне: задерживалась выплата заработной платы, часто не обеспечивались снабжением, жильём и т. д. Объяснялось это действиями вражеских антисоветских элементов деревни, а отчасти —

---

[60] Фурман Г.«Как помогли колхозам 25-тысячники». Книгосоюз. М. 1930.
[61] «Рабочая Москва» от 20 марта 1930 года.
[62] Кац-Каган И. Указ. соч., стр. 23.
[63] ЦГАОР, ф. 5451, д. 88, л. 142.
[64] Кац-Каган И. Указ. соч., стр. 29.
[65] ЦГАОР, ф. 5451, д. 88, л. 208—209.

непониманием, недооценкой политического значения пролетарского руководства в деревне, косностью некоторых работников местного советского и партийного аппарата. ЦК ВКП(б), ВЦСПС, Рабоче-крестьянская инспекция немедленно реагировали на сигналы о трудностях и препятствиях, встречавшихся на пути двадцатипятитысячников, они резко критиковали местные организации и отдельных работников за ошибки, допускавшиеся по отношению к рабочим, за нарушения постановлений партии и правительства об обеспечении нормальных условий для их работы и требовали немедленного устранения всех безобразий. Органы советской власти, партия принимали необходимые меры для того, чтобы для работы двадцатипятитысячников были созданы все необходимые условия, чтобы работа их давала нужный эффект.

Первые итоги работы двадцатипятитысячников можно было подвести после весеннего сева 1930 года. О них было сказано выше: результаты сева в колхозах и районах, где они работали, привели к выводу о том, что посылка промышленных рабочих в деревню себя оправдала. К такому выводу пришли колхозники, партийные организации, рабочая общественность.

XVI съезд ВКП(б) на основании пятимесячной работы двадцатипятитысячников констатировал, что многие из них «уже успели проявить себя превосходными организаторами колхозного хозяйства и завоевали авторитет среди колхозников» [66].

Дальнейшая работа двадцатипятитысячников подтвердила этот вывод. Колхозы, где работали посланные из города рабочие, лучше других справились с уборкой, хлебозаготовками, осенним севом. Правильная организация труда, сдельщина, социалистическое соревнование и здесь обеспечили успех.

Колхоз имени Сталина, Новониколаевского района, Хопёрского округа, выполнил государственные заготовки в порядке встречного плана, сдав вовремя налог. «Все эти достижения—результат чёткого ленинского руководства рабочего-25-тысячника» [67], — писали колхозники-ударники коллективу завода «Серп и молот». Многие колхозы, где руководителями были промышленные рабочие, получили премию за лучшее выполнение планов и государственных заданий.

Конференция колхозников и единоличников Новоаннинского района, Хопёрского округа, подводя итоги хозяйственного года, отметила «крупные успехи и неслыханные доселе достижения сельского хозяйства района. Вся сила, весь секрет (этих успехов. — *Е. З.*) в правильной организации труда, в его разделении и, самое главное, в его руководстве... Обеспеченный пролетарским руководством 25-тысячников, колхоз имени Демьяна Бедного пришёл к крупным победам. Таким же пролетарским руководством партия обеспечила и все остальные колхозы... Один из лучших передовых московских заводов—«АМО»—на всех ответственных участках колхозного строительства расставил лучших своих рабочих-25-тысячников. Вот под их умелым и опытным руководством пришли и мы к таким же победам на колхозном фронте, как амовцы на производственном» [68]. Нижневолжский крайком ВКП(б) на основании уже годичного опыта работы двадцатипятитысячников отметил «огромную положительную роль 25-тысячников в деле сплошной коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса... Подавляющее большинство 25-тысячников в короткие сроки практически усвоило задачи и методы работы партии в деревне, проявило большевистскую непримиримость в борьбе за генеральную линию партии в борьбе с кулачеством... сплачивая для правильного осуществления директив партии бедняцко-

[66] «ВКП(б) в резолюциях», ч. II, стр. 656. 1933.
[67] «Молотовка» от 3 декабря 1930 года.
[68] «Правда» от 19 октября 1930 года.

середняцкие и колхозные массы в деревне за дальнейшее укрепление колхозов» [69].

Рост авторитета двадцатипятитысячников получил своё выражение и в выборах рабочих на руководящие работы — председателями правлений колхозов, председателями риков и т. д. В Хопёрском округе один из двадцатипятитысячников был выбран в состав окружного комитета ВКП(б). Двадцатипятитысячник Литвак был выбран от Хопёрского округа делегатом на XVI съезд партии.

Кроме успешной работы по выполнению производственных задач колхозной деревни, созданию колхозов и ликвидации кулачества как класса одним из основных достижений двадцатипятитысячников к концу 1930 г. было создание актива руководящих кадров для колхозной деревни из среды самих колхозников. XVI съезд партии указал, что «выдвижение новых кадров из массы самих колхозников... является важнейшей задачей направленных на работу в колхозы 25 тысяч рабочих... Партия исходит из того, что в ближайшие годы из массы колхозников, безусловно, выделятся под воздействием передовых рабочих десятки тысяч подлинных организаторских талантов, которые станут настоящими строителями в сельском хозяйстве» [70].

Двадцатипятитысячники создавали актив, растили кадры различными путями: через производственные совещания, развёртывание социалистического соревнования и ударничества, вовлечение колхозников в борьбу за улучшение советского и партийного аппаратов деревни, через различные курсы для колхозников и повседневные беседы с колхозниками.

В марте 1931 г. газета «Социалистическое земледелие», отмечая решающую роль промышленных рабочих в организации колхозного производства, указывала на рост кадров организаторов из среды самого крестьянства. «Это дало возможность перебросить из старых колхозов в новые более двух тысяч колхозников для укрепления организуемых коллективных хозяйств» [71]. Велик был вклад двадцатипятитысячников в дело воспитания и выращивания кадров из массы колхозников.

При посылке рабочих в деревню срок их пребывания там не был точно определён. Материалы позволяют сделать вывод, что срок этот должен был быть не менее одного года.

К середине февраля 1931 г. из 25½ тысяч рабочих, посланных на колхозную работу, на местах работало около 18 тысяч, из них непосредственно в колхозной системе — 16 тысяч; отсев составлял 32—33% [72]. Данные отдельных профсоюзов подтверждают, что к февралю 1931 г. до 60—65% промышленных рабочих оставалось на колхозной работе, несмотря на все трудности: сложность и ответственность работы, ожесточённую классовую борьбу, имевшие место нарушения директив центра о материально-бытовом обеспечении рабочих и т. д.

Что дало большинству двадцатипятитысячников силу побороть трудности, преодолеть огромные препятствия, сплотить бедняцко-середняцкую массу на борьбу с кулачеством, укрепить колхозный строй в деревне? Многочисленные письма, посылавшиеся ими в ЦК партии, ВЦСПС, ЦК профсоюзов, в коллективы предприятий, дают ответ на этот вопрос. Письма эти, написанные активными участниками коллективизации, под живым, непосредственным впечатлением величайшего революционного переворота, совершавшегося в деревне, представляют исключительный интерес. Они знакомят не только с тем, какую работу проводили двадцатипятитысячники в деревне, в какой обстановке жили и боролись за со-

---

[69] Архив ИМЭЛ, фонд № 17, д. 3669, оп. 1, л. 29—30.
[70] «ВКП(б) в резолюциях», ч. II, стр. 656, 1933.
[71] «Социалистическое земледелие» от 16 марта 1931 г. (передовая).
[72] Архив НКЗема, оп. 212, св. 33, д. 8. Докладная записка группы 25-тысячников Колхозцентра.

циалистическое преобразование деревни, но и с тем, что переживали промышленные рабочие, знакомят с «внутренними пружинами» их достижений в работе.

Авторы писем различны по возрасту, профессии, квалификации, по культурному уровню и грамотности; среди них члены партии, комсомольцы и беспартийные. Определяющим, профилирующим для подавляющего большинства авторов писем являются их глубокая преданность делу социалистического строительства, стойкость в борьбе с трудностями, самоотверженная, часто вдохновенная борьба за дело социализма.

Большевистским убеждением и большевистской стойкостью звучат письма двадцатипятитысячников. «Мы должны пересоздавать лицо отсталой деревни... Мы ехали, зная, что труд будет великим, он оказался труднее всего, что только можно вообразить. Но мы своего добиваемся» [73], — писал двадцатипятитысячник-ленинградец из Богдановского колхоза, образцово проведший весенний сев и уборку урожая и добившийся пополнения колхоза новыми членами. То же настроение у рабочего Московского тормозного завода, работавшего в Оренбургском округе: «Меня избрали председателем колхоза... Работать приходится много и в очень трудных условиях. Спать ложусь в 2—3 часа ночи. Не думайте, что я испугался трудностей и выдохся. Я попрежнему горю работой и свои позиции в этих трудностях не сдам» [74].

XVI съезд ВКП(б) аплодировал словам двадцатипятитысячника Орлова, приведённым в докладе Л. М. Кагановича. Орлов писал весною 1930 г. в ЦК партии: «Мы бодры как никогда... Мы ещё повоюем за реконструкцию сельского хозяйства. Мы— не одни, с нами вся партия, весь рабочий класс, и, в случае чего, вы нам поможете, а всё-таки оправдаем доверие московских рабочих» [75].

Двадцатипятитысячники чувствовали себя творцами новой жизни, новых общественных отношений. Они были непосредственными участниками и руководителями строительства социализма в деревне, и это было источником их вдохновения.

«Живу я лично, как на позиции, напряжённой жизнью. Уже забыл о всяких днях отдыха и о 8-часовом рабочем дне. Поднимаюсь с рассветом и спать ложусь в 1—2 часа ночи. Нравится мне такая жизнь. Утром раненько идёшь по деревне и чувствуешь, что и ты один из зубчиков большого колеса, которое катится к социализму (разрядка моя. — *Е. З.*), и готов с такой энергией работать, какой и на заводе не было» [76],—писал московский рабочий-металлист, председатель колхоза «Заря социализма» в Баутугановском районе, Бугурусланского округа.

Другой двадцатипятитысячник писал: «Трудностей много, но мы их переносём и будем выполнять тот наказ, который мы получили, уезжая с завода... Мы будем продолжать выкорчёвывать в деревне корни капитализма, перестраивать деревню на социалистический путь (разрядка моя. — *Е. З.*)... Ни шагу назад!» [77].

«Работаем день и ночь. Спать приходится 4—5 часов, а то и меньше. Но это нас не затрудняет, а закаляет в нас волю. И мы действительно чувствуем себя строителями социализма» (разрядка моя. — *Е. З.*),— писал рабочий колхоза «Большевик», Ржевского округа.

Та же стойкость, та же готовность к борьбе за труднейшее дело социалистического преобразования деревни звучат в письме группы двадцатипятитысячников из колхоза «Ленинский путь»: «Ожесточённая клас-

---

[73] «Социалистическое земледелие» от 31 декабря 1930 года.
[74] «Правда» от 9 февраля 1930 г.; «Рабочая Москва» от 28 марта 1930 года.
[75] Стенографический отчёт XVI съезда ВКП(б), стр. 69.
[76] «Лицом к деревне» № 9 за 1930 год.
[77] «Спутник агитатора» № 17—18 за 1930 г., стр. 72.

совая борьба, продолжающаяся вокруг колхоза, и ответственные задачи, возложенные на нас рабочим классом и партией, требуют от нас постоянной бдительности, классовой твёрдости, большевистского упорства и непоколебимой верности заветам Ильича. Что и говорить, товарищи, участок нашей работы труден, тяжёл, так как приходится пахать по целине. Но результаты налицо. «Ленинский путь» живёт, крепнет и представляет собой живой кусок с о ц и а л и з м а (разрядка моя. — *Е. З.*). Старый хутор умер, кипит новая жизнь» [78].

Великие идеи марксизма-ленинизма, идеи социализма, сделавшиеся достоянием народа, обрели материальную силу и превратились в живую действительность. Двадцатипятитысячники творили эту действительность.

К концу 1930 г. многие двадцатипятитысячники заявляли о самозакреплении на колхозной работе. Слёт двадцатипятитысячников Евпаторийского района обратился к двадцатипятитысячникам СССР с призывом остаться на колхозной работе до конца пятилетки, мотивируя это необходимостью укрепить колхозы, лучше организовать в них труд [79]. Решение о закреплении было принято на краевом слёте двадцатипятитысячников Северного Кавказа [80], на слёте в Одесщине [81]. Двое самарских рабочих, посланных на год в Чаадаевский район, объявили о том, что остаются в районе до конца пятилетки, и призвали к тому же московских и донбасских двадцатипятитысячников [82]. Такие же заявления были сделаны рабочими, работавшими в Осташковском районе, Ивановской области, в Ореховском районе, Московской области [83], и др. Эти заявления отчасти были вызваны обострением классовой борьбы в стране, борьбы, получившей выражение в актах вредительства (процесс «Промпартии»). Заявления говорили о желании ответить на вредительство ускорением темпов социалистического строительства.

Состояние архивных материалов не дало возможности автору статьи проследить за дальнейшей работой двадцатипятитысячников. Отрывочные данные говорят о том, что значительная часть рабочих оставалась на колхозной работе в течение всего 1931 г., а многие продолжали работу и позже. Развитие колхозного движения, задачи организационно-хозяйственного укрепления колхозов, продолжавшееся жестокое сопротивление антисоветских элементов села колхозному строительству—всё это требовало новых форм помощи промышленных центров селу. В январе 1933 г. Центральный Комитет партии принял решение об организации при МТС совхозов политических отделов как органов, которые должны были стать центром широкой политической и организационной работы в деревне. Наша задача в основном ограничивалась исследованием деятельности двадцатипятитысячников в 1930 г.—первом году их пребывания на селе. Первый год их работы даёт все основания сделать выводы об огромной роли промышленных рабочих в коллективизации села в этот период массового колхозного движения.

Кроме того деятельность двадцатипятитысячников показательна для характеристики рабочего класса СССР в эпоху диктатуры пролетариата и развёрнутого социалистического строительства. На VIII Чрезвычайном съезде Советов И. В. Сталин говорил: «Пролетариат СССР превратился в совершенно новый класс, в рабочий класс СССР, уничтоживший капиталистическую систему хозяйства, утвердивший социалистическую собственность на орудия и средства и направляющий советское общество по пути коммунизма. Как видите, рабочий класс СССР — это совершенно

---

[78] «Правда» от 18 июня 1930 года.
[79] «Правда» от 16 декабря 1930 года.
[80] «Труд» от 9 февраля 1931 года.
[81] «Социалистическое земледелие» от 31 декабря 1930 года.
[82] «Труд» от 23 октября 1930 года.
[83] «Социалистическое земледелие» от 31 декабря 1930 года.

новый, освобождённый от эксплоатации рабочий класс, подобного которому не знала ещё история человечества»[84].

«Новое» в рабочем классе СССР отметил ещё в начале 1930 г. В. М. Молотов. Одна из характернейших черт этого «нового»—небывалая, бьющая через край политическая активность рабочих масс, получившая своё выражение и в массовом стремлении рабочих к вступлению в партию[85]; «новое»—это рост инициативы рабочих масс, их трудовой энтузиазм, выразившийся в огромном развитии социалистического соревнования и ударничества.

Непосредственно организаторское участие промышленных рабочих в социалистическом преобразовании деревни показывает этот новый класс на одном из ответственнейших участков строительства советского государства.

Двадцатипятитысячники расширили и углубили связи города с деревней. Они выполняли завет В. И. Ленина, который возлагал на городского рабочего задачу быть проводником коммунистических идей в деревне[86].

1. Исследование роли двадцатипятитысячников в коллективизации сельского хозяйства отчётливо выявляет органическую связь возглавляющей советское государство коммунистической партии с массами, с рабочим классом. Коммунистическая партия чутко прислушивается ко всему новому и прогрессивному, что возникает в рабочих массах, и помогает претворять передовые идеи рабочих в активные действия строителей социализма.

2. В социалистическом государстве интересы отдельных участков государственной жизни подчиняются интересам государства в целом. Когда интересы социалистического строительства потребовали систематического участия передовых промышленных рабочих в социалистическом преобразовании деревни, несмотря на все трудности, это было осуществлено коммунистической партией и советской властью, опиравшимися на инициативу и поддержку масс.

3. Только в условиях диктатуры пролетариата, в условиях советского государства, возможно то, о чем говорил Ленин: «Поднять низшие низы к историческому творчеству»[87]. Чем шире и глубже развёртывается инициатива масс, тем эффективнее достижения советской власти. В условиях диктатуры пролетариата осуществляется со всей полнотой творческая роль масс, как движущей силы истории. Деятельность двадцатипятитысячников, проявивших себя активной силой в социалистическом преобразовании деревни в решающий период, — яркое тому подтверждение.

---

[84] И. Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 511, 11-е изд.
[85] В. Молотов. «Новое среди рабочих». «Правда» от 21 января 1930 года.
[86] Ленин. Соч. Т. XXVII, стр. 389.
[87] Там же, Т. XXX, стр. 368.

К ВОПРОСУ О РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ В ЧЕХИИ В 1848 ГОДУ

П. Удальцов

I

Вопрос о революционном движении в Чехии в 1848 г. не подвергался самостоятельному изучению. Это не значит, что не существует работ, посвящённых событиям 1848 г. в Чехии. Такие работы есть, главным образом, на чешском и немецком языках. Однако немецкие авторы рассматривают эти события лишь как отзвук в австрийской провинции революционного движения в Вене, Венгрии и Германии. При этом немецкие авторы всячески стремятся подчеркнуть несамостоятельный характер политического движения в Чехии и приписать чехам и другим австрийским славянам всю вину за поражение революции в Австрии. В результате в немецких работах описывается не революционное движение в Чехии, а лишь те факты и события, которые дают авторам этих работ основания объявить политическое движение всех классов чешского общества на протяжении всего 1848 г. реакционным и контрреволюционным.

Чешская буржуазная историография посвятила периоду 1848 г. весьма значительное количество работ. Однако чешская буржуазия, как и буржуазия других стран, добившись экономического и политического господства, стала решительно осуждать революционные методы борьбы, вполне основательно опасаясь, что эти методы могут быть применены против неё пролетариатом. В связи с этим и в чешских работах, как правило, политическое движение 1848 г. описывается как единое движение всего чешского народа за осуществление своих «исторических прав», руководимое мудрыми, осторожными и благоразумными «отцами народа» — Палацким, Ригером и им подобными общечешскими политиками, классовая принадлежность которых якобы не имеет значения, так как они отражали интересы всего народа.

В советской историографии вопрос о чешском революционном движении в 1848 г. до настоящего времени также не нашёл сколько-нибудь полного освещения. Более того, те весьма скудные упоминания об этом периоде чешской истории, которые содержатся в некоторых общих курсах по истории Западной Европы, изобилуют весьма существенными ошибками как фактического, так и принципиального характера.

Несмотря на необъективность и очевидную ненаучность точки зрения немецкой буржуазной историографии, она проникла, тем не менее, и в некоторые работы советских историков, упоминающих о политических движениях в Чехии лишь для иллюстрации хода германской революции и для объяснения причин поражения этой революции. При этом нередко эти историки пытаются обосновать оценку движения всего чешского народа в 1848 г. как движения целиком реакционного и контрреволюционного, ссылками на Маркса и Энгельса, не проанализировав, однако, к каким классам и к какому этапу чешского движения относится резкая критика политических выступлений чехов со стороны Маркса и Энгельса.

Причина такого неполного, одностороннего, а следовательно, неверного освещения чешского движения 1848 г. состоит прежде всего в том,

что советскими историками до сих пор не подвергнуты научному исследовнию коренные вопросы истории Чехии XIX в., в том числе и вопрос о чешском революционном движении в 1848 году. Между тем необходимость такого исследования очевидна.

Разумеется, достаточно полное исследование этих вопросов может быть осуществлено лишь в итоге тщательного изучения относящегося к этому периоду документального материала, прежде всего материала чешских и австрийских архивов. Однако уже предварительное знакомство с печатными источниками и литературой, имеющимися в московских и ленинградских библиотеках, позволяет сделать некоторые выводы, отнюдь не совпадающие с выводами как немецкой, так и чешской буржуазной историографии.

В настоящей статье не представляется возможным достаточно полно изложить события 1848 — 1849 гг. в чешских землях. Укажем лишь на основные факты, имеющие значение для правильной оценки этих событий [1].

К началу XIX в. земли Чешского королевства, или так называемые «исторические земли» — Чехия, Моравия и австрийская Силезия,— входили в состав Австрийской империи, а вместе с немецкими и славянскими (без Галиции и Истрии) землями Цислейтании — в состав созданного Венским конгрессом в 1815 г. Германского союза.

Единство земель чешской короны было уничтожено, и каждая из них в отдельности входила в состав Цислейтании и имела свой сейм, в котором были представлены дворянство, духовенство и несколько привилегированных городов (для Чехии — 4, для Моравии — 7)[2]. При этом все представители городов, вместе взятые, имели один голос.

Юридически эти земли пользовались в рамках империи известной административной автономией, выражавшейся в правах сословных сеймов. Практически же эта автономия была уже давно уничтожена. Формально чешский язык пользовался равными правами с языком немецким в правительственных, судебных и других официальных учреждениях. На деле же повсюду господствовал немецкий язык, а чешский уже давно не имел никаких прав.

Своё политическое господство немцы использовали и в экономической области, всячески стесняя и тормозя развитие чешской экономики.

Все эти обстоятельства не могли не отразиться и действительно отразились в той или иной степени на положении всех классов чешского общества.

Основную массу населения Чехии составляло крестьянство. Всё усиливавшаяся диференциация в среде дворянства и процесс обезземеливания крестьян приводили к сосредоточению в руках отдельных землевладельцев, главным образом немцев, огромных пространств земли, обработка которой производилась зависимыми крестьянами. Среди последних с каждым годом увеличивалось количество лишившихся земли и не ведущих собственного хозяйства категорий сельского населения (домовники, инсты, подёнщики).

Крестьяне — собственники земли, ведущие своё хозяйство, — находились также в весьма тяжёлых условиях. Австрийская система обложения крестьянского хозяйства давила его таким количеством всевозможных повинностей, что выполнение их становилось прямо невозможным. К многочисленным налогам [3] прибавлялись ещё значительные расходы на содержание сельских чиновников [4], а также всевозможные

[1] Настоящая статья представляет собой основные выводы из работы автора «1848 год в Чехии», представленной в редакцию посвящённого 1848 году тома «Всемирной истории».

[2] Tobolka Zd. «Politické dêiiny československého národa od. r. 1848 až do dnešni doby». Dil. I, 1848—1859, str. 14—15. Praha. 1932.

[3] Бах М. «История Австрийской революции 1848 г.», стр. 172—190. М. 1923.

[4] Chojecki Ed. «Gzechja i czechowie przy końcu pierwszej potowy XIX stulecia». II, str. 164—165. Berlin. 1847.

повинности и обложения в пользу государства (военная, земельная, на постройки), общины (на содержание священников, учителей, пастухов) и т. д. При этом главным бременем, под тяжестью которого задыхалось чешское крестьянство, была барщина. Барщина отнимала у крестьянина большую часть его времени и сил и была главной причиной того, что крестьяне всё более запускали своё хозяйство и разорялись, превращаясь в домовников и подёнщиков.

Тяжёлое положение крестьянства вызвало уже в последней четверти XVIII столетия ряд кровавых восстаний, поставивших австрийскую монархию в период царствования Иосифа II перед необходимостью ограничения произвола помещиков. Однако реформы Иосифа II, направленные к освобождению крестьян от личной зависимости [5], к сокращению барщинных отработок и введению равномерного поземельного обложения [6], после его смерти в значительной своей части не были осуществлены, и барщина была восстановлена в той степени, в какой она существовала при Марии-Терезии [7]. Вместе с тем были восстановлены и телесные наказания.

Если учесть при этом, что к гнёту экономическому здесь присоединялся ещё и гнёт национальный, так как крупные землевладельцы были в большинстве немцами, то станет вполне понятным, что чешское крестьянство не хотело и не могло мириться со своим положением. Многочисленные волнения и местные восстания крестьян наполняют историю чешских земель в конце XVIII и начале XIX столетия.

Одним из наиболее массовых движений этого периода явился так называемый «моравский заговор» 1796 — 1797 годов. Центром движения был Новый Город в Моравии [8]. Целью восстания провозглашались освобождение от всех повинностей и достижение полной свободы. В заговоре участвовало сельское население Ново-местского, Ждарского, Литомышльского и других районов, тайно обучавшееся военному делу и имевшее военную организацию.

Крупнейшее восстание крестьян произошло в Моравии в 1821 году [9]. Оно началось в Зноемском крае и выразилось первоначально в повсеместном отказе от выполнения барщины. Власти, опираясь на войска, попытались принудить крестьян к повиновению. Последние ответили разгромом и поджогом помещичьих имений. Восстание продолжалось около четырёх месяцев. Лишь в июле правительству удалось при помощи регулярных войск подавить восстание. Восставшие не добились уничтожения или облегчения барщины. Напротив того, положение их ещё более ухудшилось.

Хотя эти восстания, так же как и ряд других, более мелких восстаний и не привели к разрешению задач, которые были поставлены их руководителями и участниками, тем не менее они ясно свидетельствовали о том, что экономическое и правовое положение крестьян должно было быть коренным образом изменено.

Значительную часть чешского населения составлял пролетариат. Капитализм в Чехии к началу XIX в. был развит сравнительно слабее, чем в ряде других европейских стран, не испытывавших национального угнетения. Тем не менее он завоёвывал в экономике страны одну позицию за другой. Возникновение первых промышленных предприятий в

---

[5] Archiv český čili staré písemné památky české i moravské. Red. J. Kalousek. Dil XXV. Rady selské a instrukce hospodářské 1781—1850. Praha. 1910; dokum. 564 (Patent z 1 listopadu 1781 o zrušeni nevolnictvi), 565 (patent z 1 listopadu 1781 o vlastnickém právé poddaných ke statkům) a. j.

[6] Archiv český dil XXV. dok. 600 (Nová uprava bermičná z 20 dubna 1785), 701 a j.

[7] Franta K. «O vzniku a vyvoji poddanstvi českého lidu», Kral. Vinogrady, str. 56. 1911.

[8] Krofta K. «Prehled déjin selského stavu v Cechách a na Moravé», str. 233. Praha. 1919.

[9] **Ibidem, str. 239.**

Чехии относится к концу XVII началу XVIII веков [10]. Однако число этих предприятий было незначительно. Всё производство в них было основано на ручном труде и сколько-нибудь серьёзной роли в экономике страны они не играли. К началу XIX в. положение резко изменилось и Чехия стала превращаться в наиболее капиталистически развитую часть Австрии, чему в серьёзной степени способствовали проникновение машин и приток из деревни большого количества свободных рабочих рук. Последнее обстоятельство было вызвано частичным осуществлением изданных Иосифом II законов об освобождении крестьян от личной зависимости и усилением процесса обезземеливания крестьян. Наиболее велик был в Чехии удельный вес текстильной промышленности, стоявшей тогда на первом месте в Австрийской империи по количеству прядильных, ситценабивных и других фабрик, а также по количеству занятых на этих фабриках рабочих. Из 900 тыс. веретён, работавших в 40-х годах XIX в. во всех прядильнях Австрии, 336 тыс. падает на Чехию [11]. Особенно сильно была развита ткацкая промышленность, в которой было занято 150 тыс. рабочих в Чехии и около 50 тыс.— в Моравии [12]. Большое распространение получили и ситценабивные фабрики, число которых к этому времени достигло 70, с 20 тыс. занятых на них рабочих [13]. Несколько десятков тысяч рабочих были заняты в производстве сукна. Центром суконного производства был Либерецкий край, где в 40-х годах имелись уже предприятия, насчитывавшие до 8 тыс. рабочих [14].

Наряду и в связи с развитием текстильной промышленности начинают развиваться и другие отрасли промышленного производства, в первую очередь химическая, машиностроительная, металлургическая и угольная. Общее количество фабрик в Чехии достигает в начале 40-х годов 1389, в том числе 442 текстильных [15]. Возникновение этих промышленных предприятий усилило приток в города свободной рабочей силы за счёт обезземеленного крестьянства. Тяжёлые условия труда, растущая безработица и голод вызвали уже в начале 40-х годов волнения рабочих в ряде мест. В 1844 г. произошли крупные голодные бунты в Литомержицком, Кралевоградском и других округах [16], причём ярость рабочих в первую очередь направилась против машин, в которых они видели главных виновников своего бедственного положения. Волнения и бунты, сопровождавшиеся уничтожением машин, вспыхнули в Праге (июнь), а также в Либереце (3 июля), Смихове (15 июля), Чешской Липе (22 июля) [17] и многих других городах. Против восставших были высланы войска [18]. Когда же участники волнений, разгромив ряд фабрик и уничтожив множество машин, отправились в количестве нескольких тысяч человек в Прагу для обращения к властям, последние отдали приказ расстрелять голодную толпу.

В связи с тем, что положение рабочих с течением времени не улучшалось и безработные тысячами гибли от голода и эпидемий, волнения продолжались, несмотря на репрессии. Понятно поэтому, что рабочий класс был одним из наиболее революционных факторов в Чехии к началу 1848 года.

---

[10] Horáček C. «Počatky českého hnutí dělnického», str. 18. Praha. 1933.
[11] Šverma J. «Rok 1848 v Čechach». «Marx—Engels—Lenin—Stalin o Rakousku a české otazce», str. 68. Praha. 1933.
[12] Ibidem.
[13] Бах. Указ. соч., стр. 147.
[14] Šverma. Op. cit., str. 68.
[15] Horáček C. Op. cit., str. 22
[16] Ibidem, str. 22—23; Violand «Die soziale Geschichte der Revolution in Oesterreich».
[17] Horáček C. Op. cit., str. 22—24.
[18] Ibidem, str. 24.

Одной из особенностей развития капитализма в Чехии в середине XIX в. явилось то обстоятельство, что более крупная промышленность сосредоточилась главным образом в руках немцев, а средняя и мелкая — в руках чехов [19]. В связи с этим национальная чешская буржуазия, конкурировавшая с более сильной экономически буржуазией немецкой, пользовавшейся поддержкой австрийского государственного аппарата, стремилась к завоеванию политических прав, которые дали бы ей возможность вытеснить немецкую буржуазию с господствующих позиций. Это не могло не толкнуть чешскую буржуазию на борьбу против буржуазии немецкой, не могло не толкнуть её на путь обострения национальной борьбы, которая должна была бы привести к установлению господства чешской буржуазии на внутреннем рынке. Чешская буржуазия имела с буржуазией немецкой известные общие цели. Этими общими целями было устранение в Австрии абсолютизма, остатков феодальных отношений, борьба за конституционные свободы и т. д. Этим объясняется тот факт, что в начале движения чешская и немецкая буржуазия в Чехии выступала некоторое время под общими политическими лозунгами.

Вместе с тем буржуазия чешская имела ряд специфических задач, обусловленных её подчинённым положением по сравнению с буржуазией немецкой. Борьба за национальное равноправие, за равенство чешского и немецкого языков в школах, учреждениях и т. п. была, в сущности, формой борьбы чешской буржуазии против немецкого господства в экономической и политической жизни страны. Необходимо отметить, что оппозиция чешской буржуазии по отношению к правительству была перед 1848 г. в известной мере поддержана частью чешского дворянства. Одна часть этого дворянства, почти совершенно онемечившаяся, опиралась на поддержку венского двора, с которым уже давно была тесно связана экономически, политически и лично, и в свою очередь поддерживала его. Другая же часть чешского дворянства стояла на позициях защиты исторических прав чешского королевства, в первую очередь защиты автономии чешского сословного сейма и превращения его в центральный орган для всех земель чешской короны с некоторой законодательной властью. Права и привилегии чешского дворянства воплощались в первую очередь в сословном сейме, в котором оно полностью господствовало. Однако сословный сейм, имевший некогда довольно значительные права (давать согласие на введение новых или увеличение старых налогов, на сбор войска и др.), с течением времени всё более терял значение, в корне подорванное централистской политикой Иосифа II.

Хотя сословный сейм по окончании наполеоновских войн и продолжал время от времени собираться, но вся его деятельность превратилась уже в пустую формальность. За сеймом сохранилось единственное «право» — соглашаться с решениями центрального правительства и способствовать их практическому осуществлению. Естественно, что чешское дворянство стремилось к восстановлению своего былого влияния и авторитета, оказываясь в результате этого в известной оппозиции к правительству.

В последние десятилетия перед 1848 г. оппозиционные настроения нашли своё выражение в публицистике [20]. В предмартовские дни получили широкое распространение в Чехии политические брошюры, исходившие как от кругов оппозиционных, так и от кругов правительственных. Политические брошюры проникали в широкие народные массы и вводили эти массы в круг политических и социальных вопросов. Немец-

[19] См. Masaryk T. «Karel Havlíček». Snahy a tužby politického probuzení». str. 51. Praha. 1904.

[20] Heidler. J. Čechy a Rakousko v politických brožurách předbřeznavých», str. 7 ad. Praha. 1920.

кие авторы, оппозиционные правительству, в подавляющем большинстве стояли на либеральных позициях и выступали лишь за ограничение абсолютизма и разделение власти между государем и представителями народа, за освобождение государства от влияния церкви, за введение гражданских политических свобод [21]. Вместе с тем ни один из этих авторов не высказывается за полное национальное равноправие. Чешские же авторы, напротив, главным образом, занимались вопросом национальным и высказывались за равноправие чешского и немецкого языков, за самоуправление Чехии в составе Австрии, за восстановление исторических прав чешского королевства [22].

К началу 1848 г. у чехов не существовало определённой единой национально-политической программы, вокруг которой могли бы быть объединены все элементы чешского народа. Однако попытки выработать такую программу предпринимались. Они исходили преимущественно из кругов чешской буржуазии, выступавшей в качестве организатора национального и политического движения. Ещё задолго до 1848 г. делались первые попытки создания политических организаций в Чехии. Зародышем таких организаций явились читательские клубы — «беседы». В 1843 г. возникло множество подобных обществ. Все они носили частный характер и создавались для ознакомления с иностранной литературой и публицистикой. В том же году для чешской интеллигенции был открыт доступ в так называемое «Промышленное общество», основанное ещё в 1833 г. и бывшее до 1843 г. чисто немецким обществом [23]. Теперь в него вошли историк Ф. Палацкий, доктор Ф. Браунер, писатель П. Троян, адвокат Ф. Ригер и ряд других чешских политиков, в связи с чем общество становится уже чешско-немецким и приобретает политический характер. В 1845 г. в Праге возник новый политический центр — «Мещанская Беседа» [24]. Чешская буржуазная интеллигенция всё активнее принимает участие в политической жизни страны. Общим лозунгом чешской буржуазии являлось полное национальное равноправие во всех областях экономической, политической и культурной жизни. Однако уже в этот период намечаются два различных течения в политическом лагере чешской буржуазии. Одно из них возглавлялось Ф. Палацким, Ф. Браунером и их сторонниками, участвовавшими в покровительствуемых властями «Промышленном обществе», «Мещанской Беседе» и т. д., и представляло собой основу сложившейся позднее чешской либеральной партии. Во главе другого направления, явившегося в дальнейшем ядром радикально-демократической партии, стояли К. Сабина, В. Вавра, Э. Арнольд и другие лица, создавшие в 1846 г. тайное общество «Рипиль». Это общество, принявшее имя ирландской национальной организации, ставившей своей целью достижение национальной независимости и насчитывавшее около 30 членов [25], не было чисто чешским. В нём участвовали и стоящие на позиции борьбы против абсолютизма немцы. Наиболее видными членами общества были: чехи — доктор медицины И. В. Подлипский, писатели В. Вавра-Гаштальский, Я. Кнедльганс-Либлинский, Э. Арнольд, адвокат Ф. Гавличек, Вильгельм Гауч, владелец гостиницы П. Фастер, поэт К. Сабина—и немцы—доктор прав Клиберт, чиновник магистрата Л. Рупперт и другие [26]. Некоторые из этих лиц (К. Сабина,

---

[21] Heidler J. «Čechy a Rakousko v politických brorurách predbreznových», str. 202.

[22] Ibidem, str. 205.

[23] Ibidem, str. 65.

[24] Masaryk. Op. cit., str. 52.

[25] Dr. Em. rytir Trmal z Toušic. «Vzpominky na česky Repeal», str. 3, 4. Praha. 1900.

[26] Ibidem; Traub H. «Z počátku rozkolu v české politice». «Český Časopis historický», t. XXXVI, str. 90. Praha, 1930; Heidler. «Antonin Springer a česka politika v letach 1848—1850», str. 42. Praha 1914.

Э. Арнольд) находились под сильным влиянием социалистических идей [27]. Члены этого общества на своих совещаниях занимались выработкой проекта конституционного устройства Австрии на демократических началах. Не ограничиваясь попытками решения вопросов конституционных и иных в своих заседаниях, члены общества вели и агитационную работу среди населения, распространяя листовки и запрещённые в Австрии иностранные политические брошюры [28]. Общество имело связь с рабочим движением, главным образом с рабочими текстильной промышленности [29].

Приведённые факты свидетельствуют о том, что накануне 1848 г. чешское крестьянство, чешский пролетариат и чешская буржуазия не хотели и не могли мириться с существующим положением в рамках абсолютной монархии Габсбургов, не хотели жить по-старому, в связи с чем все эти классы оказались вовлечёнными в той или иной форме и степени в социальное, политическое и национальное движение. Чешское дворянство, стремившееся к восстановлению своих былых прав и привилегий и рассчитывавшее использовать для этой цели борьбу чешских народных масс, также примыкало перед 1848 г. к национальному движению, хотя с началом революционных событий оно отошло от этого движения.

Ни чешское крестьянство, ни чешский пролетариат, ни даже чешская буржуазия не имели ещё в тот период определённой единой политической и национальной программы, не имели единого организационного центра и в связи с этим не могли ещё объединить своих усилий в борьбе с австрийским абсолютизмом.

Вместе с тем, положение в Чехии накануне 1848 г. было чрезвычайно напряжённым и таило в себе целый ряд условий, делавших неизбежным взрыв в самом ближайшем будущем, создавая, таким образом, революционную ситуацию, при которой недоставало только повода, толчка для того, чтобы скрытые до сих пор противоречия обнаружились и привели к столкновению.

Таким поводом, толчком явилась для Чехии, как и для ряда других стран Европы, февральская революция в Париже.

События в Чехии, как и почти повсюду, начались с митингов и петиций, инициатором которых явилась буржуазная интеллигенция.

Непосредственная инициатива созыва первого такого митинга, состоявшегося 11 марта и явившегося первым политическим выступлением народа в Австрии, исходила от членов общества «Рипиль» [30], обратившихся 8 марта к населению Праги с воззванием. В этом воззвании, адресованном как к чехам, так и к немцам, выдвигались требования созыва сейма с представительством от всех городов королевства и от крестьянства, вооружения народа, уничтожения цензуры и организации общественных учреждений [31]. Несмотря на попытки властей сорвать митинг, последний состоялся, положив, таким образом, начало политическому движению 1848 г. в чешских землях. Петиция, принятая на этом митинге, содержала требования введения для земель чешской короны единого законодательного сейма, в котором наряду с дворянством и духовенством было бы представлено городское и сельское население; отмены барщины и других феодальных повинностей за выкуп; сокращения постоянного войска и организации гражданской национальной гвардии с выборными офицерами; равенства чешского и немецкого языков во всех областях государственной, полити-

---

[27] Heidler J. Ibidem, str. 44; Traub. Op cit., str. 91; Masaryk, Op. cit., str. 57.

[28] Trmal z Toušic, str 3—9, 26—29; Bajerova A. «Z české revoluce 1848», str. 7 Praha 1919.

[29] Malý J. «Naše znovuzrození Pryhled národního života českého za posledního pulstoleti». Cast II, str. 85. Praha. 1880; Horáček, str. 27, 31.

[30] Frič Josef V., «Pamêti». sv. II, str 247. Praha. 1891; Traub H. Op. cit., str. 90; Bajerová A. Op. cit., str. 27.

[31] Frič J. Op. cit., str 247—248, II.

ческой и культурной жизни; организации труда и его оплаты; свободы слова, печати, собраний и вероисповедания и т. д.[32]. Присутствовавшие на митинге пражские немцы присоединились к этим требованиям, подготовленным чехами.

Важно отметить, что чешская буржуазия, за полвека до 1848 г. совершенно не участвовавшая в политической жизни и лишь к 40-м годам выходящая на политическую арену, делает в 1848 г. значительный политический скачок, оказавшись во главе движения не только чехов, но, в начале движения, и немецкой буржуазии Чехии. Так называемые чешские немцы не имели собственной программы и на первом этапе событий следовали за чехами во всех политических мероприятиях, полностью поддерживая программные требования чешской буржуазии, сформулированные в первой и во второй петициях и в других документах этого периода[33].

С целью окончательной формулировки текста петиции и представления её императору собравшиеся избрали комитет, получивший название Святовацлавского (от названия места, где происходил митинг).

В состав Святовацлавского комитета вошли представители чешской и немецкой буржуазии, буржуазной интеллигенции, а также отдельные представители дворянства. Однако это были именно отдельные представители. Дворянство же как сословие не приняло участия в политическом движении 1848 г.[34]. Комитет, начавший работу немедленно по своём образовании, вскоре подготовил текст петиции, причём некоторыми его членами, возглавленными А. М. Пинкасом[35], была сделана попытка выбросить из принятого 11 марта проекта ряд особенно радикальных пунктов, а требование отмены барщины, помещичьих судов и т. д. изложить как пожелание «о соответствующей времени реформе крестьянских отношений». Пинкас пытался выкинуть также и требование расширения представительства в сейме от народа[36]. Однако радикально настроенная часть Святовацлавского комитета, руководимая радикалами, возражала против предпринятой Пинкасом попытки. Одновременно развивающиеся события в Вене, Франции, Германии всё более революционизировали и чешское общество, и 17 марта пражский пролетариат и мелкая буржуазия потребовали от членов Святовацлавского комитета возвращения к первоначальному тексту петиции. Комитету пришлось уступить, и 19 марта петиция была отправлена с депутацией ко двору. Эта депутация привезла вскоре ответ императора, обходивший молчанием требование о создании для чешских земель самостоятельного центрального правительства. Вопрос же о соединении Чехии, Моравии и Силезии было обещано передать в дальнейшем на рассмотрение сословий этих трёх земель[37].

Такой ответ не мог удовлетворить чешское население, которое потребовало составления новой петиции. Вторая петиция, составленная Святовацлавским комитетом 28 марта, возобновляла в решительной форме все требования первой и подчёркивала, что передача чешских требований на рассмотрение средневековых сословных сеймов не может удовлетворить чешское общество, так как эти сеймы, даже при условии расширения их состава путём включения представителей от городов, не смогут действительно представлять интересы чешского народа[38].

---

[32] Černý J. «Boj za pravo». Sbornik aktů politických u výcech státu a národa českého od. r. 1848. Část I, str. 12—17. Praha. 1893.

[33] Krofta K. «Čeští němci v roce 1848». «Byli jsme za Rakouska», str. 372. Praha. 1936.

[34] Masaryk. Op. cit., str. 50.

[35] Frič J. Op. cit., II sv., str. 260.

[36] Heidler J. Op. cit., str. 38.

[37] Černy «Boj za pravo», I, str. 46—47.

[38] Ibidem, str. 58—59.

Между тем в Чехии значительно возрастало влияние Святовацлавского комитета. Одновременно с развитием событий внутри комитета всё более усиливается влияние радикально настроенных элементов. В комитете стал назревать раскол, и к концу марта уже определились две основные группировки, из которых одна, «умеренная», проводила закрытые заседания в святовацлавских купальнях, а другая — радикальная — публичные заседания на Софийском Острове. Руководящую роль в этой последней снова играют бывшие рипилисты, к которым теперь присоединяются Карл Сладковский, Иосиф Фрич и ряд других представителей революционного студенчества. Деятельность Святовацлавского комитета, превращавшегося мало-помалу в руководящий орган, опирающийся на народное движение, стала внушать властям серьёзные опасения. Особенно беспокоил правительство рост влияния левого крыла комитета, представлявшего наиболее радикальную часть чешской буржуазии. В связи с этим земский президент Чехии граф Стадион предпринял попытку ослабить влияние Святовацлавского комитета, решив противопоставить ему новый орган, который находился бы под его воздействием. С этой целью он назначил на 29 марта выборы в «Большой Гражданский Комитет», заявив при этом, что с момента избрания этого органа Святовацлавский комитет должен будет прекратить свою деятельность. Это вызвало возмущение в Праге, где произошли демонстрации и митинги с требованием сохранения Святовацлавского комитета. Стадиону пришлось удовлетворить это требование. Впрочем, он тут же предпринял новую попытку в том же направлении, учредив 1 апреля комиссию для подготовки проектов реформ в области национальной, аграрной, административной и общественной и пригласив в неё ряд представителей Святовацлавского комитета из числа его более умеренных членов. Однако собравшиеся 10 апреля в святовацлавских купальнях пражане потребовали объединения этих двух органов. Граф Стадион согласился, и в результате слияния Святовацлавского комитета с комиссией был образован «Национальный комитет».

На следующий день после образования Национального комитета ездившая со второй петицией в Вену депутация возвратилась с текстом так называемого «Кабинетного листа» от 8 апреля [39], в котором наряду с некоторыми уступками (обещание ответственного центрального министерства для чешского королевства, признание принципа равноправия чешского и немецкого языков во всех областях государственного управления и общественного обучения и т. д.), многие требования чехов не были удовлетворены. Так, вопрос об объединении чешских «исторических земель» с предоставлением им автономии теперь передавался уже на разрешение рейхсрата, а не земских сеймов, как это предусматривалось в ответе на первую петицию. Тем не менее представительство от городов значительно увеличивалось, и сельское население также получило право быть представленным в сейме.

13 апреля начал свою работу Национальный комитет, в составе которого большинство принадлежало буржуазной интеллигенции, получившей около 70 мест из 140. Остальные места делились между дворянством и духовенством (20) и буржуазией, как чешской, так и немецкой (около 50). Официальной задачей Национального комитета являлась подготовка материалов и проектов к предстоящему Земскому сейму. На деле же комитет всё более определённо превращался в фактическое правительство Чехии. Однако уже через несколько дней после начала деятельности Национального комитета в его среде возникли серьёзные разногласия и борьба, в первую очередь между его немецкими и чешскими членами. В первое время чешские немцы выступали заодно с чехами. Ряд видных немецких руководителей, как Уффо Горн, Рупперт

[39] Černý «Boj za pravo», I, str. 102—104.

и другие, в публичных выступлениях подчёркивали свою солидарность с чехами [40].

По инициативе немецкого поэта К. Эберта, Палацким было составлено «Заявление пражских писателей», единогласно принятое 18 марта на собрании чешских и немецких писателей и подчёркивавшее единство обеих национальностей в борьбе за автономию земель чешской короны в составе Австрийской империи [41]. В начале апреля было опубликовано второе заявление в таком же духе. Но уже через несколько дней после его опубликования начались расхождения между немцами и чехами. Первые признаки этих расхождений появились после опубликования «Кабинетного листа» от 8 апреля. Значительная часть немцев расценила содержащееся в «Кабинетном листе» признание равноправия чешского и немецкого языков как враждебный им акт. Не желая отказаться от господствующего положения немецкого языка в большинстве областей государственной, политической и культурной жизни, они стали выступать против осуществления равноправия обоих языков [42]. В связи с этим возникли первые разногласия между чехами и немцами в Национальном комитете, в национальной гвардии, студенческих организациях и т. д. Эти разногласия резко обострились в связи с проникновением в среду чешских немцев пангерманских настроений, особенно же в связи с выдвинутым франкфуртским 50-членным комитетом требованием включить австрийские земли, в том числе и Чехию, в состав Германской империи. Это требование встретило решительный отпор всех слоёв чешского общества. Точка зрения руководящих политических деятелей этого общества была выражена Ф. Палацким в «Письме во Франкфурт», явившемся ответом на приглашение принять участие в работе Франкфуртского комитета [43].

Сформулированная Палацким в этом письме австрославистская точка зрения стала в тот период господствующей среди чешской буржуазии. Поскольку эта точка зрения предполагала непременное сохранение Австрии в существующих границах, она по существу противоречила интересам европейской революции и была использована в дальнейшем либеральной буржуазией в интересах реакции. Однако необходимо учитывать, что одним из главнейших факторов, вызвавших к жизни эту точку зрения, явились пангерманские тенденции Франкфурта, поддержанные австрийскими (и собственно чешскими) немцами, не желавшими считаться с чешскими национальными интересами и требовавшими включения Чехии в состав Германской империи. С другой стороны, необходимо учитывать и то, что не менее важной причиной возникновения австрославизма явилась предполагаемая чешскими политиками угроза поглощения Чехии царской Россией. Наконец, следует иметь в виду, что австрославистская теория предполагала не просто сохранение Австрийской империи в том виде, в каком она существовала до 1848 года. Напротив, эта теория предполагала преобразование империи Габсбургов в федерацию равноправных национальностей. В связи с этим очевидно, что в момент своего возникновения австрославистская точка зрения не имела определённо выраженного реакционного характера, поскольку в первый период чешского движения (до пражского восстания) она не была использована для прямой поддержки Габсбургской монархии, а служила одним из средств в попытках достижения чехами национального равноправия. Очевидно также, что во второй период движения (после пражского восстания) австрославизм

---

[40] Krofta K. «Čeští němci v roce 1848», str. 373.

[41] Bajerová «Prahlašení českich a nemeckych spisovatelu z ćdne 4 dubna 1848». «Z české revoluce 1848», str. 41.

[42] Ibidem, str. 43.

[43] Palacký Fr. «Spisy drobné». Dil. I. Spisy a reči z oboru politiky. Praha. 1898. Psáni do Frankfurta, str. 20.

приобрёл определённо реакционный характер, поскольку он был использован чешской либеральной буржуазией для поддержки Габсбургской монархии против революционной Вены и Венгрии.

Вопрос об участии в выборах во Франкфуртский парламент, иначе говоря, вопрос о включении Чехии в состав Германии, привёл к окончательному разрыву между чехами и немцами.

Чешские политические деятели резко выступили против участия в выборах. Немцы же высказались за участие. Когда министр Пиллерсдорф объявил всё же выборы по всем землям империи, в том числе и землям Чешского королевства, в Национальном комитете произошёл раскол. Немецкие депутаты вышли из него и 19 апреля образовали самостоятельный «Конституционный союз» во главе с М. Гартманом, Гроссом и И. Риттером [44]. Этот союз, созданный в качестве противовеса Национальному комитету, ставил своей задачей агитацию за участие во Франкфуртском парламенте и за соединение с Германией.

Таким образом Национальный комитет превратился в чисто чешский орган, стоящий на позиции неучастия в выборах во Франкфуртское собрание.

К этому же времени относится основание чешского национального общества «Славянская липа», первоначальной целью которого было намерение противопоставить немецкой агитации за участие в выборах во Франкфурт чешскую агитацию за неучастие в них [45].

«Славянская липа» развернула энергичную деятельность в чешской провинции, создав там свои филиалы, библиотеки и т. д. Антифранкфуртская агитация была развёрнута по всей Чехии. Интересным документом, дошедшим до нас и характеризующим содержание и форму этой агитации, является «Краткий катехизис чешского крестьянина», составленный Прокопом Хохолоушком в форме вопросов и ответов. «Катехизис» заканчивается следующим образом: «Вопрос. Чего мы можем ожидать, если подчинимся немцам, приняв участие в выборах во Франкфуртский сейм? Ответ. Великого угнетения от немцев и изменников. Чех снова стал бы презираемым, как до сих пор, не имел бы никакой защиты в учреждениях и права говорить на своём родном языке. Немцы толпами стеклись бы в чешские земли, и чешские крестьяне были бы вытеснены из своих владений; ремесленники в городах не имели бы работы, потому что немецкие фабрики заполнили бы всю страну хотя и более дешёвыми, но негодными товарами; чешские фабрики, в которых тысячи людей добывают себе средства к существованию, погибли бы, поскольку они не могли при меттерниховском режиме стать столь же современными и усовершенствованными, как немецкие, и вскоре весь народ, горожане и крестьяне, обнищали бы и вся страна погрузилась бы в крайнюю нужду» [46].

Результатом этой агитации явился отказ от участия в выборах в 47 избирательных округах из 68. Из числа 21 избранного депутата трое отказались от мандатов [47]. Таким образом, несмотря на немецкую пропаганду и правительственные распоряжения, по всей Чехии избрано было всего 18 депутатов, почти исключительно немцев.

Борьба по вопросу о выборах во Франкфуртский парламент явилась важнейшим этапом во взаимоотношениях чехов и немцев, этапом, резко обострившим антагонизм между ними.

Одной из важнейших причин этого антагонизма явилось невнимание немецких буржуазных революционеров к чешским национальным ин-

---

[44] Heidler J. «A Springer a česká politika v letach 1848—1850», str. 45.
[45] Ibidem.
[46] Maršan R. «Čechové a němci r. 1848 a boj o Frankfurt». Secit 7. Priloha IV. s. 205—206. Praha. 1898.
[47] Ibidem, Priloha VI, s. 209—212.

тересам, непонимание ими необходимости поддержки чешского национально-освободительного движения, на что, между прочим, уже в 1861 г. указывал Н. Г. Чернышевский [48].

Вполне понятно, что эта ошибочная и вредная политика немецких буржуазных революционеров и прогрессистов в национальном вопросе была использована венским двором, искушённым в политике стравливания национальностей, для противопоставления немцев чехам и раздувания вражды и борьбы между ними.

С другой стороны, эта политика дала возможность чешским консерваторам провозгласить лозунг борьбы «целого» народа, без различия сословий и классов, против немецкого национализма, отвлекая, таким образом, чешский народ от классовой борьбы.

Разрыв с немецкой буржуазией поставил чешскую буржуазию перед необходимостью искать себе новых союзников. При этом если небольшая часть чешской буржуазии, стоявшая на радикально-демократических позициях, пыталась найти себе союзника в чешском пролетариате и крестьянстве, то большинство чешской буржуазии попыталось опереться для достижения своих целей на национальные движения славянских народов Австрии с тем, чтобы объединить эти движения и стать во главе их. Эта тенденция нашла своё выражение в Славянском съезде в Праге в июне 1848 года.

Выступив организатором этого съезда, чешская буржуазия рассчитывала, между прочим, что ей удастся, встав во главе объединённых сил австрийских славян, среди которых чехи были безусловно наиболее экономически развитой частью, добиться вытеснения немецкой буржуазии с внутреннего рынка и завоевать господство в экономической жизни страны. Это не значит, что мысль о созыве Славянского съезда принадлежала чехам. Она возникла одновременно во всех славянских землях Австрии в апреле 1848 года[49].

Впервые в печати проект созыва Славянского съезда появился 20 апреля в статье хорвата Ивана Кукулевича, опубликованной в загребских «Национальных известиях»[50]. 30 апреля, в Праге, в доме чешского писателя Я. Воцеля, собрались около 20 чехов и поляков, а также словак Людевит Штур. На собрании был принят предварительный проект обращения ко всем славянам [51].

Однако избранным на собрании в «Мещанской Беседе» Подготовительным комитетом [52] было решено адресовать приглашение на съезд лишь австрийским славянам. Приглашение, опубликованное в пражских газетах 5 мая [53], содержало в конце заявление о том, что если прибудут на съезд делегаты от неавстрийских славян, то они будут приняты в качестве гостей [54].

Славянские представители приглашались собраться в Праге для совещания об общих делах и о положении, создавшемся в результате объединительных движений у европейских народов, в частности

---

[48] Чернышевский Н. «Предисловие к нынешним австрийским делам». Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. VIII, стр. 96. СПБ. 1906.

[49] Tobolka Z. «Slovanský sjezd v Praze roku 1848», str. 45; Černý J. «Slovanski sjezd v Praze roku 1848», str. 7. Praha. 1888; Wislocki W. «Kongres slovianski w r. 1848; i sprawa polska», str. 22. Lwów. 1927; Moraczewski J. «Opis pierwszego zjazdu slowiańskiego», str. 8. Poznań. 1848.

[50] Černý. Op. cit., str. 7.

[51] Tobolka Z. Op. cit., str. 52.

[52] В подготовительный комитет вошли: Ф. Палацкий, Ф. Ригер, В. Ганка, К. Зап, В. Штульц, Я. Воцель, К. Эрбен, Н. Нордан; бароны: Я. Нейберг и Д. Виллани; графы: И. М. Тун, В. Дейм и В. Гжыбовский.

[53] Černý «Slovansky sjezd», str. 10.

[54] Zprawa o sjezdu slovanském, Praha. 1848. Vyjimek z «Časopisu českého Museum, roč. XXII, dil. II, sv. I, Priloha V, str. 17—18.

у германского народа, грозящего включить в свою империю и австрийских славян [55].

5 мая было опубликовано обращение Подготовительного комитета к неславянским народам Австрии, указывавшее, что предстоящий съезд не имеет враждебных намерений по отношению к этим народам, и подчёркивавшее твёрдое намерение организаторов съезда оставаться верными Габсбургско-Лотарингскому дому и единству Австрийской империи [56]. Некоторые члены комитета и доверенные лица были отправлены в славянские страны для агитации за участие в съезде.

Между тем явился повод для разногласий в Подготовительном комитете. Вызывающая позиция, занятая членами Франкфуртского комитета по отношению к чехам, вызвала возмущение последних. Выступая во Франкфурте с сообщением об отношении чехов к Франкфуртскому парламенту, член комитета Шиллинг заявил: «Поскольку не удаётся сохранить Чехию в составе Германского союза путём убеждения, она должна быть прикована к Германии мечом» [57].

Отвечая на это заявление в собрании Национального комитета 11 мая, Ф. Ригер сказал: «Я спрашиваю вас, не является ли это нарушением национальных прав: они (члены Франкфуртского комитета. — *И. У.*) утверждают, что союз князей (Германский союз) уничтожен и что на его месте они хотят иметь свободный союз народов — нам же говорят: если не пожелаете этого — мы принудим вас мечом! На такие аргументы мы окажемся в конце концов вынужденными отвечать цепом!» [58].

Вместе с тем всё это вызвало попытку со стороны некоторых членов Подготовительного комитета найти новых союзников против Франкфурта. Так, 11 мая доктор К. Гаспар предложил пригласить для участия в съезде итальянцев и румын. Ригер же внёс предложение о приглашении чешских немцев, чтобы отколоть их от Франкфурта. Однако оба эти предложения были отвергнуты большинством членов комитета [59].

К концу мая большая часть участников съезда съехалась в Прагу. Для практической работы делегаты разделились на три секции — чехословацкую, польско-русинскую и южнославянскую.

2 июня произошло торжественное открытие съезда, руководители которого в ряде речей всячески подчёркивали мирные намерения и лойяльность его участников по отношению к Австрийской империи.

На следующий день, 3 июня, в секциях началось обсуждение предложенной Подготовительным комитетом программы [60].

При обсуждении главных вопросов программы на пленарных заседаниях, в секциях и комитетах между делегатами съезда имели место серьёзные разногласия. Эти разногласия шли в основном по двум линиям — национальной и партийной. Следует оговориться, что термин «партийные разногласия» для этого периода может быть употреблён лишь условно, так как оформление в партии имевшихся на съезде, главным образом в его чехословацкой секции, политических течений произошло значительно позже. Тем не менее среди участников съезда имелась известная группа радикалов, стоявших на демократических позициях и отстаивавших эти позиции при дебатах по

---

[55] Zpráwa o sjezdu slovanském. Praha. 1848. Vyjimek z «Časolisu českého Musea», ročn. XXII, dil. II, sv. I, Priloha V, str. 17—18.

[56] Ibidem, Priloha II, str. 19.

[57] Reči dra Františka Ladislava Riegra a jeho jednání v zakonodárných sborech. Dil. I. z let 1848—1819, str. 13. Praha 1883.

[58] Ibidem; John J. v. F. L. Rieger «Obraz životopisný», str. 28. Praha. 1889.

[59] Tobolka «Slovanský sjezd», str. 63.

[60] Размеры настоящей статьи не позволяют включить в неё сколько-нибудь подробное описание деятельности съезда. В связи с этим автор вынужден ограничиться лишь некоторыми общими замечаниями.

главным вопросам. Эта группа была представлена чехами И. Фричем, П. Фастером, В. Гауčем, Ф. Гавличком, К. Сабиной, И. Подлипским, К. Сладковским, поляком К. Либельтом, русским М. Бакуниным и др. Однако она была малочисленна и не имела возможности играть решающую роль в направлении деятельности и решений съезда. Такую роль на съезде фактически играло большинство чешской секции, возглавленное Палацким и Шафариком, являвшимися противниками всякого радикализма и революционности. Вместе с тем имелось и существенное различие в национальных стремлениях и интересах представителей отдельных славянских народов. Если чехи главной своей задачей ставили достижение национально-политической автономии земель чешской короны в рамках федеративной Австрийской империи, то поляки прежде всего стремились к восстановлению самостоятельной Польши. Если южные славяне требовали полного отторжения от Венгрии и образования для своих земель самостоятельной политической организации, то словаки настаивали лишь на предоставлении им (словакам) равных прав с мадьярами в Венгерском сейме [61]. Существование этих различий в точках зрения отражалось на темпах работы съезда, тормозя принятие решений по основным вопросам его программы. С другой стороны, деятельность Славянского съезда, впервые объединившего для обсуждения политических вопросов представителей различных славянских народов, продемонстрировала наличие у этих народов твёрдого намерения добиться осуществления своих национальных прав и объединить свои усилия для достижения этой цели.

Необходимо подчеркнуть, что на съезде господствовала выдвинутая чехословацкой секцией и поддержанная секцией южнославянской австрославистская точка зрения. Наряду с ней существовала и защищавшаяся поляками точка зрения о необходимости восстановления независимого польского государства. Но на съезде не существовало сколько-нибудь значительного направления, которое отстаивало бы лозунг государственного объединения всех славянских народов с Россией.

В связи с этим является совершенно необоснованным содержащееся в некоторых методических и учебных пособиях по новой истории, изданных в 1939 г. для средней школы, утверждение о том, что «4 июня [62] 1848 г. в Праге состоялся общеславянский съезд, выдвинувший реакционнейшую идею объединения всех славянских народов в единую славянскую монархию» [63].

Такая точка зрения ведёт своё начало по прямой линии от антиславянской агитации немецких пангерманистов, пытавшихся при помощи панславистского жупела запугать неславянские народы и оправдать свои антиславянские действия. В дальнейшем основные элементы этой агитации были восприняты немецкой буржуазной и социал-демократической историографией. Так, Вильгельм Блос писал, что «из хаотических дебатов конгресса... выяснилось только одно, а именно — что все его члены сходятся в мечтах об едином великом славянском государстве и в общей ненависти к Германии» [64]. Между тем очевидно, что австрославизм чехов и южных славян, как и стремление поляков к воссозданию самостоятельного польского государства, отнюдь не совпадают с идеей объединения всех славянских народов в единую славянскую монархию во главе с русским царём.

---

[61] Tobolka «slovanský sjezd», str. 138.

[62] Кстати, не 4, а 2 июня.

[63] Методическое пособие по истории. Вып. 3-й. Новая история 1789—1870 гг., стр. 198. Под ред. А. В. Ефимова. Учпедгиз. М. 1939.

[64] Блос В. История германской революции 1848 г., стр. 257. СПБ. 1906.

Действительно, если бы в 1848 г. существовало сколько-нибудь широкое общественное движение среди славянских народов под таким лозунгом, оно могло бы представить угрозу другим, неславянским народам, свободе этих народов. Однако не существует фактов, которые подтвердили бы наличие такого движения в 1848 году. Напротив, все факты свидетельствуют о том, что об опасности со стороны панславизма больше и громче всего кричали франкфуртские пангерманисты, действия которых действительно угрожали славянским народам, свободе этих народов, поскольку их предполагалось включить в состав Германской империи. Тем не менее отношение к Славянскому съезду, как к антинемецкому и антимадьярскому заговору, получило широкое распространение и оказало известное влияние и на советскую историографию. Например, в учебнике Новой истории для высших учебных заведений говорится, что «...движение австрийских славян было реакционным. Главной задачей этого движения было создание единой славянской монархии» [65]. Здесь говорится о движении австрийских славян в целом. В действительности не существовало единого движения, которое объединяло бы все славянские народы Австрии и все классы этих народов общей программой. В изучаемый период господствовало стремление к сохранению и укреплению Австрии, преобразованной в федерацию равноправных национальностей. В более поздний период, последовавший за поражением пражского восстания, реакционная политика чешской либеральной буржуазии по отношению к венской и венгерской революции проводилась не из стремления к созданию всеславянской монархии, а из боязни перед собственно чешскими пролетариями и крестьянами.

Имеется и несколько другая оценка Славянского съезда в нашей историографии. Так, в другой своей книге проф. А. В. Ефимов пишет: «На конгрессе была выдвинута идея объединения славянских народов. Эта идея, сама по себе весьма прогрессивная, у панславистов-постепеновцев сопровождалась планом монархического устройства славянской федерации в Австрии» [66]. Приведённые в этой цитате положения не могут не вызвать возражений. Прежде всего здесь идея объединения славянских народов оценивается уже как прогрессивная. В связи с этим возникает вопрос: о каком объединении идёт речь? Если о государственном, то такое объединение славянских народов с царской Россией не может быть оценено как прогрессивное. Если речь идёт о культурном единении, то какое отношение это имеет к монархическому устройству Австрии? Если же, наконец, имеется в виду политический союз отдельных славянских народов между собой, то необходимо подчеркнуть, что на съезде речь шла лишь о союзе между австрийскими славянами. Нельзя также согласиться с утверждением о существовании у делегатов съезда плана монархического устройства славянской федерации в Австрии, так как австрославистская теория предусматривала федерацию не только славянских (чехов, словаков, поляков, хорватов, словенцев и т. д.), но и неславянских народов (немцев, венгров, румын, итальянцев и др.). Монархическое же устройство существовало в Австрии и до 1848 года.

Майская революция в Вене усилила симпатии чешской демократии к венским революционерам. Проявления этих симпатий в свою очередь толкнули к сплочению реакционные и консервативные силы. Земский президент граф Тун, отказавшись подчиниться созданному

---

[65] Новая история. Часть I (1789—1870). Учебник для исторических вузов, стр. 337. Соцэкгиз. М. 1939.

[66] Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). Курс всеобщей истории. Проф. А. В. Ефимов. Новая история (1814—1849), стр. 114. М. 1945.

в Вене правительству, образовал 30 мая «Временный Правительственный Совет», известный более под названием Временного правительства [67]. В состав Временного правительства вошли Ф. Палацкий, Ф. Ригер, Ф. Брауер, Боррош, А. Штробах, графы А. Постиц и В. Вурмбранд, охарактеризованные Туном в письме к императору как люди благонамеренные, авторитетные, имеющие влияние на партии, а потому полезные для осуществления решений Туна [68]. Участие руководителей Национального комитета во Временном правительстве на деле означало непризнание ими майской революции в Вене, фактическую ликвидацию Национального комитета и сосредоточение всей власти в руках Туна. Всё это вызвало возмущение в рядах революционно настроенной части чешской буржуазии и интеллигенции, образовавшей свой комитет, заседавший в одном из университетских зданий — Каролинуме. Этот комитет был связан с венскими революционерами и польскими эмигрантами и опирался на революционно настроенную часть чешского пролетариата.

Уже в самом начале мартовских событий чешский пролетариат выходит на политическую арену. Именно по его требованию в принятую на первом Святовацлавском собрании 11 марта петицию был включён пункт «об организации труда и его оплаты» [69]. 17 марта рабочие подали Святовацлавскому комитету скреплённое 1200 подписями требование о снижении цен на хлеб, и комитет создал специальную комиссию для работы над этим вопросом. В конце марта вышел первый номер организованной Ф. К. Кампеликом рабочей газеты «Hàsnik» [70]. Рабочие переживавшей экономический кризис текстильной промышленности организовали многочисленные стачки в различных городах страны. В конце мая началась забастовка типографских рабочих, проходившая под лозунгом борьбы за повышение заработной платы. Серьёзные волнения происходили среди ситценечатников, у которых особенно сильна была безработица и которые выступали с требованием работы, хлеба и ограничения применения машин. 3 июня произошли крупные волнения на императорских мельницах в Бубенче [71], вызвавшие вмешательство войск.

Всё усиливавшаяся, таким образом, революционная ситуация в стране оказывала влияние и на сельское население. Продолжавшиеся волнения крестьян, создавшие угрозу крестьянского восстания, поставили чешское дворянство перед необходимостью пойти на уступки. Представители крупных землевладельцев Чехии подали 20 марта на имя императора петицию, в которой предлагали издать закон о выкупе барщинных повинностей [72]. Ответом на крестьянское движение и на эту петицию явился императорский патент от 28 марта 1848 года. В соответствии с ним выполнение барщинных повинностей в чешских землях должно было быть прекращено к 31 марта 1849 г. за выкуп, размеры которого предполагалось определить в дальнейшем [73].

Собравшийся 31 мая Моравский сейм, в котором около двух пятых депутатов были представителями от сельских местностей, принял решение о прекращении барщины в Моравии не с 31 марта 1849 г., а с 1 июля 1848 года [74]. Императору пришлось согласиться с этим решением.

---

[67] Černý. «Boj za právo», I, str. 267—268. Prozatímná vláda v Praze.
[68] Бах. Указ. соч., стр. 318.
[69] Horáček «Počatky českého hnuti delnického», str. 26.
[70] Ibidem, str. 29.
[71] Ibidem, str. 26.
[72] Černý «Boj za právo», I, str. 31—33. Petice velkostàtkaru stran zrušeni roboty.
[73] Archiv český, dil. XXV, dok. 1190, str. 702—703, Patent ze dne 28 brezna 1848.
[74] Krofta «Prehled dejin selského stavu v Čechách a na Morave», str. 242.

Иначе дело обстояло в Чехии. Здесь сейм так и не собрался, и единственным результатом продолжавшихся выступлений за прекращение барщины явились обещания отмены крепостной зависимости, помещичьих судов и т. д., содержавшиеся в «Кабинетном листе» от 8 апреля [75].

Однако крестьянство восприняло патент от 28 марта, как сигнал к немедленному отказу от выполнения барщины и десятины [76], и попытки властей прекратить крестьянское движение в стране не привели ни к каким результатам.

В такой обстановке в Прагу прибыл 20 мая для вступления в командование расположенными в Чехии войсками фельдмаршал князь Альфред фон Виндишгрец. Надменный аристократ, приверженец габсбургского абсолютизма, князь Виндишгрец был известен кроме того как руководитель кровавого подавления рабочих волнений в 1844 г. и сторонник решительных мер против всяких проявлений оппозиции трону.

С первых дней июня в Праге начались беспрерывные военные смотры и учения, город наводнился войсками, что вызывало беспокойство и возмущение во всех слоях его населения.

Пражские студенты, поддерживавшие связи со студентами Вены, выступили инициаторами требований о прекращении военных приготовлений.

Уже 9 июня они расклеили на улицах Праги плакаты, приглашавшие студентов на собрание для обсуждения угрожающего поведения войск. Состоявшееся 10 июня собрание послало к замещавшему Виндишгреца эрцгерцогу Карлу Фердинанду депутацию с требованием отмены военных приготовлений, удаления Виндишгреца и выдачи студентам 2 тысяч ружей, 80 тысяч боевых патронов и одной снаряжённой артиллерийской батареи. Эрцгерцог переадресовал депутацию к самому Виндишгрецу. Прежде чем идти к нему, студенты обратились к населению Праги с воззванием, в котором предупреждали об опасности, грозящей со стороны реакции, и просили о поддержке своих требований [77].

Князь Виндишгрец отверг требования студентов, отказавшись вообще их обсуждать.

В ответ на это на состоявшемся в тот же день в святовацлавских купальнях собрании пражан Карл Сладковский призвал население требовать удаления Виндишгреца и отвода из Праги войск [78], а также принять участие в назначенном на следующий день торжественном богослужении во имя братства. Богослужение имело целью продемонстрировать недовольство населения Праги действиями Виндишгреца. Один из инициаторов этой демонстрации, Ф. Кампелик, обратился с призывом к рабочим Праги, в частности к печатникам, принять участие в ней [79]. В результате утром 12 июня на Конской площади, где должно было состояться богослужение, собралась огромная толпа народа, в том числе свыше 2 тысяч рабочих [80]. После окончания службы присутствовавшие толпами пошли по улицам Праги. Одна такая толпа направилась ко дворцу Виндишгреца для выражения протеста против его действий, но была расстреляна солдатами. Это послужило сигналом к восстанию. На улицах города немедленно возникли сотни баррикад. Рабо-

---

[75] Černý. Op. cit., I, str. 102—104.

[76] Franta. Op. cit., str. 57.

[77] Otevreny list hrabéte Lwa z Thunu panu Janu Slavikovi, měšťanu pražskému, strany událostí pražských za dnu svatodušních. Priloha I, str. 13. Praha 1849.

[78] Popsání vypuknutí zbouření v Praze dne 12 června 1848, na základě ouředního vyšetrování sestavene, Otevreny list Lwa z Thunu Slavikovi, str. 14.

[79] Tobolka. «Slovanský sjezd», str. 180.

[80] Otevreny list Lwa z Thunu Slavikovi, Priloha I, str. 14.

чие, ремесленники, мелкая буржуазия и революционная интеллигенция Праги вступили в сражение с войсками Виндишгреца.

Восстание вспыхнуло стихийно, оно не явилось осуществлением какого-то определённого плана и не имело единого руководящего центра.

Войска, напротив, давно готовились к выступлению против народа, и уже в полдень 12 июня вызванные Виндишгрецом провинциальные гарнизоны вступили в Прагу [81] и начали наступление на восставших.

Разрозненные, не имевшие единого руководства группы восставших оказали войскам ожесточённое сопротивление. Вместе с чехами на баррикадах сражались и немцы [82], но руководящая роль на протяжении всего восстания принадлежала чехам. Во главе отдельных групп сражавшихся стояли К. Сладковский, И. Фрич, К. Сабина и другие представители революционной буржуазии и интеллигенции, возглавившие радикально-демократическое крыло в чешском движении 1848 года.

Весть о событиях в Праге привела в волнение провинцию, где немедленно стали формироваться отряды для помощи пражанам.

Руководители повстанцев понимали важность и необходимость поддержки со стороны провинции сражавшихся пражан и предприняли попытку превратить восстание в общечешское. С этой целью уже с утра 13 июня в окрестные города и деревни были посланы делегаты [83]. В результате многочисленные крестьянские отряды направились к Праге. Одним из таких отрядов была занята железная дорога Прага — Пардубице [84].

Восстание грозило распространиться по всей Чехии. В Праге повстанцами был взят в плен земский президент граф Тун. Рабочие и ремесленники района Праги — Подскалье — превратили свой район в крепость и выстроили понтонный мост через Влтаву, соединивший Подскалье с остальной частью города. Продолжали укрепляться и другие районы. Напуганные перспективой общечешской революции, чешские либералы и консерваторы в лице Палацкого, Шафарика и барона Нейберга уже 13 июня предприняли попытку выступить посредниками между восставшими и Виндишгрецом, чтобы добиться прекращения борьбы. Поддержанные бургомистром и членами магистрата, они получили от Виндишгреца обещание прекратить военные действия, если восставшие освободят графа Туна и уничтожат баррикады. Однако несмотря на то, что Тун был освобождён и в одном из районов города — Малой Стороне — баррикады были разобраны, обстрел Праги не прекратился. Это заставило жителей Старого и Нового города продолжать борьбу. Выпущенный на свободу президент Тун немедленно опубликовал два воззвания. Первое из них было адресовано гражданам Праги и предлагало им убрать баррикады и прекратить сопротивление [85]. Второе было обращено к крестьянам, отряды которых уже приблизились к городу. В этом воззвании крестьяне предупреждались, что в случае их попытки войти в город против них будут применены войска [86].

Однако борьба продолжалась.

Между тем по указанию Виндишгреца были закончены все приготовления к артиллерийской бомбардировке города, и утром 14 июня она началась.

В это время в Прагу прибыли из Вены правительственные комиссары — генерал граф Менсдорф и надворный советник Клецанский,

---

[81] Tobolka. Op. cit., str. 184.

[82] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 243; Bajerová. Op. cit., str. 43; Šverma «Rok 1848», str. 84; Maršan. Op. cit., str. 169.

[83] Tobolka. Op. cit., str. 184. Uredni zpravy obecnich staršich kr. hl. města Prahy o udalostech svatodušnich.

[84] A Bajerová. Op. cit., str. 94.

[85] Otevreny list Lwa z Thunu Slavikovi. Priloha II, str. 21—22.

[86] Ibidem, str. 22—23.

посланные Пиллерсдорфом с заданием содействовать прекращению восстания. Многочисленные депутации обратились к комиссарам с просьбой о немедленном отстранении от командования Виндишгреца и выводе войск из Праги. 15 июня комиссары сделали попытку заместить Виндишгреца на посту главнокомандующего Менсдорфом [87]. Однако Виндишгрец вовсе не был намерен отказаться от командования и при помощи офицеров организовал демонстрацию недовольства войск вмешательством комиссаров. Была усилена бомбардировка города, причём от имени войск было заявлено, что в случае отстранения Виндишгреца от командования Прага будет сметена с лица земли.

Тем временем некоторые наиболее радикально настроенные делегаты прекратившего уже свои заседания Славянского съезда попытались предпринять шаги к объединению усилий восставших и к созданию единого руководящего центра.

С этой целью 15 июня в Клементинум, где руководителем восставших был И. В. Фрич, прибыли: мораване — Бедржих Блоудек и Франтишек Зах, словак — Людевит Штур и русский — Михаил Бакунин [88]. На следующий день И. В. Фрич покинул Прагу и отправился в провинцию с тем, чтобы привести на помощь восставшим крестьянские отряды. Но было уже поздно. Виндишгрец принял все меры к тому, чтобы не допустить к городу эти отряды, численность которых превышала уже несколько десятков тысяч человек. Необученные, плохо вооружённые крестьяне не могли противостоять регулярным войскам и 17 июня были разбиты у Беховиц [89]. Таким образом, пражское восстание не получило поддержки извне.

Продолжавший оставаться главнокомандующим Виндишгрец и земский президент Тун 16 июня предъявили восставшим ультиматум, в котором требовали немедленной капитуляции и разоружения [90].

В то время, как одна группа депутатов Славянского съезда пыталась объединить усилия восставших для продолжения борьбы, другая группа, во главе с Палацким, Ригером и Шафариком, призывала повстанцев капитулировать и сложить оружие [91].

В тот же день началась последняя ожесточённая бомбардировка города, окончательно сломившая силы восставших.

17 июня Прага капитулировала.

С поражением восстания было немедленно введено осадное положение, начались повальные аресты участников восстания, стала действовать специально созданная военная комиссия. Власти воспользовались ситуацией для репрессий не только против радикалов и демократов, но и против либералов и консерваторов.

Был распущен Национальный комитет, а вслед за ним и Временный Правительственный Совет. Все виды гражданского ополчения были разогнаны, все ранее дававшиеся императором и правительством обещания забыты и похоронены.

С поражением пражского восстания заканчивается первый этап политического движения в Чехии в 1848—1849 годах.

Этот этап характеризуется подъёмом массового революционного движения в стране и руководящей ролью в нём радикально-демократического крыла чешской буржуазии и завершается вооружённым восстанием.

---

[87] Zpráva dvorních komissarů k ministerium domacich zaležitosti. Otevreny list Thuna Slavíkovi, Priloha III, str. 26.

[88] Frič J. Op. cit., sv III, str. 279. Praha. 1891.

[89] Tobolka «Slov. sjezd», str. 189.

[90] Zpráva dvorních komissaru. Otevreny list Thuna Slavíkovi, str. 29.

[91] Tobolka «Slov. sjezd», str. 185.

В восстании приняли участие чешские рабочие, ремесленники, мелкая буржуазия и студенчество, а также и немецкий пролетариат. Движение, охватившее провинцию под лозунгом поддержки пражского восстания, распространилось на крестьянство как чешских, так и немецких [92] районов. Всё это неопровержимо свидетельствует о социальном характере июньского движения.

Несомненно, что этот первый этап чешского движения в серьёзной степени способствовал развитию революционной ситуации в Австрии, укреплял революционные элементы в стране, ослаблял силы реакции, что совпадало с интересами революции в Австрии и Германии. В связи с этим «Новая Рейнская газета», её редакторы Маркс и Энгельс и их сторонники решительно поддерживали этот этап чешского движения, о чём свидетельствуют их статьи, написанные в период пражского восстания [93]. Часть немецкого пролетариата и крестьянства в Чехии действительно поддержала революционные выступления чехов. Но эта часть была весьма небольшой. Весь же остальной немецкий мир занял по отношению к сражавшимся в Праге враждебную позицию, изображая восстание как панславистский заговор, как антинемецкое движение, хотя, казалось бы, венским и другим немецким революционерам надлежало поддержать пражскую революцию всеми силами.

Но этого не случилось.

Наоборот, ещё в ходе восстания немецкая печать была полна измышлений о том, что чехи хотят продать Австрию русскому царю за 7 млн. руб., что чешские политики подкуплены русскими деньгами, что немцам готовится Варфоломеевская ночь, что на пражских немцев составлены проскрипционные списки и т. д. [94].

Поражение восстания было встречено австрийскими, саксонскими, прусскими и другими немцами с огромной радостью. В бесчисленных благодарственных адресах и письмах они называли Виндишгреца спасителем и защитником немецкого дела и столь упорно подчёркивали его античешские мероприятия, что он вынужден был 22 июня издать специальное заявление, в котором писал, что обнажил меч лишь для подавления революции, «но никоим образом не для борьбы против национальных партий» [95].

Немецкие (и венгерские) буржуазные революционеры и демократы не проявили в 1848 г. революционной последовательности в национальном вопросе.

Только «Новая Рейнская газета», руководимая Марксом и Энгельсом, «с первого же момента выступила в защиту поляков в Познани, итальянцев в Италии, чехов в Богемии» [96].

Когда разразилось пражское восстание, Маркс писал: «Новая познанская кровавая баня готовится в Богемии. Австрийская военщина утопила в чешской крови возможность мирного сожительства чехов и немцев» [97]. И далее: «Нация, позволившая превратить себя на протяжении всей своей истории в орудие угнетения всех других наций, — такая нация должна раньше доказать на деле свою действительную революционность...

Революционная Германия должна была, особенно в отношении соседних народов, отречься от всего своего прошлого. Вместе со своей собственной свободой она должна была провозгласить свободу тех народов,

---

[92] Так, в работе R. Maršana «Čechové a němci r. 1848 a boi o Frankfurt» приводятся факты движения на помощь восставшим пражанам крестьянских отрядов из Гостинного, Трутнова и других немецких районов Болеславского края (стр. 169).

[93] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI. Статья «Пражское восстание», «Внешняя политика Германии и последние события в Праге».

[94] Maršan «Čechové a němci r. 1848 a boj o Frankfurt», str. 171.

[95] Dodatek k otevrenemu listu strany údalosti pražských za dnúsvatodušnch od hrabete Lva z Thunu. Priloha IV, str. 23. Praha. 1849.

[96] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 242.

[97] Там же, стр. 184.

которые доселе ею угнетались. А что сделала революционная Германия? Она совершенно подтвердила и освятила старое угнетение Италии, Польши, а затем и Богемии при помощи немецкой военщины. Каунитц и Меттерних совершенно оправданы. И после этого немцы требуют, чтобы чехи им доверяли! И после этого осуждают чехов за то, что они не желают присоединиться к нации, которая, освобождаясь сама, в то же время угнетает и оскорбляет другие нации!» [98]

Понятно, что такая политика революционной Германии (и Вены) вызвала решительное сопротивление чехов.

Следствием этого явилось углубление чешско-немецких национальных противоречий и борьбы. В обстановке послеиюньской реакции, когда силы демократии были разгромлены и во главе чешской политики оказались Палацкий и его сторонники, напуганные революционным выступлением пролетариата и крестьянства, это обстоятельство создало им новые возможности для отвлечения чешских народных масс от классовой борьбы, для заключения движения этих масс в узкие рамки борьбы за исторические права земель чешской короны.

Разгром и преследования, которым подверглись чешские демократы после подавления пражского восстания, привели к переходу руководства политическим движением в Чехии в руки чешской либеральной буржуазии, что знаменовало собой начало нового, второго этапа чешского движения. Чешская либеральная буржуазия перешла полностью на сторону реакции как раз в такой момент, который совпал с подъёмом революционного движения в Вене, и, таким образом, оказалась в лагере контрреволюции.

Поражение пражского восстания и наступление второго этапа в чешском движении не означали, однако, полного подавления чешского национального движения, как это утверждает проф. Р. А. Авербух [99]. Напротив того, июньское восстание в Праге, явившееся для Австрии фактически единственным, кроме Вены, вооружённым выступлением пролетариата, мелкой буржуазии и радикальной интеллигенции, способствовало оформлению движения различных классов и политических направлений чешского общества, показало подлинное лицо этих классов и политических направлений. В связи с этим июньское восстание имело весьма существенное значение для всей дальнейшей политической жизни Чехии. Гром орудий в Праге поднял на борьбу чешское крестьянство против помещиков, как чешских, так и немецких. Крестьяне стали громить замки и усадьбы [100]. Крестьянство могло превратиться в важнейший фактор революции, если бы чешская буржуазия возглавила крестьянские массы, выдвинула в ходе революции такие лозунги, которые соответствовали бы их интересам и объединили бы всё чешское крестьянство. Главным лозунгом, который поднял бы крестьянство на борьбу, должен был бы быть лозунг предоставления крестьянам обрабатываемой ими земли.

Крестьянам нужна была земля, и тот, кто указал бы им способ получения её, стал бы их вождём. В условиях 1848 г. в Чехии таким вождём могла бы стать чешская буржуазия. Но её радикально-демократическое крыло с поражением пражского восстания было разгромлено и подверглось преследованиям, сделавшим для него невозможным агитацию в деревне. Либеральное же крыло чешской буржуазии, воочию увидев чешских пролетариев и крестьян вооружёнными, почувствовало в них своего врага и с июня 1848 г. резко повернуло вправо, стремясь союзом с реакцией обеспечить «спокойствие» в стране.

Одним из важнейших следствий пражского восстания явилось то обстоятельство, что теперь в значительно более определённой степени обнаружились те направления и тенденции в чешском обществе, которые

---

[98] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. Т. VI, стр. 185.
[99] Новая история. Ч. I, стр. 337.
[100] Malý. Op. cit., II, str. 87.

ло того времени были скрыты под общими лозунгами борьбы за исторические права земель чешской короны. Мы уже видели, как от движения отошло в самом его начале дворянство, как отошли от него затем и немцы. Теперь раскол определился и в лагере чешской буржуазии. Этот раскол привёл к возникновению двух борющихся между собой партий: национально-либеральной и радикально-демократической. Это не значит, однако, что политика чешской буржуазии до пражского восстания была единой. Как уже указывалось, ещё до 1848 г. существовали два главных направления в чешской политике. Центром одного из них было тайное общество «Рипиль», центром другого — легальные общества и организации: «Мещанская Беседа», «Промышленное общество» и др.

Споры между ними происходили вначале по вопросам тактики, способов осуществления своих политических стремлений, а также по вопросу об отношении к дворянству и др. Но вопросом, расколовшим единую национальную партию чешской буржуазии на две партии, явилось отношение к пражскому восстанию [101]. Если одни из них, ядром которых снова были рипилисты, считали восстание величайшей заслугой чешского народа, видя единственный путь достижения своих целей в вооружённой борьбе, то другие, руководимые Ф. Палацким, осуждали его, решительно выступая против революционных методов в политике.

Среди членов возникшей национально-либеральной партии мы видим Ф. Палацкого, Ф. Ригера, К. Гавличка, А. Пинкаса, Ф. Браунера, В. Гобблера, К. Томичка, П. Шафарика, И. Коудека, П. Трояна, В. Томка, К. Эрбена, И. Иречка и др. Политическая программа и практическая деятельность этой партии имели главной целью, воспользовавшись разгромом революционно-демократических сил, направить происходившее в различных классах чешского общества движение в общее русло борьбы за осуществление исторических прав чешской короны, за автономию чешских земель в рамках империи Габсбургов. Представители этой партии, вошедшие в собравшийся вскоре в Вене рейхсрат, выступали при обсуждении конституционных и других вопросов за избирательное право, основанное на цензе, за двухпалатную систему, за выкуп феодальных повинностей.

Национально-либеральная партия была партией главным образом буржуазной, но связанной и с дворянскими кругами.

Не желая замечать и обсуждать вопросы об удовлетворении требований рабочих, либералы в то же время всячески стремились к сохранению союза с чешским дворянством. Сосредоточив свою деятельность исключительно в законодательных органах, они постоянно осуждали всякую революционную деятельность, всякий радикализм и демократизм. Занимая в рейхсрате реакционную позицию, выступая против революционной Вены и Венгрии, эти чешские политики справедливо заслужили суровую оценку истории и уже тогда были резко осуждены Марксом и Энгельсом.

Являясь решительными противниками революции и демократии, эти политики избрали путь сотрудничества с монархией против революционной Вены и Венгрии. Императорский двор, стремясь использовать национальное движение в Чехии в своих контрреволюционных целях, манил чешских политиков целым рядом обещаний и обязательств, всячески способствуя разжиганию национальной розни между чехами и немцами. Благодаря этой коварной политике ему удалось добиться того, что чешские депутаты рейхсрата образовали в нём правое крыло, открыто выступавшее против всяких революционных и демократических тенденций. Однако и этот путь не привёл к осуществлению чешских национальных стремлений. Проекты нового конституционного устройства Австрии на федеративных

---

[101] Tobolka «Politické dějiny československého národa». I, str. 150; Masaryk. Op. cit., str. 62.

началах, составлявшиеся и защищавшиеся Палацким, Ригером и другими чешскими депутатами рейхсрата сначала в Вене, а потом в Кромержиже, так и не осуществились.

Вся их деятельность, субъективно направленная к осуществлению федеративных принципов, объективно способствовала успехам централизма и абсолютизма в Австрии.

К партии радикально-демократической [102] принадлежали К. Сладковский, И. Фрич, К. Сабина, Э. Арнольд, П. Хохолоушек, К. Штефан, Ф. Копп, И. Киедльганс-Либлинский, Славомир Вавра, В. Вавра-Гашталь-ский, В. Гауч и др. В отличие от первой партии, радикальные демократы стремились развернуть свою агитационную и пропагандистскую деятельность среди широких народных масс.

Основной социальной базой партии были мелкая буржуазия, ремесленники, студенты и часть рабочих. Представители этой партии, находившиеся под влиянием идей французского социализма, стояли на демократических позициях, поддерживали связи с немецкими демократами и считали необходимыми революционные методы борьбы. Не будучи представленными в рейхсрате, они на страницах своих газет выступали против позиции его чешских депутатов, высказываясь за всеобщее избирательное право, однопалатную систему, отмену феодальных повинностей без выкупа [103]. Они открыто подчёркивали свою солидарность с венскими и венгерскими революционерами.

Политическим центром радикально-демократической партии была «Славянская липа», многочисленные филиалы которой использовались радикалами для связи с народными массами и для агитации среди них. Приняв активное участие в пражском восстании, они подверглись после его подавления преследованиям и репрессиям, но не прекратили своей деятельности и не отказались от борьбы.

Октябрьская революция в Вене, по отношению к которой представленные в рейхсрате депутаты от национально-либеральной партии заняли враждебную позицию, имела своим откликом в Чехии новую попытку чешских демократов подготовить восстание. В числе инициаторов и организаторов его снова выступают Иосиф Фрич и К. Сабина, по инициативе которых было создано тайное общество «Чешско-моравское братство», вступившее в связь с немецкой радикально-демократической молодёжью и развернувшее через филиалы «Славянской липы» агитацию среди рабочих, студентов, а также в деревне.

Однако в деревне радикал-демократов постигла серьёзная неудача: им не удалось привлечь на свою сторону чешское крестьянство. Это произошло прежде всего вследствие непонимания, недооценки ими аграрного вопроса. Продолжавшиеся в стране волнения крестьян уже к лету 1848 г. поставили австрийский рейхсрат перед настоятельной необходимостью аграрной реформы. Само собой понятно, что при подготовке этой реформы рейхсрат исходил прежде всего из стремления прекратить крестьянское движение и предотвратить безвозмездную ликвидацию феодальных повинностей. Принятый рейхсратом 7 сентября 1848 г. закон предусматривал отмену барщины и других феодальных повинностей за выкуп. В таких условиях крестьянство могло быть привлечено радикал-демократами на свою сторону лишь лозунгом предоставления земли крестьянам. Но радикал-демократы не выдвинули этого лозунга, и их попытка привлечь крестьян к восстанию обещанием отмены ипотеки не удалась.

Несмотря на то, что восстание организационно было совершенно неподготовленным, всё же, когда в Германии началась вооружённая борьба за имперскую конституцию, чешские демократы назначили на-

[102] Tobolka «Politické dějiny». I, str. 149—150; Masaryk. Op. cit., str. 50—54; Traub. Op. cit., str. 90—91; Heidler «A. Springer a česka politika», str. 41—43.
[103] Tobolka. Ibidem, str. 150.

чало восстания в Праге на 12 мая 1849 года. Но правительству удалось раскрыть заговор, и за два дня до назначенного срока все его руководители и участники были арестованы и преданы суду. Правительство воспользовалось раскрытием заговора для целого ряда репрессивных мер, надолго лишивших демократов возможности вернуться к политической деятельности. Решением военного суда многие участники заговора были приговорены к смертной казни или к длительному тюремному заключению. Среди осуждённых были: И. Фрич, К. Собина, К. Сладковский, Э. Арнольд и другие. «Славянская линия» была расчленена. Радикально-демократическая партия фактически перестала существовать.

С возникновением национально-либеральной и радикально-демократической партии не закончилась дифференциация в среде чешской буржуазии. После октроирования централистической конституции 4 марта 1849 г., восстановившей в Австрии абсолютизм, национал-либералы поняли, наконец, что их надежды на императорскую милость тщетны, и объявили себя в оппозиции к правительству. Но национально-либеральная партия не оказалась единой. Правое её крыло, руководимое графом Львом Туном, историками В. Томком и К. Эрбеном, писателем И. Иречеком, журналистом В. Пицеком, объявило о своём согласии с политикой правительства, откололось от национал-либералов и образовало правительственную «консервативную партию» [104].

Объявившие же себя в «оппозиции» национал-либералы, пожинавшие теперь плоды своей антинародной политики, которая оттолкнула от них народные массы, оказались неспособными занять сколько-нибудь значительное место в политической жизни страны. Таковы были последствия политики чешской либеральной буржуазии, возглавленной Палацким. Стремясь теоретически к некоторым преобразованиям австрийского государственного устройства в направлении предоставления чешской буржуазии равных прав с буржуазией немецкой, Палацкий и его сторонники единственный путь такого преобразования видели в реформах сверху, боясь прежде всего участия народа в этом преобразовании. В связи с этим на практике каждый раз, когда в ходе 1848—1849 гг. возникал вопрос, с кем идти: с народом или с монархией, с силами демократии или с реакцией, стать ли на сторону революции или контрреволюции,— они всегда становились на сторону монархии против народа, поддерживали реакцию и контрреволюцию против революции и демократии. Политика чешских либералов в этот период помогла восстановлению в Австрии абсолютизма.

Однако революционное движение 1848 г. не прошло бесследно. Значение этого движения состоит прежде всего в том, что с отменой барщины и других феодальных повинностей и с ликвидацией ряда привилегий и преимуществ чешского дворянства средневековые отношения в деревне были уничтожены. Это обстоятельство оказало в дальнейшем огромное влияние на экономическое развитие Чехии, на быстрый рост в ней капиталистических отношений.

Значение этого движения состоит также и в том, что в ходе событий 1848 г. проявился и оформился целый ряд течений и направлений в среде чешской буржуазии, интеллигенции и дворянства, вступивших таким образом на арену политической борьбы. Именно в тот период сложились и оформились два главных направления в среде чешской буржуазии, послужившие основой для возникновения в дальнейшем партий старочехов и младочехов.

Значение этого движения состоит, наконец, в том, что в 1848 г. впервые с оружием в руках выступает чешский пролетариат, становясь, таким образом, важнейшим фактором революционного движения.

---

[104] Tobolka «Politicke dejiny», I, str. 151.

Вместе с тем пробуждается к политической жизни и чешское крестьянство.

Все эти обстоятельства сыграли весьма важную роль в дальнейшем ходе политической и национальной борьбы чешского народа.

Приведённые выше факты свидетельствуют о том, что политическое движение чешского народа в 1848—1849 гг. имело два главных этапа. Первый из них, характеризовавшийся подъёмом революционного движения и продолжавшийся с марта по июнь 1848 г., полностью поддерживался Марксом и Энгельсом. Это целиком совпадало с их главной линией в политике в 1848 г., заключавшейся в поддержке всего того, что помогало революции, что было на пользу революции. Второй этап, продолжавшийся с момента поражения июньского восстания до восстановления абсолютизма, характеризовался переходом руководства чешским движением в руки либеральной буржуазии и переходом последней на сторону реакции и контрреволюции. Известно, что Маркс и Энгельс чрезвычайно резко выступали против политики, проводившейся чешской либеральной буржуазией на этом, втором этапе. Это полностью совпадало с их главной линией в политике в 1848 г., заключавшейся в борьбе против всего того, что вставало на пути революции, что наносило вред революции.

В связи с этим очевидно, что было бы неправильным и противоречащим исторической действительности оценивать всё движение всего чешского народа на протяжении всего периода 1848—1849 гг. как реакционное и контрреволюционное.

Напротив того, факты говорят о том, что значительная часть чешского народа приняла активное участие в революционном движении 1848 года.

Нет сомнения в том, что изучение революционного движения 1848 г. в Чехии, как и в других славянских странах, является важной задачей советских историков.

ОБРАЗОВАНИЕ БЛОКА ФАШИСТСКИХ АГРЕССОРОВ *

П. Осипова

Преданная гласности история разбойничьего блока фашистских агрессоров «ось Берлин—Рим—Токио» начинается со встречи итальянского министра иностранных дел Чиано с Гитлером в Берхтесгадене 24 октября 1936 года. Однако действительная история этого блока должна быть отнесена к значительно более раннему времени, а именно — к выходу Японии и Германии из Лиги наций. Уход этих стран, совершённый ими в самом тесном контакте, означал, что они решили открыто вступить на путь агрессивной внешней политики. Япония вышла из Лиги наций 27 марта 1933 года, Германия—21 октября того же года, третий участник оси—Италия официально вышла из Лиги наций только 11 декабря 1937 года, но и до этого времени она оставалась в ней лишь с целью ослабления Лиги, с одной стороны, и обеспечения известных компенсаций от гитлеровской Германии — с другой. Муссолини прекрасно понимал, что разрыв с Лигой наций поставит внешнюю политику Италии в исключительно зависимое, если не полностью подчинённое Германии положение. Фактически же отход фашистской Италии от Лиги наций нужно считать с начала активной подготовки нападения на Абиссинию. Это совпало, и притом не случайно, с событиями в Центральной Европе и на Дальнем Востоке, свидетельствовавшими о росте агрессивности гитлеровской Германии и милитаристическо-фашистской Японии.

С самого своего возникновения блок Берлина, Рима и Токио отмечен глубокой внутренней противоречивостью. Борьбу противоположных влияний легко проследить на всём протяжении существования оси. Японию и Германию разделяли серьёзные противоречия в Китае, и тот факт, что бывшие германские колонии (Каролинские, Маршальские и Марианские острова) отошли по Версальскому договору под мандат Японии. Разделяло их также маневрирование в отношении СССР: когда японцы напали на Халхин-Гол, немцы оставались в стороне; когда немцы усиливали нажим на СССР, японцы, в свою очередь, оставались в стороне.

Германию и Италию разделяла старая борьба за Австрию, за Южный Тироль. Интересы Германии и Италии сталкивались в дунайских странах и на Балканах. Но Германия была непосредственно заинтересована в том, чтобы в будущей войне Италия не была в числе её противников. Поэтому она поддерживала внешнеполитическую программу Италии в противовес Англии, Франции и Турции. Германия стремилась использовать в своих целях связи Италии на Ближнем Востоке: в Сирии, Трансиордании и др. В дунайских же странах Германия, наоборот, стремилась устранить итальянцев, компенсировав их за это Абиссинией. Наконец, Германия хотела использовать в предстоящей борьбе людские ресурсы Италии, соблазнив её призраком колониального могущества.

Между Японией и Италией не было серьёзных расхождений. Правда, Япония имела некоторые виды на Абиссинию, которую Италия рассматривала как свой заповедник в Африке, но позиция Италии в будущей расстановке сил представляла для Японии немаловажное значение. Италия интересовала Японию главным образом как сила, беспокоящая Англию. Экспансия Италии на Ближний Восток, возможность вредить

* Сокращённая глава из подготовляемого Институтом истории Академии наук СССР сборника «Очерки по истории второй мировой войны».

Англии в Средиземном море и отвлекать английский и французский флот — всё это имело самое непосредственное и первостепенное значение в планах будущей войны Японии против Англии. Япония не питала никаких иллюзий насчёт военной мощи Италии и поэтому не придавала сколько-нибудь серьёзного значения её помощи, за исключением лишь указанной выше. Но тем меньше, следовательно, было у неё оснований опасаться поведения Италии на другой день после окончания успешной войны, тем легче казалась возможность скинуть Италию со счетов в тот момент, когда скрытые и отодвинутые противоречия встанут перед участниками оси с новой силой.

Идеологическое родство двух фашистских диктатур оказалось недостаточно крепким ферментом, укрепляющим содружество обеих стран. Радость по поводу прихода к власти германского фашизма была в Италии весьма кратковременной. Напротив, поводов и причин для возрастающей тревоги оказывалось всё больше. Достаточно проследить хотя бы один 1935 г., дипломатическая хроника которого так богата различными встречами и попытками держав придти к соглашению, чтобы увидеть, что всего лишь за год до возвещения миру об образовании оси отношения будущих друзей были исполнены ревности и взаимных подозрений.

В Италии были встревожены ростом морских вооружений Германии. Итальянская печать резко критиковала нерешительность Англии перед лицом вызывающих действий Германии и настаивала на применении к Германии санкций. Итальянское правительство ответило на рост германских вооружений решением не увольнять из армии заканчивающих срок службы солдат рождения 1913 г., сохранив таким образом под ружьём два возраста.

Каковы же были причины усиления вражды между Италией и Германией? Это прежде всего старая борьба за Австрию, за превосходство на Балканах.

В течение зимы 1933—1934 г. правительство Муссолини оказывало тайную поддержку австрийскому хеймверу, что позволяло ему осуществлять контроль над всей политикой Австрии. Италия добилась подтверждения независимости Австрии римским протоколом держав Италии, Австрии и Венгрии от 17 марта 1934 года. 11 февраля 1934 г. в ответ на апелляцию Австрии по поводу нарушения нацистами её прав Англия, Франция и Италия подписали подобную же объединённую декларацию, возобновлённую затем 27 сентября 1934 г., после убийства Дольфуса. Июльские события в Австрии и убийство Дольфуса вызвали резкую реакцию в Италии. Немедленно были двинуты войска к Бреннеру. «Мы будем, — говорил Муссолини, — охранять границу Бреннера, потому что она священна, как и все наши границы, в особенности освящённые кровью. Эта граница будет защищаться против всякой угрозы» [1]. «Пруссаки на Бреннере! За что же мы воевали»,—говорил он тогда Штарембергу, бывшему в то время главой австрийских фашистов. «Может быть, убийство Дольфуса принесёт некоторую пользу; может быть, великие державы осознают размеры германской опасности и организуют широкую коалицию против Германии» [2].

Германия в тот момент ещё не была готова к войне. Решительная позиция Муссолини заставила Гитлера изменить тактику и временно отказаться от вмешательства в австрийские дела. Однако в Германии агитация за присоединение Австрии — моста, с которого открывались «необходимые экономические пространства», — продолжалась и даже усилилась с того момента, как Средиземное море стало играть всё более значительную роль в планах германской экспансии. Неудавшаяся попытка аннексировать Австрию только послужила Гитлеру предупреждением,

---

[1] «Sunday Times», 26 May 1935.

[2] Between Hitler and Mussolini. Memories of E. R. prince Starhemberg, p. 171.

что он должен попытаться «урегулировать» австрийский вопрос ещё до начала большой войны.

Дальнейшие предупреждения по адресу Германии содержались в итало-французском соглашении 1935 г., когда обе державы приняли решение консультироваться по вопросу об Австрии, в объединённом коммюнике после конференции в Стреза 14 апреля 1935 г. и, наконец, в возобновлённых в 1936 г. в римских протоколах держав от 17 марта 1934 года. Но уже через 2 года, 11 июля 1936 г., при благожелательной поддержке Муссолини, в виде компенсации за то, что Германия признала завоевание Италией Абиссинии, было заключено австро-германское соглашение[3]. Вскоре же, 16 октября, был распущен австрийский хеймвер, являвшийся проводником итальянского влияния в Австрии. Австро-германское соглашение 1936 г. устраняло ещё один параграф Версальского договора.

Не менее острой была борьба за дунайские страны. «Мы хотим, — говорил Муссолини Штарембергу ещё в 1933 г., — утвердить наше экономическое влияние в Дунайском бассейне и обеспечить себе место в европейской политике. Как только Германия окрепнет, она выступит и решит этот вопрос сама. Тогда будет слишком поздно. Италия перестанет тогда быть одной из великих держав Европы»[4].

Во всех многочисленных доводах Германии в пользу итало-германского сотрудничества юго-восток Европы неизменно признавался «германской жизненной территорией». Когда ободренный успехом Италии в Абиссинии германский фашизм обратился к поискам союзников, он руководствовался не только военными и политическими соображениями, но также и материальными потребностями в будущей войне. Дунайские страны привлекали внимание Германии не только как стратегический плацдарм, но и как огромный резервуар сырья и продовольствия. Воспользовавшись тем, что внимание Италии было привлечено к Африке, германский фашизм усилил свою экспансию на юго-восток, в Дунайский бассейн и на Балканы и вытеснил итальянскую торговлю с балканских рынков.

Германии удалось перетянуть на свою сторону Венгрию, в которой до этого преобладало итальянское влияние. Идя на сближение с Германией, Венгрия фактически поступалась своими главными требованиями, которые Германия в отличие от Италии поддерживала только частично.

Сразу же после заключения франко-советского и советско-чехословацкого пактов Гитлер начал сложную дипломатическую игру на Балканах и в дунайских странах. Стараясь ослабить значение этих пактов и не допустить аналогичных соглашений на юго-востоке Европы, германская дипломатия оказывала сильное давление на Югославию и Румынию. Большие надежды возлагала она на Венгрию, которая обусловливала своё участие в Придунайском пакте требованием отмены Трианонского договора. Свадебное путешествие Геринга в Будапешт и на Балканы весной 1935 г., незадолго до созыва в Риме конференции придунайских государств, ставило, между прочим, целью укрепление венгерского правительства в его намерении саботировать Придунайский пакт. Геринг ездил в Белград со специальной целью — сорвать намечавшееся весной 1935 г. итало-югославское сотрудничество. Этот «неофициальный визит», как и другие поездки национал-социалистских деятелей, в особенности поездки в Белград, проходил под знаком разработки англо-советских планов, подготовки нападения на Советский Союз через Польшу, Венгрию и балканские государства. Попутно преследовалась и другая цель — разрушение Малой и Балканской Антанты.

[3] Известно, что Муссолини был в курсе всех деталей переговоров и Шушниг подписал соглашение только после того, как оно было одобрено Муссолини.

[4] Memories of pr. Starhemberg, p. 107.

Важнейшими вехами в истории образования и укрепления оси Берлин—Рим—Токио являются одностороннее нарушение Гитлером военных статей Версальского договора и оккупация Рейнской зоны, итало-абиссинская война, интервенция в Испанию, японо-китайская война, захват Австрии и Чехословакии. На всех этих этапах, представлявших части единого плана развязывания мировой войны, во взаимоотношениях участников блока неизменно брали верх факторы с б л и ж е н и я. События эти скрепили внутренне противоречивый союз агрессоров в его борьбе с демократическими державами мира.

В 1935 г. тайно вооружавшаяся Германия почувствовала себя уже достаточно сильной, чтобы решиться на открытый отказ от выполнения военных статей Версальского договора. 1 марта 1935 г. она возвратила себе Саар. Гитлер широко использовал этот успех для активизации своих внешнеполитических требований. Одновременно быстрыми темпами шло увеличение контингента вооружённых сил Германии. Западные державы продолжали бездействовать. Более того, 3 февраля 1935 г., после посещения Лондона Лавалем и Фланденом, английское и французское правительства заявили, что они согласны на перевооружение Германии при условии возвращения её в Лигу наций, заключения Восточного пакта между державами Центральной и Восточной Европы и заключения западного воздушного пакта между Англией, Францией, Бельгией и Германией. Гитлер потребовал прямых переговоров с Англией о воздушном пакте. Ответ на остальные предложения он отложил под благовидным предлогом необходимости тщательного их исследования. С этой целью он пригласил в Берлин английского министра иностранных дел Джона Саймона. Обещая приступить к «углублённому рассмотрению» предложений английского и французского правительств, Гитлер попросту уклонялся от ответа на вопрос об отношении Германии к предложениям об укреплении безопасности в Восточной Европе. Присоединение к Восточному пакту противоречило гитлеровским планам нападения на СССР. В тот же день «Völkischer Beobahter» откровенно предлагал Польше напасть на СССР и «создать на Висле новый политический центр, который господствовал бы над всей восточно-европейской территорией».

Соглашаясь на заключение одного лишь воздушного пакта с Англией, нацистская дипломатия преследовала две цели: во-первых, создать впечатление о своих якобы «мирных» намерениях в отношении Запада и получить свободу рук на Востоке и, во-вторых, вбить клин между Англией и Францией. Гитлер прекрасно учитывал, что предложение о присоединении к Восточному пакту явилось результатом длительной борьбы между английской и французской точками зрения. К тому же английское правительство не скрывало, что наиболее важным оно считает воздушный пакт. 16 марта 1935 г. гитлеровское правительство односторонним актом ликвидировало военные статьи Версальского договора и ввело всеобщую воинскую повинность. К концу года гитлеровская армия насчитывала уже 900 тыс. солдат, не считая скрытой армии — чёрного рейхсвера, СС, СА и др. Правительства Англии и Франции отделались платоническими протестами.

11—14 апреля 1935 г. в Стреза состоялась конференция Англии, Франции и Италии. Конференция осудила одностороннее нарушение Германией Версальского договора и подтвердила заинтересованность держав Стрезского фронта в независимости Австрии. На деле же конференция лишь подтвердила обещанное Лавалем в январе 1935 г. признание преобладающей роли Италии в Австрии. Последнее было одним из главных условий отвода итальянских войск с границы Французской Ривьеры. Главное же достижение Италии на конференции заключалось, однако, в успешности попытки прощупать отношение Англии и Франции к её абиссинской авантюре. Италии удалось добиться признания правомерности

своих притязаний в Абиссинии, поскольку в повестке предстоящего заседания Совета Лиги наций был поставлен вопрос об итальянских требованиях в Абиссинии. Английский публицист Кинг-Холл говорит, что ему неоднократно приходилось затем слышать в Риме, что именно молчание англичан в Стреза по поводу итальянских требований к Абиссинии сыграло решающую роль в поведении Италии и что если бы англичане тогда на конференции высказались ясно против итальянских притязаний, Италия не напала бы на Абиссинию, а просила бы лишь мандата [5]. Другим очень крупным успехом Италии было обсуждение на этой конференции впервые после войны возможности ревизии статей по перевооружению в пользу Венгрии и Австрии.

Последовавшие вскоре за конференцией в Стреза события привели к провалу Стрезского фронта, имевшему серьёзнейшие последствия.

7 марта 1936 г. Гитлер направил Англии, Франции и Италии меморандум об отказе от Локарнского договора и в тот же день произнёс в рейхстаге речь, в которой доказывал, что Локарнский договор перестал существовать. Пока он произносил эту речь, германские войска в количестве 40 тыс. человек вступили в демилитаризованную Рейнскую зону, заняли Дюссельдорф, Кельн, Кобленц, Майнц, Франкфурт и другие города. Германский генеральный штаб предупреждал Гитлера на случай, если Франция ответит войной, что Германия к ней ещё не готова. Бездействие английского и французского правительств показало, что Гитлер не заблуждался относительно нежелания обоих кабинетов воспрепятствовать на деле германской агрессии. Разумеется, он никогда не решился бы на оккупацию Рейнской зоны, если бы между великими державами существовало единство.

Над всеми внешнеполитическими выступлениями Лондона довлело старое стремление отвести германскую агрессию подальше от Англии. Английские правящие круги колебались между политикой поощрения территориальных вожделений германского фашизма (в такой, однако, степени, чтобы не допустить его гегемонию на континенте) и стремлением поддержать Францию в устранении угрозы со стороны Гитлера, между стремлением удержать Италию от союза с Гитлером и возражениями против средиземноморских устремлений Италии. Короче говоря, это была борьба между профранцузской линией, выраженной в крылатой формуле Болдуина — «Английская граница проходит на Рейне» [6] — и давлением прогерманских кругов, пугавших Советским Союзом, последствиями политики коллективной безопасности и т. д. Англо-германское морское соглашение 18 июня 1935 г. — прямой результат давления этих прогерманских кругов. Подписывая это соглашение, Англия фактически признавала правомерность одностороннего нарушения Германией военных статей Версальского договора. С точки зрения дальнейшего развития международных событий и активизации Германии это соглашение важно не столько своей практической стороной, сколько тем, что укрепляло уверенность Гитлера в отсутствии согласованности в политике Англии и Франции. Комментируя морское соглашение с Англией, германские военные круги подчёркивали, что оно было подписано 18 июня — в день годовщины Ватерлоо, когда Англия и Германия вместе противостояли французскому господству.

Несмотря на все колебания Муссолини, Италия всё больше втягивалась в орбиту влияния Германии. Италия участвовала в подписании объединённого меморандума с протестом против оккупации Рейнской зоны;

---

[5] King-Hall S. «Our own times 1913—1939».

[6] 30 июля 1934 г. в речи в палате общин Болдуин, настаивая на усилении воздушных вооружений Англии, заявил: «Размышляя об обороне Англии, вы думаете уже не о меловых утёсах Дувра, а о Рейне». «Parlamentary Debates. House of Commons 1933—1934». Vol. 292, p. 2339.

вместе с тем она отказалась участвовать в совещаниях английского, французского и бельгийского генеральных штабов. Её солидарность с Германией получила своё выражение, в частности, в ответе на приглашение Бельгии присутствовать на подготовительном совещании локарнских держав по составлению нового договора. Италия обусловливала своё участие отказом держав от «средиземноморских мероприятий», применённых во время абиссинской войны, и рекомендовала пригласить также и Германию.

Абиссинский кризис 1935—1936 гг. справедливо считается поворотным пунктом в истории подготовки второй мировой войны. Прямые и косвенные последствия его сказались во многих областях международных отношений, а также и в истории итало-германского сближения. Он заставил Италию и Германию, по крайней мере на время, пренебречь старыми и острыми противоречиями, разделявшими их в вопросе об Австрии, Южном Тироле и дунайских странах.

Итальянская агрессия в Абиссинии вызвала резкое ухудшение отношений между Англией и Италией. Итальянские интересы в восточной части Средиземного моря были одной из главных тем Национального конгресса по изучению внешней политики, заседавшего в Милане 15—16 октября 1936 года. Наиболее милитаристически настроенные участники конгресса настаивали на том, что единственным разрешением вопроса явился бы отказ Италии от «средиземноморского рабства» при помощи войны, которая обеспечила бы ей бесспорное превосходство на Средиземном море. Самая война представлялась в различных вариантах. Это был период усиленного заигрывания итальянского фашизма с исламом. Италия не упускала ни одной возможности усилить среди арабов Среднего Востока движение против Англии.

По свидетельству маршала де Боно, разработка плана нападения на Абиссинию началась ещё во время его инспекционной поездки в Эритрею в марте 1932 года. В начале 1933 г. возглавляемое де Боно министерство колоний имело уже почти подготовленный план колониальной экспедиции, но Муссолини останавливали неопределённость международной обстановки и незаконченность программы перевооружений. В своих мемуарах де Боно сообщает, что планы Муссолини в отношении Абиссинии менялись несколько раз. По словам де Боно, весной 1934 г. Муссолини рассчитывал, что ему удастся спровоцировать Абиссинию на выступление против Италии. Тогда, «имея на своей стороне право», итальянцы перешли бы в наступление и вынудили бы негуса просить мира. Этот план содержался в строгой тайне: он имел всего лишь 5 копий и был передан ему лично Муссолини 30 декабря 1934 года. Новый план Муссолини сообщал де Боно в личном письме 8 марта 1935 года. Начало военных действий намечалось на сентябрь или октябрь, причём предписывалось в случае осложнений со стороны Лиги наций действовать с возможной быстротой. «...Ввиду возможных международных осложнений, хорошо действовать быстро. Из-за нескольких тысяч человек мы потеряли Адуа. Я никогда не совершу такой ошибки. Я предпочитаю грешить чрезмерностью, а не недостатком...» [7]. При установлении сроков нападения на Абиссинию значительную роль играли также опасения Муссолини перед быстрым ростом германского милитаризма.

Муссолини особенно опасался, что Англия закроет Суэцкий канал. В мае 1935 г. он отдал де Боно приказ о создании различных запасов, по крайней мере, на 3 года на случай закрытия Суэцкого канала. Де Боно утверждает, что закрытие канала сделало бы войну невозможной, так как снабжение итальянской армии стало бы «больше, чем проблематичным» [8].

---

[7] Martelli G. «Italy against the world», p. 96.
[8] Ibidem, p. 133.

Правительство Лаваля относилось к абиссинской кампании, по существу, благожелательно. Желая заручиться итальянской поддержкой в Европе, в случае если Германия оккупирует Рейнскую зону, Лаваль при встрече с Муссолини в январе 1935 г. обещал ему, что Франция не будет активно возражать против итальянских посягательств на Абиссинию. Он обещал Италии также ряд уступок во французской экваториальной Африке и в Тунисе, уступку большой части Сомали и части французской доли в железной дороге Джибути—Аддис-Абеба. Относительно Европы они договорились рекомендовать соседним с Австрией странам невмешательство в австрийские дела. Последствия этого соглашения не замедлили сказаться. В Женеве, куда Лаваль прибыл сразу же после поездки в Рим, он употребил всё своё влияние и при поддержке Англии добился того, что абиссинский делегат снял своё требование о включении вопроса об итало-абиссинском споре в повестку дня Совета Лиги наций.

По свидетельству американского посла в Германии Додда, французское правительство при этой сделке настаивало лишь на том, чтобы захват Абиссинии осуществлялся Италией по частям. Додд записал в своём дневнике: «У меня был интересный разговор с французским дипломатом Арманом Бераром... Берар сказал: «Мы заключили пакт с Италией, хотя Муссолини нам и очень неприятен, для того, чтобы остановить германскую агрессию, и нам пришлось пообещать ему аннексию Абиссинии. Я надеюсь, что Муссолини окажется достаточно умным, чтобы захватить эту страну по частям, как мы это сделали в Марокко. Мы настаивали на этом перед итальянцами...» [9].

Заручившись согласием Франции, Муссолини попытался выяснить позицию Англии. В начале января 1935 г. английский посланник в Аддис-Абебе Сидней Барton информировал английское правительство о планах Муссолини в Абиссинии и о согласии с ними Лаваля. 29 января 1935 г. итальянский поверенный в делах в Лондоне Витетти предложил английскому министру иностранных дел начать переговоры об аналогичном соглашении. В январе же в Англии была создана комиссия во главе с товарищем министра по делам колоний Джоном Маффеем со специальным заданием — выяснить, в какой мере английские интересы в Абиссинии будут затронуты при завоевании её Италией. Комиссия констатировала отсутствие у Англии каких-либо значительных интересов в Абиссинии, за исключением озера Тана и вод Голубого Нила. 20 февраля 1936 г. газета «Giornale d'Italia» опубликовала содержание доклада комиссии. Иден в палате общин не отрицал достоверности этого сообщения.

Несмотря на кажущееся различие позиций Англии и Франции в вопросе о санкциях, их политика в общем сводилась к нежеланию применить к агрессору такие эффективные мероприятия, как закрытие Суэцкого канала и введение эмбарго на нефть. Они не решились даже принять какие-либо репрессивные меры против тех членов Лиги наций, которые отказались выполнить постановление о санкциях.

Секретное с Италией соглашение 7 января 1935 г., правительство Лаваля не могло открыто присоединиться к требованию Англии о применении санкций. Кроме того оно продолжало испытывать страх перед возможностью итало-германского соглашения. Поэтому оно ограничивалось туманными обещаниями помощи на Средиземном море и, по сути дела, саботировало санкции. Больше того, на помощь Муссолини приходила правая французская пресса, требовавшая исключения Абиссинии из Лиги наций.

На политику Англии в абиссинском вопросе непосредственное влияние оказывала [illegible] США, где накануне итало-абиссинской войны происходила довольно острая борьба вокруг вопроса о снабжении оружием воюющих стран. В конгрессе было внесено около 15 законопроектов,

[9] Ambassador Dodd's diary, p. 247.

пока, наконец, в 1935 г. не был принят закон о нейтралитете, запрещающий снабжать оружием не только воюющие страны, но и те страны, которые могли бы его переправлять воюющим. На товары, предназначавшиеся для Италии или Абиссинии, было наложено эмбарго. Это не мешало, однако, некоторым американским фирмам продавать Италии такие военные материалы, как хлопок, медь, каучук и даже нефть.

Принципиальную позицию в отношении итало-абиссинской войны занимал Советский Союз. Он подчёркивал грабительский характер этой войны и то, что эта война «чревата большими событиями и многими неожиданностями». Советское правительство самым строгим образом проводило санкции в отношении Италии и решительно заявило, что оно исходит «из принципа равноправия и независимости Абиссинии... и не может поддержать никаких действий Лиги наций или отдельных капиталистических государств, направленных к нарушению этой независимости и равноправия» [10].

Внутренняя противоречивость блока агрессоров нашла своё выражение в отношении Германии и Японии к абиссинской войне, в особенности в самом её начале. Германия занимала тогда позицию, враждебную Италии. В германской прессе печатались многочисленные обращения членов национал-социалистской партии с предложением вступить в абиссинскую армию. Германские фирмы предлагали Абиссинии оружие. Германский фашизм резко изменил свою тактику в отношении итало-абиссинской войны только тогда, когда определилось отношение к ней со стороны Франции, а в конечном счёте — и Англии. Гитлер возымел тогда виды на использование этого обострения англо-итальянских и итало-французских отношений, чтобы путём поддержки итальянских домогательств в Абиссинии получить от Италии уступки в Австрии. Он непрочь был воспользоваться также отвлечением сил Италии в Африку и дать ей возможность крепко там завязнуть, чтобы устранить её влияние на европейскую политику.

Итало-абиссинская война при любом её исходе благоприятствовала гитлеровским планам. Если бы Муссолини увяз в Африке и вследствие этого оказался бы обессиленным в Европе, это облегчило бы Гитлеру захват Австрии. И, наоборот, победа в Абиссинии, несомненно, связала бы Италию и Германию в борьбе против Англии и Франции. 18 июля 1935 г. Додд записал в дневнике свой разговор с статс-секретарём министерства иностранных дел Германии фон Бюловым, в котором он пытался выяснить, какова будет позиция Германии в случае итало-абиссинского конфликта, если Вашингтон будет настаивать на применении пакта Бриана — Келлога. «Мне стало ясно, — говорит Додд, — что Германия надеется на то, что Италия начнёт войну и проиграет её. Это развязало бы свободу действий Германии на Балканах. Было ясно, что фон Бюлов оказался бы в затруднительном положении, если бы США настаивали на своих мирных предложениях» [11].

Итальянская кампания в Абиссинии встретила вначале такое же резко отрицательное отношение и со стороны другого будущего собрата Италии по оси — Японии. «Popolo d'Italia» иронически подчёркивала внезапную солидарность Японии с бедной Эфиопией, за которой скрывалось действительное стремление Японии к неограниченной политической и экономической экспансии. В Италии рассматривали позицию Японии как почти открытое выражение враждебности. Известно, что в начале войны в Италии одной из причин вторжения её в Абиссинию было объявлено стремление противостоять попытке Японии обеспечить себе политическую и экономическую базу в Африке. В этой связи интересен инцидент, происшедший с Сугимурой, бывшим японским послом

[10] Молотов В. Статьи и речи 1935—1936 гг., стр. 176.
[11] Ambassador Dodd's diary, p. 259.

в Риме. Японское министерство иностранных дел поручило Сугимуре в декабре 1935 г., во время его поездки в Рим, рассеять подозрения итальянского правительства и прессы относительно заинтересованности Японии в Абиссинии [12]. Сугимура заявил тогда Муссолини, что Япония не намерена вмешиваться в итало-абиссинский спор. Заявление Сугимуры наделало много шума в Японии, и в палате пэров даже поднимался вопрос об осуждении его поведения [13]. Японское министерство иностранных дел поспешило его дезавуировать. Официозные круги Японии подчёркивали, что Япония не может не быть заинтересована в этой борьбе не только ввиду её торговых интересов в Абиссинии, но и потому, что она видит в ней проявление борьбы белой расы против чёрной, по отношению к которой Япония приняла на себя руководящую роль.

В Японии, как и в Германии, очень распространено было «сочувствие» к Абиссинии и решительно отвергалась аналогия между завоеванием Абиссинии Италией и Маньчжурии — Японией. Японское правительство придерживалось политики строгого нейтралитета, но со времени введения санкций и сопутствовавшего ему обострения англо-итальянских отношений изменило свою позицию. Недовольство итальянской агрессией стало всё чаще сменяться намечающейся солидарностью как целей, так и методов борьбы обеих стран. Муссолини стремился к контакту с Японией. Начавшиеся затем переговоры о торговом соглашении протекали медленно, так как Япония стремилась максимально использовать тяготение Италии к японо-германскому пакту.

Войной в Абиссинии завершилась эволюция итальянской политики по отношению к Лиге наций: 6 декабря 1933 года Большой совет фашистской партии Италии принял резолюцию, в которой заявлялось, что продолжение сотрудничества Италии с Лигой наций возможно лишь после радикальной реформы последней. В ноябре 1936 г. в Милане Муссолини высказывался уже гораздо более определённо, отвергая и разоружение, и коллективную безопасность, и неделимость мира: «Если хотят прояснить атмосферу в Европе, необходимо прежде всего начисто отказаться от всех иллюзий. Одна из них уже разбита до основания — это иллюзия разоружения... другая иллюзия, которую мы отвергаем, ещё существует под названием коллективной безопасности... Мужественный народ отказывается доверять свою судьбу неизвестным рукам третьей страны. Наконец, последняя, общая декларация, которую мы отвергли,— неделимый мир. Неделимый мир может означать лишь тотальную войну...». Заканчивалась декларация весьма недвусмысленным заявлением о том, что «для следования политике мира, во всяком случае, необязательно следовать через коридоры Лиги наций» [14]. Это заявление приобретало очень важное значение, если вспомнить, что оно было сделано через месяц после встречи Чиано с Гитлером в Берхтесгадене.

Завоевание Абиссинии резко усилило стремление Италии обеспечить свои коммуникации с Восточной Африкой. У Англии оставалась возможность в любой момент закрыть Суэцкий канал. Чтобы обезопасить себя от этой угрозы, Италия создала ряд морских и воздушных баз в Сицилийском проливе и в Красном море. Одновременно с целью предупредить всякие неожиданности со стороны малых средиземноморских держав и возможность их союза с Англией итальянское правительство провело ряд мероприятий в Эгейском море.

Необходимость вести будущую войну на нескольких фронтах со всей настойчивостью толкала Муссолини на поиски союзников. Союз с Германией давал на этой стадии ряд бесспорных преимуществ. Общность целей и путей к насильственному изменению существующих границ — вот

[12] «Times», 20 July 1935.
[13] «Daily News», 19 July 1935.
[14] «Italy's foreign and colonial policy», p. 247.

тот фон, на котором сложился и окреп союз двух враждебных, по существу, держав.

* * *

Крушение политики коллективной безопасности, так ярко продемонстрированное Англией и Францией в отношении Италии, поощряло стремление Гитлера к агрессии. К началу итало-абиссинской войны в Германии резко усилилась колониальная пропаганда.

Не лишено интереса, что Германия в этот период опасалась претензий Италии на те колонии, которые стремилась получить сама. «Будем надеяться,— писал 5 декабря 1935 г. орган германского генерального штаба «Die deutsche Wehr»,— что англо-итальянские споры в Женеве не имеют никакого отношения к германским колониям; мир достаточно велик и без них» [15]. Ещё более враждебным было отношение Италии к германским требованиям возврата колоний. В апреле 1935 г. итальянский колониальный еженедельник «L'Azione coloniale» настаивал на том, что для Италии пришло время занять ясную позицию по отношению к германским домогательствам и энергично возражать против всякой попытки Германии вернуть принадлежавшие ей прежде территории: «Справедливо и логично, чтобы Германия не получила ни одного километра колоний, потерянных ею в войне» [16].

Следует, кстати, отметить и позицию Японии в отношении подмандатных японских островов в Тихом океане, принадлежавших раньше Германии. В связи с сообщением из Вашингтона о намерении германского правительства возбудить вопрос о возвращении подмандатных территорий представитель японского министерства иностранных дел выразил уверенность в том, что Германия никогда не совершит такой «неразумный шаг», как требование возвращения островов, находящихся под японским мандатом. 2 января 1935 г. в «Kölnische Zeitung» появилась статья, в которой в очень решительной форме утверждались права Германии на эти острова и подчёркивалась новая ситуация, создавшаяся в связи с уходом Японии из Лиги наций и предстоящим 24 февраля окончанием срока её мандата. В переговорах с Саймоном в марте 1936 г. Гитлер в числе других условий возвращения Германии в Лигу наций требовал также возврата прежних германских владений, перешедших к Японии. Заслуживает быть отмеченным, что эта апелляция к Англии имела место совсем незадолго до подписания германо-японского соглашения.

Германские требования возврата колоний ещё более усилились после плебисцита в Сааре и введения всеобщей воинской повинности. Взоры Германии были прикованы в первую очередь к Африке; особенно стремилась она закрепиться вдоль западного побережья Африки и, главное, создать материальную базу в Португальской Гвинее. Стремление к колониальной экспансии, однако, нисколько не снижало территориальных вожделений германского фашизма в «восточно-европейском направлении».

Под прикрытием «идеологического щита» борьбы с «мировым марксизмом» фашистские страны преследовали широкие империалистические планы. Это отчётливо подтвердилось на примере Испании. Организуя интервенцию в Испанию, германский и итальянский фашизм стремился создать плацдарм для удара по Англии и с тыла — по Франции. Одновременно они ставили себе целью превратить Испанию в германо-итальянскую колонию.

28 ноября 1936 г. было заключено соглашение Муссолини с испанскими фашистами, по которому правительство Муссолини, между прочим,

---

[15] Erkner «Hitler's conspiracy against peace», p. 96.
[16] «Temps», 22 avril 1935.

обязывалось обеспечить «в дальнейшем национальному испанскому правительству свою поддержку и помощь для сохранения независимости и целостности Испании, как метрополии, так и колоний, и для восстановления социального и политического порядка внутри страны». Оба правительства обязывались согласовывать свои действия по всем вопросам, касающимся обеих стран, особенно по вопросам, касающимся западной части Средиземного моря...[17]. 12 февраля 1943 года был подписан протокол о военном союзе Испании с Германией и Италией.

Вся помощь, которую Италия и Германия оказывали Франко, шла в Испанию через Португалию, сыгравшую решающую роль в пропуске морского и военного вооружения в Испанию, что не мешало, однако, Испании готовить нападение на Португалию, которое, по замыслу милитаристских кругов франкистской Испании, должно было сделать «Испанию государственным организмом с подлинно тоталитарным руководством в системе Европы Адольфа Гитлера»[18].

Итало-германская интервенция в Испанию оказалась возможной в значительной мере благодаря «политике невмешательства» в испанские дела, проводившейся правительствами Англии и Франции в период 1936—1939 годов. В страхе перед успехами движения Народного фронта во Франции и Испании и ростом авторитета Советского Союза эти правительства предпочли принести в жертву своим узкоклассовым интересам весьма значительные интересы в Испании и тем самым поставить под угрозу безопасность даже своих собственных стран. Анализируя причины успеха стран-агрессоров, товарищ Сталин указывал, что главная из них состояла «в отказе большинства неагрессивных стран и, прежде всего, Англии и Франции от политики коллективной безопасности, от политики коллективного отпора агрессорам, в переходе их на позицию невмешательства...», которая на деле, однако, «...означает попустительство агрессии, развязывание войны...»[19].

Совместная интервенция в Испанию укрепила итало-германский блок. Из гражданской войны в Испании, пишет фашистский историк Галера, «выросла для обеих авторитетных стран Средней Европы гигантская задача установления нового порядка в мире. Обе они решили создать ось, спинной хребет, который свяжет одно за другим также и другие государства и народы, поскольку они готовы противостоять Коминтерну...»[20].

Впервые Гитлер и Муссолини встретились 14—15 июня 1934 г. в Венеции, хотя ещё задолго до этого Гитлер делал ряд попыток к сближению с Муссолини. Достаточно указать на поездку гитлеровского эмиссара Курта Людеке в Рим накануне мюнхенского путча 1923 года.

В центре венецианских переговоров был вопрос об Австрии. Инициатором их был Гитлер, стремившийся к союзу с Италией, хотя бы ценой компромиссного разрешения австрийского вопроса. Свидание в Венеции не привело ни к каким практическим результатам, будучи лишь первой попыткой двух диктаторов установить более тесные связи для осуществления захватнических планов.

Более чёткие симптомы сближения наметились весной 1935 г. за счёт уступок Италии в австрийском вопросе. Германия стремилась использовать встревоживший Италию факт заключения франко-советского пакта о взаимопомощи. В начале апреля 1935 г. германский посол в Риме фон Хассель имел ряд бесед с товарищем министра иностранных дел

---

[17] Документы министерства иностранных дел Германии. Вып. III. Германская политика и Испания 1936—1943 гг., стр. 7—10.

[18] Там же, стр. 77.

[19] И. Сталин. Отчётный доклад на XVIII съезде партии. «Вопросы ленинизма», стр. 570. 1945.

[20] Galera, von. «Die Achse Berlin — Rom». S. 165.

Италии Сувичем, зондируя почву для переговоров между Гитлером и Муссолини. Они обсуждали вопросы предстоящей дунайской конференции — вопрос об обеспечении «целостности и независимости» Австрии и отношение Германии к итальянским планам захвата Абиссинии. В качестве основы для переговоров фигурировало предложение Италии заключить двустороннее соглашение сроком на 10 лет о невмешательстве во внутренние дела Австрии. Во время свидания в Венеции, 14 июня 1934 г., такое же предложение было сделано лично Гитлером Муссолини, что не помешало, однако, Германии через очень короткий срок, 25 июля того же года, устроить венский путч.

25 мая 1935 г. в речи в палате депутатов Муссолини заявил, что единственным камнем преткновения, разделяющим Италию и Германию, является Австрия. Эта речь уже прямо свидетельствовала о желании Муссолини достигнуть компромисса с Германией. В ней он гневно выступал против всех тех, кто хочет «пригвоздить Италию к Бреннеру» и, сконцентрировав её внимание Италии на защите Бреннера, связать свободу её действий в других направлениях. В Германии склонны были рассматривать это заявление, как предложение соглашения. Так его, в сущности, и следовало понимать. Муссолини нужно было во что бы то ни стало развязать себе руки в Абиссинии: подготовка к войне с Абиссинией была в самом разгаре. Обо всех других претензиях Италии Муссолини тогда умолчал. Похоже было, что если Гитлер гарантирует независимость Австрии на указанный срок, дружба Италии ему будет гарантирована. Комментарии германской прессы к встрече фон Хасселя с Сувичем подчёркивали это почти нескрываемое стремление Италии обеспечить себе тыл и получить моральную поддержку Германии: «Речь идёт здесь совсем не о технических частностях, вроде возможного пакта или прекращения нацистской пропаганды в Австрии, а просто о том, что в настоящий момент Италии желательно иметь защищённой, по крайней мере, свою спину, чтобы закончить своё смелое африканское предприятие и не опасаться удара в спину... цена этой гарантии ещё точно не установлена...»[21]. В речи в рейхстаге Гитлер также заявил, что теперь Италию и Германию разделяет только австрийская проблема.

Муссолини делал вид, что доверяет заявлениям Гитлера об отсутствии у Германии агрессивных намерений в отношении Австрии. Эти дружеские авансы давали в его руки средство для дипломатического давления на Лондон и Париж. Вернее всего, что Муссолини действительно не хотел тогда военного союза с Германией. Его политика отражала постоянные колебания между стремлением к сближению с Германией для совместного давления и угроз в сторону Англии и Франции и боязнью последствий военного союза с нею. Во время войны в Испании этому сближению сильно способствовал страх Италии перед возможным усилением французского влияния в случае неудачи Франко. Значительную роль играло также ухудшение англо-итальянских отношений из-за продолжавшейся посылки итальянских войск в Испанию, усилившихся попыток Муссолини завоевать симпатии мусульман, поездки Муссолини в Ливию (в Риме тогда утверждали, что «ось Рим—«Ислам» находится в процессе образования), изгнания английских миссионеров из Абиссинии и т. д.

Начиная с весны 1936 г. солидарность Италии и Германии во всех важнейших вопросах мировой политики получила открытое признание. 13 мая 1936 г., выступая в палате депутатов, Чиано заявил, что политика Италии и Германии развивается на параллельных путях по таким вопросам, как западный пакт, безопасность Бельгии, проблемы Австрии и Дунайского бассейна, отношение к войне в Испании и пр.

[21] «National Zeitung», 7 April 1935.

11 июля 1936 г. последовало австро-германское соглашение. В Германии открыто признавали, что австро-германское соглашение ставит своей целью усиление влияния Германии в Австрии и в Дунайском бассейне. В то же время Муссолини, который ещё совсем недавно видел главную свою задачу в ослаблении влияния Германии в этих странах, не замедлил провозгласить этот акт замечательным шагом на пути к реконструкции Европы и дунайских стран.

20—25 октября 1936 г. произошла встреча Чиано с Гитлером в Берхтесгадене, заложившая основу оси Берлин—Рим. В Германии и Италии было официально объявлено, что никаких протоколов в Берхтесгадене подписано не было. Чиано был, однако, более откровенен. В беседе с представителем печати 26 октября он сообщил, что при встрече были исследованы вопросы, касающиеся Лиги наций, Дунайского бассейна, Испании, что оба правительства продолжают действовать в тесном сотрудничестве и готовы «со всей энергией защищать европейскую цивилизацию» [22]. Самым значительным успехом Гитлера было то, что ему удалось восстановить Италию против франко-советского пакта и освободиться от страха перед возможностью восстановления Стрезского фронта. Было условлено, что ни Германия, ни Италия не вступят в переговоры о заключении западного пакта, пока Франция не откажется от своей политики в отношении СССР. Подписанный в результате переговоров итало-германский протокол содержал следующие пункты: 1) Германия признаёт захват Италией Абиссинии; 2) устанавливается общая линия поведения Германии и Италии в важнейших вопросах международной политики; 3) обе стороны признают правительство Франко и придерживаются общей линии по отношению к политике «невмешательства»; 4) принимаются реальные меры по развитию германо-итальянской военной авиации; 5) разграничиваются сферы влияния Германии и Италии на Балканах и в придунайских государствах.

Аннексионистские планы Японии к этому времени проделали уже довольно значительную эволюцию. Всё более настойчивыми становились утверждения о бесполезности приобретения одной Маньчжурии, без экономически связанного с ней Северного Китая; позднее те же аргументы стали выдвигаться в пользу присоединения также и Внешней Монголии. По мере того как возрастали вооружения (только в начале 1936 г. должны были вступить в строй 14 гидроавиационных баз, сосредоточенных главным образом на западном побережье острова Хонсю и обращённых фронтом к Тихоокеанскому побережью; с введением новых баз общее число их увеличивалось больше чем вдвое) и укреплялась уверенность в поддержке Германии, крепли и японские претензии на руководящую роль в переделе мира.

Ряд последовательно проводимых Англией экономических мероприятий в Китае, возросшая активность английской дипломатии на Дальнем Востоке, досрочное окончание строительства Сингапурской базы и др. убедили милитаристические круги Японии в том, что Англия воспротивится японской экспансии в Китае. В намечении Японией сроков начала войны играли также весьма видную роль расчёты на победу Франко. В военных кругах Японии превосходно понимали, что дерзнуть на реализацию своих планов Япония может только при условии участия в борьбе двух других «неудовлетворённых» агрессивных стран — Германии и Италии.

Темпы и масштаб проводившихся Германией вооружений пробудили живейший интерес Японии, официальная политика которой предписывала «незаинтересованность» в европейских делах. «Хорошо это или плохо, — отмечалось во влиятельной буржуазной японской газете «Токио Асахи», — но нынешняя Германия — самая сильная держава на европейском

[22] «The Bulletin of international news», № 10, 7 November 1936, p. 21.

континенте... для того, чтобы уравновесить силы в интересах международного мира, Японии можно порекомендовать обзавестись для выступления на Западе такого рода козырем, как японско-германское сотрудничество» [23].

Как уже отмечалось ранее, японо-германское военное сотрудничество началось ещё в 1933 г., с момента выхода Германии и Японии из Лиги наций. В 1934 г. в Токио имели место переговоры между военными представителями Японии и Германии. Незадолго до своей смерти Гинденбург принял японского принца Кайя, посетившего в июне 1934 г. ряд германских городов и Варшаву. Японская военная миссия осмотрела заводы Юнкерса и другие военные заводы, куда иностранцы вообще не допускались. Несомненно, уже тогда имел место ряд более тесных договоров между Германией и Японией. В том же 1934 г. в обеих странах усилилась пропаганда сближения. В поисках союзников для будущей войны германский фашизм готов был поступиться даже «священными требованиями» чистоты расы. В сентябре 1934 г. на страницах «Die Tat» были с циничной откровенностью сформулированы взгляды германского фашизма на расовую неполноценность его потенциального союзника. Обвинение в неарийском происхождении в отношении союзников отныне снималось: «В политике мы не можем надеяться, чтобы все наши друзья для того, чтобы обрадовать нас, приобрели голубые глаза и стали светловолосыми. Политика — вопрос реальных интересов народов и имеет мало общего с расовым родством... Мы заинтересованы в процветании каждой неевропейской державы. Каждая такая держава будет связывать силы наших соседей и тем самым освободит германские силы» [24]. Незачем доказывать, что к этой амнистии в Японии отнеслись очень благожелательно и с её стороны последовали ответные попытки уничтожить брешь, разделявшую её с нордической расой ещё со времён Вильгельма II, предупреждавшего о жёлтой опасности. Томояда, бывший в 1934—1935 гг. директором японского института в Берлине, писал в полуофициозном «Contemporary Japan»: «Идеалистические тенденции в германской философии и патриотические чувства, лежащие в основе германского мышления, вызывают живой отклик в умах японцев... Возможно, что эти черты... побуждают японский народ к сближению и соглашению с немцами» [25]. А Ганс Гюнтер, фашистский профессор антропологии в Иенском университете, изобрёл даже расовое родство немцев с японцами. Он приходил к ошеломляющему выводу, что в современных японцах течёт значительное количество нордической крови [26]. Гитлер исключил японцев из неарийских рас, и на японских резидентов не распространялись расовые законы «третьей империи».

В 1935 г. в японской прессе стали всё чаще раздаваться голоса, предостерегавшие от каких-либо колебаний в отношении Германии. «...Япония должна помнить,— писал признанный лидер японского фашизма генерал Араки в специально приложенной к «Japan Times» статье о японо-германской дружбе, — что Германия вполне доверяет ей, и должна поэтому воздерживаться от всего, что может вызвать у Германии сожаление об оказанном Японии доверии» [27]. После визита вице-адмирала Ямамота в Берлин в январе 1935 г. в иностранной печати усиленно циркулировали слухи о том, что между Германией и Японией достигнуто военно-политическое соглашение. В апреле из французских источников сообщалось об оживлённых переговорах между Берлином и Токио, в которых видную роль играл фон Дирксен, бывший в течение ряда лет германским послом в СССР. Германские военные специалисты принимали в 1935 г.

[23] Цит. по «Известиям». Иностранный обзор, 23 июня 1935 года.
[24] «The political Quarterly», 1 March 1937, p. 51.
[25] «Japan and Germany join hands». «Asia», № 1 1937.
[26] Ibidem, p. 35.
[27] Цит. по «Правде» от 5 июля 1935 года.

неофициальное участие в разработке японской программы строительства подводных лодок и в качестве инструкторов планёрного дела. В ноябре 1935 г. в Иокогаму была послана германская экономическая миссия для участия в эксплоатации Манчжоу-Го [28]. На протяжении 1935 г. в Германии побывало ещё много других японских миссий. 18 ноября 1935 г. Берлин был местом встречи всех японских военных и атташе в Западной Европе.

Весной 1935 г. итальянский журнал «Джераркия» опубликовал статью, в которой утверждалось, что японо-германское военное сотрудничество, направленное против СССР, уже в полном ходу, и приводились доказательства о снабжении японцев авиационными материалами, химикалиями, о посылке германских военных инструкторов, об уступках Германией секретов в области новых военных изобретений, в частности химических.

Морское перевооружение Германии отвечало также и интересам Японии: предполагалось, что германский морской флот в будущей войне будет в состоянии сковать в Северном море крупные морские силы Англии. При этом некоторые заключения из опыта первой мировой войны, сделанные германскими морскими стратегами накануне официального оформления союза с Японией, преследовали сугубо практическую цель. Так, адмирал Бауэр, перечисляя взаимные выгоды для Германии и Японии от союза или, по меньшей мере, нейтралитета, утверждал, что такое соглашение перед 1914 г., несомненно, устрашило бы Россию и, возможно, предупредило бы её участие в войне [29]. В Германии усиленно подчёркивали, что англо-германское морское соглашение 1935 г. развязывало Японии руки на Дальнем Востоке.

Желая устранить опасения Японии за судьбу своих подмандатных островов в Тихом океане, германское правительство поспешило летом 1935 г. заверить японское правительство через японского посла в Берлине Мусакодзи в том, что оно не намерено поднимать вопрос о возвращении своих прежних островов, находящихся под японским мандатом. В начале 1936 г. в иностранной прессе сообщалось о заключении японо-германского военного союза. Это сообщение подтверждалось целым рядом провокационных нападений японской военщины на советские дальневосточные границы, вполне совпавших по времени с резким усилением германской кампании против ратификации франко-советского пакта.

Военные приготовления японского империализма были направлены непосредственно против Советского Союза и связанной с ним договором о взаимной помощи Монгольской Народной Республики, которую японские империалисты рассматривали как плацдарм для подготовки нападения на СССР. Самая безудержная шовинистическая пропаганда против Советского Союза сочеталась с пропагандой против Англии и США, против западных держав вообще и доказательствами общности интересов Японии с её «естественным другом» — Германией. Хирота призывал к коалиции с Германией и Италией для того, чтобы «сдержать Европу и создать крепкий фундамент для имперской политики на Дальнем Востоке» [30].

Пренебрегая обидой и возмущением, которые вызвала в Японии появившаяся в 1934 г. статья Муссолини о «жёлтой опасности», японские милитаристы развили усиленную пропаганду за вовлечение в блок Италии. Они готовы были примириться с захватом Абиссинии, который теперь уже изображался ими как акт покровительства цветным расам. Италия,— утверждала тесно связанная с министерством иностранных дел японская пресса,— делала в Абиссинии общее дело, она воевала там

---

[28] 30 апреля 1936 г. глава германской экономической миссии на Дальнем Востоке Кипп подписал с Манчжоу-Го торговое соглашение.

[29] «China weekly review», 1937, IV, 10, p. 217.

[30] Smith W. «Japan at the cross-roads», p. 64. L. 1936.

не с Абиссинией, а с Англией; Япония же, руководствуясь принципами гуманности, должна была в этой борьбе принять сторону Италии [31].

26 ноября 1936 г. давно подготовлявшееся сотрудничество Японии и Германии было официально оформлено. Подписанное 25 ноября 1936 г., почти одновременно с итало-германским, германо-японское соглашение об «оборонительном сотрудничестве» (антикоминтерновский пакт) свидетельствовало о том, что фашистская коалиция выступала тогда фактически уже в полном единении. Согласно этому договору, Германия и Япония обязывались в течение 5 лет в самом тесном сотрудничестве проводить мероприятия, необходимые для противодействия «разрушительной» деятельности Коммунистического Интернационала, и информировать о своих действиях друг друга. В соглашении содержалось также и предложение третьим государствам, внутреннему миру которых якобы также угрожает Коммунистический Интернационал, принять участие в предпринимаемых «мерах обороны». С ещё большей откровенностью агрессивные цели обоих фашистских держав выступали в дополнительном к протоколу соглашении. Обе стороны обязывались «тесно сотрудничать» в деле обмена информацией и выработке мер защиты от Коминтерна». Обе стороны обязывались «использовать суровые средства... для подавления всего, что прямо или косвенно способствует разрушительным целям Коммунистического Интернационала на своей территории и за её пределами». Более того, с целью придать этой деятельности планомерный характер, соглашение предусматривало учреждение постоянной комиссии, в задачи которой входило намечать дальнейшие мероприятия «оборонительного» характера [32]. Впоследствии было объявлено, что такая постоянная комиссия была создана из представителей министерств иностранных дел Германии и Японии.

При ознакомлении с прославутым антикоминтерновским пактом обращают на себя внимание следующие его особенности. Прежде всего тот основной факт, что, преследуя агрессивные цели мирового господства, державы оси сочли за лучшее обрядиться в тогу борьбы против Коминтерна. Ясно, что они строили свои планы в расчёте на популярность этого лозунга среди наиболее реакционных и наиболее милитаристически настроенных элементов во всём мире и в первую очередь в США, в Англии и во Франции. Не менее очевидно и то, что под видом постоянной комиссии на деле создавался постоянный штаб, который должен был, в соответствии с империалистическими целями держав оси, разработать планы их политического, экономического и дипломатического наступления. И наконец, заметно бросается в глаза, что самое установление наличия «коммунистической опасности», обусловливающее необходимость строгих мер — точнее агрессии,— было совершенно произвольным. Сегодня эта «опасность» могла угрожать Австрии, завтра — Испании, послезавтра — Чехословакии и т. д. Как показал опыт последовавших за соглашением ближайших лет, так называемый антикоминтерновский пакт был направлен не только против Советского Союза, но и против таких государств, как Франция, Англия и др.

Накануне официального оформления японо-германского антикоминтерновского соглашения японский журнал «Бунгей Сюндзю» сделал интересное признание о действительной направленности германо-японского пакта. «Соглашение важно тем, что оно предоставляет Японии и Германии возможность заключить военный союз с чрезвычайно широкой сферой применения; несмотря на то, что он направлен только против СССР, он в то же время может быть обращён и против других стран» [33]. Несомненно, уже тогда были установлены не только общие цели обеих стран,

---

[31] Gaiko Dai, № XI, 1935; «The arguments on defense of Italy».

[32] «Contemporary International politica» by Walter R. Sharp and Grayson Kerk, p. 805. New York. 1940.

[33] Борисов А. «Японо-германское соглашение», стр. 8. Соцэкгиз. 1937.

но определено также и время реализации их политико-стратегических планов.

1937 год уже характеризуется далеко продвинувшейся подготовкой фашистских стран к войне и в то же время усилившейся тенденцией к сговору демократических стран с фашистской Германией.

Чрезвычайно усилилась военная подготовка Японии. В этой области Япония достигла в 1937 г. того максимума, который позволяли её собственные ресурсы и техническая помощь Германии и Италии. Японское вторжение в Китай в июле 1937 г. было в значительной степени облегчено тем, что внимание Европы отвлекалось событиями в Испании.

Во время свидания Геринга с Муссолини в январе 1937 г. были точно распределены сферы влияния Германии и Италии в центральной и юго-восточной Европе. Италия получила гарантии для проведения своей средиземноморской политики, а Германия — свободу рук в Дунайском бассейне и на Балканах. Между ними было условлено, что Италия принимает на себя главное участие в интервенции в Испанию, а Германия усиливает материальное снабжение итальянских войск и одновременно осуществляет ряд мероприятий в отношении Австрии и Чехословакии. 23 января, после отъезда Геринга из Рима, было полуофициально объявлено, что он получил заверения Муссолини в том, что «джентльменское соглашение» (2 января 1937 г.) с Англией ни в коем случае не отразится на взаимоотношениях между Римом и Берлином, не изменит внешней политики Италии, не изменит идентичности их взглядов на европейские проблемы и их отношения к войне в Испании.

Усилившееся с приходом к власти Невиля Чемберлена стремление английского правительства к соглашению с агрессорами было немедленно учтено лидерами германского и итальянского фашизма: снова усилились германские требования колоний.

За три недели до предполагавшегося визита Нейрата в Лондон, 1 июня 1937 г. английский посол в Берлине Невиль Гендерсон произнёс речь на обеде, устроенном в его честь англо-германским обществом, в которой между прочим заявил, что в Англии очень многие имеют совершенно ошибочное представление о национал-социалистском режиме. «Гарантируйте нам мир и мирное развитие Европы,— сказал он,— и Германия не найдёт в мире более искреннего и, я думаю, более полезного друга, чем Англия» [34]. Так называемый лейпцигский инцидент в результате торпедирования германского крейсера «Лейпциг» явился поводом для нового агрессивного заявления Гитлера. Германия отказалась также принять участие в работах Комитета Лиги наций по распределению сырья. Любопытно, как реагировала германская пресса на обращение Идена, утверждавшего, что различие в политической идеологии не должно мешать экономическому сотрудничеству стран. Отвергая предложение об участии в этом комитете, «Deutsche Allgemeine Zeitung» иронизировала по поводу ошибки Идена, будто бы полагающего, что «мировые политические деятели должны ждать 1942 г., когда будет закончено английское перевооружение» [35].

Весной 1937 г., при посещении Рима, Нейрат обсуждал с Муссолини испанский и австрийский вопросы. Они пришли к выводу о необходимости ликвидировать войну в Испании возможно скорее, но по вопросу о сроках между ними возникли некоторые разногласия. Нейрат думал, что необходимо немедленно исследовать возможности компромисса, и Германия и Италия должны уйти из Испании в такой максимально короткий срок, который не задел бы престижа этих стран. Муссолини, напротив, считал всякий компромисс невозможным и предвидел успешность переговоров только после сокрушающей победы Франко. Было решено оста-

[34] «The Bulletin of international news», № II, 1937, p. 6.
[35] Ibidem, p. 8.

вить вопрос открытым до исхода новой большой военной операции Франко, которая, по предложению Муссолини, должна была быть завершена во второй половине мая. Что касается Австрии, то о характере достигнутого при этой встрече соглашения имелось выразительное признание Вирджинио Гайда, назвавшего Австрию в «Giornale d'Italia» «свободной и независимой германской нацией», которая должна как «часть германского созвездия» примкнуть к оси Рим — Берлин. Италия надеялась компенсировать себя за уступки в Австрии усилением своего влияния на Балканах. Первым шагом в этом плане явилось итало-югославское соглашение 15 марта 1937 г., за которым должно было последовать итало-румынское соглашение. 11 июня 1937 г. германский военный министр маршал фон Блюмберг имел в Риме ряд совещаний с королём и Муссолини и некоторыми политическими и военными руководителями Италии. Они обсуждали перспективы немедленных совместных действий в Испании и координирования своей деятельности по перевооружению. Через два дня после прибытия Блюмберга в Рим, 4 июня, Вирджинио Гайда писал в «Giornale d'Italia» об «оборонительном соглашении между Германией и Италией, защищающем всю европейскую цивилизацию».

Италия очень неохотно шла на отказ от возможных экономических, политических и военных преимуществ, которые связывала с победой Франко. Интересы Германии в Испании были значительно меньше итальянских. Но Гитлер не прочь был заработать на своей дружбе с Муссолини. Он рассчитывал, что Англию легче будет заставить примириться с победой Франко, если устранить англо-итальянские трения в Средиземном море. С этой целью осенью 1937 г. он оказывал систематическое давление на Муссолини, чтобы заставить его публично отказаться от всяких претензий в Испании, противоречащих английским интересам. Он надеялся таким путём добиться согласия Англии на предоставление Германии и Италии доступа к источникам сырья в Африке в обмен на ограничение ими своих наземных и воздушных вооружений. Однако осуществление этого плана сильно затруднилось вновь ухудшившимися, несмотря на «джентльменское соглашение», отношениями между Италией и Англией. Муссолини продолжал вести антибританскую пропаганду на Ближнем Востоке и не прекращал посылку войск в Ливию. Во время поездки в Ливию в марте 1937 г. он объявил Италию «покровительницей» ислама.

Следующим шагом в плане Гитлера намечалось привлечение на свою сторону Франции, разумеется, при условии её разрыва с СССР, т. е. в конечном счёте должна была быть достигнута изоляция СССР.

Германия и Италия, которых Советский Союз открыто обвинял в пиратских действиях в Средиземном море во время их интервенции в Испанию отказались участвовать на конференции в Нионе (10—14 сентября 1937 г.), рассчитывая, что их отсутствие сорвёт её. Правда, 30 сентября, вскоре после благополучного завершения конференции, на которой при активном участии СССР было подписано антипиратское соглашение, Италия поспешила объявить о своём присоединении к Нионскому соглашению.

Осенью 1937 г. нацистские лидеры и пресса уже перестали скрывать свою деятельную подготовку к войне. В конце октября генерал Эпп, руководитель колониального бюро, заявил, что общей миссией этого бюро и колониального комитета является «подготовка базы для неизбежных действий фюрера, предусматривающих удовлетворительное разрешение колониального вопроса» [36]. 26 ноября Геринг в Гамбурге прямо угрожал войной в случае неудовлетворения германских требований» [37].

В ноябре 1937 года английское правительство предприняло ещё одну попытку договориться с Германией и отправило в Берлин лорда Галифакса для выяснения главных требований Гитлера. Пронацистские

[36] «The Bulletin of international news», № 11, 1937, p. 9.
[37] «Times», 27 November 1937, p. 12.

элементы, под давлением которых была отправлена эта миссия, возлагали на неё большие надежды и не скрывали своей готовности удовлетворить германские требования за счёт Австрии и Чехословакии. Миссию Галифакса сравнивали с миссией Холдена и подчёркивали при этом, что в отличие от 1912 г. в отношениях обеих стран отсутствуют неустранимые расхождения. «Times» делал самые широкие авансы Германии, открыто признавая правомерность её требований равенства: «В последние дни миссия Галифакса часто сравнивалась с миссией Холдена в Германии в 1912 году. Сравнение особенно поучительное. Действительной причиной неудачи Холдена была морская политика Кайзера и Тирпица. Что является самым значительным в англо-германских отношениях в настоящее время? Морское соглашение 1935 г., которому Англия в целом уделяет значительно меньше внимания, чем оно того заслуживает. Едва ли может быть более выразительным отказ от враждебности в отношении этой страны или более конкретная и сильная демонстрация желания устранить причины антагонизма. Расхождения 1912 г. были неустранимы и фатальны. Трения 1937 г. выросли главным образом из страстного требования признания равенства Германии, равенства, которое хорошо понято в Лондоне» [38]. Германская пресса тоже подчёркивала отсутствие неустранимых противоречий и требовала от Лондона ясности в отношении к антикоминтерновскому пакту: «Если Германия с её новой мощью,— писала «Deutsche Allgemeine Zeitung»,— кажется Англии загадкой, то причина этого лежит не в непосредственно англо-германских соглашениях, а в отношении Англии ко всему миру, в котором ось Берлин — Рим и мировой антикоминтерновский политический треугольник стоят... как неустранимые факты. Англия оставляет неясным своё отношение к этому новому миру...» [39]. Во всяком случае, сугубо предупредительный тон английской прессы меньше всего ориентировал германское правительство на сговорчивость. В этом смысле очень показательна та реакция, которую вызвал в Германии слух о намерении Галифакса предложить Германии нечто вроде вопросника. «Германия Адольфа Гитлера,— возмущённо писала «Deutsche Allgemeine Zeitung»,— не нуждается ни в каких обследованиях. Экспедиции могут быть отправлены в джунгли собственной английской политики. Нам кажется, что там имеется больше материала для «объяснительных» действий... Германия хочет знать точку зрения Чемберлена на роль Германии в новом европейском балансе силы» [40]. В результате миссия Галифакса привела к новому обострению германских притязаний в Центральной Европе [41].

Очень важным этапом в закреплении военного союза держав оси явилась японо-китайская война. Италия и Германия действовали вполне солидарно, хотя по-разному были заинтересованы в исходе этой войны. Японо-китайский конфликт поставил Германию в весьма затруднительное положение. Германия была связана с Японией антикоминтерновским пактом от 25 ноября 1936 г., и хотя этот пакт не обязывал её помогать Японии в случае войны с Китаем, Япония могла, однако, потребовать

---

[38] «Times», 25 November 1937.
[39] Ibidem, 16 November 1937, p. 16.
[40] Ibidem, 18 November 1937, p. 14.
[41] Германский посол в Лондоне Риббентроп в донесении о своей беседе 14 февраля 1937 г. с лордом Галифаксом, опубликованной в фашистском сборнике документов, пишет: «В заключение нашей беседы я со всей серьёзностью указал Галифаксу... что политическая безопасность наших государств может, я думаю, быть гарантирована в конечном счёте только двумя моментами... Первая проблема разрешена морским соглашением, вторая проблема может быть разрешена гарантийным договором относительно Нидерландов и, возможно, последующими западными мирными договорами. Галифакс казался очень заинтересованным этими соображениями и сказал мне в заключение, что и его занимают подобные мысли и он бы желал вновь побеседовать со мною по этим вопросам» «Deutschland — England 1933—1939. Die Documente des deutschen Friedenswielens». Herausgegeben von Prof. Dr. Fritz Berber. 1940. S. 125, 126.

от Германии этой помощи под видом необходимости борьбы с «коммунистической опасностью» в Китае. Германия и сама была заинтересована в успешном исходе этой войны, поскольку истощение ресурсов Японии ослабляло её ценность как союзника в будущей войне. Наконец, ослабление давления Японии на Китай могло быть использовано демократическими державами в своих целях, а это уже прямо противоречило планам германского фашизма. С другой стороны, Германия имела очень значительные, главным образом торговые интересы в Китае, которым японо-китайская война наносила серьёзный ущерб. Ещё менее привлекательной рисовалась перспектива установления японского контроля над торговлей Китая с западными державами. В этом свете представляется достоверным сообщение из французского источника о том, что в самом начале войны, повидимому, под давлением торговых кругов Германия пыталась сдержать своего слишком «пылкого идеологического» партнёра [42]. 14 июля германский посол в Токио заявил Хирота, что Германия надеется на локализацию конфликта, тем более что война с Китаем противоречит духу антикоминтерновского пакта. Германским планам войны в Европе и ослаблению позиции СССР на Дальнем Востоке гораздо больше благоприятствовало укрепление Японии в Северном Китае без столкновения с нанкинским правительством. Известный английский историк Тойнби предполагает, что аналогичный совет — постараться избежать войны с Японией — получило также и китайское правительство. 21 июля германский посол в Вашингтоне сделал заявление государственному секретарю США Корделу Хеллу о намерении Германии соблюдать строгий нейтралитет и о её желании вместе с США скорейшего урегулирования конфликта. В начале японо-китайской войны германское правительство усиленно подчёркивало свою твёрдую решимость соблюдать строгий нейтралитет и неприменимость антикоминтерновского пакта к Китаю. Отражая позицию министерства иностранных дел, «Berliner Börsenzeitung» писала 22 июля: «Мир знает, что Германия преследует исключительно законные торговые интересы на Дальнем Востоке и не может иметь никакого другого желания, кроме сохранения мира между двумя народами — её друзьями. Германо-японское соглашение для отражения опасности является совершенно другим мероприятием» [43]. Германское правительство продолжало придерживаться этой политики и после подписания советско-китайского пакта о ненападении. Всего лишь за месяц до этого Япония предложила Китаю включиться в антикоминтерновский блок. Германское правительство тогда явно опасалось, что японская деятельность в Китае вызовет активное противодействие Англии и США. В военных кругах Германии отсутствовала уверенность в окончательной победе Японии.

В отличие от Германии Италия не была связана с Японией формальными узами; она не имела и сколько-нибудь значительных материальных интересов в Китае. Впрочем, Муссолини удалось достигнуть некоторых успехов в усилении влияния Италии в Китае: финансовым советником при нанкинском правительстве был итальянец, итальянская воздушная миссия заменила американских инструкторов, Италия имела сильное влияние на католическую миссию в Китае и т. д. Но в отличие от Германии она была гораздо меньше заинтересована в сохранении японской угрозы против СССР. Завоевание Китая не грозило Италии никаким ущербом, и она вполне довольствовалась тем, что японо-китайская война отвлекала внимание Англии и Франции от событий в Испании. Она могла себе поэтому позволить приветствовать японскую агрессию, которую Гайда в статье в «Giornale d'Italia» защищал как «деятельность, направленную к умиротворению Китая». А через два дня после этого в «Ро-

[42] «Survey of international affairs». Vol. I, p. 294, 1937.
[43] Ibidem.

polo d'Italia», в статье, приписывавшейся Муссолини, повествовалось о «жизненном порыве» Японии, который Италия хорошо понимает [44].

Япония была заинтересована в скорейшем присоединении Италии к японо-германскому пакту. Инициатива в завершении переговоров с Италией исходила от Японии. В Японии не склонны были преувеличивать значение итальянской помощи непосредственно в борьбе с Китаем; как уже указывалось, Италия интересовала Японию почти исключительно «своей способностью вредить Англии в Средиземном море». По этой причине японские морские круги относились сочувственно к присоединению Италии к пакту, а военные круги, вначале возражавшие, переменили своё отношение, когда оппозиция Англии против японских действий в Китае стала более отчётливой.

Ко времени открытия в Брюсселе дальневосточной конференции (3 ноября 1937 г.) все три державы оси выступали вполне солидарно. Италия в тот момент ещё официально не примкнула к антикоминтерновскому пакту. Это обстоятельство было использовано и Японией и Германией. На первоначальное приглашение принять участие в конференции министерство иностранных дел Японии ответило 26 октября 1937 г., что оно не может его принять до тех пор, пока с Японии не будет снято клеймо агрессора. 12 ноября японское правительство отказалось и от второго приглашения принять участие в конференции. Оно настаивало на том, что японо-китайская проблема может быть разрешена только путём прямых переговоров. Германское правительство мотивировало свой отказ (29 октября 1937 г.) тем, что, во-первых, Германия не может участвовать в конференции, так как она не является участником договора девяти держав (Вашингтонская конференция); во-вторых, германское правительство вообще отвергало правомерность вмешательства держав на основе этого договора, из которого в своё время Германия была исключена. Словом, Германия в завуалированной форме поддерживала позиции Японии, стремясь сорвать Брюссельскую конференцию, в чём ей немало содействовала Англия, продолжавшая политику лавирования и сговора с Японией за счёт Китая. Остальные участники конференции, за исключением СССР, занимали в общем такую же позицию, как и Англия. Поведение американской делегации, возглавлявшейся Норманом Дэвисом, отражало стремления американских изоляционистов воспрепятствовать сотрудничеству США с европейскими державами. Делегат СССР М. М. Литвинов, приветствуя созыв конференции, высказал пожелание, чтобы конференция не ограничилась восстановлением мира, но добивалась установления справедливого мира, такого мира, который «связал бы руки агрессорам во всём мире также и на будущее время». Точка зрения германского правительства отразилась в речи фон Нейрата в Мюнхене 30 октября, когда он заявил: «Я думаю, что ...державы, которые хотят посредничать между борющимися сторонами, не должны для этой цели сидеть на стульях судей» [45]. В основе такого отношения германского правительства к Брюссельской конференции лежало нежелание Германии фигурировать среди держав, выступающих против Китая. Германия не прекращала снабжать Китай оружием и не отозвала тогда ещё своих военных советников. Вполне уверенная в прояпонской позиции Италии, Германия предпочла использовать Италию для открытой защиты японских интересов на конференции. Итальянское правительство было представлено на конференции не Чиано, а Альдрованди Марескотти, экспертом по дальневосточным делам и участником комиссии Литтона по обследованию маньчжурского конфликта. Итальянский делегат отстаивал японское требование прямых переговоров с Китаем. «Единственная полезная вещь, которую мы можем сде-

[44] «Survey of international affairs». Vol. I, p. 44. 1937.
[45] Ibidem, p. 295.

лать,— говорил он,— это попытаться привести обе стороны к прямому непосредственному контакту, после чего нам больше нечего будет делать» [46]. Выполняя наказ Японии и Германии, Маскотти возражал против включения СССР в состав Комитета для посредничества между Японией и Китаем на том основании, что СССР не является участником договора девяти держав. Именно по его настоянию Японии было послано второе приглашение, а в это время, 6 ноября 1937 г., Италия присоединилась на правах первоначального участника к антикоминтерновскому пакту.

Окончившаяся неудачей Брюссельская конференция убедила японских милитаристов в том, что западные державы и до некоторой степени и США продолжают в отношении японо-китайской войны, по сути, прежнюю «политику невмешательства» и вряд ли предпримут какие-либо эффективные меры, чтобы воспрепятствовать японской агрессии.

Переговоры об итало-японском соглашении велись в тайне. Договорённость о присоединении Италии к антикоминтерновскому пакту, несомненно, имелась ещё до отъезда итальянского делегата на конференцию. Было ясно, что Германия и Япония хотели использовать Брюссельскую конференцию в целях контрдемонстрации всех трёх участников оси. На Муссолини оказывали давление с целью понудить его присоединиться к японо-германскому соглашению ещё за год до этого, но тогда он отказался, так как не хотел предоставлять Германии свободы действий в Центральной Европе, пока не получил уверенности в такой же поддержке в Испании и в своих африканских делах.

В статье 2-й протокола о присоединении Италии к пакту от 25 ноября 1936 г. указывалось, что подписание настоящего протокола равноценно подписанию первоначального текста соглашения и что протокол образует «...интегральную часть соглашения». Лживость торжественных заверений Риббентропа и Чиано, отрицавших наличие секретных параграфов, опровергалась самими фашистскими руководителями. Вирджинио Гайда прямо признавался в этом. «Конечно,— писал он в статье в «Voce d'Italia»,— кроме коммунистической проблемы Италия, Германия и Япония найдут в своей солидарности и другие широкие объекты для сотрудничества» [47].

С присоединением Италии к антикоминтерновскому пакту значительно расширились размах и сфера действия военного заговора фашистских стран.

Конец 1937 г. ознаменовался рядом больших дипломатических успехов фашистских стран. Осенью 1937 г. Муссолини получил от нового английского правительства «амнистию» за свою деятельность в Испании. 14 октября Невиль Чемберлен объявил Муссолини, что Англия готова предать забвению прошлое и безоговорочно одобряет отказ Италии от каких-либо намерений в Испании, на Балеарских островах и в испанских колониях. Гитлеру удалось усилить свои позиции в Бельгии и тем самым добиться значительного успеха в расшатывании системы французских союзов и системы коллективной безопасности.

11 марта 1938 г. по случаю вступления германских оккупационных войск в Австрию германские войска обменялись салютами с итальянским постом на Бреннере. 13 марта благодарный Гитлер телеграфировал Муссолини: «Никогда не забуду этого» [48]. 16 марта 1938 г. Муссолини сделал в палате депутатов заявление об аншлюссе. Смысл этого заявления заключался в том, что итальянское правительство не протестовало против событий в Австрии, потому что оно никогда не обязывалось защищать

---

[46] «The Bulletin of international news», № 10, 1937, p. 21.
[47] «Survey of international affairs». Vol. I. p. 44. 1937.
[48] Galera, von. Op. cit., S. 246—247.

независимость Австрии и, наконец, потому, что Австрия его об этом и не просила. Стоит только сравнить это заявление Муссолини с его решительным протестом в 1934 г. даже против предположения об общей итало-германской границе на Бреннере. Прошло всего лишь несколько лет, и новоявленный цезарь сам возвестил миру о своей покорности.

Захват Австрии, совершённый при полном бездействии Англии и Франции, означал крупный шаг в осуществлении грандиозного плана «Срединной Европы».

За Австрией наступала очередь Чехословакии, из которой германский фашизм собирался совершить свой прыжок на Украину.

Борьба вокруг Чехословакии привела к заключению позорного мюнхенского соглашения. Мюнхенская политика консолидировала блок фашистских агрессоров, подвела под него новую опору и создала возможность его дальнейшего развития.

Мюнхен считается в известном смысле рубежом, с которого начался новый этап германской экспансии. Домюнхенская экспансия Гитлера проводилась им под знаком требования территорий, населённых немцами. Она прикрывалась демагогическими требованиями фашистского «самоопределения» немецкого населения Европы.

22 мая 1939 г. Риббентроп и Чиано подписали в Берлине итало-германский договор о военно-политическом союзе сроком на 10 лет. В пакте указывалось: «обе стороны... будут находиться в постоянном контакте для достижения взаимопонимания во всех вопросах, касающихся их интересов в общеевропейской ситуации... консультироваться относительно мероприятий для защиты этих интересов...» Оба партнёра обязывались в случае «угрозы извне» оказывать друг другу полную политическую и дипломатическую поддержку, а в случае военного конфликта — немедленно придти на помощь всеми своими военными ресурсами на земле, на воде и в воздухе. Пакт предусматривал углубление сотрудничества в области военной и в области военной экономики. Для практического выполнения указанных задач обоим правительствам вменялось в обязанность создать постоянные комиссии под юрисдикцией обоих министров иностранных дел. Особый пункт (ст. 5) обязывал обе договаривающиеся стороны в случае войны заключать перемирие или мир только в полном согласии друг с другом. И, наконец, специальный пункт подчёркивал обязательства поддерживать и развивать взаимоотношения с другими дружескими державами в соответствии с интересами, связывающими Германию и Италию» [49].

Материалы Нюрнбергского процесса главных военных преступников вскрывают огромную роль гитлеровской Германии в построении и развязывании японской агрессии на Дальнем Востоке и специальном планировании агрессии против США. В апреле 1941 г. при встрече с Мацуока Гитлер обещал ему, что если между Японией и США начнётся война, то Германия непременно объявит войну США.

25 ноября 1941 г. был подписан протокол о возобновлении антикоминтерновского пакта сроком на пять лет. Тогда же к нему присоединились нанкинское правительство Ван Цзин-вея, Болгария, Финляндия, Хорватия, Румыния и Словакия.

---

[49] Contemporary international politics, by W. R. Sharp and Grayson Kirk, № 4, 1940, p. 897.

ОБ ОДНОМ ПРИМЕРЕ ИСКАЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ *

Акад. С. Джанашиа

Историческая наука в нашей стране сделала значительные успехи. Окружённая вниманием и заботой социалистического государства и общества, где нет общественного антагонизма, так долго сковывавшего объективное историческое познание, вооружённая подлинно научной, марксистско-ленинской методологией, советская историческая наука обратилась в передовую часть мировой исторической науки, обогащающую усвоенные ею все положительные приобретения и традиции прошлого новыми выдающимися достижениями.

Своего нынешнего состояния советская историческая наука достигла в непримиримой принципиальной борьбе с чуждыми, враждебными направлениями и установками. Сталинские указания, лежащие в основе известных постановлений СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16.V.1934 и 26.I.1936, а также Замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова по поводу конспектов новых учебников по «истории СССР» и «новой истории», вскрывшие и заклеймившие эти тенденции и практику как «антимарксистские, антиленинские, по сути дела ликвидаторские, антинаучные взгляды на историческую науку», как «попытки ликвидации истории, как науки», явились вместе с тем источником, ярко освещающим дальнейший путь развития нашей науке.

Однако ликвидаторы истории как науки ещё не перевелись у нас полностью. На такую мысль наводит вышедшая недавно книга Н. М. Токарского «Архитектура древней Армении» (Академия наук Арм. ССР, Институт истории. Отв. редактор И. А. Орбели, Ереван, 1946). Автор поставил себе целью «сделать общий обзор древнеармянского зодчества, проследить, как на протяжении веков в различных условиях работала и развивалась творческая мысль армянских зодчих и чем обменялись они со своими зарубежными собратьями по профессии в сложном процессе создания многообразных архитектурных форм» (стр. VIII—IX). Задача — почётная и актуальная. Однако богатое архитектурное наследие армянского народа в книге Токарского не получило достойного отражения. Порочная методология автора, тенденциозность, неряшливый стиль изложения, побуждения, не имеющие ничего общего с задачами научного исследования,—вот что поражает в этой книге, случайно, конечно, носящей марку высокого научного учреждения.

Для общей характеристики книги укажем, что в академическом издании, долженствовавшем, согласно объявленному плану, дать представление о почти полуторатысячелетнем процессе развития архитектурных форм, читатель находит всего лишь два разреза. О дворцах в Двине и Вагаршапате даны только сбивчивые описания, два снимка фрагментарных архитектурных украшений и реконструкция «дворика палат католикоса», выполненная Токарским. Автор не счёл нужным приложить планы этих построек, ныне находящихся в развалинах. О том, чего порой стоят подобные реконструкции разрушенных зданий, сообщает читателю сам Токарский в конце данного раздела: «В юго-восточном углу южной части патриарших палат сохранилась абсида небольшой церкви, которая в реконструкции архитектора Т. Тораманяна представлена как трёхнефная базилика. На самом деле здесь, вероятно, была небольшая однонефная часовня»... (стр. 48). Да и о своей собственной реконструкции Токарский рассказывает такие подробности: «На схематической реконструкции окна и двери в продольной стене размещены произвольно, так как никаких данных о них в развалинах найти нельзя».. (стр. 44, прим.). «Можно дать и другую реконструкцию здания, предположив, что здесь был не дворик, а зал», и т. д. (стр. 45, прим.). Условность и гипотетичность, неизбежные в подобного рода научной работе, доведены в данных случаях до того предела, когда реконструкция теряет всякий смысл и значение.

Множество других противоречий и логических неувязок остаётся вовсе незамеченным для автора. Так, он утверждает, что «армянские зодчие не останавливаются на результатах, достигнутых при переработке базилики в трёхнефную сводчатую церковь-залу. Они блестяще разрешают и задачу создания церковного здания, увенчанного куполом» (стр. 58). На чём же ос-

---

* *От редакции:* В Тбилиси, в издательстве «Заря Востока», вышла брошюра акад. С. Джанашиа «Об одном примере искажения исторической правды» (по поводу книги Н. Токарского «Архитектура древней Армении»). Учитывая важность поставленных в брошюре исторических проблем, редакция сочла необходимым опубликовать эту работу в журнале «Вопросы истории». Редакция предполагает в ближайших номерах журнала поместить ряд статей по вопросам, затронутым в работе академика Джанашиа.

новано это ответственное заявление? Только на догадках и домыслах, взаимно исключающих друг друга, и ни на одном факте. Отсутствие фактов неспособно смутить автора,—есть, чем их заменить. «Едва ли купольная форма постройки,— продолжает он,—была выработана только в связи с церковным строительством; надо полагать, что техника возведения куполов была хорошо известна архитекторам (каким?—*С. Д.)* значительно раньше. То обстоятельство, что в Армении пока не обнаружено купольных зданий, построенных ранее VI в., не может служить доказательством противного, ибо трудно предположить, чтобы в стране, тесно связанной с сасанидской Персией (и не только в порядке временного подчинения ей), не знали о замечательных дворцовых сооружениях, возведённых по повелению сасанидских властителей, которые (т. е. сооружения, а не властители!—*С. Д.)* и до сих пор способны восхищать самых требовательных ценителей искусства» (там же). Просто и ясно: в Армении не сохранилось купольных построек, возведённых ранее VI века, но зато они сохранились в соседней Персии; Армения же испытала не только политическое, но и культурное влияние Персии; поэтому трудно предположить, чтобы Армения не заимствовала купольной формы постройки из Персии. Но ведь в таком случае пальма первенства в деле выработки купольных построек переходит к персидским зодчим! Однако Токарский не считается с подобными препятствиями, он невозмутимо продолжает: «Ещё не выяснено, где (в Персии или Армении) была раньше применена та своеобразная форма сводчатого перехода к куполу в виде полуконуса, известная в архитектуре под названием конического паруса или тромпа..., которая только в середине VII в. была решительно вытеснена пришлым с запада сферическим парусом» (там же). Таким образом, хотя купол в целом заимствован армянами у персов, основной элемент купола, сводчатый переход в форме конического паруса, остаётся ещё загадкой, он может быть и персидского происхождения, и армянского, а в другой своей форме, в форме сферического паруса, он определённо заимствован армянами уже у западных народов. Путаница однако на этом не кончается. В непосредственно следующей фразе уже утверждается, что купол и в целом может быть чисто армянского происхождения: «Трудно также предположить, чтобы зодчие, встречавшие на домах в каждой деревушке шатровую деревянную кровлю, поддерживаемую столбами, не пришли к мысли о куполе» (здесь, как и во всех нижеследующих цитатах, подчёркнуто нами.—*С. Д.)*. И всё это преподносится на одной странице!

Конечно, таким методом, при помощи всемогущих формул: «едва ли», «надо полагать», «трудно предположить», «трудно также предположить» и т. д. (здесь они все выписаны из одного абзаца, но вся книга пестрит ими) можно «доказать» всё, что угодно.

И действительно, внимательному читателю не трудно заметить, как бездоказательны утверждения Токарского. Много значительных памятников армянской архитектуры описано совершенно поверхностно. Подлинный стилистический анализ памятников отсутствует. Датировка их, имеющая столь важное значение, большей частью вовсе не обоснована или обоснована очень странно. Так, о базилике в Ереруйке, в самом начале её описания, сказано, что относится она к числу «дошедших до нас наиболее древних церквей» (стр. 49), затем мимоходом обронено, что «позднее здесь возвели новый портик... Портики базилики, построенной в V веке, предназначались» и т. д. (стр. 52). О Текорском храме говорится: «К тому же времени (т. е. ко времени построения Ереруйской базилики.— *С. Д.)* обычно приурочивают и постройку собора в Текоре (Дигоре)» (стр. 53), а из датировки храма в Аравусе, отнесённого к «первым векам христианства (V—VI в.)» (стр. 55), мы узнаём, что древнейшие церковные постройки в Армении есть постройки V и VI веков, хотя христианство стало государственной религией Армении в IV веке (стр. 48). Между тем, с точки зрения вопросов, поднятых в книге, имеет значение датировка в пределах десятилетий (см., например, рассуждения Токарского о датировке Мцхетского «Джвари»)[1]. О церквах в Аштараке и Касаге сказано, что они «были построены не позднее VI в.» (стр. 55). Почему, — остаётся неизвестным. Зато на стр. 121 тот же Аштарак причислен к «ряду церквей VI—VII вв.». Многоабсидный храм в Егварте провозглашён постройкой VII века (стр. 106), и нет ни одного слова в подтверждение этой датировки. Хронология же многоабсидных храмов очень важна, потому что до сих пор господствовал взгляд, что подобные постройки появляются не ранее X века.

Путаница и противоречия в тексте иногда достигают необъяснимых размеров. Так, на стр. 210—211 читаем: «В Хахуле чередуются клинья двух цветов. Этот приём, видимо, произвёл такой эффект, что в некоторых уже существовавших постройках арки из разноцветных клиньев над окнами были воспроизведены краской по обычной горизонтальной облицовке (Ошк. Пархал). Наличие подобной имитации в Ошке на богато убранном окне западного фасада, композиционно одинаковым (так! — *С. Д.)* с южным окном церкви в Хахуле, показывает, что последняя была построена несколько позднее, но мастерами той же школы». Каким образом наличие в Ошкском храме подражания Хахульскому может служить указанием на

[1] «Об окончании постройки в Мцхете до 604/5 г. не может быть и речи; свидетельства Хроник и характер убранства позволяют отодвинуть дату её окончания к тридцатым годам VII в.», — пишет Токарский на стр. 92.

более позднее время постройки Хахульского храма, навсегда останется тайной Токарского.

Ещё более оригинальным представляется следующее доказательство автора. В связи с опубликованным в специальной литературе утверждением, что в Мцхетском «Джвари» была впервые разработана соответствующая архитектурная тема, Токарский возражает: ...«хорошо известно, что, кроме построек, стоящих на поверхности, в Армении и Грузии под землёй скрыто не мало развалин монументальных сооружений, среди которых могут оказаться и церкви интересующего нас типа, построенные раньше и Авана и Мцхеты» (стр. 91). Автор не замечает, что эта «подземная» аргументация, к которой он прибегает часто и в других местах своего сочинения, больше, чем что-либо другое, указывает на то, что уже исчерпаны все остальные материалы, с которыми только и может считаться наука.

Главным основанием предположения автора, что Эчмиадзинский храм вначале представлял собой базилику, служит то, что «в церковном песнопении «гандз»-е некоего Атома в честь Эчмиадзина он называется Сионом,— а как установил И. А. Джавахов, в грузинском языке это наименование всегда обозначает базилику»... (стр. 61). Помимо всего прочего, следует отметить, что автор здесь игнорирует данное в новейшей литературе совершенно иное толкование термина «сион» и для самого грузинского языка. Укажем мимоходом также и на то, что если бы Токарский отнёсся серьёзнее к этому вопросу и глубже вник в сообщения источников, он мог бы обнаружить термин «сион» не только в поэтической литературе, показания которой в данном случае имеют лишь косвенное и побочное значение. Так, купольная постройка XIII века в Сагмосаванке в самой надписи этого храма два раза названа «святым сионом» [2]. Что же это значит?

Поверхностно, бездоказательно рассмотрены весьма важные вопросы о происхождении и развитии купольных базилик и «купольных зал», хотя автор позволяет себе, в связи с этими вопросами, далеко идущие утверждения (стр. 62—68).

О зодчем замечательного грузинского храма «Джвари» в Мцхета Токарский говорит, что он «окаймил купол своего творения типичным армянским карнизом» (стр. 92). Между тем, в другом месте, излагая свои «некоторые соображения о происхождении этой формы» (имеется в виду вышеназванный тип карниза), сам же Токарский называет в качестве ступеней её эволюции пример из Малой Азии, а также «карниз из церкви в сел. Гарбани на Военно-Грузинской дороге» (стр. 121), т. е. пример из Грузии. Так почему же этот карниз «типично армянский»?

По поводу того же «типично армянского» карниза в «Джвари» автор пишет: «Факт этот не может вызывать недоумения, так как в Грузии имеется церковь, известная под названием «Атенского Сиона», очень сходная с мцхетской, которую построил архитектор армянин»... (стр. 92). Факты культурного заимствования могут вызывать недоумение только у Токарского. Наука их изучает имеющимися в её распоряжении объективными методами. Но в данном случае Токарский не находит нужным сообщить читателю все известные факты. Так, в специальной литературе неоспоримо установлено, что Атенский храм построен позже Мцхетского и является неудачным подражанием последнему!

Так обстоит дело в книге Токарского с реализацией одной части её объявленной программы: «сделать общий обзор древнеармянского зодчества, проследить, как на протяжении веков в различных условиях работала и развивалась творческая мысль армянских зодчих»... Уже из разобранных нами выше высказываний Токарского читатель мог усмотреть также и то, как выполняется в книге вторая часть той же программы: «проследить... чем обменялись они (армянские зодчие.— *С. Д.*) со своими зарубежными собратьями по профессии»... Но на этом вопросе стоит остановиться дольше.

На деле обмен тут трактуется декларативно (так, например, в «Заключении»), отношение к внешней культурной среде — однобоко и с нарочитостью. Причём без путаницы и противоречий не обходится и здесь.

Вот несколько характерных, с данной точки зрения, высказываний Токарского: «Было бы ошибкой отождествлять древнейшую архитектуру Армении с архитектурой урартов, создавших задолго до христианской эры первое государство в Закавказье. Но вполне возможно, что армянский народ, в состав которого наряду с основным ядром — арменами вошли и урарты, использовал в какой-то мере в своём строительстве опыт мастеров древнего государства, территорию которого он занял. Нужно, однако, отметить резкое отличие построек, возведённых значительно позднее армянскими зодчими, от сооружений урартов, строительная техника которых более близка к технике народов Месопотамии, в частности ассирийцев» (стр. XIII).. «Из сказанного явствует, насколько далеки друг от друга архитектурные памятники урартов и армян по общему решению, технике и отделке и с какой осторожностью нужно подходить к вопросу о преемственности, чтобы не впасть в ошибку» (стр. XVI). Следовательно, использовать опыт древних урартских мастеров армянские зодчие не могли ни в области общих решений, ни в технике, ни в отделке. Спрашивается, где же они могли этот опыт использовать?

«Эллинизм, сыгравший значительную, прогрессивную роль во всех областях жизни страны, не исключая и искусства, потерял благоприятную почву для распространения своего влияния и должен был уступить место Риму. В дальнейшем, уже в первые века христианства, в архитектуре можно встретить лишь отзвуки эллинистических и римских форм — волюту на капители, зубец и модульон на карнизе, сильно переработан-

[2] «Собрание надгробных надписей...» собраны К. Костанянц, стр. 58.

ный акант. Армянские зодчие нашли собственные пути, с которых ни разу не свернули, хотя на протяжении веков и встречали немало опасных перекрёстков» (стр. 12—13).

Далее. Мы уже приводили выше рассуждения Токарского на тему о том, что «армянские зодчие не останавливаются на результатах, достигнутых при переработке базилики в трёхнефную сводчатую церковь—залу. Они блестяще разрешают и задачу создания церковного здания, увенчанного куполом» (стр. 58). В дальнейшем утверждается: «Интересно, что значительно позднее, в XII—XIII вв., когда купол в церковном зодчестве имел уже семивековую давность, архитекторы, создавая последнюю новинку — притвор, обращаются всё к тому же сельскому дому, воспроизводя в камне шатровое покрытие с световым отверстием, основанное на колоннах. Развитие купольных церковных сооружений в Армении пошло по двум самостоятельным направлениям»... (стр. 58—59). И хотя в Армении «древнейших купольных церквей исходного вида пока не обнаружено» (стр. 59), однако несомненно, уверяет Токарский, что «армянские зодчие в полной мере учли это обстоятельство (особенности местной базилики.— *С. Д.*) и создали в первой половине VII в. ряд прекрасных купольных базилик» (стр. 62) и что именно в этих «купольных базиликах VII в. создаётся форма крестовокупольного храма, столь характерная в последующие века для церковного зодчества Закавказья» (стр. 64). «Армянские памятники, созданные значительно раньше подобных им византийских, убедительно говорят о том, что этот тип был разработан здесь на основе базилики» (стр. 65; см. также стр. 68, 73, 111, 112—113, 118—119 и др.). Наконец, Токарский заявляет, что к первой половине VII века «уже представляется возможным говорить о вполне сложившейся армянской классике, на которой, несмотря на многие превратности, зиждется творчество всех последующих поколений армянских зодчих» (стр. 132).

Таким образом, все основные архитектурные формы оказываются возникшими на месте, отсюда они распространились в другие страны. Нет необходимости отказывать охотникам в праве подобной постановки вопроса. Требования читателя скромны: он просит только фактов и доказательств. А как с фактами и доказательствами у Токарского в связи с этим кругом вопросов?

Наиболее ярко научная методология и общественные установки Токарского сказались в его рассуждениях об отношении армянской архитектуры к архитектуре грузинского народа, векового соседа армян. Здесь, конечно, культурного обмена нет и в помине, здесь автор даже не довольствуется утверждением об исключительно одностороннем влиянии, что можно было видеть и выше,— он идёт дальше.

Не забегая вперёд с оценками, рассмотрим терпеливо соответствующие места книги Токарского.

«Гвоздь» книги — попытка изобразить всю Южную Грузию с её населением и культурой как инонациональный мир. Здесь речь идёт о южно-грузинских провинциях, расположенных в бассейне реки Чороха и по верхнему течению реки Куры. До падения рабовладельческой государственности в Грузии эти области непосредственно входили в пределы Восточно-грузинского и Западно-грузинского царств. В период вызревания феодальных отношений в Грузии они составляли одно из значительнейших грузинских феодальных образований, обычно именуемое Тао-Кларджетией (IX—X вв.), по двум своим ведущим областям — Тао и Кларджети. Помимо этих провинций в Тао-Кларджетское царство входили и играли в его жизни видную роль и другие области, как-то: Адчара (Аджария), Шавшети, Самцхэ, Джавахети, Артаани (Ардаган; в то время это— название области, а не города, получившего такое наименование от области, будучи её центром, позднее), Кола, Спери и др. Токарский не оставляет сомнения в том, что дело касается именно этой территории. В одном случае он прямо говорит о своём предмете, как об «архитектуре Тао-Кларджии (т. е. Тао- Кларджетии.— *С. Д.*) второй половины X века, когда были возведены прекрасные сооружения в Ошке, Ишхане, Тбете» (стр. 146. Следует отметить, что Тбетский памятник, сохранившийся до наших дней, находится на территории Шавшетии, одного из самых северных районов Тао-Кларджетии.— *С. Д.*). В другом случае у Токарского эти земли называются «областями в бассейне реки Чороха» (стр. 200), чаще же всего они в книге именуются Тайк-ом (армянская форма названия Тао), что должно заменить обычную Тао-Кларджетию. Что же утверждается об этом крае?

Территория. Утверждается, что эти «западные армянские области в бассейне реки Чороха, бывшие некогда уделом известных княжеских родов (каких? — *С. Д.*), в которых (в областях, а не в родах.— *С. Д.*) во время арабского нашествия отсиживались Багратиды, во второй половине X века входили в состав самостоятельного государственного образования, во главе которого стоял умный, энергичный тайкский куропалат Давид» (стр. 200), что это — «исконные армянские земли» (...«такой приём известен и в архитектуре Тао-Кларджии второй половины X века, когда были возведены прекрасные сооружения в Ошке, Ишхане, Тбете... Связи багратидской Армении с этими исконными армянскими землями... общеизвестны»—стр. 146; ...«западные районы Армении, расположенные в Чороховском бассейне» — стр. 135; ...«из Ишхана, селения в древней армянской халкидонитской области Тайке»...— стр. 95; «Нерсес, уроженец халкидонитской армянской области Тайка»...— стр. 46). На чём же основано это категорическое утверждение? Ни на чём. Токарский не приводит ни фактов, ни соображений в пользу своего тезиса.

А между тем, при желании и при даже небольшой объективности он мог бы разобраться в вопросе о территориальной принадлежности данных областей. Если ему не угодно пользоваться грузинскими известия-

ми, он имел возможность заглянуть (это было бы желательно) в греко-римские источники и обязан был (решаемся утверждать это!) уделить немного внимания армянским сообщениям.

Восстановить подлинную научную историю этой территории вовсе не трудно, опираясь на показания авторитетнейших исторических источников. Проникая на южную, месопотамскую окраину Халдского государства уже с VI—V вв. до н. э., армянские племена только после 189 года до н. э. занимают такие районы, как Дерджан и Карин — ныне Эрзерумскую область (Страбон). Отныне пограничная линия между Грузией и Арменией проходит по Араксу (Аполлодор). При Тигране II, в семидесятых годах I века до н. э., происходит дальнейшее расширение границ Армении. В это время, нужно думать, была занята провинция Спери (у Страбона — Сиспиритида). Тао же продолжает оставаться в пределах Грузии: подробно перечисляя армянские области, Страбон (начало I в. н. э.) среди них нигде и никак не упоминает Тао.

К началу христианской эры граница между Арменией и Грузией проходит, как это можно усмотреть из сравнительно-критического изучения современных источников, по Кура-Араксинским водораздельным хребтам, причём средняя часть Чорохского ущелья входит в пределы Грузии. Здесь Страбон границу полагает в Мосхийских горах, а Плиний утверждает, что территория Иберии простиралась до Париадрийских гор. Если даже согласиться с принятым всеми исследователями мнением, что Париадр древних есть ныне гора Пархал (мы считаем, что наименование Париадр относится к горам, находящимся далеко к юго-западу от Пархала), и в этом случае мы получим несомненное свидетельство того, что во взятую эпоху Тао, юго-западной границей которого как раз и служила гора Пархал, составляло часть Восточно-грузинского царства [3].

I—III века нашей эры есть период значительного усиления Грузинского царства. Армения же, превращённая в арену непрекращающихся войн между Римом и Ираном, постепенно слабеет и истощается. Это — время нового передела территориальных владений на армяно-грузинской границе. Наше утверждение относится, прежде всего, ко второй трети I века, когда на армянском престоле сидят представители грузинского царского дома. Важно также сообщение Тацита, что в 58 году н. э. по повелению грузинского царя Фарсмана I в Армению вторгаются мосхи [4]. Следовательно, мосхи в это время продолжают оставаться подданными грузинского царя. А ведь мосхи, как это известно всем, есть название жителей тех самых южно-грузинских провинций, которые в IX—X веках и составляют царство Тао-Кларджетию. Но из этого следует и тот вывод, что территория позднейшей Тао-Кларджетии в середине I века н. э. составляла часть Грузинского царства. Есть основание также полагать, что сообщение Д. Кассия об увеличении территории Грузинского царства при имп. Адриане имеет в виду расширение его границ в южном направлении.

Для середины же VI века знаменитый византийский историк Прокопий Кесарийский, поразительно осведомлённый в закавказских делах писатель, вновь подтверждает, что мосхи, занимающие высокогорную страну, издавна являются грузинскими гражданами [5].

С основанием южно-грузинского феодального княжества Тао-Кларджетии положение в рассматриваемых районах приобретает ещё большую ясность и определённость. Территория княжества всё больше и больше расширяется к югу, включая в себя один за другим ранее утраченные районы. В 952 году византийский император Константин Багрянородный, столь же превосходно информированный о кавказских делах, как и Прокопий, категорически удостоверяет, что владения тао-кларджетских Багратионов подступали к самому Феодосиополю, ныне Эрзеруму, и что граница между Грузией и империей в этом секторе проходила по реке Араксу. Константин пишет: ...«по его (грузинского куропалата) просьбе (решено), чтобы границей Фазианы (груз. Басиани, область смежная с Эрзерумской. — *С. Д.*) служила река Ераке, или Фазис, и чтобы земли влево, в сторону Иверии (Грузии), принадлежали иверам (грузинам), а вправо, в сторону Феодосиополя, крепости и селения—нашему величеству, и чтобы река служила гранью между обоими владениями» [6]. К концу того же века глава Тао-Кларджетского царства Давид III Куропалат присоединил к своим владениям новые обширные области вплоть до северного прибрежья Ванского озера и до гор. Эрзинки (ныне Эрзинджан). Нечего и говорить, что объединённое Грузинское царство ещё более прочно укрепилось в этих областях.

Что же можно почерпнуть из армянских сообщений по этому вопросу? Возьмём наиболее субъективно окрашенный источник, известную «Армянскую географию», которую традиция приписывает Моисею Хоренскому и полагает сочинением V века н. э. Исследователи же датируют её — одни VII веком, другие IX-ым. Этот памятник, проникнутый национальной тенденцией и потому порой грешащий против истины, так описывает Грузию: «Колхида, то-есть Егер (груз. Эгриси. — *С. Д.*), находится к востоку от Понтийского моря, близ Сарматии, и сопредельна с Иверией и Великой Арменией. Егер разделяется на четыре провинции: Манрили, Егревика, Лазив, Чанет, то-есть Халды».

---

[3] Джанашиа С. «К политической географии Иберского (Картлийского) царства в древнейший период». Сообщения АН ГССР, № 7. 1942.

[4] Annales, XIII, 37.

[5] De bello Gothico, VIII, 2.

[6] Сочинения Константина Багрянородного «О фемах» (De thematibus) и «О народах» (De administrando imperio). С предисловием Г. Ласкина. М. 1899. «О народах», гл. 45, стр. 167; там же, стр. 168.

Таким образом, «География» относит к Колхиде не только современную Западную Грузию (Мингрелию, Гурию, Аджарию и др.), но и весь Лазистан, а также область чанов, тех же халдов, т.-е. области к западу и югу от Трапезунта. В том же описании Колхиды говорится, что Чорох есть река Колхиды, хотя истоки её находятся в Армении. О Восточной Грузии «География» повествует: «Иверия, то-есть Грузия, к востоку от Егера, в смежности с Сарматией у Кавказа, простирается до пределов Албанских по реке Куре. Области Грузии следующие: Кларджи, Ардаган, Шавшети, Джавахи, Самцхе, Адчара, ...Манглисское ущелье, Квешское ущелье (древнее название нынешнего Башкичетского, или Дманисского, района.—*С. Д.*), Болнисское ущелье, Трелы (т. е. Триалети.—*С. Д.*), Кангары, Ташир» и другие [7]. Тенденция «Географии» в данном случае проявилась в том, что в последующем изложении некоторые из этих областей упомянуты уже в составе Армении, но при этом каждый раз отмечается, что такой-то, мол, областью «владеют грузины». Совершенно очевидно (и не может быть другого толкования), что в VII—VIII вв. принадлежность этих провинций Грузии была общеизвестна и за её пределами. Этот же факт, в наличных исторических условиях, имел также и этническое значение: в VII—VIII вв. Грузия лишена политического единства и самостоятельности, она сама находится под арабским господством, и выражение «Армянской географии», что названными провинциями «владеют грузины», нужно понимать преимущественно в том смысле, что там сидит грузинское население.

Тао («Тайк») «Армянская география» называет в числе армянских областей. Но вот гораздо более беспристрастный и лучше осведомлённый источник, известный армянский историк VII века Леонтий (Гевонд), прямо говорит, что Кола входит в пределы Грузии [8]. А Кола, район истоков реки Куры, по признанию той же «Армянской географии», была частью провинции Тао. Тот же Гевонд в другом месте Самцхэ (область города Ахалцихе) определяет как область страны грузинской [9], а Моисей Хоренский причисляет Кларджети к областям Грузии [10] и т. д.

Итак, тенденция книжных построений средневекового клирика, раскрываемая его же собственными фактическими данными, очевидна. Она и понятна. Непонятно только, когда в наше время и в наших условиях не только не могут, но и не хотят освободиться из плена тех же самых клерикальных конструкций и представлений.

Население. О населении Тао-Кларджетского царства Токарский даёт своим читателям такие сведения: «Основную массу населения составляли армяне, бывшие здесь исконными приверженцами халкидонитства... Они... живя бок о бок с грузинскими переселенцами, появившимися в IX в. в опустошённом арабами и эпидемиями крае, стали медленно денационализироваться» (стр. 200—201). «Тайкская архитектурная школа второй половины X века создалась в условиях, когда большая группа армянского населения по указанным причинам окончательно выделилась в самостоятельный государственный организм. И хотя он в силу происходившего огрузинивания коренного населения уже тяготел к формировавшемуся объединённому грузинскому государству, основная масса населения, несмотря на различие в вере, ещё многими нитями была связана со своими сородичами» (стр. 213). И ещё Токарский говорит ...«о древней армянской халкидонитской области Тайке, начавшей очень медленно огрузиниваться после появления здесь грузинских переселенцев в IX в.» (стр. 95). Таким образом, Токарский утверждает, что основную и коренную массу населения Тао-Кларджетского царства составляли армяне, выделившиеся во второй половине X века в самостоятельный государственный организм исключительно вследствие религиозных разногласий: вопрос признания постановлений Халкидонского собора роковым образом расколол армян на две непримиримые группы, которые не могли жить вместе под одной политической кровлей. Вместе с тем, как обычно, оказывается, что тао-кларджетская группа армян, «несмотря на различие в вере, ещё многими нитями была связана со своими сородичами».

Автор не называет ни одного факта в пользу своего положения, и не может назвать, потому что таких фактов нет. Все данные говорят об обратном. Но укажем прежде всего, что утверждение Токарского вовсе несостоятельно и с чисто логической точки зрения. Каким образом «основная» и «коренная» масса населения, которая ещё многими нитями была связана с собственно Арменией, подчинилась влиянию меньших по числу грузин-переселенцев настолько, что и вовсе огрузинилась? Почему же тао-кларджетские армяне воспринимали именно грузинское влияние? Ведь греко-восточное православие, или, иными словами, халкидонитство (диофизитство), которое, по Токарскому, было единственным связующим звеном между тао-кларджетскими армянами и грузинами, в ещё большей мере объединяло этих армян с византийскими греками. Почему же эти армяне ассимилировались именно с грузинами, а не с греками? Ведь само-то халкидонитство местных армян было в значительной степени результатом политического давления Византии, и это давление продолжало действовать также и в IX—X вв. Может быть, с целью смягчить это вопию-

---

[7] Текст «Географии» представлен в нескольких редакциях. См., например, «Армянская география VII в. по н. э. (приписывавшаяся М. Хоренскому). Текст и перевод». Изд. К. Патканов, СПБ. 1877, стр. 38—40, 16—17 (текст): «Geographie de Moise de Corène d'aprés Ptolémée», ed. p. A. Soukry, p. 37—39. Ven. 1881.

[8] История армянского католикоса Гевонда Великого, стр. 168. СПБ. 1887.

[9] Там же, стр. 138.

[10] «История Армении Моисея Хоренского. Новый перевод Н. Эмина», стр. 133. М. 1893.

щее противоречие, Токарский глухо говорит, что грузинские переселенцы появились «в опустошённом арабами и эпидемиями крае». Но если это опустошение коснулось населения и ослабило здесь армянский элемент настолько, что дало возможность грузинам беспрепятственно стать господами положения, тогда все последующие уверения Токарского, долженствующие внушить читателю мысль о беспрерывной преемственности здесь армянской культуры, оказываются совершенно необоснованными: не было носителей культуры,— не было и самой культуры.

Правда заключается в том, что основная, коренная масса населения в тао-кларджетских областях была искони грузинской по языку и культуре, а армяне, если они где и были, являлись именно переселенцами. Существование армян-переселенцев можно допустить, главным образом, для Спери, Басиани и для южного Тао. Нужно думать, что в южное Тао эти переселенцы притекли в качестве иммигрантов, искавших здесь надёжного убежища в непомерно тяжёлые для армянского народа времена персидского и арабского владычества в V—VII вв. Ассимиляции их с грузинами способствовало и то обстоятельство, что пришельцев было меньше по числу, чем аборигенов края. Предложить какое-либо иное разумное объяснение этих неоспоримых фактов совершенно невозможно.

Сама армянская историография подтверждает этот единственный вывод. Мы уже видели, что армянские источники седьмого века северное Тао, в частности — Кола, район истоков Куры, рассматривают как грузинскую область.

Владетельный феодальный дом Тао, выдвинувшийся в первые ряды армянской аристократии, Мамиконяны, по своему происхождению принадлежал к грузинскому племени чанов, как это признаёт и специально обосновывает крупнейший представитель новой армянской историографии проф. Адонц [11].

Рассмотрение вопроса о населении Тао-Кларджетии удобно связать с вопросом о царствовавшей здесь династии Багратионов, или Багратидов.

О Багратидах Токарский пишет: «С давних пор в Армении пользовался влиянием княжеский род Багратидов (Багратуниев)... После неудачного восстания против арабов в 755 году... Багратиды ушли в западные районы Армении, расположенные в Чорохском бассейне» (стр. 135). «Одновременно с усилением ширакских Багратидов, возложивших на себя во второй половине IX века царскую корону, идёт расширение владений артануджской ветви этого рода в сторону Грузии, где они положили начало династии, правившей до конца существования грузинского царства в начале XIX в.» (стр. 135—136).

Багратидам нечего было уходить в «западные районы», «расположенные в Чорохском бассейне», потому что их собственные феодальные владения были именно здесь. Бесспорно, и это свидетельствуется также армянскими источниками, что Багратиды происходили из древнегрузинской провинции Спери. Известный армянский писатель Моисей Хоренский передаёт нам взгляды, которые господствовали в армянском обществе его времени насчёт происхождения Багратидов, именовавшихся в Армении Багратуниями. В 22-й главе первой книги своей «История Армении» Хоренский пишет: ...«Некоторые не заслуживающие доверия люди говорят — произвольно, не руководясь истиной — что венценалагающий род Багратуни происходит от Хайка. На это скажу: не верь таким глупым речам; ибо в этих словах нет ни следа, ни признака правды. Нелепо и нескладно болтают они о Хайке и о подобных ему. Но знай, что имя Смбат, которое Багратуни дают часто своим сыновьям, есть собственно Шамбат на их первоначальном, то-есть еврейском языке». О родоначальнике Багратидов Хоренский сообщает в той же главе: «Говорят, что Храчеай, выпросив у Навуходоносора одного из главных полонённых евреев, по имени Шамбат, привёл его... Историк говорит, что от него происходит род Багратуни — и это верно» [12]. Из глав 37-й и 63-й второй книги того же труда видно, что родовой удел Багратидов находился в Спери, а их главная резиденция — в крепости Байберде, нын. гор. Байбурд [13]. А что касается населения и его языка во владениях Багратидов, об этом Хоренский сообщает ещё более интересные сведения. Согласно конструкции Хоренского, персидский (парфянский) царь Аршак назначает царём Армении Вагаршака, который «установил, сколько мог, общественный порядок в нашей земле, учредил нахарарства, назначив во главе их мужей полезных из потомков предка нашего, Хайка, и из других (родов)... Первее всего он вознаграждает могущественного и мудрого мужа из евреев — Шамбу Багарата, дав его роду право возлагать корону на Аршакидов и называться по его имени Багратуни... Этот Багарат... назначен наместником и начальником над десятками тысяч воинов на западных пределах Армении, где уже перестаёт раздаваться говор армянский» [14]. Таким образом, ещё в VIII или IX веке, к каковому времени большинство исследователей относит появление «Истории» Хоренского, образованнейшие армяне считались, как с бесспорным, с фактом неармянского происхождения Багратидов и населения областей по среднему и верхнему течениям р. Чороха.

То же самое, в основном, представление о происхождении Багратионов мы находим в византийских и древнегрузинских источниках. Византийский император Константин Багрянородный в своём сочинении «О народах», в главе 45-й, озаглавленной «Об

---

[11] Адонц Н. «Армения в эпоху Юстиниана», стр. 402—404. СПБ. 1908.

[12] «История Армении Моисея Хоренского. Новый перевод Н. О. Эмина», стр. 36—37. М. 1893.

[13] Там же, пер., стр. 89, 108.

[14] Там же, кн. II, гл. 3, стр. 53; арм. текст, цит. изд., стр. 104—105.

иберах» (или, в ином произношении: «иверах», «ивирах»; так греки, как известно, называли грузин), рассказывает: «Должно знать, что ивиры, т. е. (ивиры) куропалата, хвалятся тем, что они происходят от жены Урии, на которой незаконно женился пророк и царь Давид... Они говорят, что из Иерусалима были тот Давид и брат его Спандиат, каковой Спандиат, как говорят они, получил от бога милость, что не мог быть поражён мечом, на войне в какую-нибудь часть тела, кроме сердца, которое на войне он и защищал каким-то вооружением. Вследствие этого и боялись его персы. Он же победил их и покорил, и родичей (своих) иьиров поселил в трудно доступных местах, теперь ими занимаемых; оттуда они стали понемногу распространяться и увеличиваться и сделались великим народом... С тех пор как они переселились из Иерусалима в землю, теперь ими населяемую, прошло 400 или 500 лет до настоящего времени, т. е. до 10-го индикта 6460 года от сотворения мира» (т. е. 952 г. н. э. — *С. Д.*) [15].

Уроженец Тао-Кларджетии, современник Константина Багрянородного, выдающийся грузинский писатель Георгий Мерчули называет «куропалата царя Ашота», родоначальника тао-кларджетской линии Багратионов, «государём, наречённым сыном Давида, пророка и помазанника господня» [16].

Потомками пророка Давида считает Багратионов также древнегрузинский историк Джуаншер, а фамильный летописец Сумбат Багратиони, оставивший нам один из самых важных источников для истории своего рода, подробно развивает ту же самую генеалогию в начале тридцатых годов XI века.

Артануджскому, или тао-кларджетскому, владетельному дому основание положил, в начале IX века, упомянутый Ашот Багратиони, который сюда пришёл из Тбилиси, где он занимал высокий пост, но рассорился с арабами. Через него, говорит Мерчули, «утвердилось над грузинами господство («мтаварство») его и сыновей его до скончания века» [17].

История этого дома и самого княжества также хорошо известна по грузинским, византийским, армянским и арабским сообщениям. Бежавши из Тбилиси, Ашот оседает первоначально в Кларджетии, избирает своей резиденцией древний грузинский город Артануджи,— в котором строительство вёл ещё в V веке известный грузинский царь Вахтанг Горгасал,— и поскольку эта область тогда политически входила в пределы Византии, Ашот провозглашает императора своим сеньором. Отсюда — византийские придворные звания в роду тао-кларджетских Багратионов, в том числе и высшее — «куропалат». Но постепенно потомки Ашота фактически освобождаются от этой вассальной зависимости и в X веке являются сюзеренными правителями, сохраняя вместе с тем прежние титулы, и прежде всего титул куропалата, который носит старший в роде.

В Тао-Кларджетии рано складывается своеобразный удельный строй, напоминающий строй Киевской Руси, но вместе с тем здесь иерархия многочисленных владетелей выражена очень отчётливо. Глава всего царства титулуется грузинским куропалатом, что засвидетельствовано всеми вышеназванными группами источников. К концу IX века здесь же появляется титул грузинского царя, а к концу следующего — царя-царей. Указанное политическое состояние правдиво отражено в записи Мерчули, сообщающей, что «Житие (Гр. Хандзтийского) написано спустя 90 лет после его преставления, в 6554 году от начала мира (в 950 г. н. э.), ...в господство над грузинами куропалата Ашота (ум. в 954 г.), сына Адарнерсея, царя грузин, ...во дни эристава эриставов Сумбата, сына царя Адарнерсея, в магистерство Адарнерсея, сына магистра Багарата, когда эриставом был Сумбат, сын мампала Давида»... [18].

Потомство основателя княжества Ашота к исходу IX века и в X веке представлено двумя ветвями: кларджетской, или артануджской, начало которой положил старший сын Ашота Адарнасэ, и таосской, предком которой является средний сын Ашота куропалат Багарат I. Упомянутые в записи Мерчули первые три властителя являются представителями таосской ветви, последний, Сумбат,— артануджской.

Сильно расширив пределы своих владений ещё в первой половине IX века, тао-кларджетские Багратионы постепенно включили в своё царство земли по верхнему течению Куры — Кола, Ардаган, Джавахети, Самцхэ — и по Чороху, где в частности было занято и Тао. Эти земли и поделили между собой Ашотовы потомки.

Поскольку Токарский специально заинтересован состоянием этого края именно в X веке, обратимся и мы к данному периоду. В начале X века во главе Тао-Кларджетского царства стоит Адарнасэ II (888—923), правнук Ашота I (куропалат Ашот I — куропалат Багарат I — куропалат Давид I — куропалат Адарнасэ II). Император Константин Порфирогенет много о нём рассказывает в своём сочинении «О народах», называя его «Адранасиром, куропалатом Грузии (Иверии)» (так 3 раза в гл. 43) [19] или очень часто просто куропалатом, отмечая этим саном одного только тао-кларджетского владетеля среди всех прочих владетелей Ближнего Востока.

С Адарнасэ II близко был знаком также армянский католикос и историк Иоанн Драсханакертский, одно время длительно гостивший при дворе Адарнасэ, будучи вынужден оставить свою родину вследствие очередного арабского нашествия. Для Иоанна Адарнасэ является «великим князем грузин», в ранний период, или «великим куропалатом грузин» (так назван Адарнасэ в тексте Иоанна 2 раза), или «царём гру-

---

[15] Упом. соч., стр. 162—163.

[16] Георгий Мерчули «Житие св. Григория Хандзтийского», изд. акад. Н. Марра. СПБ. 1911 (перевод Марра в этом месте, стр. 96, не совсем точен).

[17] Мерчули, стр. 92.

[18] Мерчули, стр. 148—149.

[19] Упом. соч., стр. 155—157.

зинской страны», или «грузинским царём» (так 14 раз!), или просто «куропалатом» (2 раза) [20]. Иоанн определяет и границы Тао-Кларджетского царства, не оставляя на этот счёт никаких сомнений. Так, Иоанн рассказывает, что гонимый арабами царь Сумбат бежал из Ширака, своего домэна, «в укреплённые места Тайк-а, находившиеся во владениях его друга, куропалата Адарнасэ» [21]. Иоанн причисляет Тао к владениям Адарнасэ и в другом случае [22]. Наконец, тот же автор, повествуя о трагической судьбе армянского царя, сообщает, что арабский полководец «гнал царя Сумбата, идя за ним по пятам, и гнал его до страны грузин, пока Сумбат не укрылся в неприступных крепостях Кларджетии» [23]. Следовательно, для передовых армян двадцатых годов X века Тао (арм. Тайк) и Кларджетия были бесспорно грузинские области.

Так пишут современные Адарнасэ армянские историки; а современные нам некоторые историки пишут: «В начале X в., как свидетельствуют грузинские хроники, грузинский царь Адарнасэ построил в соседней Тайкской епархии в селении Бана (ныне Пеняк) храм» (Токарский, стр. 98). Тао для Адарнасэ является «соседней епархией»! Насколько это правдиво хотя бы субъективно, можно усмотреть уже из того, что на той же 98-й странице, несколькими фразами ниже, Токарский, по странной оплошности, пишет: ...«не в далёком Вагаршапате, а у себя в Тайке нашёл Адарнасэ тот образец, которому решил следовать» (имеется в виду Ишхани).

Иоанн Драсханакертский (так же, впрочем, как и имп. Константин) хорошо знает и другую, младшую в политическом смысле,— артануджскую, или кларджетскую — ветвь грузинских Багратионов, наиболее выдающимся представителем которой при нём был князь-князей («эриставт-эристави») Гургеи. Иоанн его величает «великим князем грузин», или просто «князем грузин», а удельные владения Гургена по верхнему течению Куры и в других районах также относит к «стране грузин» [24].

У куропалата Адарнасэ II было четверо сыновей (что известно и имп. Константину), поочерёдно принимавших бразды правления Тао-Кларджетией и соответствующие титулы. Так, сам имп. Константин Багрянородный саном куропалата, или, говоря его же словами, «отеческим звание куропалата», почтил второго сына, Ашота II [25].

Для имп. Константина, который пишет о Южной Грузии в 952 году, тао-кларджетские Багратионы — грузины, или иверы, их подданные — также грузины, их страна — Грузия, или Иверия. Две главы его труда «О народах», посвящённые Южной Грузии и её владетельному дому, носят соответствующие заглавия: «О грузинах» (гл. 45) и «О родословной грузин и о крепости Арданучи» (гл. 46). У Константина засвидетельствовано и национальное самосознание тао-кларджетских Багратионов. Сообщая о домогательстве имп. Льва, имп. Романа и своём собственном получить у Багратионов их крепость Кецией, «чтобы там не добывал себе хлеба Феодосиополь (Эрзерум)», находившийся в это время в руках арабов, Константин рассказывает, как византийские власти «убеждали куропалата и его братьев, что по взятии Феодосиополя они отдадут им эту крепость, но грузины не хотели делать этого вследствие любви к феодосиополитам и чтобы не повредить городу Феодосиополю, но отвечали господину Роману и нашему величеству: «Если мы это сделаем, то будем в бесчестии у соседей наших, именно у магистра и владетеля Абазгии, владетеля Васпуракана и владетелей армян, так как те скажут, что император не оказывает доверия грузинам (ивирам), — куропалату и братьям его»...[26].

Представителем этого дома и был знаменитый куропалат Давид III, правнук Адарнасэ II и внучатый племянник его венценосных сыновей: царя Давида II (умер в 937 г.), куропалата Ашота II (ум. в 954 г.) и куропалата Сумбата (ум. в 958 г.). Дед Давида III, Баграт, третий сын Адарнасэ II, носивший титул магистра, умер в 945 г., не дождавшись сана куропалата, которым в это время по старшинству обладал Ашот II. Удовлетворение получил сын его (т. е. магистра Багрaта) Адарнасэ III, верховный владыка Тао-Кларджетии и грузинский куропалат в 958—961 гг. Приведённая нами выше запись Мерчули называет и Адарнасэ: в момент составления этой записи (950-1 г.) Адарнасэ был ещё только магистром; один из его дядей, Ашот II, был куропалатом и главой Тао-Кларджетского государства, а другой, Сумбат,— эриставт-эриставом. Адарнасэ III-му наследовал его прославленный сын Давид III (961—1001 гг.).

Не соответствуют действительности утверждения Токарского, будто Давид III «никогда не носил царского титула» (стр. 200), будто он по собственному почину «отказался от первоначального намерения передать свои земли Баграту III» (стр. 201), будто «правление Давида не было омрачено какими-либо серьёзными военными потрясениями» (там же).

Вот главные факты царствования Давида III, в самом кратком, конечно, изложении.

У куропалата Адарнасэ III было двое сыновей: старший — эриставт-эристав Баграт и младший — магистр Давид. Согласно издавна установившейся среди тао-кларджетских Багратионов традиции, уже в это время Давид III, наравне с братом, не говоря об отце, должен был величаться и царём. И действительно, в широко известной грузинской строительской надписи Ошкского храма мы читаем: ...«Начали богом венчан-

---

[20] История Иоанна Драсханакертского, католикоса армян, стр. 144—310. Т. 1912.

[21] «...в укреплённом месте Тао во владении Атрнерсе». Там же, стр. 185.

[22] Там же, стр. 207—208.

[23] «...до страны грузин гнал, идя за ним до укрытия в крепостях Кчарджац». Там же, стр. 214—215.

[24] Там же, стр. 297—316.

[25] Упом. соч., стр. 172.

[26] Там же, стр. 164—165.

ные цари наши строительство сего святого храма,... сии великие цари наши,... на средства богом благословенного Адарнасэ куропалата, эриставт-эристав Баграт и магистр Давид, святая троица да будет покровом десницей своей им всем троим»...[27] Шатбердский деятель Иоанэ Берай, переписавший в 973 году «Пархальский четвероглав» (один из известных списков грузинского перевода евангелия) для грузинского монастыря в Пархали (южное Тао), в записи к этой рукописи сообщает новые данные, упоминая «царей наших, богом возвеличенного царя грузинского Баграта, магистра Давида, эриставт-эристава Сумбата и богом дарованных их сыновей», и в другом месте: ...«богом венчанного царя-царей (да возвеличит его бог!), богом поставленного магистра Давида»[28]. Таким образом, в 973 году Давид III ещё остаётся магистром, но уже выступает с титулом «царь-царей», что представляет собой первый случай в истории тао-кларджетских владетелей.

Это вполне соответствовало реальному положению вещей: Давид III, больше чем его отец и деды, предшествовавшие ему грузинские куропалаты, был верховным властителем всей Южной Грузии. Ему «добровольно покорились все государи», как говорит современный Давиду армянский историк Степанос Таронский[29]. В числе владетельных князей, признавших сюзеренитет царя-царей Давида III, были и не грузинские, например соседние армянские, владетели.

Затем Давид принимает и титул «куропалат». Это происходит повидимому в 978-9 гг. «Грузинским куропалатом» называет Давида писатель XI века, такой же восторженный почитатель Давида, как и Степанос Таронский, армянский историк Аристакес Ластивертский, рассказывающий о Давиде в связи с известным восстанием Склира и вопросом о наследстве Давида[30].

Также и византийские историки: Кедрен именует Давида «архонтом грузин»[31], а Зонара вернее — «куропалатом», владения которого находятся в «Грузии»[32]. В армянской историографии правильные сведения о Давиде III сохранялись на протяжении веков: так у Матфея Эдесского (XII в.) Давид выступает как «куропалат, правитель Грузии»[33].

Рост влияния Давида III происходил очень быстрым темпом. В другой известной грузинской рукописи «Самотхэ», переписанной в Ошки, одна запись от 977 года всё ещё называет Давида «царём нашим, магистром Давидом», а другая запись, которая моложе первой на несколько лет, уже величает его «могущественным и совершенно непобедимым куропалатом Давидом» или даже «куропалатом всего Востока»[34].

Новое огромное усиление царя Давида явилось результатом его вмешательства во внутренние дела Византии, спасшего императорский трон от посягательств Варды Склира. По просьбе константинопольского двора Давид направил против мятежного полководца 12 тысяч отборных грузинских всадников, которые совместно с сохранившими верность Македонской династии войсками наголову разбили Склира у берегов Галиса весной 979 года. Благодарное византийское правительство уступило Давиду за оказанную помощь, как сообщает об этом Степанос Таронский, огромную территорию: Каринский (ныне Эрзерумский) округ, соседний с ним — Басианский (ныне Пасин), области Харк и Апахуник (к северо-западу от Ванского озера) и другие[35]. Южная граница владений Давида была передвинута к гор. Эрзинджану. Кроме того, грузинские войска взяли огромную добычу, которая частью пошла на покрытие расходов по строительству знаменитого средневекового центра грузинской образованности и просвещения на Афоне (Халкидонский полуостров). Об этой победе имеется много сообщений в гру-

[27] M. Brosset «Inscriptions géorgiennes», p. 7. S.—P. 1864.

[28] Жордания Т. «Хроника», I, 95.

[29] Всемирная история, стр. 275. С.—Б. 1885.

[30] История. Т, 1912, стр. 19, 3, 22. Хотя Степанос Таронский Давида именует обычно «куропалатом Тао», или просто «великим куропалатом», но он не оставляет никакого сомнения в том, что Давид — владетель именно грузинский. Так, рассказывая очень много о войнах Давида, Степанос обозначает его войска только как «войска грузинские», и это — многократно. В одном случае кн. III, гл. XI, Степанос рассказывает об инциденте, происшедшем у стен Хлата (на берегу Ванского озера), когда осаждавшее этот город грузинское войско куропалата Давида заняло под свои конюшни и стоянки армянские церкви и архиерейский дворец. «Татчики с городских стен кричали: «Так вы, христиане, обращаетесь с святыней христианской?» Грузины отвечали: «Мы одинаково относимся к армянской церкви и к вашей мечети!» Степанос считает, что вследствие этого грузин постиг гнев божий: они потерпели поражение от мусульман (указ. соч., стр. 258).

[31] Migne, II. col. 164.

[32] Epit. hist., I, lib. XVII, cap. VII.

[33] Brosset «Additions et éclaircissements», p. 176.

[34] «Хроника», I, 107—108.

[35] Цит. изд., стр. 192—193. «Василий, царь греческий, вызвал к себе полководца Торника, родом грузина, монаха с Святой горы (Афон), и послал его к куропалату Тао Давиду. И обещал дать Халдой-арич вместе с Клисурой, Чормайри и Карин, Басиан и крепостцу Севук, что в Мардалии, Харк и Апахуник,— что и отдал на самом деле,— если Давид пришлёт ему на помощь войско. Куропалат Давид, собрав грузинские войска во главе с князем князей Джоджиком, послал их вслед за Торником сразиться с тираном Вардой. Начиная от пределов Тао, они стали опустошать страну греческую, подвластную тирану... (Император Василий дал Фоке) всю западную армию греческую и вместе с грузинским войском направил оба лагеря против тирана Варды». См. также «The Cambridge Medieval History», IV, 86 и Г. Гельцер «Очерк политической истории Византии», 100.

зинских источниках. В частности, грузинская надпись Зарзмского храма (в Самцхэ) повествует: «Когда в Греции восстал Склярос, куропалат Давид (да возвеличит его бог!) помог святым царям и нас всех послал в поход, Склироса мы в бегство обратили»...[36]

Но впоследствии одна большая неудача постигла Давида: он оказался замешанным в новом восстании (Фоки) против императора Василия. Поскольку восставшие потерпели поражение, Давид оказался вынужденным обещать императору свои владения после своей смерти. Так рассказывает об этих фактах арабский историк Ях'я Антиохийский[37]. Есть основание думать, что в этом вынужденном «завещании» Давида речь шла именно о полученных перед тем от Византии областях. Фактически эти земли были заняты византийскими войсками лишь после смерти Давида.

Будучи пламенным грузинским патриотом, Давид активно занимался и общегрузинскими делами, несмотря на обременявшие его обширные интересы и обязанности на Ближнем Востоке. Давид III явился главным инициатором и организатором объединения всех грузинских областей. На престол объединённого Грузинского царства он посадил своего воспитанника (Давид был бездетен) и близкого родственника Багарата III Багратиона, объявив всенародно, по словам грузинского историка: «Сей есть наследник Тао, Картли и Абхазии, сын и воспитанник мой, я же его попечитель и помощник. Ему подчиняйтесь все». Это дело Давида отвечало объективно сложившимся в Грузии условиям и увенчалось полным успехом.

Иначе (и, конечно, противоречиво, как всегда) освещает события Токарский: «Начало объединения грузинского государства (Карталиния и Абхазия) было положено,— пишет он,— при самом деятельном участии Давида, завещавшего даже первоначально свои владения Багарату III; правда, это завещание перед смертью было изменено в пользу императора Василия. Такое независимое положение тайкского феодала определялось особыми причинами, препятствовавшими ему объединиться с соседними Грузией или Арменией. Основную массу населения составляли армяне, бывшие здесь исконными приверженцами халкидонитства (отсюда вышел в VII в. знаменитый католикос Нерсес Строитель). Это, конечно, не могло содействовать их вхождению в возрождённое армянское царство. Они чувствовали себя гораздо ближе к единоверной Грузии и, живя бок-о-бок с грузинскими переселенцами, появившимися в IX в. в опустошённом арабами и эпидемиями крае, стали медленно денационализироваться. Объединение с Грузией грозило усилением и ускорением этого процесса. Потому-то, возможно, Давид и отказался от первоначального намерения передать свои земли Багарату III» (стр. 200—201). Читатель опять в недоумении: с одной стороны, Давид принимает «самое деятельное участие» в объединении Грузии, с другой стороны — наносит этому объединению решительный удар, завещая свои владения византийскому императору по тому единственному соображению, что от воссоединения с Грузией его государство может окончательно огрузиниться. Читатель спрашивает, как же такой «умный, энергичный», «знаменитый», «выдающийся тайкский правитель» (определения Токарского), как Давид Куропалат, не мог догадаться об этой грозившей его народу смертельной опасности двумя десятилетиями раньше? Но здесь мы имеем тот редкий случай, когда Токарский приводит факты в обоснование своего положения. Вот что он сообщает в подтверждение своего тезиса: «Особое положение тайкского куропалата нашло даже отражение в его монетах, один из редких экземпляров которых имеется в Ленинграде в Государственном Эрмитаже. В то время как монеты Багарата III подражают имевшим хождение в Грузии дирхемам, воспроизводя даже арабские легенды, на монетах Давида лицевая сторона имеет надпись «Христе, помилуй Давида», а оборотная — изображение креста с буквами между его ветвями, которые читаются как слово «куропалат» (стр. 201). Вот и всё. Но мы позволим себе прибавить к этим фактам ещё один, замолчанный Токарским: надписи на монетах (и не только на монетах) Давида Куропалата сделаны по-грузински. Итак, по Токарскому, монеты Давида Куропалата, монеты оригинального образца с христианской эмблемой и с грузинскими надписями, свидетельствуют об антигрузинских настроениях Давида, а монеты его преемника Багарата III, первого царя объединённой Грузии, подражающие арабским монетам и имеющие арабскую надпись, свидетельствуют об обратном! Если это рассуждение Токарского не отличается фундаментальностью, зато оно безусловно самобытно.

Культура. Всё это насилие над общеизвестными фактами, их изображение в чудовищно искажённом виде нужно Токарскому для побочных, не имеющих ничего общего с наукой, целей. До сих пор считалось, что архитектура Тао-Кларджетии есть органическая часть грузинской архитектуры. Токарский пытается опрокинуть это прочно установившееся в науке представление. Хотя здесь храбрость оставляет его, так что он почти всё время говорит недостойным для советского научного работника образом — намёками и иносказательно, однако он читателю назойливо внушает вполне определённую мысль.

Выступая мнимым поборником положения о самостоятельности тао-кларджетской архитектуры (...«под покровительством знаменитого тайкского куропалата в его владениях в X в. создалась самостоятельная архитектурная школа, давшая видных зодчих»— стр. 202, или: «нельзя... при изучении архитектуры Армении и Грузии чи игнорировать памятников интересующих нас областей, ни относить их только по факту государственной принадлежности к архитектуре одной

[36] Е. Такайшвили «Археологические экскурсии», I, 18.

[37] В. Розен «Император Василий Болгаробойца», 27.

из этих стран» — стр. 202—203), Токарский, постепенно набираясь некоторых элементов мужества, подрубает корни им же изобретённой самостоятельности тао-кларджетской архитектуры, оставляя довершить своё дело будущим служителям лже-науки, которые, переписывая Токарского, должны будут прибавить кое-что и от себя лично.

На стр. 203 Токарский пишет: «Здесь в Ишхане в VII в. в армянской среде зародилась и впервые была осуществлена идея Звартноца, одного из лучших творений армянских зодчих». Затем насчёт самого Ишханского храма он говорит: «Собор в Ишхане, построенный в VII в. армянским католикосом Нерсесом Строителем до призвания его на армянский патриарший престол, первый раз был возобновлён в IX в. учеником чтимого грузинского подвижника Григория Хандзтийского — Савой (Сабаном). Усматривать в мероприятиях Савы коренную перестройку, в результате которой круглый храм был обращён в сохранившийся до наших дней крестообразный — нет основания... При Саве строительные работы в Ишхане имели целью лишь приведение собора в состояние, позволявшее совершать в нём богослужение. К середине X в. Нерсесова постройка была уже разрушена настолько, что её не было смысла восстанавливать, и при Давиде на её месте был построен новый собор,... в алтарь которого вошла уцелевшая колоннада древней абсиды»... (стр. 205—206), и что задача этой новой постройки заключалась якобы в том, чтобы «построить новый храм на основе ошкского типа, сохранив в то же время древнюю абсиду»... (стр. 207). О знаменитом храме Бана, построенном, по признанию Токарского, грузинским царём Адарнасэ II (Г. Н. Чубинашвили относит этот памятник к VII в.), ещё раньше было сказано, что он в основном повторяет схему Звартноца (стр. 106) путём подражания архитектуре той же самой древней Ишханской церкви (стр. 98), из чего и следует общее положение: ...«имеются все основания считать, что уже в Ишхане были заложены основы новой дерзновенной композиции, повторенной на один — два десятка лет позднее в Звартноце, честь создания которой неоспоримо принадлежит армянским зодчим, работавшим у Нерсеса» (стр. 98—99), т. е., говоря более определённо, это армянские зодчие, работавшие у Нерсеса, уроженца Тао, создали здесь, в Ишхане, в начале VII в. новую дерзновенную архитектурную композицию. В связи с фактом чистой тески внутренних стен знаменитого храма в Хахули, у Токарского возникает новый вопрос: «не была ли хахульская церковь построена первоначально (когда же? Построен-то Хахули, по заявлению самого Токарского, ведь в конце X века.— *С. Д.)* для армян антихалкидонитов, не признававших икон, а следовательно и росписи, подобно тому, как в Армении строились халкидонитские церкви» (?! — *С. Д.)* (стр. 212). Таким образом, в Тао, помимо армян-халкидонитов, обнаруживаются ещё армяне-антихалкидониты, т. е такие же армяне, какие жили в самой Армении. Токарский здесь умалчивает о том, что храмы с чистой тёской внутренних стен имеются и во многих других районах Грузии.

Увенчивается всё это следующими утверждениями: ...«основные направления, по которым шло развитие архитектурной мысли в тяготевших к Грузии владениях Давида и багратидском царстве, совпадали; мастера их, вероятно, работали дружно, рука об руку. В убранстве стен и куполов главную роль играют полуколонки и пилястры с арками, ведущие свою историю ещё от построек Нерсеса. Одинаковы и приёмы украшения окон... Одновременно появляется своеобразная отделка парусов... Тайкская архитектурная школа второй половины X в. создалась в условиях, когда большая группа армянского населения по указанным причинам окончательно выделилась в самостоятельный государственный организм. И хотя он в силу происходившего огрузинивания коренного населения уже тяготел к формировавшемуся объединённому грузинскому государству, основная масса населения, несмотря на различие в вере, ещё многими нитями была связана со своими сородичами» (стр. 213).

Здесь читателю следует обратить внимание на то, что «багратидское царство» у Токарского обозначает собственно Армению, затем — связать в единую логическую цепь выписанные нами, в предыдущих двух абзацах, высказывания Токарского, и для него станет совершенно очевидным этот беспрецедентный в истории советской, высокопринципиальной науки случай искажения исторической правды — попытка большой комплекс памятников одной национальной культуры выдать за памятники другой национальной культуры.

Нельзя также пройти мимо этих забавных превращений домыслов и доводов Токарского. Раньше (двенадцатью страницами выше) утверждалось, что тао-кларджетское население с Грузией связывала только вера — общая приверженность к восточному православию; что эта общность вероисповедания грозила тао-кларджетским армянам усилением и ускорением процесса денационализации; что впротивовес этой угрозе Давид Куропалат якобы отказался от первоначального намерения передать свои владения Баграту III, им же самим провозглашённому царём объединённой Грузии; что различие в вере мешало тао-кларджетским армянам жить вместе в одном государстве с остальными армянами. Теперь же выясняется, что «владения Давида» всё-таки «тяготели к Грузии» и, мало того, тяготели они «к формировавшемуся объединённому грузинскому государству» не по какой-либо иной причине, а именно «в силу происходившего огрузинивания коренного населения»; что «основная масса» Тао-Кларджетии, масса армянская, которую различие в вере заставило «окончательно выделиться в самостоятельный государственный организм», всё-таки, «несмотря на различие в вере, ещё многими нитями была связана со своими сородичами», и была связана настолько крепко, что, к примеру, тао-кларджетские и собственно армянские строители храмов, предмета, имеющего наиболее близкое отношение именно

к вопросам вероисповедания, работали дружно, рука об руку, тогда как с мастерами единоверной Грузии, к которой, к тому же, и тяготела их родина в силу происходившего огрузинивания, они не имели никаких точек соприкосновения; что, наконец, тао-кларджетские армяне могли, собственно, и не выделяться в самостоятельный государственный организм, ибо их различие-то в вере следует понимать здесь весьма ограничительно, поскольку в составе населения Тао-Кларджетии Токарский вскрыл мощные пласты армян уже чистых в вероисповедном отношении, никак не отличавшихся от населения центральных районов Армении — армян-антихалкидонитов, для которых, оказывается, и строились крупнейшие и лучшие церкви Тао-Кларджетии. Однако основная идея автора выражена здесь уже полностью. Вот для чего нужны были эти бесконечные разглагольствования о территориальной и этнической принадлежности Тао-Кларджетии. Для этого же и нужно было один из шести разделов книги об «Архитектуре древней Армении» посвящать специально «Тайкской архитектурной школе X века»!

Как же после всего этого должна звучать для читателя следующая фраза Токарского, заканчивающая главу «Тайкская архитектурная школа X века», последние абзацы которой мы цитировали выше: «Для того чтобы правильно понять пути развития архитектурных форм в Закавказье X и XI вв., нужно любовно, без предвзятой установки проследить все те драгоценные нити, из которых сплёлся в Чороxском бассейне «неразвязываемый узел общих кавказских интересов» (Марр)» (стр. 214). Можно ли представить себе более неправильное, более злостное, более предвзятое и односторонее развязывание этого пресловутого «неразвязываемого узла»?

Из уважения к читателям неспециалистам, лишённым возможности читать специальные трактаты, проследим некоторые из поистине драгоценных фактов по истории архитектуры, и культуры в целом, Тао-Кларджетского края. Исследователи памятников архитектуры всех стран и народов одну из самых значительных частей своего материала видят в надписях древних построек. Эти надписи относятся к документальным источникам истории. В них очень часто сообщается о времени возведения зданий, о личности, общественно-политическом положении и намерении строителей, даются указания о культурном круге, к которому принадлежит данный памятник, и т. д. Токарский глухо упоминает о надписях тао-кларджетских памятников, их не использует вовсе, и только об Ошкской надписи говорит мимоходом, неточно передавая её содержание [38].

Несмотря на трагическую историю края, вот уже на протяжении более четырёх столетий терзаемого турками, тао-кларджетские памятники донесли до наших дней не мало древних надписей. Собирание их началось ещё в первой половине прошлого века, когда известный армянский географ Алишан описал большую церковь с грузинской надписью в Чангли (Чилдирский район). Затем одним из пионеров этого дела явился учёный армянский монах, член братства мхитаристов в Венеции, Нерсес Саргисян. Отнёсшись к своей задаче, не в пример Токарскому, поистине любовно и убедившись, что все собранные им в течение десяти лет (1843—1853 гг.) надписи выполнены на грузинском языке, которым он не владел в достаточной степени, Саргисян направил, при помощи того же Алишана, свой материал в Петербург известному грузиноведу того времени академику Броссе, опубликовав собственными силами копии надписей в журнале «Базмавеп» (1863—4 гг.). Помимо издания Броссе, мы располагаем сейчас и другими публикациями тао-кларджетского эпиграфического материала — публикациями акад. Н. Марра [39], проф. Е. Такайшвили [40] и других.

Не говоря уже о грузинских надписях знаменитого храма в Бана, этого, по словам известного немецкого учёного Коха, лучшего после Айа-Софии на всём Ближнем Востоке сооружения и признанной даже Токарским постройки грузинского царя (достойно внимания, что на внутренних стенах Бана были обнаружены, после обвала штукатурки, дополнительные лапидарные грузинские надписи и что даже отдельные камни здесь имеют знаки мастеров в виде грузинских букв), на всех остальных называемых им памятниках мы имеем исключительно грузинские надписи. Они повествуют, что эти величественные здания возведены грузинскими строителями для грузинской паствы. Эти же надписи дают очень важные, часто — прямые хронологические указания насчёт времени строительства.

Так, прекрасная Ошкская надпись сообщает, что этот храм построен в царствование и на средства куропалата Адарнасэ и по почину и заботами эриставт-эристава Багpата и магистра Давида. Академик Броссе считает, что Адарнасэ II и его сыновья,— тогда постройка датируется 888—923 гг. По мнению же академика Джавахишвили, надпись имеет в виду Адарнасэ III и его детей, и тогда время возведения Ошки относится к 958—961 гг. Нужно указать, что надпись называет и зодчего Григола, рельефное изображение которого, по сообщению проф. Такайшвили, также сохранилось [41].

---

[38] Молчание Токарского о тао-кларджетской эпиграфике нужно признать умышленным, поскольку, по его собственному сообщению, он сам бывал в этом крае и даже подробно обследовал Ишханский собор в 1915 г. (стр. 206), следовательно, имел случай лично убедиться в том, что собой представляют надписи на тао-кларджетских памятниках.

[39] В цит. изд. «Жития Гр. Хандэтийского».

[40] В многочисленных публикациях этого учёного, лично обследовавшего тао-кларджетские памятники в течение организованных им трёх экспедиций (1903, 1907 и 1917 гг.).

[41] Таким образом, лишено основания утверждение Токарского, будто Ошкская надпись содержит «прямое» указание на то,

Хахули есть постройка Давида Куропалата, имя которого, повидимому, и упоминается в плохо сохранившихся грузинских надписях этого памятника [42].

Ишханские надписи свидетельствуют, что в постройке и перестройке этого большого архитектурного ансамбля принимали участие: в 1006 году царь-царей Гурген, троюродный брат и преемник, в качестве владетеля Тао, Давида Куропалата; архиепископ ишхан-ский Антоний, инициатор полной реставрации главного храма в 1032 г., в царствование Багра-та IV—царя объединённой Грузии и правнука вышеназванного Гургена; мастер Иванэ Морчайсдзе и другие. Если Токарский находит между Ишханским и Кутаисским храмами общие черты, в этом нет ничего выходящего из ряда вон: помимо того, что это — памятники одной и той же культуры, сооружены они в одно и то же время (пол Кутаисского собора настлан в 1003 году) представителями одного и того же дома.

Многочисленные грузинские надписи Тбетской церкви упоминают, между прочим, зодчего Шахбуза Татухадзе.

Не менее богата надписями Порта (Шатберд). В этих надписях упоминается зодчий Абесалма Клдели с товарищами.

В Опизе упоминается Ашот Куропалат, второй её строитель, рельефное изображение которого также сохранилось [43]. Заявление Токарского, будто Опиза и Порта возведены «вероятно уже после смерти Давида» (1001 г.),— выдумка, необходимая для того, чтобы подвести такое своеобразное основание под утверждение о заимствовании «зонтичной» кровли из армянских церквей, построенных в следующем столетии, в Мармашене и Хцконке. Огромное количество других построек края также покрыто грузинскими, и только грузинскими, надписями.

Но можно ли, позволительно спросить, решая такой значительный вопрос, как вопрос о национальной принадлежности целой архитектурной школы, не считаться с другими сторонами духовной жизни народа, со всеми остальными памятниками его творческого наследия? Между тем, хорошо известно, что Тао-Кларджетия IX—X веков вообще являлась средоточием и главным рассадником грузинского просвещения, литературы и искусств. Среди крупнейших культурных центров Тао-Кларджетии назовём. Опизу,— здесь подвизались известные деятели Микель Парехели, Георгий Мацкверели и др., здесь же в 913 году был выполнен один из значительных списков грузинского перевода четвероглава; Шатберди,— здесь около 973 года переписан один из драгоценнейших древнегрузинских манускриптных сборников, т. н. «Шатбердский сборник», здесь же сделаны списки грузинского перевода четвероглава: т. н. Адишский 897 г., т. н. Джручский 936 г., т. н. Пархальский, Иоанэ Берая, 973 г., и др.; в Ошки, в 978 году, переписан другой бесценный памятник древнегрузинской литературы, полный текст грузинского перевода библии (т. н. «Ошкский кодекс»), ряд значительных рукописей, датированных 977 годом, и др.; в Тбети протекала деятельность известного грузинского писателя первой четверти X века Степанэ Мтбевари, а также многих других; из хахульских деятелей известен Иоанэ Хахулели, по прозванию «Златоуст»; в Пархали переписан «Многоглав» и др.; в Ишхани работали Илларион Ишхнели и др., здесь кипела литературная работа, так же, впрочем, как и в Хандзте, Цкаростави и др. Недаром этот край именовался в те времена «Грузинским Синаем»; здесь жили и работали выдающиеся представители грузинской феодальной общественности и культуры — Григорий Хандзтийский (Григол Хандзтели, конец VIII в.— первая половина IX в.), Серапион и Басиль Зарзмели, Георгий Мерчули, Арсений Сапарели, Дачи, Григол Ошкели, известные гимнографы Иоанэ Мтбевари, Микель Модрекили (из Ошки), Иоанэ Конкозидзе и другие, отсюда были родом знаменитые деятели Афонской грузинской лавры — победитель Варды Склира Торникэ, Иоанэ и сын последнего, один из самых выдающихся представителей древней Грузии— Ефимий Ибер, или Афонский. Здесь созданы такие блестящие памятники древнегрузинской церковной письменности, как жития Серапиона Зарзмели, Григола Хандзтели, Гоброна-Микеля и других. Давид III Куропалат был одним из самых просвещённых и щедрых покровителей всей этой культурной деятельности. Мы знаем сейчас имя и одного замечательного грузина-златокузнеца Асата, работавшего при Давиде же; отсюда происходит известный Цагерский крест с грузинскими надписями, заказанный для Ишхани Илларионом Ишхнели, и т. д. и т. п. Нет никаких данных, которые могли бы позволить противопоставить этой блестящей плеяде деятелей грузинской культуры Тао-Кларджетии IX—X вв. хотя бы одно имя местного представителя какого-нибудь иного национально-культурного круга!

Можно ли было ожидать объективности Токарского в вопросе о существовавших в Закавказье отношениях хотя бы для последующей эпохи, когда, по словам Токарского, «Армения вступила в новую стадию развития под почти номинальным покровительством Грузии, осуществлявшимся представителями молодого армянского княжеского рода, братьями Иване и Захарией Долгорукими, занимавшими высшие государственные должности в грузинском царстве» (стр. 219)? Для

что этот храм построен Давидом (стр. 201—202). Давид III здесь упомянут на третьем месте среди строителей Ошки.

[43] В противовес опять-таки необоснованному заявлению Токарского, будто «сведения древних авторов и надписи на памятниках, за исключением ошкской, не дают прямого ответа на вопрос, что же именно было построено» Давидом (стр. 201—202), мы должны подчеркнуть, что «Матианэ Картлисай» (XI в.) постройку Хахуля категорически приписывает Давиду.

[43] Таким образом, неверно утверждение Токарского, будто «сопоставление косвенных данных с несомненностью устанавливает, что наиболее выдающиеся постройки (Тао-Кларджетии. — *С. Д.*) были возведены в правление Давида и, следовательно, по его заказу» (стр. 202).

характеристики этой «объективности» достаточно вникнуть в одну лишь процитированную фразу, долженствующую выразить не только политические отношения того времени. Итак, зависимость Армении от Грузии исчерпывается «почти номинальным покровительством», и это покровительство «осуществляется» «молодым армянским княжеским родом» Долгоруких. Очевидно также, что, по мысли Токарского, эти армянские князья, т. е. правители Армении [44], «занимая высшие государственные должности в грузинском царстве», т. е. имея большое фактическое влияние во внутренних делах самого Грузинского государства, сделали неизвестно откуда появившееся покровительство Грузии над Арменией «почти номинальным». Что мы не утрируем, это можно видеть из другого издания того же Института истории Академии наук Армянской ССР, из «Истории армянского народа» (Ереван, 1944 г.), в которой читаем: «Один из сыновей Саргиса Захаряна (соответствует Долгорукому у Токарского. — *С. Д.)*, Захарэ, занимал при Тамаре должность амир-спасалара, т. е. главнокомандующего войсками Грузии и Армении, а второй сын, Иванэ,— должность атабека, или государственного опекуна» (стр. 174; подчёркнуто нами.— *С. Д.*). Таким образом, само Грузинское государство оказывается под опекой и покровительством князей Долгоруких.

Прежде всего о «Долгоруких» [45]. Братья Закария и Иванэ (последний был младший) были представителями грузинского дворянского дома, носившего из поколения в поколение родовое имя Мхаргрдзели. Это чисто грузинское имя в переводе на русский язык действительно значит «долгорукий», но его не следует переводить точно так же, как нельзя переводить, скажем, русские фамильные имена Долгоруков и Толстой. Имя Мхаргрдзели мы видим в ряде армянских надписей, например в Аручской надписи 1285 года, Ахпатской надписи 1300 года и других. В армянской надписи Одзуна мы читаем: «Божьей волею я, Сумбат, сын Погоса Чоренца, раб (здесь, конечно, в смысле «вассал».— *С. Д.)* великого Иванэ Мхаргрдзели [46] и пр. Таким образом, Долгорукий — вымышленная форма, а Захарян — просто курьёз.

Владения Закария и Иванэ Мхаргрдзели и их потомков в Армении — это были обычные феодальные держания, полученные ими от грузинских царей, отвоевавших армянские земли от иноземных захватчиков, главным образом—турок. Собственные вотчинные владения Мхаргрдзели находились в Грузии. Национальное самосознание Мхаргрдзели также неоспоримо засвидетельствовано первоисточниками, которые и здесь по пятам преследуют нашего незадачливого автора. Оставляя в стороне грузинские сообщения, обратим внимание на показание совершенно объективного свидетеля—посла французского короля Людовика IX, Рубрука. На обратном пути от монгольского хана, в 1255 году, Рубрук заезжал к Шаншэ Мхаргрдзели, сыну Закария, в одно из его поместий в центральном армянском районе. Описывая это посещение и передавая содержание своих бесед с Шаншэ, Рубрук характеризует Шаншэ, как «одного из могущественнейших некогда грузин, ныне данника татар. Отец его, по имени Захария, приобрёл эту землю армян, избавив их от рук сарацинов».

Чтобы разобраться в характере политических отношений, обратимся опять-таки к документальному материалу, на сей раз уже из центральных районов Армении. Известно, что к концу тридцатых годов XIII века монголы успели установить своё верховенство над всей восточной частью Грузинского царства, в том числе, конечно, и над собственно армянскими областями. Казалось бы, в новых условиях у местных армянских владетельных князей, если только они были налицо, могла появиться склонность установить непосредственную зависимость от монгольского хана, что со стороны последнего должно было встретить только сочувствие и поддержку. Однако в действительности мы наблюдаем совершенно обратную тенденцию: Армения продолжает тянуть к Грузии, и старые связи держатся веками. Каковы же были эти связи?

Уже в начале XI века Армения, в силу объективно сложившихся целого ряда исторических обстоятельств, находилась в исключительно тяжёлом положении. Перед лицом грозных опасностей — всё возраставшей византийской агрессии, с одной стороны, и надвигавшегося турецко-сельджукского нашествия, с другой стороны,— многочисленные мелкие армянские царства и княжества не только не сумели объединиться, но ещё продолжали дробиться; так, в начале двадцатых годов произошло новое деление Ширакского царства (со столицей в Ани) — этого средоточия общеармянской общественно-политической и культурной жизни. За следующие два десятилетия большинство армянских государственных образований, в том числе и Анийское царство армянских Багратидов-Багратуни, навсегда прекратило своё существование. Подавляющее большинство армянских районов перешло в руки Византийской империи.

Эта политическая катастрофа сопровождалась массовым выселением армян из родной страны. В эмиграцию имели возможность уйти и фактически уходили, конечно, главным образом представители верхних слоёв армянского народа. Таким образом, это феодальное общество искусственно лишалось своей естественно сложившейся верхушки и, что важно особо отметить, на том этапе развития, когда ещё не успел возникнуть

---

[44] На стр. 294 Токарский пишет: «Обстановка, создавшаяся к моменту прихода к власти Долгоруких, совсем не побуждала армянских зодчих к простому копированию заграничных образцов... В условиях становления новой национальной знати» и т. д. А на стр. 303 сказано: «Время правления Захария и Ивана Долгоруких отмечено возведением в Ани ряда превосходных светских зданий».

[45] Только так они называются в книге Токарского.

[46] Костанян К. Собрание надгробных надписей, стр. 250.

исторический преемник феодального класса. Хлынувшие в Армению в тех же сороковых годах турецкие орды доверишли дело политического и хозяйственного разгрома Армении.

Между тем рядом существовало, близкое по социальной и духовной культуре, объединённое Грузинское царство, пережившее, правда, ряд сильных потрясений в XI веке и сильно ущемлённое в своих национальных границах, но достаточно могущественное для того, чтобы дать решительный отпор, ещё при Баграте IV (1027—1072), первым ураганным налётам турецких отрядов, руководимых самим султаном Алп-Арсланом.

Завязавшаяся в середине XI века упорная борьба закавказских народов против турецкого порабощения и за свободу мирного развития была возглавлена Грузией. Особенно близкими в этом длительном процессе были отношения между Грузией и Арменией. Ещё Баграт IV занимал, на короткое время, армянскую столицу Ани, куда он был приглашён самими городскими старейшинами, но закреплён был город за Грузией при знаменитом внуке Баграта IV Давиде Строителе (1089—1125). В результате кровопролитных войн, продолжавшихся почти целое столетие после этого, грузинские войска, при деятельном содействии и полном сочувствии армянского населения, изгоняют турок почти из всех областей обширной армянской земли и включают её в состав Грузинского государства. Отныне грузинский царь становится также и царём армян, что находит законное выражение и в его титулатуре. При Мхаргрдзели в этом отношении не произошло по существу ничего нового. Дом Мхаргрдзели явился в Армению в качестве одного из феодальных держателей, получивших землю в условное владение от грузинского царя. Наряду с Мхаргрдзели в Армении были и другие феодалы-землевладельцы. Многочисленные армянские надписи на памятниках армянской архитектуры, рассматриваемых Токарским, свидетельствуют именно о вышеописанных отношениях и ни о чём другом.

Вот политические формулы, которыми снабжены армянские лапидарные надписи из следующих пунктов: 1. Ахпат (Алавердский район), 1121 г.: «Во время царя самодержца Давида благочестивого и победоносца (Давид Строитель, 1089—1125), сына Георгия, сына Баграта, властвующего над этой областью и этим народом»... 2. Кечарук (Ахтинский район), 1181-3 гг.: «В царствование над грузинами Георгия, нашего также властителя»... (Георгий III, 1156—1184). 3. Арич (Артикский район), 1201 г.: «Я, Закарэ, мандатурт-хуцес амир-спасалар армян и грузин (сделал подношения Аричу) во долгоденствие государыни моей, благочестивой царицы Тамар» (1184—1213). 4. Ованнаванк (Аштаракский район), 1201 г.: «В господство парон [47] ддопал [48] Тамар»... 5. Ахпат, 1210 г.: «Во дни богом помазанной дочери царя царей Георгия, великой царицы (буквально: царя; Тамара носила титул царя, а не царицы) Тамар (сделал подношение Ахпату) я, мандатурт-хуцес, амир-спасалар Шахншах—Закария, сын Саргиса... во долгоденствие царя и во здравие и поминовение» (жертвователя и его домочадцев). 6. Мармет, 1206 г.: «В царствование Лаша (Лаша Георгий, сын, соправитель и преемник Тамары), в амирспасаларство Закария»... 7. Оромайр (Алавердский район), 1216 г.: «В царствование Лаша, в амирспасаларство Закария». 8. Дсех (Алавердский район), 1221 г.: «В царствование Георгия, сына Тамары, в начальство атабега Иванэ»... 9. Нораванк (Микоянский район), 1223 г.: «В царствование сына Тамары, Лаша, в амирспасаларство над армянами и грузинами Шаханшаха и в атабекство дяди его Иванэ, пришёл я... князь князей Бупак» (в Нораванк и сделал подношение). 10. Город Карс, 1234 г.: «В царствование Русудан (дочь Тамары, преемница Лаша Георгия, 1222—1245), в атабекство Иванэ». 11. Карс, 1234 г. ...«милостью царя нашего Русудан мы, карсские христиане, великие и малые, выстроили эти башни на память нам и патрону нашему». 12. Карс, 1236 г.: ...«царя царей самодержца Русудан»... 13. Оромос, 1246 г.: «В царствование над армянами и грузинами Давида (Давид VI, Нарин, сын, соправитель и преемник царицы Русудан, 1230—1293) и в спасаларство Шахншаха, сына великого Закария»... 14. Хоракерт, 1252 г.: «В царствование Давида» (Давид VII, Улу, сын Лаша Георгия, соправитель Давида Нарина с 1247 г.). 15. Гетик — Гошаванк (Дилижанский район), 1283 г.: «Я, Чар, сын патрона Умека, внук Чара, родом из Манацкерта (сделал подношение Гетику), во владычество Гарану (Аргун, ильхан, монгольский властитель Ирана) и в царствование над грузинами Деметрэ Багратида» (сын Улу Давида, 1271—1289). 16. Аруч (Аштаракский район), 1285 г.: «В падишахство Аргун-хана (ильхан, монгольский властитель Ирана), в царствование Деметрэ, в патронство спасалара Мхаргрдзели, брата Иванэ, сына великого Шахншаха, я, Макли, сын ага-Хусана, прибыл в благоприобретенное моим отцом село Аруч». 17. Мардз, 1285 г.: «Воздвигнут сей крест в дни притеснений и горечи от татар, в царствование Диметрэ, сына Давида, в патриаршество господина Ованеса» (священником Фомой и его братом Тирацу). 18. Аван (Котайкский район), 1285 г.: «Во владычество царя царей Аргута (ильхан, монгольский властитель Ирана), в царствование над грузинами и армянами Диметрэ»... 19. Сурб-Кираки, 1286 г.: «(Во владычество) Аргуна, в царствование Деметрэ»...[49].

Мы, конечно, даём здесь выдержки только из некоторых армянских надписей, но и их показаний вполне достаточно для уяснения существа дела. Остановимся подробнее на сведениях, заключающихся в Аручской надписи, датированной столь поздним монгольским периодом (1285 г.). Выясняется, что в это время Аруч принадлежит местному

[47] Т. е. патрон.

[48] Грузинское слово «дедопали», со значением «царица».

[49] См. назв. изд. Костанянца, а также Н. Эмин «Армянские надписи в Карсе, Ани и в окрестностях последнего». М. 1881.

мелкому землевладельцу, некоему Макли, сыну аги Хусана. Турецкий эпитет «ага» (господин) служит здесь вполне определённым признаком и основательно внушает нам мысль о том, что Хусан и Макли были не только частными земельными собственниками, но и феодальными господами, сеньорами, или, употребляя столь распространённый тогда в Армении латинский термин в армянизированной форме, «паронами» аручского населения. С другой стороны, непосредственным пароном, или «патроном», самого Макли надпись называет Мхаргрдзели, затрагивая тем самым, опять-таки, общественные отношения прежде всего. Но надпись отмечает ещё одну особенность бытия сеньора Мхаргрдзели: он не только феодал, но и должностное лицо, «спасалар», конечно— Грузинского царства, мы это знаем из других источников. Здесь мы вступаем уже в политическую сферу, и, развивая свои сообщения об этой области армянской действительности, аручский памятник правдиво свидетельствует, что царём армянским является царь грузинский, что несмотря на все пережитые страной столь значительные перипетии и сложившуюся к этому времени совершенно новую историческую обстановку, Армения продолжает оставаться частью Грузинского государства. Далее, это новое в политических условиях существования армянского народа также находит своё отражение в надписи: над грузинским царём Багратидом (так называет ведь Деметрэ вышеприведённая Гошаванкская надпись 1283 г.) есть ещё верховный сюзерен—падишах Ирана Чингисид. Выразить яснее и точнее все существовавшие в Армении в монгольскую эпоху связи и отношения было бы трудно.

Независимый источник освещения и монгольскую официальную точку зрения мы находим уже в персидской надписи на стене т. н. мечети Мануче в древней столице Армении — Ани. Эта надпись, содержащая ханский указ (ярлык), была высечена по повелению монгольского властителя Ирана Абу-Саида Бахадур-хана в период между 1319 и 1335 гг., и скорее во второй, чем в первой половине этого периода, как полагает учёный издатель надписи академик В. Бартольд. Следовательно, Анийская персидская надпись младше Аручской армянской на несколько десятилетий. Этот указ, изданный для защиты населения от незаконных поборов, между прочим гласит: «...«пусть кроме гамги и справедливой пошлины ничего другого не взимают, и ни с какого человека под предлогом (податей) калан, немери, тарх и других ничего не требуют, как перед этим в городе Ани и других областях Грузии по причине (податей) калан, немери, незаконных ассигнований и (подати) тарх поборы производили и применяли насилие»... (Перевод Бартольда. Подчёркнуто нами.—*С. Д.*)[50]. Следовательно, ещё в двадцатых годах XIV века сами монголы Ани и Армению рассматривали в качестве одной из грузинских областей.

Одна из анийских армянских надписей, надпись (повидимому, ещё более поздняя) над средними воротами первой стены города, содержит новое, очень важное указание: ...«За долгоденствие богом поставленного царя, падишаха и богомудрого князя князей... в царствование грузин над этой страной, когда столица Ани сделалась хасинджу, и в управление сим городом... патронами ага Григором и Ованисом и в епископство владыки Ованиса»...[51]. Т. е. анийские армяне свой город, как и всю страну, продолжают считать частью Грузинского государства даже в тот поздне-монгольский период, когда Ани находится уже в непосредственной зависимости от хана (или от какого-нибудь монгольского принца), что и обозначено здесь известным термином «хасинджу».

Идеологическая и даже психологическая сторона вопроса заключается в том, что армянское население воспринимало грузинскую государственность со всем её аппаратом управления как родную государственность и общегосударственные институты. Соответствующее сознание и находит своё выражение в таких формулах вышерассмотренных армянских надписей, как царь грузин и армян, мандатурт-хуцес, амир-спасалар, атабег грузин и армян и т. п. Это сознание пережило века. Вспомним, как крупнейший представитель армянской общественной мысли и историографии XV века Фома Мецопский, по поводу описанного им поражения, понесённого грузинами в 1440 году от «тавризского царя и владетеля» Джехан-шаха, говорит: «Поэтому (т. е. вследствие поражения грузин. — *С. Д.*) мы (т. е. армяне. — *С. Д.*), которые, находясь среди неверных, всегда гордились тем, что возлагаем свои надежды на грузин, отныне впали в отчаяние и сделались безответными перед лицом неверных»[52]. Вспомним, как ещё в конце XVIII века заброшенные на край света, в далёкую Индию, армяне величают своим царём Ираклия II, царя картлино-кахетинского!

Как же в свете этих неоспоримых фактов выглядит научность разбираемого издания? Но вот ещё штрих, характеризующий уже не только «научность», но и общественные позиции Токарского. Токарский считает необходимым давать точную транскрипцию армянских географических названий по-русски: Аван, Агарцин, Айгестан, Таргманчацванк, Айриванк, Аршаруник, Быджни, Джрвеж, Ереруйк, Имирзик, Птгни, Хцконк и др. Здесь сохранён, между прочим, и признак именительного падежа множественного числа -к, хотя в самом армянском языке он является беглым и исчезает во всех косвенных падежах. В этой форме употребляет Токарский, в подавляющем количестве случаев, и название «Тайк», хотя грузинская его форма «Тао» имеет неоспоримое преимущество, представляя собой чистую

---

[50] В. Бартольд «Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче», стр. 7. СПБ. 1911.

[51] Эмин, цит. изд. 7. Мы даём здесь свой перевод, так как перевод Эмина неточен.

[52] Цитируем по изданию проф. Л. Меликсетбекова: «Тома Мецонела». Тб. 1937, 29.

основу имени и будучи засвидетельствована у Ксенофонта ещё в 401 году до нашей эры. Но тот же принцип ломается, когда дело касается некоторых очень важных грузинских географических названий.

Допуская, по какой-то оплошности, в двух случаях грузинское наименование столь интересующего его края «Тао-Кларджети» (в русской литературе обычно — Тао-Кларджетия), Токарский подвергает его искусственной эволюции: первый этап — «Тао-Кларджет» (...«в Тао-Кларджете (Чорохский бассейн)»...—стр. 109), второй этап — «Тао-Кларджия» (...«в архитектуре Тао-Кларджии второй половины X в.»...—стр. 146),— здесь исключается не только суффикс -и, но и органически связанный с основой инфикс -ет-.

Нет сомнения, Токарский будет кивать на акад. Марра,—это, мол, он завёл такие формы. Действительно, во второй период своей деятельности Марр ввёл такое правописание. Но, во-первых, Марр был принципиален: рядом с «Кларджия» он не писал «Тайк», как это делает совершенно беспринципно Токарский, а—«Тао» или «Тайня». Во-вторых, и жизнь и наука отвергли эти искусственные формы: кому же из здравомыслящих людей придёт сейчас на ум писать «Мцхия», «Душия», «Каралия», «Осия» вместо «Мцхета», «Душети», «Карлети», «Осетия» и т. д. Однако, Токарский воскрешает эти давно позабытые, ошибочные написания, присоединяясь к числу тех, кто у больших учёных усваивает только их заблуждения. Почему же именно Токарского влечёт к этим формам? Ответ на этот вопрос мы находим на стр. стр. 202—203, где мы читаем: «Нельзя... при изучении архитектуры Армении и Грузии ни игнорировать памятников интересующих нас областей, ни относить их только по факту государственной принадлежности к архитектуре одной из этих стран, как неправильно поступает В. Беридзе в отношении искусства Юго-Осетии и Свании, на том лишь основании, что они являются составными частями Грузии». Прежде всего отметим, что памятники грузинской архитектуры имеются не только к югу от Кавказского хребта, в названных районах, но и к северу от него. Затем укажем, что с инфиксом -ет- в названии «Осетия» Токарский не справился: под таким наименованием знает сейчас весь мир одну советскую автономную республику и другую автономную область. Зато он расправился с ним в другом названии,— не всякий читатель может догадаться, что Свания Токарского есть Сванетия на языке всех советских граждан и мировой исторической, географической, этнографической литературы. Токарский не учёл только, что и форма Сванетия» закреплена Советской Конституцией. Но главное заключается в том, что такая неотъемлемая часть грузинского национально-культурного коллектива, как Сванетия, веками живущая единой жизнью со всей остальной Грузией, в книге Токарского объявлена чуждым ей элементом, каким-то обособленным миром со своей собственной культурой; для обоснования же этой выдумки самым убедительным средством в простоте душевной признано искусственное изменение названия края, удаление из него всего специфически местного, народного. Так после южных провинций Грузии наступает очередь её северных районов!

Как всегда в подобных случаях, и здесь за определённой практикой стоит определённая «теория». Напрасно мы стали бы искать научное понимание исторического процесса в книге Токарского. Вспомним хотя бы, как Токарский объясняет возникновение феодальных государственных образований в Закавказье. Тао-Кларджетия выделяется в самостоятельный государственный организм единственно по той причине, что армяне, якобы составлявшие здесь большинство населения, не хотели войти «в возрождённое армянское царство» вследствие религиозных разногласий, хотя сохраняли много других связей со своими сородичами, а в объединённое Грузинское государство они не хотели входить исключительно вследствие разноплемённости происхождения, боясь усиления и ускорения процесса денационализации, огрузинивания; потом Тао-Кларджетия стала всё-таки тяготеть к «формировавшемуся грузинскому государству» не по какой-либо иной причине, а исключительно «в силу происходившего огрузинивания коренного населения». Таким образом, в освещении столь большого вопроса мы не находим ни слова о материальных условиях существования людей и обществ, о хозяйственных и социальных связях, толкавших их к сплочению в естественно-исторические объединения, о путях общественного производства и обмена!

Всё убожество общей методологии автора без труда можно вскрыть на конкретных фактах истории самой Армении. Почему само-то это возрождённое Армянское царство уже через несколько десятилетий после своего возникновения начинает дробиться? Почему из него выделяются Карсское и Лорийское княжества? Почему ещё в 1020-ых годах происходит новое деление Анийского царства? Почему не тяготеют к Ани Васпуракан, Сисакан и др.? Ведь жили-то здесь, в чём, конечно, не сомневается Токарский, только религиозные единомышленники и единоплеменники!

Знакомясь с рассуждениями Токарского об армянской архитектуре XII—XIV вв., читатель вначале может подумать, что здесь уже ему предлагают новое понимание художественных явлений: «Рассматриваемое время характеризуется развитием городской жизни в странах Передней Азии. Пёстрое по национальному составу население городов жило общей жизнью и не национальные или вероисповедные различия определяли появление в это время тех или иных форм, а как показывают сами вещественные памятники, в первую очередь прогрессировавшее социальное расслоение различных групп населения» (стр. 217).

Но не тут-то было. Говоря об архитектуре крупнейшего города Армении, её столицы Ани, Токарский пишет: «Интересную характеристику анийских правителей XIII—XIV вв. даёт Н. Я. Марр: «Правители Ани, хотя и армяне по происхождению, были не особен-

но твёрды в национальных принципах. Национализм их не выходил за порог церкви. В церкви и на церкви (в надписях) обязательный для них священный армянский язык терял свою притягательную силу в реальной жизни. Арабская, иногда персидская надпись, но никогда ни одной армянской буквы на роскошных сосудах, несомненно принадлежавших последним владетелям Ани, христианам по вере, армянам по национальности. Не только письмо, но, повидимому, и сюжеты выбраны и трактованы вне церковных армянских традиций, вне заветов древней армянской церковной живописи. Нигде не находим и намёка на какие-либо армянские народные бытовые черты»... (стр. 295). Казалось бы, картина, нарисованная Марром, вполне соответствует вышецитированному общему положению Токарского о характере городской культуры «сельджукской эпохи». Однако Токарский находит необходимым обратиться к далёким предкам с запоздалыми нравоучениями по поводу отсутствия у них национализма, вместо того чтобы спокойно, исторически рассмотреть причины отсутствия национализма у одних и наличия его у других, причины и условия культурного воздействия одних народов на другие. Рассказывая, как некий парон Сахмадин для своего дворца в Мрене «берёт за образец не анийский дворец парона или гостиницу, а мечеть Караман-капусу в Конии», Токарский пишет: «Парон Сахмадин не задумывался над тем, чтобы создать что-либо новое на основе родных форм, разработанных армянскими зодчими в начале века... Национализм верхушки армянского общества действительно «не выходил за порог церкви», так как подобная отделка портала нашла своё место не только во дворцах, караван-сараях (Селим) и притворах (Тамджирлу), но и на самих церквах, как это можно видеть, например, в Егварте»... (стр. 296—297).

Говоря так много о национальных формах сознания и творчества людей, национальных культурах, процессе становления национальностей, национализме, Токарский совершенно игнорирует марксистско-ленинское учение о нации, получившее классическую разработку в известных трудах товарища Сталина. Предвзятые, навязчивые идеи мешают Токарскому взглянуть на исторические явления объективными, научными глазами. Не имея на то абсолютно никакого права, как это было нами выше показано, Токарский включает население Тао-Кларджетии с его культурой в армянский национально-культурный мир, и вместе с тем исключает сванов и Сванетию из грузинского национально-культурного коллектива не смотря на то, что сваны — грузинское племя, давно вошедшее в состав грузинской нации, что сваны являются носителями общегрузинского национального самосознания, что грузинский язык для них является единственным языком письменности и культуры. Токарский не опасается того, что этот его выпад представляет собой старую погудку колонизаторов и империалистов даже не на новый лад!

Токарский считает, что армяне остаются таковыми, если они даже принадлежат к грузинской православной церкви. Конечно, один только вероисповедный признак не решает вопроса о национальной принадлежности. Но Токарский также считает, что все, кто принадлежал к армяно-григорианской церкви, уже по одному этому признаку должны рассматриваться в качестве армян. Иначе какое основание признать армянином Закария Мхаргрдзели? Токарскому невдомёк, что ещё в средние века формировавшиеся национальности состояли из разнородных в этническом отношении элементов, что для перехода людей из одной национальности в другую вовсе не нужно было столетий.

Мы рассмотрели ряд беспочвенных, и даже «подпочвенных» измышлений, грубых методологических и фактических ошибок в книге Токарского. Этого рода ошибки привели к тому, что важная, злободневная задача дать общий обзор развития богатой национальной архитектуры армянского народа осталась неразрешённой и будет ждать серьёзных, подготовленных специалистов.

Мы показали также, как наряду с научной беспринципностью в этой книге дают о себе знать несвойственные советскому человеку, приводящие к прямой фальсификации истории общественные «принципы», достойные того, чтобы быть осуждёнными со всей суровостью. Советская историческая наука не может развиваться, не отмежёвываясь решительно от всех подобных, антиобщественных и лженаучных, тенденций. Водораздельная линия здесь пролегает не по каким-нибудь областным границам,— советская историческая наука едина,— она проходит между материалистическим пониманием истории и идеалистическим вздором, между строго научной точкой зрения и безнадёжно отжившей схоластикой, между добросовестным, объективным изучением конкретного материала, правдивым освещением исторической действительности, с одной стороны, и тенденциозным её искажением, с другой.

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

ЦАРИЗМ И КАЗАХСКОЕ БАЙСТВО (1906—1914 гг.)

О. Ваганов

Период столыпинской реакции был периодом усиления национального угнетения, черносотенного национализма и разжигания розни между народами, входившими в состав Российской империи. Этой же тенденцией усиления гнёта и эксплоатации нерусских народностей в национальных районах и окраинах России была проникнута и переселенческая политика Столыпина.

Осуществляемую им программу «колонизации» и переселенческую политику царское правительство проводило под видом приобщения «кочевников» к земледельческой культуре путём перевода их на оседлость, с одной стороны, и чуть ли не защиты интересов широких масс казахов — с другой.

Во всеподданейшем докладе Главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина от 18 октября 1908 г. мы читаем: «...благодетельная для киргизского народа в его целом русская колонизационная политика затрагивает интересы немногочисленной, но богатой и сплочённой группы кочевников, из среды которой и поступают все жалобы на действия местных правительственных чинов по переселению» [1].

На самом же деле царское правительство грабило и разоряло основную массу населения, расхищая лучшие земли в пользу кулаков, дворянско-помещичьих и буржуазно-предпринимательских элементов и полуфеодалов-баев, выселяя трудящихся казахов на непригодные для развития земледелия и оседлости земли.

Вопрос о действительном отношении царского правительства к байству и о роли последнего в расхищении казахских земель в 1906—1914 гг. до сих пор не получил в исторической литературе достаточного освещения. Лишь в слабой степени он был затронут в работе П. Шаровой [2].

Настоящая статья имеет целью вскрыть покровительственную политику царского правительства в отношении байства и показать сочувствие и поддержку аграрно-переселенческой политики царизма со стороны самого байства.

★

Основные данные о правительственных мероприятиях по охране интересов байства содержатся прежде всего в материалах междуведомственных совещаний 1905, 1907 и 1908 гг., наметивших практические меры по «изъятию земельных излишков» в Казахстане.

Как известно, в результате работы этих совещаний при переводе казахского населения на оседлость была установлена норма по 15 дес. на душу. Однако уже совещание 1905 г. вынесло решение о сокращении норм земельного обеспечения, выработанных ещё экспедицией Щербины, и признало возможным в то же самое время наделять отдельных домохозяев, имеющих крупные хозяйства, «без ограничения двойною против нормы пропорцией земли» [3].

Междуведомственное совещание 1907 г. установило, что «богатые и зажиточные киргизы, владеющие многочисленными стадами, не пожелают сесть на 10—15-десятинные душевые наделы», и согласилось с тем, что «принуждать их к тому было бы во всех отношениях нежелательно» [4]. Представители же министерства финансов и Переселенческого управления на этом совещании высказались за предоставление хозяйствам, имеющим крупные запашки и большое количество скота, казённых оброчных статей. В результате совещание признало необходимым оставлять для таких хозяйств определённые земельные излишки сверх установленной нормы в составе целых волостей и аулов.

На совещании 1908 г. представитель министерства внутренних дел также признал необходимым установить повышенную норму для крупных хозяйств [5]. Пред-

---

[1] Центральный исторический Архив в Ленинграде (ЦИА). Фонд переселенческого Управления (ФПУ), 1908. Д. № 3335, л. 6.

[2] Шарова П. «Переселенческая политика царизма в Средней Азии в 1906—1914 гг.» «Историк-марксист» за 1940 г., кн. 3-я, стр. 98.

[3] ФПУ. 1905 г., д. № 1834, л. 11.

[4] «Журнал совещания о землеустройстве киргиз», стр. 70. СПБ. 1907.

[5] ФПУ. 1908 г., д. 3304, л. 118 об.

ставитель Главного управления землеустройства и земледелия, в свою очередь, подчеркнул, что «промышленным хозяйствам должны быть оставлены оброчные статьи»[6]. Руководитель экспедиции по выявлению новых земельных «излишков» В. К. Кузнецов, поддерживая принцип наделения рядовых казахов по переселенческим земельным нормам, в то же время указал, что следует «выделить богатые киргизские хозяйства в особую группу...»[7]. Другой чиновник Переселенческого управления, Чиркин, в своём выступлении на совещании признал, что «...в вопросе о манапстве должна быть проведена аналогия с русским землевладельческим классом»[8]

Естественно, что и в представлении Главноуправляющего землеустройством и земледелием в Совет министров от 13 мая 1908 г., вслед за словесными нападками на богачей, тоже намечались конкретные меры по обеспечению интересов байства. В возмещение ущерба, наносимого зажиточным хозяйствам, имеющим обширные запашки или крупные стада, Главноуправляющий землеустройством и земледелием высказывался за необходимость оставлять часть «земельных излишков», полученных от перевода на оседлость, в распоряжении байства, или же передавать последнему в аренду казённые оброчные статьи, образованные из тех же излишков[9].

Намечаемые правительственные мероприятия нашли своё полное отражение в инструкции 9 июня 1909 г., на основе которой в дальнейшем и происходило изъятие излишних земель. Параграф седьмой этой инструкции гласил: «В случае обнаружения явной недостаточности для какой-либо обособленной по землепользованию группы киргиз следуемого ей земельного обеспечения, ввиду нахождения в этой группе отдельных хозяйств с большим количеством скота и крупными размерами запашек и укосов, в пользовании группы могут оставляться, сверх причитающегося обеспечения, земельные площади в мере действительной потребности».

Итак, в условиях непрерывно продолжавшегося замежёвывания в государственный фонд всё новых и новых «излишков» казахских земель, намечалось оставлять крупным байским хозяйствам земельные площади в составе общин в меру «действительной потребности» и в случае необходимости рекомендовалось предоставлять им в аренду часть отнятых правительством земель в виде казённых оброчных статей.

Руководствуясь такими директивами, Переселенческое управление в своей практической деятельности неуклонно стояло на страже интересов байства. При переводе казахов на оседлость, наряду с общинными земельными участками, Управление усиленно изыскивало громадные оброчные статьи[10]. Так, в Чедертинской волости (Уральская область) для инициаторов перевода на оседлость из среды самого казахского населения Султана Каратаева и волостного управителя Джубанагалиева, были образованы оброчные статьи: для первого в 3500 десятин, для второго — в 1417 десятин[11]. Сыновья — наследники крупного бая Джумагул Хазрета (Тузтюбинская волость, Актюбинского уезда) — в качестве оброчной статьи получили 6 тыс. десятин земли[12].

Стремясь выделить оброчные статьи, переселенческие чиновники зачастую уменьшали площадь основного земельного надела общин с таким расчётом, чтобы лишь общая территория надела и оброчных статей составляла в среднем около 12—15 дес. на душу[13].

При образовании оброчных статей трудящиеся казахи переводились обычно на худшие земли, а лучшие земли, как правило, замежёвывались в оброчные статьи, предназначаемые для байства. Так, казахи Нарынской волости в своём прошении в Переселенческое управление указывали, что лучшие и необходимые им земли переселенческие чиновники отобрали под оброчные статьи и что при образовании последних учитываются «интересы местных богачей...» Казахи в заключение просили о защите самого их «права на существование»[14].

У казахов вновь образованных Уральского и Булобжаевского посёлков (Уральская область) при переводе на оседлость были отняты прежние их земли и даны новые. В телеграмме, адресованной министру внутренних дел, казахи просили разрешить им распашку прежних земель, так

---

[6] ФПУ, 1908 г., д. 3304, л. 115 об.

[7] Там же, л. 119, об.

[8] Там же, л. 117.

[9] ЦИА в Ленинграде. Земский отдел МВД, 8 делопроизводство. 1908, д. 156, лл. 4—5.

[10] Заведующий переселенческим делом в Тургайско-Уральском районе сообщал в Переселенческое управление в 1911 г., что при обсуждении во Временной комиссии вопросов, связанных переводом на оседлость большей части казахов Миндыгаринской волости, наибольшие споры вызвал вопрос об оброчных статьях. Представители отдельных общин бай-аксакалы, соглашаясь при переводе даже на смещение отдельных аулов, требовали в первую очередь отвода оброчных статей для своего хозяйства. (Фонд Переселенческого управления, 1911 г., д. 4504, лл. 32 об.— 33.)

[11] ФПУ, 1911 г., д. 4504, л. 35.

[12] Исторический архив отдела Гос. архивов НКВД КССР (ИАК). Фонд 29, 1913 г., д. 259, л. 58.

[13] ФПУ, 1911 г., д. 4504, л. 33, об.

[14] Там же, 1911 г., д. 5175, л. 21. О подобных же фактах сообщается в прошениях казахов Миндыгаринской волости, Кустанайского уезда (ИАК, ф. 29, 1913 г., д. 253, л. 253), казахов Улахольской волости, Пржевальского уезда (ИАК, ф. 19, 1914 г., д. 2050, л. 93) и др.

как они не в состоянии поднять залоги на новых землях. Переселенческое управление, куда было переслано прошение, отказало им ввиду того, что земли казахов были обращены уже в оброчные статьи [15].

Ещё менее стеснялись переселенческие чины в случаях, предусмотренных § 7 инструкции 1909 года. Так, у казахов 3-го и 4-го аулов Аккульской волости, Павлодарского уезда, в 1907 г. были отобраны в колонизационный фонд летовки, осенние пастбища, зимовки и единственный водопой. В ответ на посланную в Семипалатинское областное правление жалобу казахов, где указывалось на то, что у них отнимаются основные земли, в то время как в том же районе есть земля, которой пользуется лишь один волостной управитель Чиманов, Семипалатинское областное правление постановило «жалобу... оставить без последствий» [16].

В тех случаях, когда земли отбирались и у крупных баев, их обычно компенсировали за счёт общин, ещё не подвергшихся экспроприации. Так, в одном из аулов Илекской волости (Тургайская область) у казахов было отобрано 2400 дес. земли для возмещения убытков, понесённых двумя баями при образовании переселенческих участков [17].

Аренда оброчных статей, равно как и право пользования землями, находящимися в составе территорий общин, не удовлетворяли ту часть байства, которая имела большие запашки (преимущественно в северных районах), значительное поголовье скота и зачастую была тесно связана с рынком. Эта группа стремилась получить захваченные ею общинные земли в своё исключительное и постоянное владение, превратив их в свою частную собственность.

Закрепление же земли в собственность за этой частью казахского байства опять-таки осуществлялось на основе расхищения и экспроприации общинных земель. Так дворяне Баймухамедовы, ходатайствуя о наделении им в собственность земельного участка в 3500 дес. в своём прошении писали: «Нам желательно, чтобы нас наделили землёй как дворян, на тех же началах, как это принято вообще в России, с теми же преимуществами, которые существуют в последней» [18]. Зауряд-хорунжий Дербисалий Беркимбаев просил укрепить за ним «в вечное и потомственное владение» те участки земли, где у него «имеются большие хозяйства с возведёнными каменными и деревянными постройками и огромное количество разного рода скота». Общая площадь участков составляла не менее 20 тыс. дес. [19]. С подобной же просьбой в Тургайское областное правление обращались и потомственные граждане Кийкины [20]. Правнуки хана Айчувака, Хан-Султановы просили отвести им землю в размере 2500 дес. [21] Султаны Джантюрины просили наделить их землёй, указывая при этом, что они владеют 10—12 тыс. дес. земли — из общей площади общинной земли в 17 тыс. дес. [22]. Крупный бай Исмаил Яманчалов, ссылаясь на размеры своего хозяйства и заслуги перед правительством, просил предоставить ему в собственность 2 тыс. дес. [23]. Тургайский губернатор считал, что все приведённые нами выше прошения «заслуживают особого внимания», так как удовлетворение их создаёт крупные частные хозяйства, которые «безусловно необходимы в целях правильного развития экономической жизни местного населения», и что, наконец, удовлетворение этих прошений явится «актом справедливости по отношению к туземному населению» [24].

Необходимо отметить, что некоторые бай-полуфеодалы не довольствовались подачей прошений о закреплении в собственность захваченных ими общинных земель, но претендовали ещё и на получение части земельных «излишков», отнимаемых царским правительством у населения. Так, например, крупный бай Тургайской области Алдиаров просил предоставить ему в собственность «те участки для коневодческого и скотоводческого хозяйства, каковые будут излишними после наделения киргиз землёй в размере 12 дес. на душу» [25]. Толкановский волостной управитель (Семиреченская область) просил отвести ему в собственность участки, ставшие свободными после перевода казахов на оседлость, общей площадью более 4 тыс. дес. [26].

Таким образом, здесь ясно выступает прямая заинтересованность байства в экспроприации общинных земель царским правительством.

Ходатайства крупнейших представителей казахского байства обычно удовлетворялись правительством довольно охотно и лишь рассмотрение части этих ходатайств в 1914 г. было отложено «до окончания военных действий». Всё же следует отметить, что правительство, оставляя за баями землю в пользование в составе целых общин или аулов и предоставляя им в аренду казённые оброчные статьи, довольно неохотно шло на закрепление зе-

---

[15] ФПУ, 1914 г., д. 7382, лл. 13—14, 21.
[16] ИАК, ф. 64, 1907 г., д. 4708, л. 57—57 об.
[17] Там же, ф. 25, 1909 г., д. 304, л. 11.
[18] ФПУ, 1913 г., д. 5929, д. 7. Заведующий переселенческим делом в Тургайско-Уральском районе сообщал в Переселенческое управление, что выделение Баймухамедовым в собственность просимого ими участка вызовет необходимость перенести зимовки казахов и выселить семьдесят семей в другие районы (там же, л. 1 об.).
[19] ИАК, ф. 25, 1909 г., д. 444, л. 673.
[20] Там же, л. 681.
[21] Там же, ф. 25, 1909 г., д. 444, л. 691—692.
[22] Там же, л. 692.
[23] Там же, л. 695.
[24] ФПУ, 1913 г., д. 5929, л. 7.
[25] ИАК, ф. 25, 1909 г., д. 444, л. 693—694.
[26] Там же, ф. 19, 1912 г., д. 1813, л. 3.

мель в собственность баев. Такого рода привилегия, по официальным заявлениям, противоречила смыслу Степного положения 1891 г., признававшего земли казахов землями государственными, находящимися в «общественном пользовании» населения. Правительство опасалось, что частое «дарование» подобной милости байству, при одновременном беспощадном проведении политики экспроприации земли у трудящихся казахов, может усилить народное движение против царизма [27]. Однако это не мешало ему щедро наделять баев землёй в собственность в тех случаях, когда просители имели какие-либо «особые» заслуги перед правительством. Так, например, было с баем Мургалиным (Акмолинская область), на прошении которого Николай II наложил резолюцию: «Просьба справедливая, желательно её удовлетворить». Земли Мургалину были отведены [28]. В ответ на ходатайство туркестанского генерал-губернатора об отводе 400 дес. земли старшине милиции Шабдану Джантаеву (Семиреченская область) Совет министров 28 октября 1910 г. вынес удовлетворительное решение, и Николай II на этом определении наложил резолюцию. «Согласен, во всяком случае пожизненно» [29].

Подводя итоги вышесказанного, мы можем выделить следующие правительственные мероприятия: оставление земель байству «в меру его действительной потребности» в составе общин; предоставление байству в аренду казённых оброчных статей; закрепление за баями в ряде случаев земель в собственность [30].

Перечисленные мероприятия касались главным образом крупных байских хозяйств. Интересы менее значительных по своим размерам байских хозяйств реже принимались в расчёт переселенческими чиновниками, и эти хозяйства в результате экспроприации большей части лучших земель общины несли известный ущерб. Но если правительство само не обеспечивало интересов всех слоёв байства, то последние обычно старались компенсировать себя за счёт земель, остающихся в пользовании аула или волости. Существовавшие распорядки внутри общины, аула и волости, законодательно закреплённые в Степном положении 1891 г., представляли им полную возможность подобной компенсации. Казахское землепользование «по обычаям» являлось прикрытием фактического захвата и расхищения общинных земель байством.

Правительство, охраняя интересы байства, рассчитывало на помощь его в деле расхищения казахских земель. И оно действительно получало её. Начальник Переселенческого управления Глинка по поводу ходатайств баев о наделении их землёю в собственность писал тургайскому губернатору, что наделение в подобных случаях «желательно, в особенности, если эти лица пользуются среди туземного населения влиянием и в случае благоприятного к ним отношения со стороны правительства, могли бы направить это влияние на пользу русского и в частности переселенческого дела в Степном крае» [31]. Эта установка и определяла практическую деятельность местной администрации.

Байство полностью оправдывало расчёты и ожидания царского правительства. Так, семипалатинский губернатор Тройницкий, представляя в 1910 г. к награде теренгульского волостного управителя Кусенина Джалкарина, писал о нём: «Отличается особой добросовестностью исполнения своих служебных обязанностей и примерной исполнительностью на службе. Пользуется громадным влиянием на последнее (население. —*О. В.*) и тем усиленно содействует к проведению правительственных мероприятий в деле земельного устройства киргиз и к правильному и беспрепятственному течению работ по образованию переселенческих участков» [32].

Николай II «всемилостивейше соизволил пожаловать» Джалкарину «золотую медаль для ношения на груди на Анненской ленте» [33]. В письме другого ревностного слуги царизма на имя тургайского губернатора мы читаем: «В прошлом году вышли серьёзные недоразумения при устройстве переселенческих участков во 2-м ауле, так что был командирован из Областного правления старший советник г. Васильев, который только при моём содействии успешно окончил порученное ему дело и умиротворил стороны; по 5-му же аулу дело о поземельном устройстве киргиз—за образованием там переселенческого участка — дошло до ссор и драк, так что г. крестьянский начальник

---

[27] Степной генерал-губернатор в 1909 г. писал Кривошеину по поводу наделения землёй одного из баев: «В настоящее время враждебное отношение киргиз к делу колонизации настолько сильно, что всякая предоставленная им и неправильно истолкованная ими льгота способна сыграть роль искры, которая зажжёт в степи пожар, могущий погубить всё, так гладко протекающее до сих пор дело колонизации» (ФПУ, 1909 г., д. 3865, л. 126 об.).

[28] Там же, 1909 г., д. 3865, л. 124.

[29] ИАК, ф. 19, 1916 г., д. 2570, л. 21.

[30] Мы не говорим уже здесь о практике работы землеотводных партий, о связях байства с местным начальством, о широко развитой системе взяток и подкупа чиновников, системе, которая в свою очередь помогала баям переложить всю тяжесть земельных изъятий на плечи трудящихся казахов.

[31] ИАК, ф. 25, 1911 г., д. 414, л. 15.

[32] Там же, ф. 64, 1910 г., д. 1197, л. 317.

[33] Там же, л. 315. Вот ещё один типичный пример—Булюкпаевский волостной управитель (Семиреченская область) был представлен к почётному халату 3-го разряда, ибо, как отмечало местное начальство, «способствовал колонизации, исполнительный по службе» (ИАК, ф. 44, 1906 г., д. 2443-а, л. 57 об.).

письменно поручил мне, как кандидату волостного управителя, употребить всё своё влияние к прекращению беспорядков, что я и выполнил успешно»[34].

Особенно примечательна записка председателю Совета министров в 1906 г. одного из крупных казахских феодалов Кунчанова, дослужившегося до чина генерал-майора. Кунчанов писал, что работы переселенческих партий «послужили поводом к распространению в народе различных толков со стороны неблагонамеренных людей, в том числе и толков о желании правительства отнять у киргизов землю и что эти лица убеждали «тёмный народ препятствовать производству работ», но что старания этих лиц «пока не увенчались успехом благодаря вмешательству в это дело благонамеренных людей, посоветовавших прежде всего своим сородичам, что всякое недоразумение и стеснение их прав будет выяснено в высших правительственных учреждениях, специально ведающих землеустройством землевладельческого населения». В заключение Кунчанов считал необходимым «в переживаемое тревожное время» пойти на создание особых землеустроительных комиссий с участием «местных старожил», «дабы этим путём оградить степное население от нежелательных волнений, могущих возникнуть от проникновения вредной атмосферы революционной пропаганды»[35].

Из приведённых данных мы видим, что «благонамеренные люди» уговаривали казахов не противодействовать производству работ, обманывая при этом их несбыточными надеждами на то, что «высшие правительственные учреждения» устранят всякое «стеснение их прав». Весьма характерно и то, что эти «благонамеренные люди» боялись проникновения в степь «революционной пропаганды и возникновения нежелательных волнений» не в меньшей степени, чем правительство.

Чем же объясняется некоторая оппозиционность байства по отношению к правительственной переселенческой политике, выразившаяся в петициях правительству, выступлениях в Государственной думе, посылке депутаций в Петербург и т. п.?

Известное расхождение интересов байства с интересами царизма объяснялось стремлением байства к монопольной эксплоатации трудящихся казахов. Массовое расхищение казахских земель в 1906—1914 гг., несомненно, суживало возможности эксплоатации подобного рода и часто ущемляло существенные земельные интересы байства, ибо более крупный и сильный хищник всегда добивается большей части добычи. Однако более всего баев толкало на путь оппозиции растущее возмущение казахских народных масс грабительской политикой царизма, участившиеся — пусть неорганизованные и стихийные — случаи выступлений казахов против расхищения их земель. В целях сохранения своего престижа и влияния среди населения и вместе с тем для того, чтобы ввести возмущение народных масс в безопасное для себя русло, байство стремилось возглавить движение и тем самым обезвредить его. Такова была в основных своих чертах тактика националистов из среды казахского байства.

Каково же было содержание тех петиций правительству и наказов депутатам Государственной думы (составленных представителями буржуазно-националистических групп казахского байства), которые в той или иной мере касались требований казахов по земельному вопросу?

Вот соответствующий пункт «Наказа семипалатинских киргиз» члену II Государственной думы Н. А. Коншину: «1) Казённые земли, находящиеся во временном пользовании киргиз, должны быть переданы в вечное владение их с правом пользования таковыми по обычному праву киргиз»[36]. Таков же примерно был и соответствующий пункт резолюции собрания представителей от казахских волостей Темирского уезда (Уральская область) (по случаю издания манифеста 17 октября). Он гласил: «3) Представить киргизам занимаемые ими земли и в вотчинную собственность»[37].

Подчёркиваемые здесь требования «вотчинной» и «вечной» собственности на землю, сохранения землепользования «по обычному праву» могли вести лишь к сохранению и закреплению патриархально-феодального гнёта байства, к увековечению обособленности и замкнутости казахского народа, сохранению его хозяйственной и культурной отсталости, искусственному отрыву его от русского народа и от общероссийского революционного движения.

В. И. Ленин в своей работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» подверг уничтожающей критике переселенческую политику царского правительства. Вместе с тем, анализируя позицию «националов» в аграрном вопросе, В. И. Ленин говорил о «национально-автономистическом областничестве», о «националистической тенденции разных групп буржуазии». Указывая затем на отсутствие самостоятельного крестьянского движения на окраинах и на неизбежность националистической тенденции «со стороны националистической буржуазии», В. И. Ленин вместе с тем подчёркивал, что со стороны пролетариата подобный буржуазный национализм недопустим. Он писал: «Наше дело — сплачивать и концентрировать движение, пропагандируя наилучший путь, наилучшее в буржуазном обществе земельное устройство, борясь с силой традиции, предрассудков, кос-

[34] ИАК, ф. 25, 1909 г., д. 180, л. 8.

[35] ЦИА в Ленинграде. Земский отдел МВД, 8-е делопроизводство, 1906 г. д. № 117, л. 78—79.

[36] «Сибирские вопросы», стр. 40, 1907 г., № 4.

[37] «Оренбургский край» № 2 за 1906 год.

ного провинциализма»[38]. И далее: «не «областничество» должны мы поощрять... не обособленность разных народностей,— нет, мы должны выяснять крестьянству значение единства для победы, ставить лозунг, расширяющий движение, а не суживающий его»[39].

Глубоко обнажив сокровенный смысл буржуазно-националистической программы в земельном вопросе, В. И. Ленин решительно боролся против всякого рода «националистических тенденций» и «буржуазного национализма», одной из разновидностей которого и являлся национализм казахского байства.

Сделаем некоторые общие выводы. Захватывая общинную землю, байство на этой основе эксплоатировало массы трудящихся казахов. Обезземеливая их, оно вместе с тем помогало и царскому правительству расхищать земли основной массы казахского населения. Одновременно стремясь всячески увековечить патриархально-феодальный гнёт, байство старалось разжечь межнациональную рознь, натравливая казахов на русских крестьян-переселенцев. С другой стороны, царское правительство, пытаясь ослабить в центре страны борьбу русского крестьянства против помещичьих латифундий, толкало его на путь разорительного переселения, когда все трудности освоения новых земель целиком ложились на плечи самих переселенцев. Наряду с этим оно усиленно разжигало также вражду между переселенцами и казахами из-за земли. Отсюда ясно, что на пути прогрессивного развития казахского народа стояли две реакционные силы: царизм и байство, и что в земельном вопросе сходились интересы казахского и русского народов.

Таким образом, вся политика царского правительства способствовала накоплению горючего материала на окраинах страны, так как тяжесть пережитков крепостничества в центре, губительное влияние царской переселенческой политики на русское крестьянство и колониальный гнёт на окраинах в конечном счёте способствовали расширению базы революции в стране.

[38] Ленин. Соч. Т. XI, стр. 486.
[39] Там же, стр. 498.

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО И АПРЕЛЬСКОЕ БОЛГАРСКОЕ ВОССТАНИЕ 1876 ГОДА

И. Козьменко

Крымская война вызвала в русском обществе не только интерес к Балканам (наличие его можно было констатировать и раньше), но и попытки помочь освобождению балканских народов, и в первую очередь болгар. После окончания войны те же стремления нашли своё организационное оформление в образовании в 1858 г. Московского славянского комитета[1], который завязал оживлённые сношения с славянами, в частности с болгарами. Он помогал им в развитии школьного дела, поддерживал славян, учившихся в России, установил связи с представителями болгарского национального движения. Как известно, в болгарском национальном движении XIX в. можно было различить два основных направления: правое, объединившее круги болгарской буржуазии как внутри Оттоманской империи, так и вне её пределов (в России, Румынии), и левое, представленное болгарской демократической интеллигенцией, главным образом молодёжью, учившейся за границей и затем вернувшейся на родину в качестве учителей, журналистов, врачей, ремесленников и т. д. Представители первого течения стремились к уничтожению бесправного положения болгар, добивались признания болгарского языка в качестве официального и принимали деятельное участие в борьбе за национальную болгарскую церковь. Однако они никогда не ставили вопроса об уничтожении турецкого господства путём всенародного восстания, а предпочитали добиваться реформ от турецкого правительства. В 1867 г. они выступили с проектом создания турецко-болгарского дуалистического государства. За ними установилось название «старых», присвоенное им сторонниками революционного течения, которых обычно называли «молодыми». Последние в отличие от «старых» признавали действительным только путь революционной борьбы, борьбы за уничтожение турецкого господства.

Московский славянский комитет находился в постоянной связи главным образом с представителями правого буржуазного крыла. В известные моменты Комитет и его отделения поддерживали связи и с новым революционным течением в Болгарии. Объяснялось это тем, что русские панслависты, игравшие в Комитете главную роль, считали, что крушение Оттоманской империи могло произойти только в результате восстания самих балканских народов, поднять которое

[1] Возникший в 1858 г. Московский славянский комитет имел отделения в Петербурге и Киеве. История его возникновения освещена С. Никитиным в подготовленной им к печати работе «Русское общество и вопросы балканской политики России».

ного провинциализма»[38]. И далее: «не «областничество» должны мы поощрять... не обособленность разных народностей,— нет, мы должны выяснять крестьянству значение единства для победы, ставить лозунг, расширяющий движение, а не суживающий его»[39].

Глубоко обнажив сокровенный смысл буржуазно-националистической программы в земельном вопросе, В. И. Ленин решительно боролся против всякого рода «националистических тенденций» и «буржуазного национализма», одной из разновидностей которого и являлся национализм казахского байства.

Сделаем некоторые общие выводы. Захватывая общинную землю, байство на этой основе эксплоатировало массы трудящихся казахов. Обезземеливая их, оно вместе с тем помогало и царскому правительству расхищать земли основной массы казахского населения. Одновременно стремясь всячески увековечить патриархально-феодальный гнёт, байство старалось разжечь межнациональную рознь, натравливая казахов на русских крестьян-переселенцев. С другой стороны, царское правительство, пытаясь ослабить в центре страны борьбу русского крестьянства против помещичьих латифундий, толкало его на путь разорительного переселения, когда все трудности освоения новых земель целиком ложились на плечи самих переселенцев. Наряду с этим оно усиленно разжигало также вражду между переселенцами и казахами из-за земли. Отсюда ясно, что на пути прогрессивного развития казахского народа стояли две реакционные силы: царизм и байство, и что в земельном вопросе сходились интересы казахского и русского народов.

Таким образом, вся политика царского правительства способствовала накоплению горючего материала на окраинах страны, так как тяжесть пережитков крепостничества в центре, губительное влияние царской переселенческой политики на русское крестьянство и колониальный гнёт на окраинах в конечном счёте способствовали расширению базы революции в стране.

[38] Ленин. Соч. Т. XI, стр. 486.
[39] Там же, стр. 498.

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО И АПРЕЛЬСКОЕ БОЛГАРСКОЕ ВОССТАНИЕ 1876 ГОДА

И. Козьменко

Крымская война вызвала в русском обществе не только интерес к Балканам (наличие его можно было констатировать и раньше), но и попытки помочь освобождению балканских народов, и в первую очередь болгар. После окончания войны те же стремления нашли своё организационное оформление в образовании в 1858 г. Московского славянского комитета[1], который завязал оживлённые сношения с славянами, в частности с болгарами. Он помогал им в развитии школьного дела, поддерживал славян, учившихся в России, установил связи с представителями болгарского национального движения. Как известно, в болгарском национальном движении XIX в. можно было различить два основных направления: правое, объединившее круги болгарской буржуазии как внутри Оттоманской империи, так и вне её пределов (в России, Румынии), и левое, представленное болгарской демократической интеллигенцией, главным образом молодёжью, учившейся за границей и затем вернувшейся на родину в качестве учителей, журналистов, врачей, ремесленников и т. д. Представители первого течения стремились к уничтожению бесправного положения болгар, добивались признания болгарского языка в качестве официального и принимали деятельное участие в борьбе за национальную болгарскую церковь. Однако они никогда не ставили вопроса об уничтожении турецкого господства путём всенародного восстания, а предпочитали добиваться реформ от турецкого правительства. В 1867 г. они выступили с проектом создания турецко-болгарского дуалистического государства. За ними установилось название «старых», присвоенное им сторонниками революционного течения, которых обычно называли «молодыми». Последние в отличие от «старых» признавали действительным только путь революционной борьбы, борьбы за уничтожение турецкого господства.

Московский славянский комитет находился в постоянной связи главным образом с представителями правого буржуазного крыла. В известные моменты Комитет и его отделения поддерживали связи и с новым революционным течением в Болгарии. Объяснялось это тем, что русские панслависты, игравшие в Комитете главную роль, считали, что крушение Оттоманской империи могло произойти только в результате восстания самих балканских народов, поднять которое

[1] Возникший в 1858 г. Московский славянский комитет имел отделения в Петербурге и Киеве. История его возникновения освещена С. Никитиным в подготовленной им к печати работе «Русское общество и вопросы балканской политики России».

могли более решительные и радикальные деятели.

Летом 1875 г. вспыхнуло восстание в Боснии и Герцеговине, осенью того же года — в Болгарии. Восстание в Болгарии потерпело неудачу, и началась подготовка нового восстания. Всё это возбудило в кругах Славянского комитета надежду на гибель Оттоманской империи и стремление воспользоваться этим для осуществления своих целей—окончательного решения восточного вопроса. Славянские комитеты интересовались болгарскими событиями с точки зрения значения их в общем ходе дел на Балканах. Вот почему ещё в декабре 1875 г., когда на одном из заседаний так называемой Герцеговинской комиссии[3] Петербургского отделения Московского славянского комитета[4] обсуждался вопрос об оказании помощи герцеговинцам и черногорцам, член комитета Н. А. Киреев[4] в своём выступлении подчеркнул мысль, что нельзя забывать и о Болгарии, в деле освобождения которой также необходима помощь. Решено было из средств Комитета выделить 20—30 тысяч на помощь болгарам. Помощь эта, однако, оказана не была, поскольку не было веры в успех освободительного движения в Болгарии[5].

Однако мысль об оказании поддержки готовящемуся в Болгарии восстанию не покинула Киреева, и он всячески старался склонить к этому и Комитет. Председатель Петербургского комитета кн. А. И. Васильчиков наотрез отказался от участия в этом, весьма сомнительном, по его мнению, предприятии[6].

Вопрос о Болгарии вновь возник на совещании той же Герцеговинской комиссии 27 марта 1876 года. На совещании присутствовали болгары, указавшие на ужасное положение Болгарии: турки «дошли уже до крайних пределов варварства и деспотизма, что хуже уже быть не может, что Болгарию и так грызут до смерти»[7]. В цитируемом источнике, к сожалению, не приведены имена присутствовавших на собрании болгар. Но из письма члена Петербургского комитета Ф. Левшина к Уварову от 10 апреля 1876 г. мы узнаём, что это были представители болгарских повстанческих комитетов[8].

На заседании 27 марта болгарам не удалось убедить членов Комитета в необходимости помочь Болгарии. Комитет считал, что поднимать Болгарию только для того, чтобы отвлечь турок от Герцеговины и Боснии, значило бы пожертвовать сотнями людей, а сделать «нечто действительное» трудно, потому что нет денег. Кроме того считалось, что Европа, которая, вероятно, согласится дать автономию Герцеговине и Боснии, не пойдёт на то, чтобы покончить с Европейской Турцией; «ведь болгар,— говорилось на заседании,— около 6 000 000. Что же останется от Европейской Турции, тем более, что к восстанию предполагается привлечь Эпир, Фессалию, Кандию и Албанию»[9]. Несмотря на такую точку зрения Комитета, для выяснения международной ситуации и места, которое занимает славянский и, в частности, болгарский вопрос в сферах европейской дипломатии, Николай Киреев был послан в Берлин, где в это время происходило совещание прусского, русского и австрийского министров иностранных дел. В апреле Киреев прибыл в Берлин и встретился там с русским консулом в Черногории А. С. Ониным и председателем Международного общества помощи герцеговинцам Г. С. Веселитским-Божидаровичем. Все трое с нетерпением ожидали результатов берлинской конференции. Киреева особенно интересовала судьба Болгарии. Это видно из дневника его брата Александра: «Там (в Берлине.— *И. К.*), очевидно, должно решиться всё дело, вероятно, автономия будет гарантирована серьёзно. Но что будет с Болгарией? Её, вероятно, отдадут на съедение турок, пока эти незваные гости не дождутся второго акта, т. е. такого же восстания в Болгарии, как то, которое теперь идёт в Герцеговине»[10]. Но никаких особых решений о Болгарии не последовало, хотя вопрос о ней, возможно, и обсуждался на заседаниях конференции.

Почти одновременно с отъездом Н. Киреева в Берлин на Балканы направился ге-

---

[2] Герцеговинская комиссия возникла в 1875 г. для сбора средств в пользу восставших герцеговинцев.

[3] В дальнейшем Петербургское отделение Московского славянского комитета будем называть Петербургским славянским комитетом — названием, упрочившимся за ним уже в то время.

[4] Николай Алексеевич Киреев, гвардейский офицер, вышел в отставку в 1875 г. и занялся исключительно делами Славянского комитета. Он правильно указывал, что нельзя замыкаться в узких рамках только герцеговинского, черногорского или боснийского вопросов, а нужно будить и Болгарию с её миллионным населением, а также привлечь Грецию и Албанию.— Отдел рукописей Библиотеки имени Ленина. Дневник А. А. Киреева. 1876, К-6, л. 127.

[5] Иванов И. «Болгарское ополчение и его формирование в 1875—1879 гг. Заметки и воспоминания». Сб. статей, стр. 120—121. Кишинёв. 1896. Автор воспоминаний — болгарин по происхождению, кишинёвский исправник, председатель Кишинёвского болгарского благотворительного общества, организованного в 1871 г., один из активных деятелей болгарского национально-освободительного движения, участник организации болгарского ополчения в составе русской армии в 1877 году.

[6] Голубев А. «Князь Александр Илларионович Васильчиков. 1818—1881», стр. 114. СПБ. 1882.

[7] Отдел. рукописей Библиотеки имени Ленина. Дневник А. А. Киреева. К-6, л. 117, запись от 28 марта.

[8] Там же. Фонд Н. Попова. М. 3602.

[9] Там же. Дневник А. А. Киреева. К-6, л. 117.

[10] Там же. Дневник А. А. Киреева. К-6, л. 120.

нерал М. Г. Черняев[11]. Этот «герой» азиатских походов русского царизма уже в 60-х годах проявил интерес к балканским делам и стал одним из активных практических проводников идеи великодержавного панславизма. Будучи членом Петербургского славянского комитета, он при содействии председателя Московского славянского комитета И. С. Аксакова весной 1876 г. уехал в Сербию. Поездка эта была предпринята вопреки запрещениям правительства. Отметим, что русское правительство в славянском вопросе в это время придерживалось крайне двойственной позиции. С одной стороны, оно негласно поощряло славянское движение, деятельность славянских комитетов, движение добровольцев, посылало деньги для оказания помощи пострадавшим болгарам, с другой стороны, оно запрещало проводы добровольцев, задерживало Черняева. Оно нигде не заявило о своём сочувствии болгарам, единственным выражением этого явилось опубликование в «Правительственном вестнике» документов «о турецких зверствах» (июль, 1876). Верность «союзу трёх императоров», сознание своей слабости, страх перед европейской коалицией побуждали его к воздержанию от каких-либо решительных действий. Впоследствии рост революционного движения в стране, боязнь усиления Австрии на Балканах и желание подорвать там свой престиж заставили правительство принять решительные меры и, нарушив «европейский концерт», самому взяться за разрешение восточного и, в частности, болгарского вопроса.

По дороге в Сербию Черняев в Румынии вёл переговоры с представителями болгарских повстанческих комитетов, которые предлагали ему возглавить движение[12]. Много позднее, в октябре 1876 г., Черняев писал Аксакову: «Когда болгарские комитеты предлагали мне взять непосредственно в мои руки руководство восстанием с титулом верховного вождя, то я отвечал им, что если мне удастся дойти с сербами до Софии, то я оставлю сербов и перейду к ним. До того же времени я нисколько на себя обязательств взять не могу, чтобы не возбудить напрасно надежд и не быть причиною бесполезных жертв»[13]. Дав такой ответ, Черняев поехал далее в Сербию.

Черняев надеялся на то, что выступление Сербии и Черногории придаст событиям больший размах, чем этого можно было ожидать в то время от выступления болгар. Всё же он не прекратил связей с болгарами. Редактировавшаяся им газета «Русский мир» одна из первых сообщила о подготовке и начале болгарского восстания. В дальнейшем в ней печатались подробнейшие корреспонденции из тырновского повстанческого округа.

Тем временем в Болгарии продолжалась подготовка к восстанию. Выступление должно было состояться 11 мая, в день Кирилла и Мефодия. Но в среде повстанческих комитетов нашёлся предатель, выдавший все планы туркам. Последние начали подтягивать войска. Тогда представители панагюрского революционного округа (южная Болгария) решили выступить до установленного срока. Восстание началось в конце апреля 1876 года. Турецкие власти при помощи направленных в Болгарию банд вооружённых черкесов зверски расправились с повстанцами. Целые селения и города вместе с их населением были стёрты с лица земли. Погибло около 30 тыс. болгар. К концу мая восстание было окончательно подавлено.

Неудача восстания объяснялась прежде всего превосходством сил и вооружения у турок. С другой стороны, сказалось и отсутствие единого руководства. Гюргевский (Румыния) центральный комитет, принявший было на себя роль руководителя, ничем себя не проявил в период самого восстания, комитеты округов и местные революционные организации действовали совершенно самостоятельно, оторванно друг от друга; не было согласия между вождями, часто возникавшие противоречия между ними переходили даже во враждебные отношения. В результате население отдельных местностей Болгарии не знало о готовившемся вооружённом выступлении против турок. В ряде мест подготовка к восстанию была настолько слаба, что нельзя было и думать о выступлении. Апрельское восстание 1876 г. тем не менее имело большое значение в деле активизации борьбы болгарского народа против турецких поработителей. С этого времени мысль о необходимости сбросить с себя турецкое иго стала достоянием народа[14]. Кроме того необходимо подчеркнуть, что это потерпевшее неудачу восстание имело глубокий резонанс в Европе, особенно в России, в результате которого болгарский вопрос приобрёл очень крупное значение в области международных отношений.

★

Первые сведения о почти поголовном истреблении болгарского населения ряда округов южной Болгарии собрал один из членов филиппопольской церковной общи-

---

[11] Об обстоятельствах отъезда Черняева см. Дурново Н. «К истории сербо-турецкой войны 1876 г.». «Исторический вестник» за 1899 г., стр. 531—537.

[12] Это подтверждается письмом И. С. Аксакова секретарю Московского славянского комитета Илье Попову. Отдел. рукописей Библиотеки имени Ленина. Фонд Н. Попова. М. 3602.

[13] Там же. Дневник Ф. В. Чижова за 1876 год. В записи от 28 октября дан список письма Черняева к Аксакову от 21 сентября — 2 октября из Делиграда (цитируемое место, л. 151. Чиж/28). В октябре 1876 г. Черняев предполагал, получив подкрепление, двинуться из Сербии в сторону Болгарии, но поражения, нанесённые Сербии турками, не дали осуществиться его замыслам.

[14] См. Станев Н. «България под иго. Възраждане и освобождение, 1398—1878». София. 1928; Страшимиров Д. «История на априлското възстание». Т. III. Пловдив. 1907.

ны Иван Гешов. Собранный материал он перевёл на английский язык и, при посредстве болгарской колонии в Константинополе, сообщил собранные данные дипломатическим представителям иностранных держав в Турции и ряду иностранных корреспондентов. Последние с разной степенью поспешности сообщили о случившемся своим правительствам и редакциям.

Первые сообщения Международного телеграфного агентства о событиях в Болгарии относятся к 24—30 апреля (ст. ст.) 1876 года. Они вызвали большой интерес в странах Европы и в Америке. Редакции многих газет спешно отправили к месту событий своих корреспондентов, другие — перепечатывали наиболее интересные сообщения из других газет. Раньше всех на события, как будет видно далее, откликнулась русская и отчасти австрийская пресса. В июне появились первые сообщения в английской печати.

Зверства турок вызвали страшное возмущение общественного мнения в Европе. Виктор Гюго написал гневный памфлет, в котором предавал проклятию равнодушных правителей Европы, спокойно взиравших на невиданные зверства, совершавшиеся на их глазах[15]. Французский журналист Эмиль Жирарден в ряде статей осуждал правительство Турции, а также европейские державы, допускавшие существование Порты — этого «позора Европы»[16].

Глубокое сочувствие народных масс и прогрессивных деятелей вызвали «болгарские ужасы» в Англии. Наряду с этим болгарский вопрос стал там предметом партийной борьбы между туркофильски настроенными консерваторами и оппозиционными им либералами[17].

Борьба туркофильских элементов со сторонниками решительных действий против Турции была характерна для стран Западной Европы. Она находила своё выражение как в мнении общественных кругов, в высказываниях печати, так и, особенно ярко, в направлении внешней политики.

Совершенно иное настроение наблюдалось в России. Здесь ни в правительстве, ни в обществе не оказалось туркофилов. Уже герцеговинские события 1875 г. дали мощный толчок к развитию славянского движения в России, возбудив большое сочувствие, преимущественно в народных массах. Живой отклик движение получило также и в либеральных кругах и в среде народников. Славянские комитеты приняли энергичные меры к развитию такого отношения русского общества к событиям в Герцеговине. Для этого были использованы все средства: воззвания, сбор денег и вещей, отправка санитарных отрядов в Герцеговину и Черногорию, различные органы печати, в которых влияние комитетов было весьма значительным. Таким образом, события в Болгарии нашли в России подготовленную почву.

В черняевской газете «Русский мир» ещё за несколько дней до восстания появилось сообщение о том, что в Ниш стягиваются турецкие войска, в связи с опасностью волнений среди болгар. Сообщалось об аресте одного из членов тырновского революционного комитета, учителя Николы Славкова[18]. 24 апреля в петербургской газете «Голос»[19] наряду с публикацией информации из Вены мы находим уже непосредственный отклик на начавшееся 21 апреля восстание в Копривщице и Панагюрище. «Телеграмма из Вены от 4 мая принесла сегодня известие, крайне важное и предвещающее новые осложнения в замешательствах на Балканском полуострове... Существенная сторона вопроса заключается в постепенно разгорающемся пожаре на Балканском полуострове, в возмутительных поступках мусульман, с каждым днём побуждающих всё большее число христиан к попыткам свергнуть с себя ненавистное турецкое иго, в ненадёжности турецких войск, которые Порта предлагает райе в защитники против фанатизма мусульманского населения, между тем как они сами являются участниками во всевозможных зверствах, и, наконец, в совершенном бессилии Турции управиться с ежедневно возрастающим восстанием»[20]. В этих словах яркая оценка положения в Европейской Турции и указание на опасность возникновения подобных явлений на Балканах.

29 апреля «Русский мир» в полученной от собственного корреспондента телеграмме из Белграда сообщал: «Восстание в Болгарии началось. Прибалканские селения взялись за оружие. Турки отправили поспешно шесть батальонов и три батареи из Ниша к Софии»[21]. 2 мая последовала вторая телеграмма из Белграда, а за нею, с 5 мая,—ряд корреспонденций из Тырнова, в которых очень подробно излагались события, имевшие место в тырновском революционном округе. В мае уже все русские газеты печатали подробные известия о жестокой резне, учинённой турецкими властями в Болгарии. 5 мая «Голос» писал: «Получаемые же с Востока сведения доказывают, что с каждым днём становится всё более и более настоятельным дать как можно скорее сильный урок мусульманским фанатикам... Желательно, чтобы энергичное вмешательство России, поддержанной прочими европейскими великими державами, приискало верный исход для

[15] Victor Hugo. «Pour la Serbie. Oeuvres complétes. Actes et paroles. Depuis l'Exile, 1876—1881», p. 4—7. Paris. s. a.

[16] Жирарден Э. «Позор Европы» (La honte de l'Furope), стр. 93. СПБ. 1877.

[17] Harris D. «Britain and the Bulgarian horrors of 1876». 437 p. Chicago. 1939; Wirthwein Ph. «Britain and the Balkan crisis 1875—1878». 433 p. New York. 1935.

[18] «Русский мир» от 21 апреля 1876 г.; «Русские ведомости» от 23 апреля 1876 года.

[19] «Голос» — газета умеренно-либеральных кругов общества. Редакторами её были А. Краевский и В. Бильбасов, члены Петербургского славянского комитета.

[20] «Голос» от 24 апреля 1876 года.

[21] «Русский мир» от 29 апреля 1876 года.

скорейшего прекращения столь давно продолжающихся бедствий и кровопролития»[22].

Несколько сдержаннее отозвались на восстание московские газеты, в том числе «Московские ведомости» и «Русские ведомости»[23]. До середины мая они в основном ограничивались перепечаткой иностранных сообщений. Но с 18 мая «Московские ведомости» начали помещать самые подробные описания турецких зверств, причём корреспонденции поступали уже из Константинополя, Румынии и даже непосредственно с территории Болгарии из Филиппополя (позднее появляются корреспонденции из Бухареста, Систова, Гюргева).

Отсутствие редакционного архива не позволяет точно установить, кто были авторы этих корреспонденций, однако изучение текста даёт основание полагать, что это были местные жители или члены революционных комитетов. Так корреспонденция из Бухареста от 27 мая подписана членом болгарского народного комитета Вуксоновичем, да и другие сообщения посылались от лица самих болгар[24]. Поступали сведения и от Московского славянского комитета через его председателя И. С. Аксакова и секретаря Н. А. Попова, которые получали их или непосредственно от болгар или через русских дипломатических агентов в Болгарии и Константинополе. «Московские ведомости» всегда очень полно отражали деятельность Московского славянского комитета, членом которого был их редактор М. Н. Катков. В «Русские ведомости» информация из Болгарии проникала через Н. Попова[25]. Остальные газеты отставали от «Московских ведомостей» в отношении количества отправных пунктов собственной информации. Особое место занимало только «Новое время», имевшее своих корреспондентов в Филиппополе, Габрово, в Бухаресте. Черняевский «Русский мир», ранее всех сообщивший о подготовке восстания и ранее других связавшийся с восставшими, ограничился лишь информацией из Тырновского округа. Что же касается «Голоса», то в период мая—июня на его страницах мы находим лишь две корреспонденции—без указания какого-либо определённого пункта, с простым упоминанием: «Из Болгарии». В первой из них, от 27 мая, сообщалось о восстании в Тырновском округе. Подчёркивалось, что черкесы и башибузуки «не идут против повстанцев, но против мирных деревень... Какие будут последствия, один бог знает. Турецкое правительство бессильно затушить восстание и удержать мусульманский фанатизм»[26]. 28 мая «Голос» передал текст «Воззвания Болгарского народного комитета». После этого корреспонденции с мест совершенно прекратились до декабря 1876 года. Объяснялось это, повидимому, тем обстоятельством, что тесно связанный через своих редакторов с Петербургским славянским комитетом «Голос», повидимому, отражал интересы комитета, который с бóльшим и постоянным вниманием следил за делами Герцеговины, Боснии и Сербии. Болгарскому вопросу эта газета всегда уделяла меньше места. Весьма возможно, что первые корреспонденции из Болгарии поступили через отправившегося в Болгарию Николая Киреева, а также через И. С. Иванова и члена комитета В. С. Ионина, прибывшего туда в мае 1876 года[27].

Горячо встали на защиту болгар «Отечественные записки», орган легального народничества. События в Болгарии, зверства турок явились для журнала подтверждением необходимости скорейшего выступления в пользу славян. Ещё в июне 1825 г.[28] в статье «Воевать или не воевать» журнал резко ставил вопрос о том, что в случае, если силы дипломатии не сумеют привести к торжеству правды, т. е. к освобождению славян, то Россия должна вступить в борьбу: «Тогда зажжём пламя войны во всей Европе, сольёмся со всем славянским миром, будем драться по-герцеговински и подобно Александру I дадим обет не положить оружия, пока не добудем свободы для всего славянского мира, для славян не только турецких, но и австрийских»[29]. В связи же с опубликованием официальных отчётов о бедствиях болгар, вновь возвратившись к вопросу «воевать или не воевать», журнал заявлял: «А Россия должна идти своим путём. Она находится по отношению к славянам в исключительном положении; она не может оставить славян без помощи и передать их снова во власть туркам. Они должны прямо и твёрдо заявить другим державам, что если дипломатия не устроит автономии балканских славян, то она одна обязана будет исполнить по отношению к славянам свой долг, а отклонить его от себя под предлогом тех или

---

[22] «Голос» от 5 мая 1876 года.

[23] «Русские ведомости» — газета либерального направления. Редактировалась И. Скворцовым. В вопросах внешней политики не отказывалась от сотрудничества с авторами панславистского направления. Так, передовые статьи по вопросам славянской политики писались секретарём Московского славянского комитета славянофилом Н. Поповым.

[24] «Московские ведомости» от 27 мая 1876 года. «Из Букуреште».

[25] В архиве Н. Попова (Отдел. рукописей Библиотеки имени Ленина. М. 3602) находим письма болгар Стоянова-Бурмова (с 60-х годов имел тесные связи со Славянскими комитетами и русским посольством в Константинополе. С 1878 г.— председатель Совета министров Болгарии), Каракановского (врач при русском посольстве в Константинополе) и дипломатического представителя России в Филиппополе кн. А. Церетелева к Н. Попову, в которых подробнейшим образом описываются события в Болгарии. Авторы писем призывают русское общество принять все меры для оказания помощи болгарам.

[26] «Голос» от 27 мая 1876 года.

[27] О деятельности Ионина см. дальше.

[28] Заметим, что в журналах статьи помещались с некоторым запозданием.

[29] «Отечественные записки», июнь 1876 г., стр. 375.

других возможных последствий она даже не имеет права»[30].

В рецензии на книгу Иречека «История болгарского народа», озаглавленной «Недобитый народ», «Отечественные записки» в самых тёплых тонах рисовали возрождение Болгарии в 60—70-х годах XIX века. Рецензия заканчивалась восклицанием: «Неужели же она (Болгария.—*И. К.*) встала затем, чтобы её уложили в этот страшный гроб вторично и навсегда? А похоже на то»[31].

Говоря о том, как быстро реагировала русская печать на происходившие в Болгарии события, интересно отметить разницу в оценке восстания различными периодическими изданиями, хотя все они выражали полное сочувствие восставшим. Здесь мы встречаемся с чрезвычайно любопытным явлением: такие петербургские газеты, как «Русский мир», «Голос», «Новое время», рисуют восстание как результат давних стремлений болгарского народа к независимости, как результат заранее подготовленных действий. (Они, правда, не скрывают, что движение началось преждевременно и что это послужило причиной его неудачи.) Для первых телеграмм «Русского мира» характерно даже некоторое преувеличение степени подготовленности восставших. Редактор газеты и на первых порах самый усердный её корреспондент, генерал Черняев так писал из Белграда: «Всё, что было возможно, сделано народом для предстоящей борьбы. Оружие, какое только было в Румынии, закуплено... Они (болгары.—*И. К.*) действуют по определённой программе»[32].

Более поздние корреспонденции «Русского мира» находятся в резком противоречии с указанной выше: в них говорится о недостатке оружия, отчаянном положении болгар и т. д. Да это и понятно, если вспомнить, что именно полное отсутствие определённой программы и наличие противоречия между отдельными вождями движения в значительной степени определили неудачу восстания, не говоря уже о стихийности его возникновения.

«Новое время» в статье «Народ-мученик», вспоминая неудачные восстания болгар в 30—40-х и 60-х годах XIX в., выражало надежду, что настоящая попытка будет удачнее, что и для этого народа заблестит заря новой жизни, о которой он так бесплодно мечтал в течение последних веков и которую заслужил вековыми страданиями[33].

«Московские ведомости», «Русские ведомости», «Гражданин» изображали дело иначе. Для них восстание—результат вероломного нападения мусульман на мирное население, или результат провокации турецких агентов, или средство обороны от нападения разъярённых фанатиков и громил. Такого мнения придерживался автор сообщения «Московских ведомостей» из Филиппополя от 30 апреля. Он подчёркивал, что волнения населения возникли не в результате какой-либо подготовки со стороны революционных комитетов, а в результате провокации со стороны мусульман[34]. «Русские ведомости» в передовой от 22 июня прямо отрицали факт восстания: «Как далека была Болгария от восстания, можно судить уже из того, что в какие-нибудь три или четыре недели несколько высланных в неё шаек башибузуков могли выжечь сотни селений и истребить до 100 000 жителей, чего, конечно, не могло бы случиться в столь короткий промежуток времени, если бы жители были настолько вооружены, чтобы оказать какое-либо сопротивление. Лёгкость и быстрота произведённых опустошений объясняются лишь тем беззащитным состоянием, в котором были застигнуты болгары»[35]. «Гражданин» в разделе «Иностранные события» также писал, что план истребления христианского населения был заранее обдуман и составлен мусульманами, а выступление болгар было ответным—с целью защитить свою жизнь, своих жён и детей от зверств турок[36].

В корреспонденции «Русских ведомостей» из Константинополя, написанной якобы от лица одного болгарского беженца из Филиппополя, болгарское восстание изображалось как провокация турецких агентов, которые под видом членов тайных народных комитетов поднимали народ против турок, а сами исчезли при появлении турецких войск. «Тогда только мы поняли гнусную измену и адскую махинацию, которую целую зиму изготовлял Мидхат»[37].

Эти газеты умышленно замалчивали факт довольно длительной, хотя и неудовлетворительной подготовки восстания революционными комитетами.

Вполне уместно объяснить подобную разницу в оценке болгарского восстания общим направлением указанных газет.

Редактировавшийся Черняевым «Русский мир» выражал взгляды панславистов. Сам генерал Черняев принадлежал к шовинистическим и реакционным кругам общества. Газета помещала информацию о действиях повстанческих комитетов в Болгарии, сочувствовала им и требовала помощи инсургентам, солидаризуясь в основных своих устремлениях с панславистами, проповедывавшими гибель Турции и осуществление покровительственной миссии России по отношению к славянам.

Газеты этого типа отражали настроения двух различных групп панславистского течения, расходившихся в мнениях только по вопросу о методах действия. Одни—сторон-

---

[30] «Отечественные записки», сентябрь 1876 г., стр. 97.

[31] Там же, стр. 22.

[32] «Русский мир» от 25 мая 1876 года.

[33] «Новое время» от 13 мая 1876 года.

[34] «Московские ведомости» от 23 мая 1876 года.

[35] «Русские ведомости» от 22 июня 1876 года.

[36] «Гражданин» от 30 мая 1876 года.

[37] «Русские ведомости» от 26 августа 1876 года. Мидхат-паша — турецкий государственный деятель.

ники мирного дипломатического разрешения вопроса—ограничивались воздействием на правительство и общество («Московские ведомости» — Катков, «Гражданин» — Мещерский), другие («Русский мир»—Черняев, Славянские комитеты) бились за практическое разрешение восточного вопроса, не считаясь с осторожной позицией правительства. Отсюда—естественное сближение их со сторонниками к действию революционными группами среди самих балканских народов.

Указанное различие отразилось и на характере источников информации газет. Так, большинство собственных корреспонденций «Московских ведомостей» поступило из Филиппополя, где в то время находился Найден Геров, русский консул в Филиппополе. Болгарин по происхождению, воспитанник Ришельевского лицея в Одессе, учитель в Филиппополе в 40-х годах, русский консул в том же городе с 1857 г., Геров был тесно связан с так называемыми «потомлянами», или «старыми». Когда апрельское восстание кончилось неудачей, «старые» были склонны обвинить «молодых» в панике. Апрельские события в Болгарии «старые» старались изобразить только как организованную турками резню, вынудившую доведённое до последней степени отчаяния население сопротивляться. Найден Геров, отражая эти взгляды в своих донесениях русскому послу в Константинополе, графу Н. П. Игнатьеву, постоянно подчеркивал, что, собственно, никакого восстания не было, а произошли лишь беспорядки, вызванные угрозами турок. Он нигде не говорит о членах гюргевского комитета или местных комитетов. Лишь в одном месте он упомянул «эмиссаров», не успевших сделать что-либо существенное. Он ни одним словом не упоминает о провозглашении свободной республики в Панагюреском округе[38]. Эта позиция Герова, по-видимому, нашла отражение и в направлении «Московских ведомостей», с которыми он мог иметь связи через члена Московского славянского комитета—дипломатического представителя России в Филиппополе в 1876 г., кн. Церетелева.

Установить эту связь помогает записка Николая Киреева, присланная им из Бухареста в Герцеговинскую комиссию Петербургского славянского комитета. В ней содержится очень подробное описание событий в Копривштице, Панагюрище, Перущице и других местах Болгарии. Киреев начал её следующими словами: «Милостивые государи. К тем сообщениям, которые я имел честь сообщить вам в вырезках из «Одесского вестника», могу прибавить ещё несколько таких, которые я имел случай достать уже здесь; хотя они почерпнуты и из частных источников, но не лишены и всеобщего доверия здешней публики, они представляют отрывочные сведения, но взятые вместе окрашивают турецкий характер восстания и доказывают, что оно было вызвано турками, а не каким-либо посторонним влиянием»[40].

При сравнении сообщения волнений в Перущице Киреевым с текстом доклада Герова по тому же поводу поражает почти полное совпадение отдельных выражений[40] и общего направления сообщений.

Очевидно, источником записки Киреева являются сведения, полученные через Герева. Киреев закончил письмо следующими словами: «Прошу: 1) эти сообщения в копии переслать в Московский комитет к Аксакову, авось он этими ужасами припугнёт белокаменную старушку, и 2) если комиссия найдёт это возможным, переслать это в редакцию «Русского мира» и попросить напечатать в этой единственной русско-славянской газете»[41]. Неизвестно, получил ли Аксаков эту записку Киреева. Весьма возможно, что она была ему переслана и что он отдал её редактору «Московских ведомостей» М. Н. Каткову для использования если не полностью, то в качестве материала для корреспонденции[42]. Однако в «Московских ведомостях» за период 1876 г. мы не находим корреспонденций из Болгарии, в частности из Филиппополя, которые можно было бы приписать перу Киреева. Тем не менее направление этих корреспонденций полностью отвечает характеру записки Киреева — в них также доказывается, что восстание было вызвано турками, а не каким-либо посторонним влиянием[43].

Если вспомнить, что консервативная английская и австрийская печать в то время неустанно писала о том, что восстание в Болгарии по поручению русского правительства спровоцировано агентами славянских комитетов[44], то легко понять, что га-

---

[38] Документи за «Българската история». Т. II, стр. 155—168. София. 1932.

[39] Отдел. рукописей Библиотеки имени Ленина. «Докладная записка Н. А. Киреева о восстании в Болгарии». М. 2611/15, л. 367.

[40] Так, например, в записке Киреева говорится: «Только на третий день послали для узнания о случившемся комиссию, состоящую из двух турок и одного болгарина». У Герова читаем: «Только на третий день, во вторник, была послана комиссия из двух турок и одного болгарина».

[41] Там же, л. 368—370. В статье Никитина С. «Письма и записки Н. А. Киреева», подготовленной для «Славянского сборника» Отдел. рукописей Государственной библиотеки СССР имени Ленина, подробно разобран вопрос об источниках информации Киреева. Автор считает, что сведения шли от русского консула в Бухаресте Зиновьева.

[42] О связях Аксакова с Катковым по издательским делам см. Отдел. рукописей Библиотеки имени Ленина, фонд М. Н. Каткова. Письмо Аксакова к Каткову от 9 августа 1877 г. Кат. 1/5 и др.

[43] Особенно интересна в этом отношении корреспонденция «Подвиги башибузуков и черкесов среди болгар. Выдержки из частных писем». «Московские ведомости» от 27 июня 1876 года.

[44] Документи за «Българската история». Т. II, стр. 192—200.

зеты, связанные с комитетами и в силу своих реакционных позиций поддерживавшие правительство, стремились своё сочувствие болгарам представить, как оказание помощи не повстанцам, а людям, которые были вынуждены взять в руки оружие не по собственной воле, а в результате провокации [45].

Вне сомнения, такие реакционные издания, как «Московские ведомости» и «Гражданин», пугала также революционность болгар. Что же касается «Русских ведомостей» (газета либерального направления), то в их корреспонденциях нашла отражение точка зрения болгарских буржуазных кругов. И Геров, и Стоянов-Бурмов, и Каракашевский, а вслед за ним и Церетелев давали подобное толкование болгарскому восстанию не только в силу своих политических взглядов. Они преследовали и другую цель: возбудить сочувствие и получить пожертвования со стороны возможно более широких слоёв общества, в том числе и консервативных, для которых слова «восстание», «восставшие» были слишком страшны, а описание страданий и бедствий ни в чём не повинных мирных православных болгар, притесняемых турками, могли вызвать сострадание и щедрые даяния. Те же цели преследовал Геров и в своих официальных донесениях Игнатьеву: русское правительство призывалось помогать не бунтовщикам, а терпящим насилия от мусульман мирным жителям. Записка Киреева, написанная под несомненным воздействием болгарской тенденции, также пропитана подобным стремлением и имела агитационный характер — особенно в этом убеждают уже приводившиеся слова записки: «Авось он (Аксаков — *И. К.*) этими ужасами припугнёт белокаменную старушку», т. е. консервативную Москву, страшащуюся всякого напоминания о бунте против законных властей, но сочувствующую православным, угнетаемым неверными турками.

Петербургские газеты в силу занимаемой ими позиции искали иных источников информации и были, повидимому, связаны с членами повстанческих комитетов. Это особенно характерно для «Русского мира», в тырновских корреспонденциях которого неоднократно упоминаются имена таких выдающихся борцов за освобождение Болгарии, как Тодор Каблешков, Никола Кабакчиев и др. Неудивительно поэтому, что записка Киреева, несмотря на его просьбу, не была опубликована в «Русском мире», поскольку тенденция её не соответствовала направлению газеты в этом вопросе. Таким образом, Черняев явился выразителем настроений тех панславистов, которые считали, что при создавшихся обстоятельствах нужно приводить в движение все силы, которые могут привести к гибели Турцию и способствовать освобождению славян и решению восточного вопроса в желательном для России направлении.

Той же позиции в силу несколько иных соображений придерживалось «Новое время». Его редактор Суворин прекрасно учитывал обстановку и славянские симпатии русского общества, питавшиеся в разных кругах различными мотивами. Как известно, одни стремились к распространению русского влияния на народы освобождённого от турок Балканского полуострова, другие желали освобождения славян без всяких захватнических целей. Но интерес к славянам существовал и у тех и у других.

Коммерческие интересы и погоня за подписчиками всегда побуждали Суворина давать газете то направление, которое могло быть в данный момент наиболее популярным в обществе, тем более, что при негласном поощрении правительства это было и неопасно. Михайловский в «Отечественных записках» исключительно ярко охарактеризовал тогда роль «Нового времени»: «Газета, которая ещё вчера зазывала к себе подписчиков пикантным романом с раздетыми кокотками и тайнами их будуаров, её издатель, прославившийся сколько талантливой игривостью своего остроумия, столько же непостоянством своих убеждений и до сих пор известный скорее своим пренебрежением, чем сочувствием к «славянской идее»,—эта газета и этот издатель становятся вдруг руководителем великодушной общественной симпатии» [46].

В эти дни русская печать, однако, не ограничивалась одним выражением сочувствия и признания по адресу болгар. Редакции газет стали центрами сбора пожертвований. Нельзя, к сожалению, установить размер оказанной помощи собственно болгарам через посредство газет, поскольку об этой помощи сообщалось под общей рубрикой «В пользу славян Балканского полуострова».

Дабы возбудить большее сочувствие общества и правительства к страданию болгар, газеты помещали воззвания о помощи, исходившие от лица самих болгар.

С той же целью публиковались воззвания о помощи болгарам различных русских и заграничных благотворительных обществ и подробно освещалась их деятельность. Так, «Московские ведомости» и «Русские ведомости» помещали подробную информацию о деятельности Московского славянского комитета; «Голос», отчасти «Новое время» и «Русский мир» делали то же в отношении С.-Петербургского отделения Московского комитета.

В те дни в русских журналах и газетах помещалось много очерков, посвящённых истории, быту и нравам болгар. Выпускались

[45] Любопытно примечание Церетелева в его письме к Н. Попову от 27 мая 1876 г.: «Если сообщённое вам пожелаете передать печати, сделайте это без моего имени. Вы знаете наши порядки, т. е. то, что касается турецких зверств, не должно иметь вида официального сообщения». Так русское правительство хотело скрыть перед Европой своё участие в судьбе болгар (Отдел. рукописей Библиотеки имени Ленина. Архив Н. Попова, М. 3602).

[46] Михайловский Н. «Записки профана». Соч. Т. III, стр. 855. 4-е изд. СПБ. 1907.

брошюры, которые имели не только познавательный, но и агитационный характер, авторы их призывали русскую публику к пожертвованиям.

★

Наиболее активными организаторами помощи восставшим и пострадавшим от турецких неистовств болгарам, естественно, явились Петербургский и Московский славянские комитеты, которые также собирали пожертвования и посредничали в пересылке их к месту назначения. Нельзя отрицать того факта, что славянские комитеты, несмотря на великодержавно-панславистскую целеустремлённость их действий, сыграли положительную роль в деле помощи болгарам в дни тяжёлых испытаний, а также в распространении знаний о них в России, в возбуждении сочувствия к ним. Так, Николай Киреев после посещения Берлина и Вены поехал через Варшаву и Кишинёв в Бухарест, куда прибыл 15 мая, когда болгарское восстание было почти повсеместно подавлено турецкими войсками. В Бухаресте у него завязались тесные связи с представителями революционной болгарской эмиграции, с так называемой партией «молодых». Перед Киреевым и приехавшим вместе с ним И. С. Ивановым встал вопрос о том, чтобы как можно скорее оказать помощь тем разрозненным отрядам повстанцев, которые, удалившись в горы, ещё продолжали оказывать сопротивление. В Кладове в это время собралось около 600 болгар, во главе с такими опытными воеводами, как Панайот Хитов, Филипп Тотю, Цока и др. Последние ожидали, что сербское правительство выдаст им оружие и поможет переправиться в Болгарию на помощь восставшим. За поддержкой болгары обратились к Кирееву. Он решил, что с их помощью можно ещё организовать в Болгарии новое восстание, и поэтому настоятельно требовал от Комитета присылки денег, которые поступали, повидимому, весьма неаккуратно[47].

Из-за недостатка средств Николаю Кирееву не удалось организовать новые повстанческие отряды (четы) и переправить их в Болгарию. Упомянутые выше болгары позднее были направлены в Сербию, где и сражались в рядах сербской армии.

Киреев попытался организовать в Бухаресте новый революционный комитет для организации сбора пожертвований, оказания помощи пострадавшим и для постепенного собирания разрозненных болгарских повстанческих комитетов с тем, чтобы в дальнейшем подготовить новое восстание. Однако резкие противоречия между «старой» и «молодой» партиями помешали тогда осуществлению его замысла[48]. Очевидно, сопротивление так называемых «нотабилей», т. е. представителей болгарской буржуазии, не желавшей давать средства на организацию нового революционного комитета, было столь велико, что Киреев был вынужден, не добившись успеха в этом деле[49], отправиться в Белград. Он вскоре погиб в одном из сражений во время сербо-турецкой войны, в которой участвовал в качестве руководителя русско-болгарского ополчения. Смерть Киреева произвела сильное впечатление в России, так как он был первым русским, погибшим в борьбе за свободу славян. Известным почётом пользовалось его имя и среди болгар. Об этом говорят записи в дневнике его брата: «Ионин[50] говорит, что, пока у болгар был брат, они дрались отлично (брата и они и сербы боготворили)»[51]. О том же свидетельствует и сохранившееся письмо возникшего в июле 1876 г. Центрального болгарского благотворительного общества в Бухаресте, которое выражало благодарность Александру Кирееву за его деятельность по оказанию помощи Обществу и, между прочим, изъявляло чувство благоговения «к памяти Киреева».

Уже в мае и июне 1876 г. в Петербургском комитете принимались меры к тому, чтобы послать восставшим болгарам деньги и оружие. В начале мая в Бухарест направился член Комитета В. С. Ионин, брат русского консула в Рагузе, один из бывших чиновников Министерства иностранных дел, не раз бывавший на Балканах[52]. Он привёз с собой 10 тыс. рублей. Само собой разумеется, что присланных средств хватило ненадолго, отсюда понятны требования Н. Киреева о немедленной высылке дополнительных сумм. В Петербурге брат его Александр Алексеевич Киреев вёл переговоры с товарищем министра иностранных дел Н. К. Гирсом. В результате этих переговоров удалось добиться некоторых денежных ассигнований, но попытки получить разрешение на вывоз оружия потерпели неудачу, так как против этого решительно возражал военный министр Милютин. Возражения последнего, очевидно, вызывались тем, что иностранные дипломатические представители постоянно запрашивали министерство иностранных дел относительно характера оказываемой Болгарии помощи со стороны России. Министерство иностранных дел отвечало, что оказываемая помощь—дело частной инициативы. Но так можно было решать вопрос в отношении

---

[47] Отдел. рукописей Библиотеки имени Ленина. Фонд Киреевых — Новиковой. Киреев Н. А.— Кирееву А. А. Б. д. 1876, май. Бухарест. М. 3611, л. 386.

[48] О противоречиях этих партий говорилось выше.

[49] Об этом см. Иванов И. «Болгарское ополчение и его сформирование в 1875—79 гг.». Сб. статей И. С. Иванова. стр. 115—116. Кишинёв. 1896, а также цитированное выше письмо Киреева к брату.

[50] Повидимому, В. С. Ионин — брат консула в Рагузе, член Петербургского комитета, о его деятельности в Болгарии см. ниже.

[51] Отдел. рукописей Библиотеки имени Ленина. Дневник Киреева, 1876, К-6, л. 132.

[52] Об Ионине см. Русский биографический словарь. Том «Ибак—Ключарёв»; стб. 320—321. СПБ. 1897.

денег,— поставка же оружия была делом более щекотливым[53].

В начале июля С.-Петербургский комитет обратился к русской публике с воззванием об оказании помощи болгарам. Воззвание было написано членом Комитета Орестом Миллером и подверглось значительным изменениям при прохождении цензуры в министерстве иностранных дел[54]. Оно было распространено в сотнях экземпляров, раздавалось в церквах и на улицах, его напечатали на всех полученных листах Комитета. Для Финляндии оно было переведено на финский и шведский языки. Тогда же Миллер написал особое воззвание к Америке, переведённое на английский язык членом Комитета Г. Деволанном. Оно, правда, не нашло соответствующего отклика в США: в примечании к его тексту, опубликованному в сборнике статей и речей Миллера, читаем: «Обращение это осталось без ощутительных последствий. Впрочем, приношения могли непосредственно доставляться из Америки южным славянам»[55].

Такова была деятельность Комитета в первые месяцы после восстания. В дальнейшем он завязал тесные сношения с революционной болгарской эмиграцией. Выше упоминалось, что в конце мая 1876 г. в Бухарест, по поручению Комитета, поехал В. С. Ионин. Ему удалось сделать то, чего так добивался Николай Киреев, а именно — организовать там новый Комитет. В состав Комитета вошли представители левого крыла болгарской эмиграции—Кириак Цанков, Олимпий Панов, Иван Грудов, П. Янчев и др. На учредительном заседании Комитета почётным его председателем был избран Владимир Ионин. Был составлен особый акт избрания членов. В целях конспирации, дабы усыпить бдительность румынских властей, Комитет назвал себя Центральным болгарским благотворительным обществом, хотя по существу являлся организацией, подобно прежним комитетам ставившей своей целью постепенную подготовку нового вооружённого восстания против турок. Однако название «Комитет» было слишком одиозным как для румынского правительства, так и для болгарских «нотабилей», которых Ионин уговорил принять участие в организации Общества, подчёркивая тем самым его якобы чисто благотворительный характер. В письме к Александру Кирееву от 11 июля 1876 г. Ионин писал: «По учреждении мною болгарских благотворительных обществ в одиннадцати городах Румынии я созвал в Бухаресте делегатов организованных обществ и в заседании 10 июля были избраны члены центрального благотворительного общества. Вся надежда вновь учреждённых обществ, образ действия которых будет согласен с требованиями настоящих обстоятельств, возлагается на поддержку наших комитетов. Если же им будет отказано в денежной помощи, то это возбудит страшное неудовольствие и моё положение сделается крайне неприятным». К письму был приложен акт избрания членов комитета[56].

В ответ на просьбу Ионина С.-Петербургский комитет отправил в Бухарест на имя русского консула Зиновьева 9003 рубля. Деньги эти, однако, очень долго пролежали без движения. Причиной тому были, очевидно, разногласия между членами Петербургского комитета, с одной стороны, и Московского комитета и Аксакова—с другой, по вопросу о назначении этих денег. По настоянию Аксакова они в конце концов были использованы на русских добровольцев в Сербии. Возможно, для того, чтобы убедить руководство Комитета в необходимости поддержать болгар и вновь образованное общество, Ионин на время приезжал в Петербург. В сентябре 1876 г. он опять направился в Бухарест. На этот раз его целью, по выражению А. Киреева, было «агитировать Болгарию, помогать жертвам и в особенности присмотреться»[57].

Поездка Ионина в Бухарест была, повидимому, связана с тем, что к этому времени уже становилось ясным неминуемое поражение Сербии и было очевидно, что России рано или поздно придётся вмешаться и выступить против Турции. Болгария должна была стать ареной военных действий. Нужно было подготовить почву для возможно более успешного продвижения русских войск, которым очень могло бы помочь восстание внутри самой Болгарии[58]. С этой целью и велись переговоры с Центральным бухарестским комитетом, который должен был бы сплотить болгар на борьбу против турок. В октябре 1876 г. члены его прибыли в Петербург[59]. К сожалению, неизвестно, о чём шла речь на совещаниях с представителями Бухарестского комитета и к каким пришли результатам.

В конце декабря 1876 г. Ионину удалось созвать в Бухаресте первый «собор» Центрального бухарестского комитета. В зале, убранном портретами Н. Киреева, Х. Ботева, В. Ионина, собрались многочисленные представители благотворительных обществ и

---

[53] Отдел. рукописей Библиотеки имени Ленина. Дневник А. А. Киреева, 1876, 22 мая. К-6, л. 123—124.

[54] Там же, 25 июня, К-6, л. 125, 127.

[55] Миллер О. «Славянство в Европе. Статьи и речи 1865—1877», стр. 206—207. СПБ. 1877.

[56] О возникновении Центрального бухарестского комитета см. Станев Н. «България под иго», стр. 434. София, 1928; статью Пушкаревича К. «Балканские славяне и русские «освободители». (Славянские комитеты и события на Балканах перед русско-турецкой войной 1877—1878 гг.) — в книге «Труды Института славяноведения АН СССР». Т. II, стр. 189—229. Л. 1934. Цитируемое письмо Ионина к А. Кирееву приводится по указанной статье, стр. 201. Там же приведён и акт избрания.

[57] Отдел. рукописей Библиотеки имени Ленина. Дневник А. А. Киреева, 28 сентября 1876 г., К-7, л. 102.

[58] Отметим, что это точка зрения Комитета, но не правительства.

[59] Отдел. рукописей Библиотеки имени Ленина. Дневник А. А. Киреева, 1876, К-7, л. 110—111.

местных комитетов. Присутствовавший на заседании «собора» корреспондент «Голоса» так отозвался об его участниках: «Смотря на их приёмы, слушая их соображения, приобретаемые только путём долгой практики в делах политики, можно было подумать, что эти люди давно уже пользуются самостоятельной жизнью и давно уже заседают в парламентах». В передовой статье того же номера «Голоса» подчёркивалась огромная роль болгарской эмиграции в деле ознакомления Западной Европы с истинными нуждами Болгарии[60]. В дальнейшем Центральный бухарестский комитет много сделал для организации болгарского ополчения в составе русской армии, многие из его членов сами вступили в ополчение и сражались вместе с русскими. Комитет прекратил своё существование в конце апреля 1877 года.

Характеризуя деятельность С.-Петербургского комитета за описываемый период времени, необходимо указать, что в его делах болгарскому вопросу отводилось второстепенное место. Основное внимание уделялось Герцеговине, Боснии, Черногории, Сербии, поскольку, как было указано раньше, большинство членов Комитета не считало Болгарию силой, способной нанести удар Оттоманской империи, поражение же апрельского восстания, казалось, подтверждало это мнение. Болгарским вопросом, в сущности, занимался не весь Комитет, а отдельные лица, такие, как Николай Киреев, Владимир Ионин, отчасти Александр Киреев. Этим объяснялись постоянные колебания относительно целесообразности помощи болгарам, задержки с получением для этой цели денег.

Та же картина наблюдалась и в Московском славянском комитете. В период 1875—1876 гг. и здесь главное внимание уделялось Герцеговине, Боснии, Черногории и Сербии. Болгарские дела занимали второе место. Правда, до окончательного разгрома восстания председатель Московского комитета Аксаков, очевидно, под влиянием самих болгар, ещё надеялся, что выступление Болгарии повлечёт за собой активизацию народов Балканского полуострова. Поэтому он охотно жертвовал деньги и даже писал Н. Попову, что «нужно теперь Герцеговину заменять Болгарией»[61]. Когда же стало ясно, что восстание в Болгарии потерпело полный крах, внимание Аксакова обратилось на Сербию, которая вступила в войну с Турцией.

Вскоре после первых сообщений о кровавой резне болгарского населения Московский комитет выпустил воззвание к русской публике, в котором подчёркивалось, что дальнейшее сохранение Турции представляет опасность для существования славян[62]. В июне 1876 г. было выпущено второе воззвание, сочинённое председателем Комитета И. Аксаковым. Это воззвание, несомненно, было написано не только в расчёте возбудить сочувствие общества, но и с целью оказать влияние на правительство. Об этом свидетельствует фраза: «И нет у них (у болгар.—*И. К.*) защитников во всём мире, кроме одной России... Но разве этого мало?» И, хотя за этим и следуют слова: «Представляя разрешение этого вопроса в отношении политическом высшим соображениям»,— смысл воззвания ясен: указание на историческую миссию России в отношении славян. Это было замаскированное требование вооружённого вмешательства в дела Турции. Александр Киреев в своём дневнике писал, что совершенно неожиданно для всех написанное в весьма страстном тоне воззвание Аксакова не подверглось цензурным изменениям и даже понравилось Горчакову, который, читая его, твердил: «Voilà comment il faut écrire!»,— в то время как воззвание Миллера, совершенно умеренное по своему духу, было значительно переделано[63].

Призыв Аксакова имел успех. Приток денег в Комитет значительно усилился. В письме к Ф. В. Чижову Аксаков сообщал, что после того как было опубликовано воззвание, только за два дня к нему поступило 2 тыс. рублей[64]. В речи от 24 октября 1876 г. он отмечал, что на русское общество события в Болгарии произвели такое впечатление, что не потребовалось особых стараний со стороны Комитета для того, чтобы возбудить сочувствие и сострадание к болгарам[65].

В связи с началом сербо-турецкой войны болгарские дела стали занимать Аксакова меньше. Он считал более целесообразным вместо болгар оказывать помощь успешно сражавшимся против турок сербам. В письме к товарищу министра иностранных дел Н. К. Гирсу в сентябре 1876 г. Аксаков писал, что славянские комитеты посылают людей и денежные средства в Сербию и Черногорию, так как рассчитывают на «радикальное и благоприятное для славян решение вопроса». Что же касается Болгарии, то поскольку не сделано главное — не устранён мусульманский фанатизм,— посы-

---

[60] «Голос» от 25 декабря 1876 г.; «Московские ведомости» от 6 января 1877 года.

[61] Отдел. рукописей Библиотеки имени Ленина. Архив Н. Попова. М. 3602. Письмо Аксакова от 8 июня 1876 года.

[62] «Московские ведомости» от 5 мая 1876 года.

[63] Отдел. рукописей Библиотеки имени Ленина. Дневник А. А. Киреева, 5 июля 1876 г., К-6, л. 127.

[64] Там же, фонд Чижова. Переписка, папка 37.

[65] Аксаков И. Соч. Т. I, стр. 221. В той же речи Аксакова есть указание на то, что в течение 1876 г. Комитет истратил специально на Болгарию 38 058 р. 68 к. Из них 10 тыс. руб. были посланы Комитету помощи болгарам в Константинополе под председательством советника русского посольства Нелидова. 13 тыс. руб. было послано в Сербию митрополиту Михаилу для раздачи болгарским и боснийским беженцам. На что именно были затрачены остальные деньги, сведений не имеется (там же, стр. 230). Остаётся также неизвестным, сколько было израсходовано непосредственно на болгар.

лать туда людей и средства нет никакого смысла. Аксаков решительно отказывался помогать возникшему в Филиппополе по инициативе А. Н. Церетелева Международному обществу помощи болгарам, мотивируя это тем, что при сохранении турецких порядков пожертвования не будут использованы по назначению.

Александр Киреев писал по этому поводу: «Гирс предложил Аксакову принять участие в помощи Филиппопольскому округу, на что Аксаков ответил громовым письмом, в котором говорит, что незачем давать деньги в такие местности, которые будут, может быть, преданы дипломатией туркам. Письмо написано превосходно. Конечно, теперь все наши усилия должны быть направлены на Черняева»[66].

Русское правительство в то же время ещё колебалось в решении славянского вопроса и не принимало никаких мер к тому, чтобы обеспечить свободу славян, и в том числе болгар, путём вооружённого вмешательства. Это обстоятельство способствовало тому, что Аксаков предпочитал поддерживать Сербию и Черногорию, которые вели войну с Турцией.

Славянскими проблемами в те дни живо интересовались и в придворных кругах, где образовалась своего рода «партия действия», возглавлявшаяся наследником, будущим Александром III. К ней по своим взглядам примыкали русский посол в Константинополе гр. Н. П. Игнатьев, наставник Александра III—К. Победоносцев, гр. А. Д. Блудова, великий князь Константин Николаевич и императрица Мария Александровна, фрейлина Екатерина Тютчева. Все они считали, что Россия должна вступить в войну с Турцией и оказать этим помощь балканским славянам, иначе она утратит среди них свой престиж и уступит место Австрии и Англии, которые принимают энергичные меры к тому, чтобы завоевать симпатии славян и опорочить перед ними Россию. С другой стороны, война, по их мнению, отвлекла бы умы общества от внутренних неурядиц и революционных идей и укрепила бы авторитет самодержавия как внутри, так и за пределами страны. Отсюда покровительственное отношение наследника к деятельности славянских комитетов. Он даже выражал сожаление, что в силу ряда обстоятельств не может принимать активное участие в славянском деле[67].

В конце июня 1876 г. в Петербург из Египта возвратился отставной генерал Р. А. Фадеев[68]—один из наиболее ярких представителей русского панславизма. Фадеев имел связи с Сербией, намеревался возглавить сербскую армию в качестве главнокомандующего. Однако в этом его опередил Черняев. Тогда Фадеев решил заняться болгарскими делами. Явившись в июне 1876 г. в Петербург, он проник к наследнику и представил ему план организации нового болгарского восстания. Александру III проект понравился, и он отправил Фадеева в Москву с тем, чтобы тот оказал воздействие на московское купечество и побудил его к пожертвованиям в пользу болгар. О переговорах Фадеева с московскими купцами писал в своём дневнике член Московского славянского комитета Ф. В. Чижов.

15 июля в «Московских ведомостях» и в «Русских ведомостях» было опубликовано обращение исполняющего должность старшины московского купечества С. М. Третьякова, в котором последний призывал московских купцов помочь страдальцам-болгарам и посылать средства в образованную при Биржевом комитете комиссию. Тогда же было опубликовано почти аналогичное по содержанию обращение к русскому купечеству от Московского биржевого комитета[69]. При образовании комиссии купцы пожертвовали 130 682 р. 74 к. За период с 15 июля по 21 августа поступило 153 199 р. 82 к.[70]. Деятельность комиссии проходила под неустанным наблюдением и покровительством наследника. Комиссия получила название «Болгарской». В письме к княгине Черкасской жена Аксакова Анна Фёдоровна сообщала, что наследник принимал комиссию во главе с Аксаковым ещё до открытия подписки, рекомендовал проводить последнюю без особого шума и вновь сказал: «Но знаете, с какой бы целью ни собрали, всё пойдёт на вооружение»[71]. На средства комиссии было закуплено 20 тыс. ружей системы Шасно и 6 орудий. Однако это оружие очень долго оставалось без употребления, пока в начале 1877 г. оно не пошло на вооружение болгарского ополчения, в формировании которого участвовали и Московский славянский комитет и Болгарская комиссия. Аксаков и здесь играл руководящую роль. Повидимому, он ожидал, что оружие и деньги, собранные комиссией, будут правительством использованы на дело радикального освобождения Болгарии, о котором он писал в упоминавшемся выше письме к Н. К. Гирсу. Позднее он выражал негодование по поводу того, что переданное правительству оружие лежит без движения.[72]

Состоявшее при Московском славянском комитете Дамское отделение в течение 1876 г. пыталось сделать кое-что для бол-

---

[66] Отдел. рукописей Библиотеки имени Ленина. Дневник А. А. Киреева, 11 сентября 1876 г., К-6, л. 130.

[67] Там же. Дневник А. А. Киреева, 22—25 апреля 1876 г., К-6, л. 120.

[68] Фадеев пытался убедить египетского хедива стать союзником России и выступить против Турции, но не добился успеха.

[69] «Московские ведомости» от 15 июля 1876 года.

[70] «Русские ведомости» от 5 августа 1876 г. и от 25 августа.

[71] Отдел. рукописей Библиотеки имени Ленина, фонд Черкасского. Переписка. Аксакова А. Ф.— Черкасской кн. Е. А. 1 июля 1876 г. Черк/II, 4/24—26.

[72] Там же. Фонд Черкасского. Аксаков Черкасскому, 19 марта 1877 г. Черк/II, 4/17—19.

гарских девочек-сирот, а также девочек из семейств, наиболее пострадавших от турецких зверств. В октябре 1876 г. оно обратилось к русскому консулу в Филиппополе Н. Герову с письмом, в котором сообщало о намерении воспитать на свой счёт 15 болгарских девочек в возрасте от 9 до 15 лет, преимущественно сирот. Дамское отделение просило Герова оказать содействие в смысле отбора сирот [73].

При помощи Дамского отделения в Москву приехала знаменитая Райна Георгиева, участница восстания в Панагюрище. Накануне восстания молодой учительнице Райне Георгиевой повстанческий комитет поручил вышить знамя. 24 апреля, при всеобщем стечении народа, была провозглашена Панагюрская свободная республика и было освящено знамя. Райне поручили провезти его на коне по улицам Панагюрица. Когда турки ворвались в село, они схватили девушку, долго издевались над ней и бросили в тюрьму в Филиппополе, откуда она была освобождена английскими и американскими дипломатическими представителями. При содействии Герова и Константинопольского комитета помощи славянам она была направлена в Москву, где была за счёт Московского славянского комитета устроена в одном из монастырей в качестве пансионерки [74].

Из отчёта Дамского отделения за период с 1 октября 1876 г. по 22 января 1877 г. узнаём, что за его счёт в московских монастырях, институтах, пансионах и у частных лиц воспитывалось 27 болгарок в возрасте от 9 до 12 лет [75].

Для более полной характеристики деятельности славянских организаций в России необходимо сказать несколько слов об Одесском болгарском настоятельстве (возникло в 1854 г.), хотя сведения о нём чрезвычайно скудны. Одесское болгарское настоятельство принимало самое деятельное участие в организации восстания, оно оказывало помощь в переправке вооружённых отрядов из Румынии в Болгарию до начала восстания, посылало туда оружие [76]. Когда в результате поражения восстания и учинённой турками резни началось бегство болгар в Россию, Одесское болгарское настоятельство сделало очень многое для того, чтобы разместить беженцев в частных одесских домах. Оно же выхлопотало для беженцев 50-процентную скидку на железнодорожные билеты. 25 болгарских девочек и 37 мальчиков было устроено Настоятельством в учебные заведения. По представлению Настоятельства русский посол в Константинополе гр. Н. П. Игнатьев исходатайствовал перед Портой освобождение из тюрьмы ряда болгарских учителей. В помощь болгарам через Константинопольский нелидовский комитет было отправлено 8 тюков тёплой одежды [77]. Много вещей было переслано и в Филиппопольское международное общество помощи болгарам.

Несмотря на эгоистические мотивы панславизма и на незначительность доли, внесённой славянскими комитетами и Одесским болгарским настоятельством в дело помощи восставшей Болгарии, несомненно, что их воззвания, брошюры, скромные пожертвования, собранные ими, наконец, такие факты, как попытки поддержать восстание и организация Центрального бухарестского комитета, объединившего революционные круги болгарской эмиграции, — всё это, вместе взятое, объективно сыграло свою положительную роль.

Болгары ощутили поддержку родственного русского народа, она способствовала укреплению освободительных стремлений в их среде. Деятельность славянских комитетов способствовала расширению сочувствия к болгарам со стороны русского общества и была лишним напоминанием правительству о необходимости принять меры в защиту балканских народов.

Сильное впечатление события в Болгарии произвели на передовую часть русской интеллигенции. Писатель В. М. Гаршин, тогда студент Горного института, писал товарищу 18 июня 1876 г.: «За сообщение новостей профессорского мира весьма благодарен, хотя, по правде сказать, электрофорная машина Теплова и соединение химического и физического обществ интересуют меня гораздо меньше, чем то, что турки перерезали 30 тыс. безоружных стариков, женщин и ребят. Плевать я хотел на все ваши общества, если они всякими научными теориями никогда не уменьшат вероятностей совершения подобных вещей» [78]. Гаршин всеми силами стремился в Сербию на войну, однако его не пустили, так как он был призывного возраста.

События в Болгарии побуждали молодёжь ехать на Балканы, на театр войны и там, помогая сербам в их борьбе против турок, спасать от насилий и зверств болгар и вообще всех славян. Эти настроения молодёжи особенно хорошо отражены в «Записках революционера» П. А. Кропоткина:

«Мои лучшие друзья — Сергей Степняк, Дмитрий Клеменц и многие другие — отправились на Балканский полуостров, чтобы

---

[73] См. Документи за «Българската история» Т. II, стр. 244. София. 1932.

[74] Автобиография панагюрской учительницы Райны Георгиевой, прозванной турками болгарской королевной. Перевод с болгарского. М. Издание Дамского отделения Славянского благотворительного комитета, 1877, стр. 64; «Русский мир», 1877, № 90, стр. 6 — рецензия на эту брошюру.

[75] «Московские ведомости» от 29 января 1877 года.

[76] Об этом см. письмо Аксакова к Н. Попову от апреля 1876 г., в котором тот замечал: «Движением руководит Одесский комитет». Отдел. рукописей Библиотеки имени Ленина. Архив Н. Попова. М. 3602.

[77] Барсов Н. «Тридцатилетие деятельности Одесского болгарского настоятельства (с 1854—1884) и материалы для истории освобождения Болгарии», стр. 40—52. Одесса. 1895.

[78] Гаршин В. Рассказы, стр. 21. 9-е изд. СПБ. 1903.

присоединиться к инсургентам. Друзья писали мне: «Мы читаем корреспонденции «Daily News» о турецких зверствах в Болгарии, мы плачем при чтении и идём записываться в отряды инсургентов, как добровольцы или как сёстры милосердия»[79].

Под влиянием кровавых событий в Болгарии И. С. Тургеневым было написано замечательное по силе и остроте стихотворение-памфлет «Крокет в Виндзоре». Оно было направлено против английской королевы Виктории, которая, подобно своему премьер-министру Дизраэли, придерживалась туркофильской позиции и враждебно отнеслась к восстанию болгар. Стихотворение рисует Викторию, играющую в саду в крокет. Катятся шары, и вдруг королева

«Умолкла... лицо побледнело...
Ей чудится: вместо точёных шаров,
Гонимых лопаткой проворной,
Катаются целые сотни голов,
Обрызганных кровию чёрной»[80].

Стихотворение датировано 26 июня 1876 года. Позднее, в октябре того же года, Тургенев в письме к княгине Черкасской писал: «Болгарские безобразия оскорбили во мне гуманные чувства: они только и живут во мне; и коли этому нельзя помочь как войною, ну так война! Зарезанные болгарские жёны и дети были бы не христианской веры и не нашей крови,— моё негодование против турок не было бы нисколько меньше». Он также сообщал, что пытался в переводе на английский язык поместить стихотворение в либеральной лондонской газете «Daily News», однако последняя отказалась, так как побоялась, что это оскорбит королеву»[81].

Негодование широких кругов русского общества по поводу зверств турок в Болгарии нашло отражение в многочисленных газетных статьях, стихотворениях, авторами которых были такие выдающиеся писатели, как Достоевский, Полонский, а также и неизвестные и часто бесталанные лица. Отразилось оно и в искусстве. Художник Константин Маковский, под впечатлением резни в Болгарии, написал имевшую большой успех и вызвавшую многочисленные рецензии и жаркие споры картину «Болгарские мученицы».

Итак, события в Болгарии заинтересовали прежде всего панславистские круги русского общества, которые усмотрели в них один из желанных для них симптомов разложения и распадения Оттоманской империи. Поэтому они приняли на первых порах живейшее участие в судьбе болгар. Этими же причинами объясняется и некоторое охлаждение их к болгарам в связи с неудачей восстания. Необходимо отметить большую роль, которую они сыграли в смысле популяризации болгарской проблемы в России, в смысле возбуждения сочувствия к болгарам, сбора денег, пожертвований, наконец, в ознакомлении русской общественности с историей, нравами и обычаями болгар.

Если поддержка болгар панславистами была связана с их великодержавными претензиями на гегемонию среди славянского мира, то отношение прогрессивных кругов русского общества было лишено этих эгоистических мотивов. Возмущение их было вполне искренним, в нём проявлялись бескорыстные симпатии и сочувствие к освобождению болгар и других народов Балканского полуострова. Болгарский вопрос тем более способствовал расширению этих симпатий, что он оказался близким по времени с выступлением сербов и черногорцев против Турции и из узко болгарского превратился в общий славянский вопрос.

События апреля 1876 г., вызвав к жизни болгарский вопрос, сделали его злободневным, политически-международным вопросом, разрешение которого стало насущной проблемой русской внешней политики.

Русское общество в дальнейшем не только не утратило интереса к судьбе Болгарии, но очень много сделало для того, чтобы побудить колеблющееся правительство к решительным действиям — вступлению в войну, которая принесла болгарскому народу долгожданное освобождение от пятивекового турецкого господства.

---

[79] Кропоткин П. «Записки революционера». Подготовка текста к печати и примечания Н. К. Лебедева, стр. 250. Л. «Академия». 1933. В книге Богучарского «Активное народничество» (СПБ. 1912) имеется много материалов, говорящих о сочувствии народников к судьбе болгар, о связях их с представителями болгарского революционного движения — Любеном Каравеловым, Иваном Вазовым и другими, но непосредственных откликов на восстание мы имеем очень немного.

[80] Тургенев И. Соч. Т. X, стр. 531—532. 5-е изд. СПБ. 1911.

[81] Бродский Н. Неопубликованные письма И. С. Тургенева. Записки Института мировой литературы имени А. Горького. Т. I. 1946 (подготовлено к печати).

ЗАКОНЫ В. ШУЙСКОГО О КРЕСТЬЯНАХ И ХОЛОПАХ И ВОССТАНИЕ БОЛОТНИКОВА *

И. Смирнов

Законодательство В. Шуйского о крестьянах и холопах представляет исключительный интерес для исследователя. Эпоха острой классовой борьбы, борьбы между крестьянами и феодалами в начале XVII в. нашла своё яркое выражение в законах В. Шуйского по крестьянскому вопросу, являвшихся выражением интересов господствующего класса крепостников-феодалов.

Вместе с тем исключительная острота обстановки, быстрая смена политических ситуаций, изменения в соотношении сил борющихся классов на том или ином этапе борьбы придали законодательству В. Шуйского о крестьянах и холопах чрезвычайно сложный и противоречивый характер, зачастую ставивший втупик исследователей этих законов.

Настоящая статья не ставит своей задачей рассмотрение всех законов В. Шуйского о крестьянах и холопах, ограничиваясь анализом лишь одной, хотя и важнейшей, группы этих законов, непосредственно связанных с восстанием Болотникова.

Главным источником для изучения политики В. Шуйского по вопросу о холопах в период восстания Болотникова является приговор от 25 февраля 1608 года. Относясь по времени издания уже к периоду после подавления восстания Болотникова, приговор 25 февраля 1608 г., однако, знакомит нас с политикой правительства В. Шуйского по вопросу о холопах именно в период восстания Болотникова. Такая особенность приговора объясняется самым характером этого закона, представляющего собой итог рассмотрения боярской думой, по челобитью «дворян и детей боярских розных многих городов», ряда актов правительства В. Шуйского, относящихся ко времени восстания Болотникова, по вопросу о холопах — участниках восстания.

Текст приговора 25 февраля 1608 г. не даёт возможности сколько-нибудь точно датировать акты правительства В. Шуйского, о которых в нём идёт речь.

Однако упоминание о том, что дворяне брали себе из тюрем «изменничьих людей на Москве и в Серпухове и под Тулою» позволяет сделать вывод, что, по крайней мере, некоторые мероприятия по вопросу о холопах были осуществлены до взятия Тулы В. Шуйским, т. е. в самый разгар восстания Болотникова.

Характерной чертой политики В. Шуйского было стремление использовать законодательство о крестьянах и холопах как средство привлечения на свою сторону тех или иных слоёв землевладельцев-феодалов, равно как и для внесения разложения в ряды участников восстания Болотникова.

Особенно ярко отмеченная черта политики В. Шуйского проявляется в вопросе о холопах. В результате в этой политике можно обнаружить самые противоречивые тенденции, в зависимости от целей, которые ставились В. Шуйским на том или ином этапе борьбы.

Приговор 25 февраля 1608 г. позволяет проследить некоторые черты этой политики. Из его текста следует, во-первых, что одной из форм вознаграждения дворян-помещиков за активное участие в борьбе с Болотниковым являлось предоставление им права брать из тюрем «на поруки» холопов, участников восстания Болотникова, которых затем их поручители превращали в своих холопов: «Взяв из тюрмы на поруку, да имали на них на своё имя служилые кабалы»[1]. Вместе с тем в качестве одного из средств для разложения лагеря восставших правительство В. Шуйского применяло такую меру, как выдача отпускных тем холопам, участникам восстания, которые являлись с повинной: «которые холопи были в воровстве и государю добили челом, и даны им были отпускные». Но одновременно правительство В. Шуйского применяло и такую меру, как амнистия землевладельцев, участников восстания Болотникова («бояре, которые были в измене, а государева опала ныне им отдана»). В связи с этим, считая себя реабилитированными и восстановленными в прежних правах (в частности и в праве на владение холопами, которого лишались опальные бояре), амнистированные землевладельцы предъявляли притязания на своих бывших холопов, участников восстания Болотникова («старые бояре... тех холопей имают и ищут на них, по старым крепостям, холопства»). Наконец, ещё более усложняющим картину моментом являлось то, что среди холопов, «добивших челом» и получивших в связи с этим отпускные, были и такие, которые «после того опять сбежали в воровство».

Таким образом, политика В. Шуйского по вопросу о холопах, участниках восстания Болотникова, превратила этот вопрос в запутаннейший узел противоречий. С одной стороны, оказались две группы претендентов на холопов: дворяне, участники борьбы против Болотникова, получившие холопов во владение как своего рода трофей и юридически оформившие свои права на них, путём взятия у доставшихся им холопов новой служилой кабалы; старые владельцы холопов, рассматривавшие холопов, участников восстания Болотникова, как беглых и требовавшие возврата их им «по старым крепостям». С другой стороны, изменился и юридический статус самих холопов, участвовавших в восстании: одни получили «отпускные» и таким образом юридически пе-

---

* Из подготовляемой автором книги «Восстание Болотникова».

[1] «Акты исторические». Т. II, № 85, II.

рестали быть холопами; другие, взятые «на поруки», дали на себя новые «служилые кабалы». Это могло рассматриваться как юридически правомерный акт в тех случаях, когда их «старые бояре» были подвергнуты опале, что влекло за собой отпуск на свободу холопов опальных бояр и тем самым аннулирование «старых крепостей».

Второй памятник законодательства В. Шуйского о холопах, указ 7 марта 1607 г. о «добровольных холопах», также должен быть поставлен в связь с общим характером политики В. Шуйского и отнесён к той линии в этой политике, целью которой являлось воздействие на холопские элементы населения, чтобы удержать их от присоединения к лагерю Болотникова.

Б. Д. Греков справедливо указывает, что законодательство В. Шуйского о кабальных холопах представляло собой одну из форм борьбы между лагерем В. Шуйского и его противниками: «Сражались не только оружием. Пускали в ход прокламации и обещания, сманивали людей чинами, деньгами и землями, прибегали и к другим средствам, рассчитанным на ослабление противника и усиление своих собственных позиций. Одной из таких мер, диктуемых чувством самосохранения и регулируемых положением войск Шуйского на фронте, была и политика Шуйского по отношению к кабальным холопам»[2]. Эта характеристика полностью применима, в частности, и к закону 7 марта 1607 года. Этот закон явно носит характер вынужденной меры, меры, продиктованной именно «чувством самосохранения» крепостников-феодалов, оказавшихся перед необходимостью в обстановке острой борьбы с Болотниковым пойти на такой жест, как отмена статей закона 1597 года. Закон 1597 г. установил принцип принудительного превращения в кабальных холопов тех «добровольных холопов», которые прослужили у данного лица свыше полугода.

В противоположность закону 1597 г. закон 7 марта 1607 г. предписывал «в кабалах отказывати» холоповладельцам, требовавшим от Приказа холопьего суда принудительной выдачи кабалы на тех добровольных холопов, которые «не похотели» дать на себя кабалы. При этом закон в качестве основного доказательства незаконности попыток похолопления добровольных людей признавал показание самого добровольного человека: «которые добровольные холопи в роспросе скажут, что служит полгода, или год, или больши, а кабал дати не хотят, и тех добровольных холопей в неволю давати не велел»[3].

Издание закона 7 марта 1607 г., несомненно, было вызвано тем, что в разгар восстания Болотникова правительство В. Шуйского не могло идти на такие меры, как санкционирование насильственного закабаления «добровольных холопов», т. е. прежде всего тех элементов в составе городского населения, которые юридически сохраняли ещё своё свободное состояние. Такие действия холоповладельцев могли привести лишь к ещё большему обострению обстановки в стране, толкая «добровольных холопов» к переходу на сторону Болотникова. Поэтому, отказывая холоповладельцам в их требованиях, правительство В. Шуйского возлагало на них самих последствия их неосмотрительности (состоявшей в том, что они своевременно не оформили юридические свои отношения с «добровольными холопами», путём взятия с них служилой кабалы). В законе 7 марта указывалось: «Не держи холопи без кабалы ни одного дни, а держал безкабально и кормил, и то у себя сам потерял».

Эта последняя формула показывает, что правительство В. Шуйского отнюдь не стояло на позициях «принципиальной» недопустимости закабаления свободного населения; вместе с тем она ещё больше подчёркивает характер закона 7 марта 1607 г., как чрезвычайной меры, имевшей целью лишь устранить такие методы закабаления, которые в момент издания закона ставили под угрозу социальные устои крепостнического общества. Именно таким чрезвычайным характером закона 7 марта объясняется и его дальнейшая судьба: он был отменён приговором «всех бояр» 12 сентября 1609 г., когда вновь были восстановлены статьи закона 1597 г. о добровольных холопах[4].

Чтобы закончить обзор политики В. Шуйского по опросу о холопах, необходимо рассмотреть статьи о холопах в Соборном уложении 9 марта 1607 года.

Одной из статей этого закона норма о пятнадцатилетнем сроке сыска беглых крестьян распространяется и на беглых холопов: «А которые после сего уложения крестьяне, или холопи, или раба побежит от своего государя и придет к иному, и государю искати своего холопа, и рабу, и крестьяна в пятнадцати летах от побега, а за пятнадцать лет не искать»[5].

Вторая статья регулирует семейные отношения холопов: «А которые люди держат рабу до 18 лет девку, а вдову после мужа более дву лет, а парня холостого за 20 лет, а не женят и воли им не дают, и той вдове, или девке, или парню идти к казначею; а казначею опытав о том, и доведут, что им те лета минули, а государь их не женит, ино тем дати отпускныя в Москве казначею, а в иных городах наместником и судьям; а будет государь их бити челом о краже или своде, и ему в том отказати и суда не давати: не держи неженатых над закон божий и правила святых отец, да не умножится блуд и скверное деяние в людех»[6].

Эта статья особенно интересна тем, что в ней показано, как государственная власть вновь вторгается в сферу отношений между холопом и его господином, чтобы недопустить со стороны холоповладельцев действий, которые могут вызвать протест со стороны холопов. Нетрудно видеть, что в данном случае правительство В. Шуйского, предписывая казначею и наместникам да-

---

[2] Греков Б. «Главнейшие этапы в истории крепостного права в России», стр. 80.

[3] «Акты исторические». Т. II, № 85, I.

[4] «Акты исторические». Т. II, № 85, I.

[5] Татищев. Судебник, стр. 245. Изд. 1786 г.

[6] Там же, стр. 241—245.

вать холопам отпускные, идёт совершенно по тому же пути, что и в законе 7 марта [7].

Само собою разумеется, что мотивы издания этой статьи надо искать не в заботах об общественной нравственности, как это изображается в самом тексте статьи, а в той общей обстановке, которая охарактеризована во введении к уложению 9 марта 1607 года.

В совершенно ином плане выступает в законодательстве В. Шуйского крестьянский вопрос, которому посвящён основной текст уложения 9 марта 1609 года. В то время как политический смысл законов В. Шуйского о холопах (будь то закон, относящийся к холопам, участникам восстания, или законы о «добровольных холопах» и холопах старинных) заключался в том, чтобы не допустить присоединения данной группы холопов к восстанию Болотникова или оторвать от восстания холопские элементы, законодательство о крестьянах преследовало в первую очередь консолидацию господствующего класса путём устранения борьбы из-за крестьян между отдельными группами землевладельцев. Поэтому в то время как холоп в законодательстве В. Шуйского рассматривается прежде всего в плане отношения холопов к восстанию Болотникова, крестьянин выступает в уложении 9 марта 1607 г. как объект борьбы между землевладельцами — борьбы, особенно недопустимой в обстановке восстания Болотникова.

Основной предмет, рассматриваемый уложением 9 марта 1607 г., составляет незаконный переход крестьян от одного землевладельца к другому. В «докладе Поместной избы», на основании которого и было издано уложение 9 марта, подчёркивалось, что «переходом крестьян причинялися великия кромолы, ябеды и насилия немощным от сильных». Такая характеристика вопроса о крестьянских «переходах» совершенно верно отражала положение дел. В обстановке острого социально-политического кризиса, который переживало Русское государство, несомненно, создалась исключительно благоприятная обстановка для незаконных «переходов» крестьян, т. е. для их бегства.

Для изучения вопроса о бегстве крестьян в годы крестьянской войны и польско-шведской интервенции в начале XVII в. мы располагаем исключительным по ценности, единственным в своём роде источником в виде свозных книг Троице-Сергиева монастыря, опубликованных А. И. Яковлевым в издании Центрархива «Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв.» (М. 1929) и явившихся предметом специальных исследований Л. В. Черепнина [8] и А. Г. Манькова [9].

Составление свозных книг было предпринято в связи с полученной Троице-Сергиевым монастырём в 1614 г. привилегией «свозить» обратно в свою вотчину «их троецких старинных крестьян», бежавших из вотчин монастыря за девять лет, начиная с 113 (1605) года [10]. Сыскные книги содержат «именные росписи» беглых крестьян по годам, что и даёт возможность составить конкретное представление о динамике побегов крестьян из вотчины монастыря за 1605—1614 годы.

Подсчёты А. Г. Манькова дают следующую картину бегства крестьян: из вотчин Троице-Сергиева монастыря за 1605—1614 гг.: 1605 г.—217 чел., 1606 г.—118 чел., 1607 г.—157 чел., 1608 г.—98 чел., 1609 г.—102 чел., 1610 г. — 31 чел., 1611 г.—14 чел., 1612 г. — 26 чел., 1613 г. — 7 чел., 1614 г.—6 чел., — всего 776 человек [11].

Эти данные позволяют сделать вывод о том, что годы восстания Болотникова и непосредственно предшествующий им 1605 год характеризуются огромными размерами бегства крестьян.

По вычислениям А. Г. Манькова (правда, предположительным), из вотчин Троице-Сергиева монастыря, расположенных во Владимирском уезде, за 1605—1607 гг. бежало свыше 20% общего количества монастырских крестьян [12]. Не менее высок был процент беглых крестьян и по другим уездам.

Вместе с тем борьба землевладельцев с бегством крестьян осложнялась (помимо общей обстановки) ещё и тем, что вопрос о сыске беглых крестьян, равно как и о законности или незаконности крестьянских переходов, находился в результате противоречивого законодательства Бориса Годунова и Лжедмитрия I в исключительно запутанном состоянии. Всё это вызывало острую борьбу между землевладельцами

---

[7] Любопытно, что сама конструкция рассматриваемой статьи точно совпадает с конструкцией текста закона 7 марта, заканчиваясь, как и в законе 7 марта, формулой: «не держи» и т. д. Лишнее доказательство в пользу достоверности текста уложения 9 марта 1607 года.

[8] Черепнин Л. «Из истории борьбы за крестьян в Московском государстве в начале XVII в.», — «Учёные записки» Института истории РАНИОН. Т. VII. 1928.

[9] Маньков А. «Побеги крестьян в вотчинах Троице-Сергиева монастыря в первой четверти XVII в.» — «Учёные записки» Ленинградского университета. 1941, № 80.

[10] Памятники социально-экономической истории. Т. I, стр. 185. Пользуюсь случаем отметить, что в 1619 г. такую же привилегию «крестьян вывозить за деветь лет», по-видимому, получил другой крупнейший монастырь, Иосифов-Волоколамский. В приходо-расходной книге монастыря, в расходной памяти вернувшегося из Москвы в июле 1619 г. монастырского старца Пафнутья, имеется следующая запись: «Дано от Вешнской грамоты (Вешно — село в вотчине монастыря. — *И. С.*), что крестьян вывозить за деветь лет, 25 алтын, да подьячему дано за письмо 11 алтын 4 деньги». В той же «памяти» имеется и вторая, не вполне ясная, но чрезвычайно интересная запись: «Да по другую грамоту, что крестьянам прити к своим двором, пошлин дано 25 алтын» (Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Приходо-расходная книга Волоколамского монастыря за 1619 г., л. 50 об. и 51 об.

[11] Маньков А. Указ. соч., табл. II.

[12] Там же, стр. 54.

из-за беглых крестьян, и эта внутриклассовая борьба, конечно, ослабляла общие позиции феодалов-землевладельцев в борьбе против Болотникова.

Стремлением устранить эту борьбу между землевладельцами и надо объяснить издание уложения 9 марта 1607 г., причём политическое введение к тексту этого закона имело целью подчеркнуть недопустимость борьбы землевладельцев из-за крестьян.

Преследовавшаяся уложением 9 марта 1607 г. цель достигалась в нём путём установления 15-летнего срока для сыска беглых крестьян и признания права на владение крестьянами за теми землевладельцами, за кем они были записаны в писцовых книгах 101 (1592—1593) года: «которые крестьяне от сего числа перед сим за 15 лет в книгах 101 году положены, и тем быть за теми, за кем писаны». При этом все землевладельцы получили право не позднее 1 сентября 1607 г. возбудить иск о крестьянах, бежавших от них за время, начиная с 1592 г.; действительными признавались также все иски о беглых крестьянах, возбуждённые до издания уложения 9 марта 1607 года.

Пятнадцатилетний срок сыска беглых крестьян устанавливался и на будущее время.

Уложение 9 марта 1607 г. вводило санкции за приём беглых крестьян в форме штрафа «на царя государя за то, что принял противо уложения ... не принимай чужаго».

Наконец, закон предписывал местным органам власти, независимо от исков землевладельцев, самим вести розыск беглых крестьян и, в случае их обнаружения, возвращать владельцам [13].

Уложение 9 марта 1607 г. создавало широкую правовую базу для урегулирования крестьянского вопроса на основе укрепления крепостничества. Несомненно, изданием этого закона В. Шуйский удовлетворял требования самых широких слоёв землевладельцев и, в первую очередь, конечно, помещиков, особенно заинтересованных в охране государственной властью их прав на владение крестьянами. Это позволяет рассматривать уложение 9 марта 1607 г. как своего рода социальную программу, провозглашением которой правительство В. Шуйского формулировало те принципы, на основе которых должен был быть восстановлен «порядок», что в условиях разгара восстания Болотникова означало призыв к сплочению всех землевладельцев-феодалов вокруг правительства Василия Шуйского для подавления восстания Болотникова, угрожавшего основам крепостнического строя.

Таким образом, политика Василия Шуйского по вопросу о крестьянах и холопах была полностью подчинена задаче подавления восстания Болотникова. В зависимости от того, на какую социальную силу или слой рассчитывал В. Шуйский оказать воздействие изданием того или иного закона, этот закон или носил характер более или менее откровенной социальной демагогии (большинство законов о холопах) или же, напротив, представлял собой открытое провозглашение самых ярких крепостнических порядков.

[13] Татищев. Судебник, стр. 240—248.

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ В СОГДЕ

(Из истории народов Средней Азии)

Проф. К. Тревер

Походы Александра Македонского на Восток, приведшие к завоеванию Ирана, Средней Азии и Индии, являлись продолжением и завершением той борьбы между Востоком и Западом, которая началась на рубеже VI и V вв. до н. э., когда Иран и Греция оспаривали друг у друга экономическое и политическое первенство в Малой Азии.

Хотя греко-персидские войны и закончились после битвы при Платеях в 479 г. до н. э., но победа, одержанная Грецией, боровшейся за свою свободу с напавшим на неё мощным ахеменидским Ираном, должна была при неразрешённости спорных вопросов поддерживать в определённых кругах Греции стремление со временем расширить свои границы в Азии. Помимо соображений международной экономики и политики, стремления эти, вероятно, объяснялись и внутриполитическими расчётами правящих кругов Греции, надеявшихся найти в завоевательных походах клапан, который предохранил бы социальный строй Греции от взрыва назревавших в нём внутренних противоречий.

Хорошо известны произнесённые в 380 г., т. е. через сто лет после битвы при Платеях, крылатые слова греческого ритора Исократа о том, что надо перенести «войну в Азию, а счастье Азии — к себе»[1]. Завоевание Азии ставил себе задачей отец Александра, царь Филипп, при котором Македония стала мощным и передовым в смысле военной техники государством. На панэллинском собрании выборных в Коринфе в

[1] «Панегирик» — одна из самых блестящих речей Исократа, в которой он обосновывал необходимость войны объединёнными силами греков под водительством Афин против Персии.

из-за беглых крестьян, и эта внутриклассовая борьба, конечно, ослабляла общие позиции феодалов-землевладельцев в борьбе против Болотникова.

Стремлением устранить эту борьбу между землевладельцами и надо объяснить издание уложения 9 марта 1607 г., причём политическое введение к тексту этого закона имело целью подчеркнуть недопустимость борьбы землевладельцев из-за крестьян.

Преследовавшаяся уложением 9 марта 1607 г. цель достигалась в нём путём установления 15-летнего срока для сыска беглых крестьян и признания права на владение крестьянами за теми землевладельцами, за кем они были записаны в писцовых книгах 101 (1592—1593) года: «которые крестьяне от сего числа перед сим за 15 лет в книгах 101 году положены, и тем быть за теми, за кем писаны». При этом все землевладельцы получили право не позднее 1 сентября 1607 г. возбудить иск о крестьянах, бежавших от них за время, начиная с 1592 г.; действительными признавались также все иски о беглых крестьянах, возбуждённые до издания уложения 9 марта 1607 года.

Пятнадцатилетний срок сыска беглых крестьян устанавливался и на будущее время.

Уложение 9 марта 1607 г. вводило санкции за приём беглых крестьян в форме штрафа «на царя государя за то, что принял противо уложения ... не принимай чужаго».

Наконец, закон предписывал местным органам власти, независимо от исков землевладельцев, самим вести розыск беглых крестьян и, в случае их обнаружения, возвращать владельцам [13].

Уложение 9 марта 1607 г. создавало широкую правовую базу для урегулирования крестьянского вопроса на основе укрепления крепостничества. Несомненно, изданием этого закона В. Шуйский удовлетворял требования самых широких слоёв землевладельцев и, в первую очередь, конечно, помещиков, особенно заинтересованных в охране государственной властью их прав на владение крестьянами. Это позволяет рассматривать уложение 9 марта 1607 г. как своего рода социальную программу, провозглашением которой правительство В. Шуйского формулировало те принципы, на основе которых должен был быть восстановлен «порядок», что в условиях разгара восстания Болотникова означало призыв к сплочению всех землевладельцев-феодалов вокруг правительства Василия Шуйского для подавления восстания Болотникова, угрожавшего основам крепостнического строя.

Таким образом, политика Василия Шуйского по вопросу о крестьянах и холопах была полностью подчинена задаче подавления восстания Болотникова. В зависимости от того, на какую социальную силу или слой рассчитывал В. Шуйский оказать воздействие изданием того или иного закона, этот закон или носил характер более или менее откровенной социальной демагогии (большинство законов о холопах) или же, напротив, представлял собой открытое провозглашение самых ярких крепостнических порядков.

[13] Татищев. Судебник, стр. 240—248.

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ В СОГДЕ

(Из истории народов Средней Азии)

Проф. К. Тревер

Походы Александра Македонского на Восток, приведшие к завоеванию Ирана, Средней Азии и Индии, являлись продолжением и завершением той борьбы между Востоком и Западом, которая началась на рубеже VI и V вв. до н. э., когда Иран и Греция оспаривали друг у друга экономическое и политическое первенство в Малой Азии.

Хотя греко-персидские войны и закончились после битвы при Платеях в 479 г. до н. э., но победа, одержанная Грецией, боровшейся за свою свободу с напавшим на неё мощным ахеменидским Ираном, должна была при неразрешённости спорных вопросов поддерживать в определённых кругах Греции стремление со временем расширить свои границы в Азии. Помимо соображений международной экономики и политики, стремления эти, вероятно, объяснялись и внутриполитическими расчётами правящих кругов Греции, надеявшихся найти в завоевательных походах клапан, который предохранил бы социальный строй Греции от взрыва назревавших в нём внутренних противоречий.

Хорошо известны произнесённые в 380 г., т. е. через сто лет после битвы при Платеях, крылатые слова греческого ритора Исократа о том, что надо перенести «войну в Азию, а счастье Азии — к себе»[1]. Завоевание Азии ставил себе задачей отец Александра, царь Филипп, при котором Македония стала мощным и передовым в смысле военной техники государством. На панэллинском собрании выборных в Коринфе в

[1] «Панегирик» — одна из самых блестящих речей Исократа, в которой он обосновывал необходимость войны объединёнными силами греков под водительством Афин против Персии.

328 г. было решено начать войну с Персией, причём лежавшие в основе этого решения политические и экономические причины были прикрыты идеологической мотивировкой: отомстить персам за все содеянные ими над греческими храмами святотатства.

В 336 г. авангард македонской армии перешёл Геллеспонт, но не успел ещё начать военных действий на территории Азии, как был убит Филипп в результате заговора, поддержанного, видимо, персами. Начатый Филиппом поход был продолжен Александром. Он выступил в 334 г. с пехотой в количестве 30 тыс. человек и конницей в количестве 5 тыс. всадников; 150 кораблей сопровождали армию вдоль побережья. С этой армией Александр в течение пяти лет завоевал Малую Азию, Сирию, Египет, Финикию и остальные части громадной ахеменидской державы.

Разбив в трёх решающих сражениях персидского царя Дария III, Александр включил в состав своей империи основные области государства Ахеменидов. Затем, после перехода через Гиндукуш, появившись на территории Средней Азии, он подчинил себе и одну из самых цветущих ахеменидских сатрапий, славившуюся своей древней культурой — Бактрию.

Эти походы, по замыслу самого Александра, должны были быть описаны для потомства сопровождавшими его в походе писателями и историками[2]. Записывали события, свидетелями которых они являлись, и некоторые участники похода — полководцы Аристовул и Птолемей Лаг; их заметки были использованы в дошедших до нас текстах более поздних историков. Описание отдельных эпизодов оставили также участники похода, знаменитый мореплаватель Неарх и др.; двое придворных вели подробную запись всех происходивших при дворе событий; путевой дневник составляли два лица из штаба Александра, но всё это до нас не дошло.

То, что мы знаем о походах Александра на Восток, почерпнуто из трудов пяти историков, живших 300—400 лет спустя, но имевших ещё возможность пользоваться трудами и записями современников Александра. При этом история похода в Среднюю Азию сохранилась только у двоих: у грека Арриана, жившего во II в., и у римского писателя Квинта Курция Руфа (I в.). Плутарх (I—II вв.) и Юстин (II в.), сохранившие много интересных данных о походе Александра на Восток, почти не упоминают о среднеазиатских походах. Особый интерес представляет оглавление XVII книги «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского, из которой, к сожалению, утрачены именно те главы, где описывался поход Александра за Аму-Дарью. Так как автор их жил в I в. до н. э., т. е. был ближе к описываемым им историческим событиям, чем Курций Руф и Арриан, то об утере глав, посвящённых Александру в Согде[3] приходится особенно сожалеть.

Что касается двух основных историков Александра, то историографической традицией труд Квинта Курция Руфа принято считать не заслуживающим полного доверия: автор обычно характеризуется как философствующий ритор, заботящийся более всего о красоте произносимых героями речей, с удовольствием записывающий всякого рода анекдоты и восполняющий при помощи фантазии пробелы повествования.

Зато труд Арриана, писателя-воина, служившего в Азии, автора трактата о военном искусстве, считается весьма достоверным отображением событий, имевших место в Средней Азии, тем более что Арриан пользовался записками современников Александра — полководцев Аристовула и Птолемея Лага, которые он порою просто переписывал. Пропуски, которые имеются в труде Арриана и которые только в известной мере восполняются рассказами Курция Руфа, объясняются именно тем, что в используемых им трудах Аристовула и Птолемея имелись записи только тех событий, участниками или свидетелями которых они сами были на территории Средней Азии.

Бактрия была завоёвана Александром без особого труда. Сатрап Бактрии и Согда, Бесс, перс из рода Ахеменидов, участвовал в убийстве царя Дария III, своего родственника, принял затем сам царский титул и имя Артаксеркса, но, узнав о приближении Александра, поспешил уйти от него на территорию Согда. Первое время его поддерживала согдийская конница во главе с согдийцем Спитаменом[4], а затем и «пришедшие к нему кочевники-дахи, по эту сторону Танаиса (Сыр-Дарья) живущие»[5].

Вместе с Бессом от Александра бежал ряд местных князей и в их числе Оксиарт, не то бактриец, не то согдиец, затем Датафарн, по всей вероятности, перс, и Катен из Паретаки. Перейдя Аму-Дарью, Бесс сжёг суда и ушёл в область Наутаку[7] — долину Кашка-Дарьи, некоторыми исследователями

---

[2] «Александр Великий приказал находиться при нём многим писателям для (описания) его деяний» (Цицерон «Pro Archia» § 10).

[3] Согд (греч. Согдиана) — древнее название области между средним течением Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи на территории Узбекской ССР и Таджикской ССР.

[4] Греческая форма местного имени «Спитама».

[5] Арриан. Arriani Anabasis (Scriptorum Graecorum Bibliotheca. Paris, Didot. 1846). Кн. III, гл. 28. 10.

[6] Оксиарт — греческая форма местного имени, звучавшего, вероятно, как Вахшунварта.

[7] Иранское «наутак» значит «судоходный», или «заново текущий», но, может быть, это и греческая переделка иранского «науката» — «новый город» (Tomaschek. «Zentralasiatische Studien, I. Sogdiana. Sitzungsberichte der K. Akademie der Wissenschaften». Bd. XXXVII, S. 183. Wien. 1877). Лингвистический анализ терминов «Наутака», «Паретака», а также скифского «Тиритака» (около Керчи) ещё не произведён, но толкование суффикса или существительного «така» для всех трёх слов следует искать в одном направлении.

неверно отождествляемую с районом Шахрисабза [8].

После того как ему сдались главнейшие города Бактрии, Александр поспешил к Аму-Дарье, намереваясь, очевидно, быстро обезвредить Бесса, который как ахменид легко мог бы возглавить сопротивление среднеазиатских сатрапий. Дойдя до Аму-Дарьи, Александр убедился в полном отсутствии мостов, судов и каких бы то ни было материалов, из которых можно было бы соорудить плоты для переправы через реку. Когда Александр попытался переправиться через Окс, говорит Арриан, «то это оказалось совершенно невозможным, так как ширина реки была около 6 стадий, а глубина непропорциональна ширине. Река была очень глубока и песчана, течение её столь быстро, что она легко одним течением выворачивала из земли всё, что укрепляли в ней; кроме того в песке нельзя было ничего прочно утвердить» [9]. Существует несколько точек зрения по вопросу о месте, где Александр собирался переправиться через Аму-Дарью; среди других возможных пунктов называются и Термез [10] и Келиф [11] — от обоих пунктов вели пути на Мараканду, столицу Согда.

Отпустив домой больных и ослабевших воинов, Александр в течение пяти дней перебросил свою армию на правый берег реки, использовав в качестве плотов превращённые в мешки кожаные намёты с палаток, крепко спитые и набитые соломой [12]. Бесс не мог помешать переправе Александра, так как был в это время лишён свободы своими недавними друзьями, Спитаменом и Датафарном, приславшими к Александру гонцов с предложением выслать отряд для захвата Бесса. Что произошло в Наутаке между недавними союзниками, неизвестно, но к разрыву Бесса со Спитаменом, Оксиартом, Датафарном и другими представителями местной знати, бежавшими вместе с ним за Аму-Дарью, повидимому, привело то, что Бесс сначала как бы возглавил борьбу против Ахеменидов, а затем, надев тиару и приняв имя Артаксеркса, объявил себя царём. Видимо, от Бесса решили избавиться, выдав его Александру, в котором пока ещё видели борца против ненавистного персидского ига.

Александр послал к Спитамену своего полководца Птолемея Лага (будущего царя Египта), ожидавшего, вероятно, торжественной выдачи ему Бесса. Однако он должен был испытать сильное разочарование, когда не застал в указанном месте лагеря Спитамена, накануне снявшегося и ушедшего в глубь страны. Бесс же был Спитаменом оставлен под охраной в одном из укреплённых селений, жители которого и выдали его Птолемею. Историки Александра по-разному расценивали этот поступок Спитамена: Арриан считал, что стыд помешал Спитамену собственными руками выдать Бесса [13], Курций Руф расценивал этот факт как предательство Спитамена [14]. Возможно и третье объяснение: Спитамен просто боялся коварства Птолемея и потому скрылся до его прихода.

Александр с армией продвигался медленнее, чем Птолемей, прошедший в четыре дня десять дневных переходов. Оставив гарнизон в Мараканде (занял ли он её силою оружия или в результате переговоров, об этом источники ничего не сообщают), Александр направился сразу дальше к Сыр-Дарье. Какими именно путями прошёл Александр пространство от Аму-Дарьи до Мараканды, нам неизвестно. И Арриан и Курций сообщают зато о двух эпизодах, имевших место приблизительно в это время где-то на территории Согда. Эти эпизоды ярко характеризуют личность ещё не знавшего поражения 27-летнего полководца.

Когда Птолемей привёл к Александру закованного в цепи Бесса, юный царь спросил пленника, как он посмел поднять руку на государя, своего «родственника и благодетеля» [15], и велел его сначала изувечить, а затем отправить в Экбатану и предать казни. Таким образом Александр мстил за измену царю, хотя царь этот и был его, Александра, врагом.

Другой эпизод — месть за измену предков — связан с сообщённым у Курция [16] и упомянутым у Страбона и Диадора [17] рассказом о маленьком городке в Согде, населённом потомками переселённого из Милета греческого рода Бранхидов. Бранхиды в своё время выдали Ксерксу сокровищницу вверенного им храма Аполлона Дидимейского и были затем вынуждены уйти вместе с Ксерксом в Азию во избежание мести после ухода персов со стороны своих сограждан. Александр за это преступление предков велел разрушить город как гнездо предателей и истребить жителей всех до одного; ни общность языка, ни мольбы не могли смягчить его жестокости. Город был разрушен до основания, от него не осталось и следа: священные рощи были вырваны с корнем, остались пустыня и бесплодная земля. «Так искупили грех предков потомки, которые сами и не видели Милета» [18].

Эта чрезвычайная жестокость Александра едва ли была вызвана одним только желанием угодить находившимся в его войске

---

[8] Григорьев В. «Поход Александра Великого в Западный Туркестан». Журнал министерства народного просвещения (ЖМНП) за сентябрь — октябрь 1881 г. стр. 43.

[9] Арриан. Кн. III, гл. 29, 3.

[10] Tomaschek. Op. cit. S. 11.

[11] Григорьев В. Указ. соч., стр. 41.

[12] Арриан. Кн. III, гл. 29, 4.

[13] Арриан. Кн. III, гл. 30, 2.

[14] Курций Руф. (Q. Curtius Rufus. Bibliotheca classica Latina, Parisiis, 1823, т. II). Кн. VII, гл. 5, 19—20.

[15] Арриан. Кн. III, гл. 30, 4.

[16] Курций Руф. Кн. VII, гл. 5, 23—35.

[17] Strabonis Geographica (Scriptorum Graecorum Bibliotheca, Parisiis 1853). Кн. XI, гл. 11, 4. Diodori Siculi Bibliotheca Historica (Scriptorum Graecorum Bibliotheca, Parisiis 1844, т. II), оглавление к кн. XVII, ч. 2, § 20.

[18] Курций Руф. Кн. VII, гл. 5, 35.

милетянам. Месть за измену предков была, мне кажется, своего рода реакцией на испытанное Александром перед этим сильное потрясение, связанное с раскрытием заговора против него, заговора, в котором участвовал Филота, один из самых близких ему друзей.

Как говорилось выше, Александр, оставив гарнизон в Мараканде, направился к Сыр-Дарье, к берегу которой он, вероятно, вышел в районе нынешнего Ходжента. По дороге ему впервые пришлось встретить сильное сопротивление со стороны местного населения, перебившего нескольких заблудившихся фуражиров Александра и пытавшегося затем остановить Александра в Скалистых горах [19], через которые шёл его путь. Несмотря на временную неудачу, Александр (он был при этом тяжело ранен) всё же взял возвышенность, где укрепились горцы, из которых часть была изрублена на месте, а многие бросались со скал и разбивались; из 30 тыс. варваров спаслось не более 8 тыс. человек [20].

На берегу Сыр-Дарьи к Александру явились послы от скифов-абиев [21] и от скифов европейских, как их называет Арриан [22], видимо, с дружественными намерениями. Александр отправил с ними одного из своих приближённых, поручив ознакомиться с их страной и обычаями и не допускать перехода их через Танаис. Повидимому, упоминание реки Танаис и заставило Арриана усмотреть в этих послах скифов заморских, европейских; он принял Танаис — Сыр-Дарью за Танаис — Дон. Но явились к Александру, должно быть, послы от скифов из-за Сыр-Дарьи, которых он и пытался удержать от перехода через реку, чтобы не дать им возможности поддержать восстание согдийцев, на что, очевидно, рассчитывал когда-то и Бесс.

Здесь, на берегу Танаиса, Александр намеревался построить город «для защиты страны против набегов варваров, живших по ту сторону реки», и «дать ему своё имя» [23]. Но в это время до него дошла весть о восстании, происшедшем у него в тылу: «приречные варвары» перебили македонские гарнизоны в каких-то приречных, должно быть, городах и начали их укреплять. Одновременно, и вряд ли случайно, восстали и согдийцы, побуждаемые к этому теми, говорит Арриан, кто схватил Бесса, т. е. Спитаменом и его друзьями; к согдийцам примкнули и бактрийцы.

Городами здесь названы, вероятно, укреплённые земледельческие поселения «приречных варваров». Григорьев считает их родственным согдийцам по крови и языку народом, жителями горной Сутрушаны [24].

Здесь впервые упоминается имя Спитамена, как имя вдохновителя восстания оседлого населения Согда. Курций Руф рассказывает, что Александр рассчитывал с помощью Спитамена и Катена, как и в случае с Бессом, остановить опять вспыхнувшее восстание, но на сей раз Спитамен открыто выступил против Александра, призывая население к оружию.

Когда Александр переходил через Аму-Дарью, ни местное население, ни знать в лице Спитамена, Оксиарта и др. не представляли себе ещё того, что готовил для них Александр: освобождение ли от ненавистного персидского ига или новые формы угнетения.

Только после занятия Александром Мараканды Спитамен правильно оценил создавшуюся обстановку. То обстоятельство, что Мараканда сама раскрыла перед Александром ворота, является лишним подтверждением того, что согдийцы сначала смотрели на Александра как на своего избавителя. Лишь жестокая расправа с горцами Сутрушаны, по вине которых было убито несколько македонских фуражиров, открыла глаза не только населению, но и Спитамену и его сподвижникам на то, что готовил им молодой македонский царь. В 329 г. Александр был ещё твёрдо уверен в том, что на территории Азии он имеет дело только с рабами.

«Будучи сами возбудителями того, что им предлагали остановить, Спитамен и его друзья, — говорит Курций Руф, — распустили слух, что царь потребует к себе всех бактрийских всадников, чтобы их убить» [25].

Восстанию предшествовало приказание Александра собрать в город Зариаспу эпархов, т. е. правителей отдельных областей или городов Бактрии. Каковы были действительные цели Александра и состоялось ли тогда это собрание, нам неизвестно, но его созыв послужил сигналом к восстанию.

Мне кажется, что, излагая историю походов Александра на территории Согда и отдельные факты борьбы населявших Согд народов за свою независимость, мы имеем все основания усматривать три этапа в ходе этих событий, из которых каждый имеет свой особый характер, свою специфику.

Внимательный анализ вскрывает несколько чётких разграниченных периодов в развитии событий, что, между прочим, было отмечено и одним из древних историков Александра — Диодором,— но не получило никакого отражения в исторических исследованиях. Внимание исследователей должен был бы остановить на себе перечень событий в оглавлении к несохранившейся частично XVII книге Диодора, где он лаконично перечисляет: «Как Александр покоряет восставших согдийцев и умерщвляет более 120 тыс. человек. Как он наказывает бактрийцев и вторично подчиняет себе согдийцев и строит в нужных местах города, чтобы держать восставших в повиновении. Третье восстание

---

[19] Речь идёт о Сутрушане (Усрушане арабских географов IX—X вв.) — область между Самаркандом, Ходжентом и Джизаком. И по мнению Дройзена (т. I, стр. 245, прим. 25) имеются в виду montes Oxii Птолемея, т. е. Сутрушана.

[20] Арриан. Кн. III, гл. 30, 11.

[21] Это название, по-моему, — греческая передача местного названия «апа-сака» — водные саки, т. е. у воды живущие.

[22] Арриан. Кн. IV, гл. 1, 1.

[23] Там же, гл. 1, 3.

[24] Григорьев В. Указ. соч., стр. 53 и 58.

[25] Курций Руф. Кн. VII, гл. 6, 15.

согдийцев и пленение тех, кто бежал в горный замок [петра]»[26].

Я попытаюсь расшифровать эти скупые строки. В семи крепостях на Сыр-Дарье укрепились восставшие согдийцы (свободное оседлое местное население), и Александр немедленно вступил с ними в борьбу. Пять поселений (сохранилось название только одного из них — Газа[27]), обнесённых невысокими глиняными стенами, Александр занял в течение двух дней с помощью приставлявшихся к стенам штурмовых лестниц и согласованного действия пращников, стрелков и метателей стрел из машин. В одном из пяти случаев Александр предписал окопать город рвом (более значительный, повидимому), насыпать вал и соорудить необходимые осадные машины. Значительное сопротивление оказали две крепости: город Кирополь, по преданию основанный Киром, и город, в котором сидел сильный род Мамакенов. Эти города были взяты Александром после более продолжительной осады при помощи некоторых приёмов осадной техники: в первом случае Александр проник в город с группою воинов по высохшему руслу дождевого потока, уходившего под стену, во втором случае — с помощью подкопа.

Восстали против Александра и широкие массы оседлого земледельческого населения, которым он нёс разорение и смерть, если они не соглашались ещё до его прихода признавать в нём преемника Ахеменидов и своего государя. Восстала против Александра и местная знать в лице Спитамена и его друзей.

Следует помнить, что большинство народов, с которыми столкнулся Александр на территории Согда, находились, как и при Ахеменидах, на разных ступенях общественного развития, но преимущественно на стадии разложения родового строя и становления классового общества (родовая структура поселений или городов подтверждается и археологическими и письменными данными). С ярко выраженным родовым поселением Александр встретился при осаде на Сыр-Дарье крепости сильного рода Мамакенов.

Военная обстановка становилась для Александра всё более сложной. Узнав об усмирении Александром Сутрушаны, заречные скифы собрались на правом берегу реки, а гонцы принесли весть, что Спитамен открыто восстал и осадил македонский гарнизон Мараканды. Александр был тяжело ранен, армия его с двух сторон была сжата врагом, но «не враг пугал его, а трудное время,—говорится у Курция Руфа,—бактрийцы отпали, скифы совершали набеги»[28].

Александр быстро принимает решение. Против Спитамена он посылает отряд под главенством некоего Фарнуха, знавшего язык местного населения, а с заречными скифами решает справиться сам. Предварительно чрезвычайно быстро он строит оборонительную крепость на Сыр-Дарье — Александрию, прозванную Эсхата «крайняя» или «дальняя», что приводит на память надпись Дария на Суэцком перешейке с характеристикой страны саков, как «достигающей пределов земли»[29]. Он велел своим солдатам обнести стеною свой лагерь на берегу, а на 17-й день работы все дома были подведены уже под крыши. Это укрепление Александр заселил греческими наёмниками, местными жителями — пленниками — и непригодными больше к войне македонянами. «Скифский царь, владевший землями за Танаисом, — говорит Курций Руф,— полагал, что город, который македоняне строили на берегу, будет (ярмом) на их шее», поэтому он «отправил брата своего по имени Картаза с большим отрядом конницы разрушить его и оттеснить от реки македонские войска»[30].

Александр решил тогда, несмотря на рану, первым напасть на саков. Он посадил конницу, машины с прислугой и фаланги на плоты, легко вооружённых — на кожаные меха, и под звуки труб, выбрасывая тучи стрел из метательных машин, войска переплыли Сыр-Дарью. Используя все виды своего войска, он напал на скифов, которые сначала выдержали удар, но затем всё же бежали, оставив тысячу убитых и полтораста пленных. Потери Александра тоже были немалыми, к тому же, преследуя неприятеля, он слишком углубился в безводную степь; начались желудочные заболевания, и это побудило его спешно повернуть назад — впервые за всё время своих походов. В каком именно месте происходила переправа через Сыр-Дарью, историки точных указаний не дают.

Послы от заречных саков, явившиеся вскоре к Александру с извинениями, заявили, что в нападении на него самовольно участвовали отряды, собиравшиеся произвести грабёж, и что эти события не являются выражением воли всего народа. Сакские послы были приняты благосклонно, и им без выкупа были выданы 150 пленников. Проявлением великодушия Александр надеялся, видимо, наладить мирные отношения с саками, которые ему были необходимы в связи с тревожными событиями, разыгравшимися в Согде.

Там к Спитамену и его коннице примкнула «страха ради» (как думали историки) мирная часть населения — обстоятельство, побудившее Александра перебросить часть войска из-под Кирополя к Мараканде. Это заставило Спитамена снять осаду и уйти на запад — в Басилеи, «царский город» Согдианы[31], находившийся, может быть, в районе Бухары[32].

---

[26] Диодор. Оглавление к кн. XVII, ч. 2, §§ 23—25.

[27] Газу с Газаком арабских географов, на пути из Шахристана в Ходжент, сопоставляют Григорьев (указ. соч., стр. 56), а затем и Бартольд: «может быть, в долине реки Бесманды-су, на месте селения Газан-Дерак» («История культурной жизни Туркестана», стр. 3. Л. 1927).

[28] Курций Руф. Кн. VII, гл. 7. 6.

[29] Тураев «История древнего Востока». Т. II, стр. 135. 1935.

[30] Курций Руф. Кн. VII, гл. 7, 1.

[31] Арриан. Кн. IV, гл. 5, 3.

[32] Название «Басилеи» является, по-моему, переводом на греческий язык местного древнего названия «Ката» — столный город,

Македоняне с Фарнухом во главе преследовали Спитамена до самой границы степи, чтобы покарать примкнувших к его отряду скифов (Аристобул сообщает, что это были дахи).

Некоторое время Спитамен всячески выматывал силы македонцев, то обстреливая их с флангов, то притворяясь бегущим и завлекая их в степь. Среди македонского командования тем временем начались разногласия: Фарнух требовал, чтобы его освободили от командования в силу того, что он не является воином и не может руководить войсками в столь сложной обстановке. Во время этих споров один из начальников, Каран, перешёл с конницей реку Зарафшан, не согласовав своих действий с пехотой. Последняя последовала за конницей в поисках тени и отдыха в лес на другом берегу и попала в засаду. Спитамен использовал это замешательство, загнал македонян на островок в реке и перебил большинство из них. Не теряя времени, Спитамен вернулся вместе с дахами и, опираясь попрежнему на помощь местного населения, подошёл к Мараканде и снова осадил македонский гарнизон.

Вот эти-то обстоятельства и заставили Александра спешно закончить переговоры со скифами и, оставив гарнизон в новой Александрии, делая двойные дневные переходы, на четвёртый день появиться под Мараканой. Спитамен немедленно снял осаду и скрылся, сначала, вероятно, в район Бухары, а затем на запад, в пустыню. Александр, преследуя его[33], по дороге похоронил с войсковыми почестями своих воинов, павших на берегах Зарафшана, но в пески за Спитаменом Александр не последовал. Повернув назад, он начал жечь поселения, в которых укрылось восставшее местное население, опустошать поля и сады и предал огню и мечу 120 тыс.[34] местных жителей— цифра, возможно, преувеличенная и вызвавшая у Григорьева слово о том, что «такому повальному избиению не подвергалось население благодатной долины Зарафшана никогда, ни до, ни после александрова времени. Это был знаменитый образчик европейской справедливости и европейской гуманности в приложении к «варварам»-азиатам»[35].

После этого Александр, оставив в Согде отряд в 3 тыс. человек пехоты под командованием Певкелая, отправился зимовать, по данным Курция, в Бактру, по данным Арриана,— в Зариаспу[36].

Этим закончился первый этап борьбы народов Согда за свою независимость, причём все эти многочисленные события имели место, начиная со времени переправы Александра через Аму-Дарью и кончая его карательным походом по долине Зарафшана, т. е. с весны по осень 329 года.

События эти ярко охарактеризованы следующими словами Григорьева, написанными в 1881 г.: «Если Дарий не умел отстоять от Александра своего царства, если презренным трусом оказался Бесс, зато здесь, в Туране, нашлись сердца, которые не могли примириться с чувством покорности чужеземцу, нашлись руки, которые взялись за дело народной мести незванным пришельцам. Историки Александра не называют вспыхнувшего в Согдиане восстания иначе, как «бунтом», «изменою»; но это чересчур русский взгляд на дело. Нахлынула волна на человека— он нагнулся; волна перекатилась — он не захлебнулся и опять поднял голову: значит бунтовщик, он обязан был утонуть»[37].

События, относимые мною к первому периоду — весне, лету и осени 329 г., — действительно заканчиваются так, как говорится в оглавлении у Диодора: «Александр покоряет восставших согдийцев и умерщвляет более 120 тыс. человек».

В этот период инициатива восстания исходит главным образом от оседлого местного населения, независимо от его принадлежности к той или иной народности: это и согдийцы, и бактрийцы, и жители Сутрушаны, которым стараются помочь и заречные саки. Возглавляет движение главным образом Спитамен, на помощь которому приходят и отдельные отряды кочевников, например, дахи.

Несколько иначе выглядели события второго этапа этой борьбы. Зима 329—328 г., проведённая Александром в Зариаспе, т. е. на территории Бактрии, была полна событиями: здесь состоялся съезд эпархов бактрийских, на котором судили Бесса. Предавая Бесса жестокой казни, Александр как бы мстил за Дария, преемником которого он себя считал, и в то же время устранял опасного соперника — Ахеменида. Возможно, что он хотел привлечь этим на свою сторону местную знать, враждебно относившуюся к Бессу-перу. Здесь же, на собрании в Зариаспе, был, видимо, принят ряд решений, связанных с организацией управления вновь завоёванными областями. Пришли подкрепления с запада — греческие наёмники во главе с Неархом, — сюда же прибыли по-

---

так называлася в древности город Иезд в Иране; так же называлась древняя столица Хорезма — средневековый Кят, ныне Ургенч. Этот же термин сохранился, по-моему, в названии многих среднеазиатских городов, оканчивающихся на «кет» (Ахсыкет, Ченлжикет и др.); окончание «кент» и «канд» восходит к другому древнему термину — сакскому «канта» — «окопанное» (т. е. окружённое стеною), «город» (Чимкент, Самарканд и др.).

[33] Преследуя Спитамена, бежавшего в пустыню, Александр «прошёл всю область, орошаемую рекой Политиметом (Зарафшан); где вода теряется, там начинается уже пустыня в этой стране, а исчезает река в песке, хотя и очень обильна водой». (Арриан. Кн. IV, гл. 6, 5—6).

[34] Диодор. Оглавление к кн. XVII, ч. 2, § 23.

[35] Григорьев В. Указ. соч., стр. 67.

[36] Вопрос о том, является ли Зариаспа вторым названием города Бактры или это самостоятельный город, пока остаётся открытым. R. Grousset («Histoire de l'Extrême-Orient», p. 52. Paris. 1929) полагает, что древняя Зариаспа находилась на месте современного г. Чарджуя.

[37] Григорьев В. Указ. соч., стр. 51—52.

слы от скифов, привезшие драгоценные дары и предлагавшие Александру дружбу, военный союз и руку скифской царевны. Прибыли не то послы от хорезмийского царя Фарасмана, не то он сам во главе отряда в 1500 всадников, также с предложениями дружбы, союза и помощи в случае похода Александра на черноморских скифов. Александр богато одарил и тех и других и ответил, что готовится к походу в Индию и воспользуется их предложениями, вернувшись владыкой всей Азии.

На основании слов Арриана о том, что Александр «Фарасмана отдал на попечение персу Артабазу, которому поручил управление Бактрией»[38], можно заключить, что встреча Александра с Фарасманом произошла на территории Бактрии.

Весной 328 г. Александр опять направился в Согд, где, несмотря на произведённое им в 329 г. повальное избиение населения, ему не удалось подавить восстания. Арриан сообщает, что «многие из согдийцев укрылись в замках, отказываясь повиноваться поставленному над ними Александром сатрапу»[39].

Следует в двух словах указать на организацию внутреннего управления при Александре, который сохранил институт сатрапов. На этот пост сначала назначались персы, а потом главным образом македоняне. В отличие от сатрапов ахеменидских они не имели права чеканить монету и иметь наёмников в войске. При сатрапах находился «эпископос» (надзирающий) из македонян, который командовал войском; иногда военная власть бывала поделена между несколькими лицами. Финансовое управление было тоже выделено в ведение особого лица.

Говоря об укрывшихся в укреплённых местах согдийцах, Арриан имеет в виду тех уцелевших оседлых земледельцев, которые сыграли столь активную роль в 329 г., в первый период борьбы Согда за свою независимость. Теперь же они, видимо, сильно обескровленные, перешли к форме пассивного сопротивления, что тем не менее вызывало большую тревогу Александра и требовало от него решительных мер борьбы.

Разделив своё войско на пять отрядов, действовавших одновременно в разных районах Согда, Александр во главе одного из них принял участие в карательном походе против согдийцев, причём одних, «укрывшихся в замках, захватывали силой, других уговорами склоняли к добровольной сдаче»[40]. По окончании этой карательной экспедиции колонны сошлись в Мараканде, где Александр дал Гефестиону (начальнику одного из отрядов и своему другу) поручение «заселять города Согда». Имелось ли в виду основание новых поселений на месте разрушенных или же только заселение опустевших деревень и городов, неизвестно, но возможно, что к этим фактам относятся и сведения Страбона[41] об основании Александром восьми городов в Согде и Бактрии и сведения Юстина[42] об основании им якобы двенадцати городов. Во всяком случае, эти справки говорят о том, что некогда густо населённый Согд в результате военных мероприятий Александра должен был сильно обезлюдеть.

Получив известие, что Спитамен скрывается на севере, у массагетов (по данным Курция, — у дахов), Александр направил против кочевников двух полководцев, но Спитамену удалось во главе отряда в 600 всадников появиться в Бактрии и начать нападения на гарнизоны крепостей, между прочим, и Зариаспы. Узнав о приближении македонян во главе с Кратером, Спитамен бежал в пустыню. Преследуемый Кратером, он должен был принять бой, в котором, кроме его отряда, участвовал ещё один отряд массагетских всадников в 1000 человек; разбитые македонцами, кочевники опять укрылись в пустыне, куда за ними враг никогда не решался следовать. Вскоре, собравшись с силами, Спитамен вышел из пустыни к согдийскому укреплению Бага, на границе с владениями массагетов, и, как говорит Арриан, «с лёгкостью уговорил около 3 тыс. скифских всадников сделать вместе с ним набег на Согдиану». Он поясняет: «Эти скифы живут в большой бедности, и, так как они не имеют ни городов, ни определённых жилищ, чтобы бояться за самое дорогое для них, то их вообще легко склонить к тому или другому походу»[43]. Вскоре состоялось сражение с поджидавшими Спитамена македонянами, и Спитамен опять был разбит, потеряв 800 всадников. Немногие согдийцы и бактрийцы, находившиеся ещё при Спитамене, покинули его после этого боя и сдались врагу, а массагеты, разграбив обозы этих недавних своих союзников, «убежали со Спитаменом в пустыню». Ушёл ли он с ними и на этот раз в качестве их предводителя, или же массагеты увели его в качестве своего пленника, мы не знаем, но когда до них дошла весть, что в пустыню намеревается проникнуть сам Александр, они «отрубили Спитамену голову и послали её Александру, чтобы этим отвратить его от себя»[44].

Существует и другая версия рассказа о смерти Спитамена, передаваемая Курцием Руфом, а именно, что он погиб от руки своей любимой жены, лично отнесшей голову мужа в лагерь Александра.

Обобщающей характеристики Спитамена как человека, воина и политика в дошедших до нас трудах Арриана, Курция Руфа, Страбона, Диодора и других не имеется. Но самое изложение деяний его, у одних сухое и отрывочное, у других красочное и более пространное, даёт возможность воссоздать яркий образ полководца, неустанно ведшего борьбу с иноземными завоевателями за независимость и свободу своей страны.

Оценка его общественно-политической деятельности у древних авторов (как и в новое время) вызывала противоречивые суждения. У Арриана замечается скорее положительная оценка Спитамена; обратное мы находим у Курция Руфа, видевшего в нём

[38] Арриан. Кн. IV, гл. 15, 5.
[39] Там же, гл. 15, 7.
[40] Там же, гл. 16, 3.
[41] Страбон. Кн. XI, гл. 11, 4.
[42] Юстин. Кн. XII, гл. 5.
[43] Арриан. Кн. IV, гл. 17, 5.
[44] Там же, гл. 17, 7.

перебежчика и предателя, — характеристика, идущая вразрез с тем, что известно о деятельности этого согдийского героя.

Такие же расхождения в оценке Спитамена мы наблюдаем и в наше время, в двух монографиях, посвящённых походам Александра, а именно: в классическом труде Дройзена и в обширной статье В. В. Григорьева.

Говоря о смерти Спитамена, Дройзен отмечает, что «смерть этого смелого и вероломного противника положила конец последним опасениям: в «саду Востока» восстановилось, наконец, спокойствие, в котором он только и нуждался»[45], — характеристика, свидетельствующая о непонимании той исторической роли, которую суждено было сыграть Спитамену в древний период истории Средней Азии. В. В. Григорьев, писавший приблизительно в те же годы, что и Дройзен, справедливо называет Спитамена «неутомимым борцом за свободу родины»[46], а относительно смерти Спитамена высказывает диаметрально противоположное Дройзену суждение, восклицая: «Так вот как кончил жизнь великий, но не признанный за такового врагами, потому только, что не успел достигнуть благородной цели своей, патриот согдийский»[47].

Гибелью Спитамена заканчивается второй этап борьбы Согда за свою независимость, носивший, как мы видели, совсем иной характер, чем события 329 года.

Подытоживая, можно сказать, что местное оседлое население, хотя и обескровленное, хотя и разорённое, всё же отказывается от подчинения сатрапу, поставленному Александром. Оно не принимает участия больше в активных действиях Спитамена, а пытается отсидеться в своих укреплённых поселениях. Это ему не удаётся: карательные отряды Александра ещё раз вдоль и поперёк проходят по Согду, отмечая свой путь пожарищами и потоками крови.

Спитамен, лишившись поддержки оседлых поселений, борьбы не прекратил; он продолжал борьбу с помощью вербуемых им в пустыне кочевников, большинство которых приходило под знамёна Спитамена для совместной борьбы с чужеземцами; какую-то часть их влекла, возможно, и надежда на лёгкую богатую добычу в стане македонян.

У Диодора этот второй период охарактеризован так: «Он (Александр) наказывает бактрийцев и вторично подчиняет согдийцев и строит в нужных местах города, чтобы держать восставших в повиновении»[48]. Видимо, в 328 г. одной из основных мер Александра в борьбе с непокорными согдийцами и бактрийцами являлись уничтожение тех укреплённых мест, в которых пыталось спастись от него местное население, а также постройка новых городов в стратегически наиболее подходящих местах. Их он заселял, вероятно, тоже намеренно, как непригодны-

ми для дальнейшего участия в войне греками и македонянами, так и теми местными жителями, которые выражали свою покорность завоевателю. Здесь следует вспомнить, что в это же лето 328 г. Александр основывает, согласно данным Курция Руфа, шесть новых городов в долине Мургаба, на территории Маргианы (входившей в бактрийскую сатрапию), руководствуясь при этом главным образом стратегическими соображениями: «Перейдя реки Ох (Теджен) и Окс (Аму-Дарью), Александр пришёл к городу Маргиане и выбрал вокруг него места для основания шести городов, два обращённых на юг, четыре на восток, на небольшом расстоянии друг от друга для оказания взаимной помощи»[49].

Как известно, в своём завещании Александр предписывал основывать в Азии города и производить массовые переселения из Азии в Европу и из Европы в Азию, чтобы переплавить население в единую массу; из этого можно заключить, что основанием новых городов Александр преследовал не только военные, но и иные, более широкие цели.

Второго момента, характеризующего формы борьбы в 328 г., Диодор не касается, поскольку борьба Спитамена, поддержанная кочевыми массагетами, могла в известной мере утратить свой первоначальный характер освободительного движения согдийского народа.

Третий этап борьбы Александра с Согдом носит совсем иной характер: широкие круги земледельческого населения в массе своей сейчас не выступают; кочевники после смерти Спитамена в борьбе Согда больше не принимают участия, но противодействие Александру не ликвидировано, оно в известной мере даже обострилось; часть знати настроена к Александру резко враждебно, тем более, что в рядах ее произошёл раскол, вызванный усталостью и желанием сохранить свои замки и земли.

328 год знаменателен ещё тем, что он явился переломным в отношении Александра к народам Азии: Александр начинает вводить ряд местных обычаев при своём дворе, включает «варваров» в армию, приближает их ко двору и к себе; начинает в какой-то мере усваивать местные восточные нравы.

Плутарх отмечает, что Александр всё более старался приблизиться к образу жизни местного населения, а также познакомить согдийцев с обычаями македонян. Он полагал, что такое смешение и дружественное общение лучше будут способствовать миру и согласию, чем насилие[50].

Когда в 328 г. в Мараканде Александр во время пира собственноручно убил Клита, своего ближайшего и вернейшего друга и молочного брата, спасшего ему жизнь в битве при Гранике, то этот припадок гнева был, видимо, отчасти обусловлен тем, что Клит «давно уже проявлял раздражение по поводу всё большей склонности Александра к

---

[45] Дройзен «История эллинизма», Т. I, стр. 259.

[46] Григорьев В. Указ. соч., стр. 187.

[47] Там же, стр. 188.

[48] Диодор. Оглавление к книге. XII. Ч. 2-я, § 24.

[49] Курций Руф. Кн. VII, гл. 10, 15.

[50] Плутарх (Plutarchi Vitae. Scriptorum Graecorum Bibliotheca, Parisiis, 1847) «Александр», гл. XLVII.

варварским обычаям»[51]. Против принятого при дворе восточного обычая поклонения царю, т. е. преклонения перед ним колен, выражал протест и Каллисфен, придворный историк Александра.

Показателем общего настроения знати к концу 328 г. может служить и изложенный у Курция Руфа[52] рассказ о жене Спитамена, всюду его сопровождавшей. Озлобленная постоянными бегствами и изгнанием, утомлённая несчастиями, она стремилась убедить мужа, чтобы он попытался сдаться на милость Александра. Это, однако, вызывало только гнев и возмущение Спитамена и в конце концов привело якобы к тому, что она убила спящего мужа, головою которого она либо пыталась купить у Александра расположение к себе, либо думала этим положить конец кровопролитной борьбе Согда с его мощным противником.

Такие настроения существовали, видимо, среди знати, которая частично начала активно или пассивно переходить на сторону Александра. Но часть знати оставалась враждебной Александру и против неё-то, против особо сильных и влиятельных представителей оппозиции, и была направлена карающая рука Александра в третий период, — против владетелей, засевших в своих неприступных горных твердынях с запасом продовольствия на много лет, со своими родичами, войском, беглецами, общей численностью иногда до 15 тыс. человек.

Всё в том же оглавлении XVII книги Диодора этот период охарактеризован, как «третье восстание согдийцев и пленение тех, кто бежал в горный замок [петра]»[53].

Зиму 328—327 г. Александр провёл в Наутаке, а весной «подступил к согдийской скале, куда, по полученному известию, бежало много жителей Согдианы»[54]. Скалою — греческое «петра» — античные историки называли крепости и замки на вершинах гор, защищённые самой природою (персы называли их «лила», т. е. «око»). На этой «скале согдийской» спасались, между прочим, и жена и дочь Оксиарта, со времени его отпадения от Александра, т. е. с 329 года.

Следует отметить, что источники, Арриан, Курций и Страбон, упоминают четыре «скалы»: скалу согдийскую, скалу Сизимитра, скалу Аримаза и скалу Хориена, но при ближайшем анализе и сопоставлении описаний и деталей выясняется, что речь идёт всего о двух замках, находившихся в Согде: о согдийской скале, где-то в Наутаке, и о скале Хориена, которая локализуется в Паретаке, тоже одной из областей Согда.

Первый из замков, расположенный на крутой скале, которую глубокий снег делал ещё более неприступной, был взят Александром в короткий срок. Будучи раздражён насмешливым предложением осаждённых поискать крылатых воинов, которые заняли бы для него скалу, Александр за ночь отправил на вершину возвышавшейся над замком горы триста солдат, привыкших к горным кручам своей родины. С помощью гвоздей, которыми обычно крепили палатки и которые в данном случае втыкались в снег, и привязанных к ним льняных верёвок, 300 человек, подсаживая друг друга (погибло при этом 30 человек), поднялись к утру на гору. На рассвете через глашатая Александр сообщил согдийцам, что крылатые воины не только нашлись, но и заняли уже вершину. Этот ошеломивший осаждённых факт привёл к немедленной сдаче крепости.

В этом замке, как указывалось, находилась и жена Оксиарта с детьми и среди них — красавица Роксана (греческая передача местного имени «Рошанак», т. е. сияющая, светлая), о которой воины Александра говорили, что она после супруги Дария показалась им «самой красивой женщиной в Азии»[55]. Арриан рассказывает далее, что Александр при первом же взгляде полюбил её, и, хотя она была его пленницей, счёл достойной того, чтобы жениться на ней, — поступок, за который Арриан хвалит, а Курций порицает Александра.

Независимо от того, что перевесило, романтика ли или дипломатия, но эта встреча в замке и последовавший затем брак Александра с Роксаной привели к тому, что самый сильный из врагов Александра, отец Роксаны, Оксиарт, пользовавшийся в Согде, повидимому, большим авторитетом и влиянием, «ободрился», как сообщает Арриан, «явился к Александру и был у него в почёте»[56].

Вторая скала — «скала Хориена» в Паретаке, — отлогая со всех сторон, возвышалась на 20 стадий и имела в окружности до 60 стадий; вверх вела, видимо, искусно замаскированная узкая тропиночка, со скалы низвергался быстрый горный поток, а замок был окружён глубоким рвом. Здесь скрывалось от Александра «немалое число князей» (эпархов), среди них Хориен, по имени которого названа была скала.

И здесь, неожиданно для осаждённых, македоняне в короткий срок из нарубленных елей, скреплённых гвоздями, начали покрывать ров настилом — факт, приведший Хориена к сдаче, причём его якобы побудил к этому перешедший на сторону Александра Оксиарт. Александр милостиво принял сдававшегося ему Хориена и оставил в его ведении замок; он «пользовался уважением Александра, тем более,—говорит Арриан,—что передал ему свой замок не по принуждению, а по доброй воле»[57].

Назначив царём Согда некоего Оропия, может быть, одного из представителей перешедшей на его сторону согдийской знати, Александр закончил покорение Средней Азии и, переправившись обратно через Аму-Дарью, тем же летом 327 г., перевалив через Гиндукуш, начал свой знаменитый индийский поход.

Итак, мы видим, что третий период в истории подчинения Согда носит отличный от двух других характер: острие борьбы направ-

---

[51] Арриан. Кн. IV, гл. 8, 4.
[52] Курций Руф. Кн. VIII, гл. 3, 1—15.
[53] Диодор. Оглавление к кн. XVII, ч. 2, § 25.
[54] Арриан. Кн. IV, гл. 18, 4.
[55] Арриан. Кн. IV, гл. 19, 5.
[56] Там же, гл. 20.
[57] Там же, гл. 21, 10.

лено против остатков оппозиции среди местной знати, которая постепенно и, видимо, в большинстве случаев мирным путём начала переходить на сторону Александра. Следует отметить, что по сравнению с общественной структурой Ирана Средняя Азия отличалась тем, что в ней во взаимоотношениях различных слоёв населения наблюдалось больше остатков военной демократии и меньший разрыв между верхушкой общества и широкими массами народа.

Трёхлетняя оборона Согда, сопровождавшаяся жестокой расправой с мирным населением и разрушением плодородных оазисов, неоднократные восстания населения, наличие талантливого предводителя и горячего патриота Спитамена не дали положительных результатов, потому что все эти действия носили разрозненный и местный характер: в одном случае активную роль играют земледельческие круги населения, в другом — кочевые орды под водительством Спитамена, в третьем — князья, сидящие в своих горных орлиных гнёздах. Порознь над каждой из этих групп Александр и одерживал быструю и лёгкую победу.

В развитии политики Александра на Востоке большое значение имели, конечно, личные качества Александра, который, по словам Арриана, «при неясности положения весьма искусно находил потребное, из предстоявших событий весьма счастливо угадывал возможное и был весьма опытен в построении войска, снаряжении и упорядочении его. По врождённой способности он умел возбудить мужество в солдатах, наполнить их надеждою и в опасностях своим бесстрашием рассеять их робость, превосходя в этом всех. Потому-то всё, исход чего был сомнителен, он совершал с величайшей смелостью и, если предстояло опередить неожиданностью неприятеля, он весьма ловко умел совершить нужное прежде, чем у кого-либо могла зародиться робкая мысль о возможности подобного»[58].

Александра не могла не возмущать и не раздражать та настойчивость, с которой согдийцы в течение трёх лет поднимали восстания против него, задерживая этим его поход на Индию. «Безумцы, они надеются утомить меня непокорством—напрасно»,— говорил Александр. Но в то же время в Александре, человеке умном, сильном и смелом, эта самая непокорность Согда не могла не найти известного тайного отклика. Если принять во внимание, как быстро распался перед ним Иран Ахеменидский, его западные основные области, как мало встретил он там сопротивления и готовности к борьбе, его тем более должна была поразить на территории Средней Азии, и особенно в Согде, невиданная им доселе самозащита народа, в течение трёх лет прошедшего через все ужасы, мучения и страдания, какие несёт с собою нашествие жестокого врага, — народа, не утратившего ни сил, ни уменья, ни готовности эту борьбу продолжать.

Это обстоятельство, а также тот высокий уровень своеобразной и древней культуры, с которой здесь неожиданно для себя должен был встретиться Александр[59],— всё это должно было в корне изменить ту точку зрения на азиатских «варваров», с которой Александр вступил в 334 г. на почву Азии. Ему было тогда только 22 года, и в памяти и сознании его, вероятно, свежи были ещё мысли и слова его учителя в области политических и философских наук — Аристотеля, утверждавшего, что «варвар и раб по природе своей понятия тождественные»[60] и что будто от природы некоторые существа предназначены к подчинению, другие—к властвованию.

Пять лет пребывания на территории Азии настолько изменили политику Александра, что он, возражая против обвинений его в насаждении персидских нравов и обычаев среди македонян, говорил, что у многих народов Азии он «находит такое, чему не стыдно было бы подражать: нельзя управлять таким государством, если не передавать другим своё и не поучаться у них самим»[61].

В Мараканде придворный историк Александра, Каллисфен, тоже ученик Аристотеля, обличая Александра, обратился к нему со следующими, полными упрёка словами: «...Если, как говорится, в варварской стране надлежит усваивать и варварский образ мыслей, всё же я прошу тебя, Александр, помнить об Элладе, ради которой тобою был предпринят этот поход, в целях присоединения Азии к Греции»[62].

Из этих слов, приведённых у Арриана, можно заключить, как глубоко изменилось отношение Александра к народам Востока: Александр убедился в том, как отметил академик С. А. Жебелев, что «варварские народы способны воспринимать эллинскую культуру и что их можно слить с греческими завоевателями, т. е. вразрез с установившейся точкой зрения Аристотеля; в этом Александр опередил своё время, потому что только к концу III в. в сознании лучших умов стало складываться представление, что при оценке человека значение имеют нравственные качества, а не расовое происхождение»[63].

Эта изменившаяся точка зрения Александра отразилась и на вопросах, связанных с организацией армии — основы и гордости македонского государства.

Как известно, при Ахеменидах представители среднеазиатских народов входили в состав войска, но со своим собственным оружием и в качестве подчинённых вспомогательных отрядов.

В 324 г., отпраздновав в Сузах свою свадьбу с дочерью Дария и переженив около

---

[58] Арриан. Кн. VII, гл. 28, 2—3.

[59] Достаточно в этой связи напомнить о техническом и художественном совершенстве золотых и серебряных предметов, найденных в составе знаменитого Аму-Дарьинского клада V—III вв., хранящегося в Британском музее (O. M. Dalton «The Treasure of the Oxus». London. 1926).

[60] Политика. Кн. I, гл. 1—2.

[61] Курций Руф. Кн. VIII, гл. 8, 13.

[62] Арриан. Кн. IV, гл. 11, 7.

[63] «Древняя Греция. Т. II, «Эллинизм», стр. 28. 1922.

10 тыс. македонян на дочерях персидской и среднеазиатской знати, Александр принялся за реорганизацию войска, введя и персов и другие иранские и среднеазиатские народы в свою армию на равных с македонянами началах. Этой же цели — сближению туземного населения с завоевателями — должна была служить и организация армии так называемых эпигонов; 30 тыс. юношей из сыновей местной знати (согдийцев, бактрийцев, парфян и др.) обучались греческому языку и, будучи вооружены по македонскому образцу, усваивали македонские приёмы военного дела.

Юноши эти были распределены по отрядам конницы: впоследствии же в бытность Александра в Описе (Индия) азиатские войска, в состав которых входили и среднеазиатские народы, были разделены на гипархии и фаланги.

Завоевательная политика Александра имела своей основой идею создания единой мировой империи, которая рухнула вскоре после его смерти.

Другой основой являлось его стремление приобщить все народы к греческой культуре, и самый факт трёхлетнего пребывания Александра в Средней Азии не мог не оставить в этом отношении глубоких следов.

При оценке культурно-исторического значения похода Александра надо помнить о следующих весьма важных фактах.

Основанные Александром новые города и военные колонии были частично заселены греками из числа ветеранов и больных, а также мятежно настроенных воинов. В лагере Александра должно было находиться и попасть в новые города большое количество памятников античного искусства. Как известно, в лагерь из Греции срочно были доставлены тексты трагедий Эсхила, Софокла и Еврипида, которые ставились во время похода. Показательно, что в походах Александр никогда не расставался с настольной статуей, изображавшей сидящего Геракла, работы Лисиппа, придворного портретиста Александра, творчество которого оставило глубокий след в искусстве Бактрии и Согда[64].

Экспедиция во главе с Гераклидом была направлена Александром к берегам Каспийского моря в целях исследования его[65]. На территории Средней Азии возникло в половине III в. до н. э. самобытное государственное образование, а именно — возглавленное греками Бактрийское царство, которое, будучи расположено на местах скрещения мировых торговых путей, соединявших западный мир с далёким Востоком, в свою очередь, определило в дальнейшем пути развития мощной культуры кушанов[66].

Памятуя, что вклад в культуру никогда не бывает односторонним, достаточно будет указать на то, что все эти события оставили глубочайший след и в истории народов Запада. Порождённые борьбою Востока и Запада за политическое первенство, походы эти привели к своего рода синтезу культур Востока и Запада. Знакомство с культурой Азии, в частности Средней Азии, дало западному миру то новое, что нашло себе столь яркое выражение в своеобразном и мощном явлении культуры, которое мы называем эллинизмом, мало ещё изученные среднеазиатские корни которого столь же сильны и широко раскинуты, как и изученные в гораздо большей степени корни переднеазиатские.

---

[64] Подробно об этом см. К. В. Тревер. «Памятники греко-бактрийского искусства», стр. 39—40. Изд. АН СССР, 1940.

[65] «Александр послал затем в Гирканию вместе с корабельщиками Гераклида, сына Аргея, приказал им рубить на Гирканских горах лес и строить длинные корабли без палуб и с палубой по греческому образцу. У него явилось желание исследовать так называемое Каспийское или Гирканское море, с каким морем оно соединяется, не с Евксинским ли Понтом, и не впадает ли великое восточное море с востока, со стороны Индии, в Гирканский залив...» (Арриан. Кн. VII, гл. 16, 1—2).

[66] Tarn W. «The Greeks in Bactria and India». Cambridge. 1938.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

МЮНХЕН НА СТРАНИЦАХ ЧЕТЫРЕХ МЕМУАРОВ

GEORGES BONNET *„De Wachington au Quai d'Orsay"*; ANDRE FRANCOIS PONCET *„Souvenirs d'une Ambassade à Berlin"*; LEON NOËL *„L'agression allemande contre la Pologne"*; GREGOIRE GAFENCO *„Derniers jours de l'Europe"*. Un voyage diplomatique en 1939.

Ж. БОННЭ *«От Вашингтона до Кэ д'Орсэ»*; А. Ф. ПОНСЭ *«Воспоминания о посольстве в Берлине»*; Л. НОЭЛЬ *«Германская агрессия против Польши»*; Г. ГАФЕНКО «Последние дни Европы».

В Западной Европе 1946 год был особенно «урожайным» в области мемуарной литературы. Тематика этой литературы, как правило, касается вопросов, имеющих ближайшее отношение к происхождению второй мировой войны, причём авторами мемуаров обычно являются люди, бывшие участниками событий, непосредственно приведших к войне. В этом смысле особенно повезло Мюнхенской конференции 1938 г., которая, как известно, представляла собой кульминационный пункт так называемой «политики невмешательства», политики, не менее ответственной за вторую мировую войну, нежели непосредственная агрессия.

Такой «успех» Мюнхена вполне объясним. Мемуары, посвящённые Мюнхенской конференции и мюнхенской политике, преследуют двоякую цель. Одни авторы мемуаров, несущие ту или иную долю ответственности за Мюнхен, пытаются эту ответственность всячески уменьшить или даже вовсе от неё избавиться; другие ставят перед собой значительно менее невинные задачи — посмертной реабилитации Мюнхена и попытки возрождения некоторых приёмов той политики, которая получила своё название от этого города. Как первые, так и вторые авторы пользуются методами мемуарной литературы не для воспроизведения исторической действительности, а для использования истории, путём её фальсификации, для достижения собственных политических целей.

Подобная фальсификация истории в вопросе о Мюнхене не является случайной именно в наши дни. Было бы большой наивностью считать, что мюнхенская политика уже стала достоянием истории и в этом качестве может служить лишь предметом научно-исторического исследования. В действительности дело обстоит совсем не так.

Несмотря на то (а вернее, именно вследствие того), что мюнхенская политика явилась второй основной причиной (первой была сама политика агрессии) развязывания в 1939 г. мировой войны, потребовавшей десятков миллионов человеческих жизней и уничтожения гигантских материальных ресурсов, она (мюнхенская политика) отнюдь не может считаться окончательно похороненной.

В чём квинтэссенция мюнхенской политики? Мюнхенская политика не есть простая уступка тем или иным конкретным требованиям и претензиям агрессора. Эта политика представляет собой последовательную систему уступок агрессору с целью повернуть его агрессию в другую сторону, а именно в сторону Советского Союза. Такова самая краткая формулировка мюнхенской политики. Эта политика, как известно, применялась рядом государств по отношению к нацистской Германии, фашистской Италии и империалистической Японии в период между 1933 и 1939 годами.

Товарищ Сталин приводит характерные примеры «политики невмешательства».

«Взять, например, Японию. Характерно, что перед началом вторжения Японии в Северный Китай все влиятельные французские и английские газеты громогласно кричали о слабости Китая, об его неспособности сопротивляться, о том, что Япония с её армией могла бы в два—три месяца покорить Китай.

Потом европейско-американские политики стали выжидать и наблюдать. А потом, когда Япония развернула военные действия, уступили ей Шанхай, сердце иностранного капитала в Китае, уступили Кантон, очаг монопольного английского влияния в Южном Китае, уступили Хайнань, дали окружить Гонконг. Не правда ли, всё это очень похоже на поощрение агрессора: дескать, влезай дальше в войну, а там посмотрим.

Или, например, взять Германию. Уступили ей Австрию, несмотря на наличие обязательства защищать её самостоятельность, уступили Судетскую область, бросили на произвол судьбы Чехословакию, нарушив все и всякие обязательства, а потом стали крикливо лгать в печати о «слабости русской армии», о «разложении русской авиации», о «беспорядках» в Советском Союзе, толкая немцев дальше на восток, обещая им лёгкую добычу и приговаривая: вы только начните войну с большевиками, а дальше всё пойдёт хорошо. Нужно признать, что это

тоже очень похоже на подталкивание, на *поощрение агрессора*»[1].

«Духовным отцом» мюнхенской политики (приём это отцовство имело место за пять—шесть лет до Мюнхена) по праву считается бывший министр иностранных дел Великобритании сэр (ныне лорд) Джон Саймон. Классическим проводником мюнхенской политики был, как известно, бывший премьер-министр Великобритании Невиль Чемберлен.

Впервые мюнхенская политика была сформулирована в речи Джона Саймона на Генеральной ассамблее Лиги наций в феврале 1933 г., в момент дискуссии по вопросу о захвате Японией Маньчжурии. Заявление Саймона о том, что, хотя Япония совершила по отношению к Китаю акт агрессии, санкции против неё не должны применяться вследствие того, что Япония нуждается в необходимом пространстве для своего населения, а таковым пространством может быть Маньчжурия, где Япония, несомненно, является элементом *порядка*, представляет собою законченную формулу мюнхенской политики. Легализация права Японии на захват Маньчжурии, по плану Саймона, преследовала две задачи: отвлекала японский империализм от наступления на английские и американские интересы в Китае (хотя при этом и вызывала частичную жертву, поскольку английские и американские капиталы были заинтересованы в Маньчжурии) и одновременно направляла японскую экспансию в сторону СССР, для чего создание обширной советско-японской границы в Маньчжурии было особенно удобно.

Таким образом, отказ Лиги наций от применения санкций по отношению к Японии, захватившей Маньчжурию, явился первым звеном той цепи, которая вошла в историю под именем мюнхенской политики. Следующая агрессия — захват фашистской Италией Абиссинии — была теснейшим образом связана с агрессией Японии по отношению к Китаю. Муссолини не скрывал, что бездействие Лиги наций толкнуло его на захват Абиссинии. Благожелательное отношение правящих кругов Франции к намерениям Муссолини захватить Абиссинию (прямое согласие, данное Лавалем Муссолини в январе 1935 г.) вызывалось стремлением, во-первых, направить агрессию фашистской Италии в менее опасную для Франции (как Макдональду в тот момент казалось) сторону, а во-вторых, предотвратить сближение между фашистской Италией и нацистской Германией.

С 1935 г. начинает открыто развёртываться третье звено агрессивной цепи — агрессия гитлеровской Германии. Отказ в 1935 г. от военных статей Версальского договора, нарушение в 1936 г. демилитаризации Рейнской зоны, захват Австрии в 1938 г. и, наконец, сначала расчленение (на Мюнхенской конференции), а затем и полный захват Чехословакии в марте 1939 г.— таковы отдельные элементы этого звена.

Параллельно развёртыванию агрессивной цепи шло последовательное осуществление и мюнхенской политики. Последняя вовсе не представляла собой некий политический комплекс, имевший место только на самой Мюнхенской конференции. Это, как мы говорили выше, последовательная политика, которая велась систематически в течение ряда лет (1933—1939) и развивалась, следуя всем фазам политики агрессии.

Как подходят к объяснению (и оправданию) этой политики её отдельные участники, авторы появившихся мемуаров? Выше мы отмечали два метода подхода. Из них первый заключается в умалении собственной роли при осуществлении этой политики. Второй метод — доказательство того, что иначе нельзя было поступить.

Первым методом пользуется один из авторов рецензируемых нами мемуаров—Андре-Франсуа Понсэ, бывший посол французской республики сначала при Гитлере, а затем при Муссолини. Он пытается установить своё алиби и снять с себя какую бы то ни было ответственность за Мюнхен заявлением, что его свидетельство является свидетельством человека, который в этом деле (Мюнхенской конференции) был лишь «информатором, посредником, присутствующим, исполнителем, которого никогда не консультировали, когда принимались важнейшие решения» (стр. 314).

Эта попытка Франсуа Понсэ снять с себя ответственность за Мюнхен рассчитана на весьма наивных людей. Был ли Франсуа Понсэ в Мюнхене во время конференции и какую он там играл роль, — не столь существенно, поскольку тот же Франсуа Понсэ был одним из наиболее крупных дипломатов Франции в течение всего периода, когда последовательно осуществлялась мюнхенская политика, кульминационным пунктом которой и явилась сама Мюнхенская конференция. Таким образом, совершенно неважно, консультировали ли Франсуа Понсэ во время конференции или нет. Его мемуары неопровержимо свидетельствуют о том, что в течение всего домюнхенского периода он был одним из основных исполнителей и проводников именно этой политики. Посол Французской республики в Берлине с сентября 1931 по октябрь 1938 г. не может не отвечать за внешнюю политику своей страны, приведшую сначала к позору Мюнхена, а затем к разгрому самой Франции.

Прежде чем познакомить советского читателя с мемуарами Франсуа Понсэ, необходимо хотя бы кратко ознакомить его с фигурой автора этих воспоминаний.

До назначения послом в Берлине Франсуа Понсэ уже проделал большую карьеру. После окончания лучшего высшего учебного заведения Франции — Ecole Normale — Франсуа Понсэ специализировался в качестве доцента германской филологии и написал большой труд, посвящённый произведению Гёте «Сродство душ». Повидимому, занятия германской филологией (кстати, Франсуа Понсэ был, вероятно, единственным французским послом, который прекрасно говорил по-немецки) весьма способство-

[1] И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 571. 11-е изд. 1939.

вали его интимным переговорам с Гитлером. Уже во время первой мировой войны Понсэ перекочевал из лагеря наиболее утончённой гуманитарной науки в лагерь промышленного капитала. В 1920 г. он основал «Общество экономических исследований и информации» при знаменитом «Comité de Forge». Следует иметь в виду, что «Comité de Forge» представлял собой центральный аппарат руководства всей тяжёлой промышленностью Франции. Более чем какая бы то ни было другая капиталистическая организация, именно «Comité de Forge» диктовал важнейшие директивы как во внутренней, так и во внешней политике Франции. Франсуа Понсэ сделался доверенным лицом тяжёлой промышленности Франции. В дальнейшем он занимал посты министра изящных искусств и статс-секретаря национальной экономики во втором министерстве Тардье. Назначая в 1931 г. Франсуа Понсэ послом Франции в Берлин, французская тяжёлая промышленность поручила ему одну из наиболее ответственных и важных для неё задач, а именно: попытку «сотрудничества» с тяжёлой промышленностью Германии.

Франсуа Понсэ был назначен послом в Берлин в период, когда Франция, разочарованная политической стороной Локарнского соглашения (чрезвычайно выгодного для Великобритании, поскольку оно создало для неё позиции арбитра между Германией и Францией, и весьма невыгодного для Франции), пыталась возместить свою политическую неудачу достижением экономического сотрудничества. В течение всего времени пребывания на посту в Берлине Франсуа Понсэ систематически добивался этого «сотрудничества» с гитлеровским режимом. Описанию его попыток в этом направлении посвящены, собственно говоря, его мемуары.

Характерной является манера Франсуа Понсэ как рассказчика (а видел и наблюдал он в течение шести с половиной лет очень многое). Рассказывает ли он о возмутительной, преступной провокации Гитлера и Геринга, поджёгших здание рейхстага с целью начать истребление коммунистической партии; повествует ли он об убийствах 30 июня 1934 г. или венском путче, во время которого был убит австрийский канцлер Дольфус, — везде Франсуа Понсэ находит особый тон для своего рассказа, тон «объективного» рассказчика с лёгким налётом скептицизма, когда это нужно. С большим усердием, с другой стороны, Франсуа Понсэ описывает ряд «достижений» гитлеровского режима — в виде «фронта труда», «зимней помощи», «крестьянского фронта» и т. д.

В своих мемуарах, написанных после того как политика невмешательства дала свои катастрофические результаты, он старается внушить читателю, что сам он не был согласен с этой политикой и даже пытался ей противодействовать. Характерно, однако, при этом, что как раз тому небольшому периоду, когда во главе французской внешней политики стоял Барту и когда была сделана серьёзная попытка противодействия «политике невмешательства», Франсуа Понсэ посвящает меньше всего строчек. Из всего того, что он пишет о периоде пребывания на посту министра иностранных дел Франции Барту, отнюдь не явствует, что Франсуа Понсэ был сторонником его политики. В качестве своего оправдания Франсуа Понсэ приводит своё выступление на совещании послов Франции, созванном 3 апреля 1936 г., уже после того, как Гитлер нарушил Локарнское соглашение. На этом совещании Франсуа Понсэ, по его собственным словам, выступил против политики уступок. Самым интересным являются те аргументы, которые он привёл. Говоря о Гитлере, Франсуа Понсэ так характеризовал его внешнеполитическую программу: «Он (Гитлер) хочет освободиться от последствий поражения 1918 г., установив своё господство в Центральной Европе, и увеличить Германию за счёт России».

Подобное выступление со ссылкой на намерение Гитлера воевать с Россией отнюдь не могло испугать тогдашнего министра иностранных дел Франции, Фландена, одного из убеждённейших сторонников политики невмешательства. Это (т. е. «увеличение Германии за счёт России») как раз и отвечало наиболее затаённым желаниям всех сторонников этой политики.

Не менее характерной для Франсуа Понсэ является запись, касающаяся вооружённой интервенции Гитлера и Муссолини в Испании. Это открытое проявление агрессии Гитлера и Муссолини, эту позорнейшую капитуляцию Англии и Франции Франсуа Понсэ характеризует следующими словами: «Гражданская война в Испании грозила в любой момент зажечь общий пожар в Европе. Нужны были всё терпение и весь пацифизм Англии и Франции, чтобы удержать её в границах» (стр. 288).

Это всё, что в 1946 г. Франсуа Понсэ может сказать об интервенции в Испании, интервенции, которая была прелюдией второй мировой войны и в значительной мере облегчила Гитлеру её развязывание.

Только в одном месте Франсуа Понсэ сам ставит вопрос, чем объяснялась политика невмешательства. Чем же он объясняет эту политику или, как он говорит, слабость Франции и Англии по отношению к Гитлеру? Эта слабость, по его словам, «объясняется в первую очередь сознанием, которое даёт ключ событиям этой эпохи, сознанием почётным, испытываемым демократическими народами не меньше, нежели их правительствами. Этим сознанием является сопротивление идее позволить Европе ввязаться в общую войну: подлинный, основательный пацифизм» (стр. 316).

«Объяснение» Франсуа Понсэ смахивает на клевету по адресу демократических народов. Пацифизм этих народов, их любовь к миру и нежелание быть вовлечёнными в общую войну отнюдь не вызывали политику невмешательства, которая была вернейшим средством развязывания войны.

Попытка Франсуа Понсэ, о которой мы говорили выше, умалить свою роль в Мюнхене, большого значения не имеет. Преступление и позор Мюнхена настолько велики, что не так уже важно, советовались ли с Франсуа Понсэ или нет. Характерна и другая деталь. Франсуа Понсэ не только выгораживает себя, а попутно и Даладье и Жоржа

Боннэ, но и возлагает всю вину за Мюнхен на премьер-министра Великобритании Невиля Чемберлена. Он даже специально подчёркивает, что «мюнхенское соглашение было исключительно английским делом», и прибавляет: «Когда произошла капитуляция Третьей империи, английские газеты опубликовали длинные статьи о войне и о периоде, который ей предшествовал. Ни одна из них не выступила против Невиля Чемберлена, основного зачинщика Мюнхенской конференции и мюнхенского соглашения» (стр. 338).

Мы далеки, конечно, от мысли в какой-либо мере уменьшать ответственность Невиля Чемберлена как за Мюнхен, так и за мюнхенскую политику. Как увидим ниже, и другой, гораздо более убеждённый и активный сторонник мюнхенской политики — Жорж Боннэ — также сваливает всё на англичан. Этот маневр никого убедить не может, ибо, как хорошо известно, мюнхенская политика в течение всего периода 1933—1939 гг. была англо-французской политикой. Ответственность за эту политику Даладье и Боннэ ничуть не меньше ответственности Невиля Чемберлена и лорда Галифакса.

Если мемуары Франсуа Понсэ представляют собой в значительной мере тактическую линию обороны, то другой из рецензируемых нами авторов, Жорж Боннэ, скрываясь в своём швейцарском убежище и не рискуя пока вернуться во Францию, ведёт подлинное наступление, размахивая мюнхенским знаменем. Политическая фигура Жоржа Боннэ достаточно хорошо известна советскому читателю. Старый член радикал-социалистической партии, всегда принадлежавший к её правому крылу, Боннэ с 1924 г. перебывал членом разнообразных кабинетов Третьей республики. В 1933 г. он возглавлял французскую делегацию на мировой конференции в Лондоне, а в 1936—1937 гг. был послом Франции в Вашингтоне. В апреле 1938 г. Жорж Боннэ получил портфель министра иностранных дел в кабинете Даладье. Этот портфель он сохранил вплоть до марта 1940 г., после чего оставался министром юстиции в том же кабинете. После разгрома Франции сотрудничал с правительством Виши, а затем заблаговременно перебрался в Швейцарию, где и проживает в настоящее время.

Придя на Кэ д'Орсэ сейчас же после захвата Гитлером Австрии, Боннэ был руководителем внешней политики Франции в период судетского кризиса, Мюнхенской конференции, франко-германской декларации 6 декабря 1938 г., захвата Гитлером Чехословакии, англо-франко-советских переговоров в Москве летом 1939 г., начала второй мировой войны и, наконец, подготовки англо-французского десанта в Финляндии во время финско-советской войны 1939—1940 годов.

Помимо всех перечисленных постов, которые занимал Боннэ, он в течение ряда лет был юрисконсультом банкирского дома «Братья Лазар». О такой «детали» деловой карьеры Жоржа Боннэ можно было бы не упоминать, если бы не было известно, что банкирский дом «Братья Лазар» был агентом так называемой группы «Д» — банков Германии. Таким образом, солидная сумма, которую Боннэ ежемесячно получал в качестве юрисконсульта французского банкирского дома, в действительности была чисто германского происхождения. Это обстоятельство никогда не следует упускать из виду при оценке внешней политики Жоржа Боннэ.

Первый том его мемуаров, вышедший несколько месяцев назад в Швейцарии, представляет значительный интерес. Боннэ начинает свой рассказ с путешествия в Вашингтон в качестве посла Французской республики и заканчивает его Мюнхенской конференцией.

Следует иметь в виду, что Жорж Боннэ прекрасно владеет пером и исключительно ловко жонглирует дипломатическими документами, тасуя их таким образом, чтобы выпадали нужные ему комбинации карт. Он одновременно применяет две тактики: с одной стороны, доказывает, что в создавшихся в тот период для Франции условиях он не мог поступить иначе. Иными словами, Боннэ оправдывает мюнхенскую политику как политику неизбежную. С другой стороны, однако, он уверяет читателя своей книги, что эта политика была не только неизбежной, но и объективно положительной.

Размеры настоящей статьи не дают нам возможности проследить шаг за шагом тактику Жоржа Боннэ и разоблачать все случаи применения им приёмов нечестной карточной игры. Вот почему мы вынуждены остановиться только на основных его показаниях, но притом таких, которые проливают достаточный свет на всё содержание его книги.

В главе «Что могла сделать Франция», подводящей итоги всего тома мемуаров, Боннэ пишет: «Таким образом, неверно представлять Мюнхен в качестве вершины «новой политики», добровольно проводимой западными державами. Мюнхен был ничем иным, как неизбежным результатом отсутствия солидарности между европейскими нациями и нашей военной слабости» (стр. 316).

«Доказательству» этого двойного тезиса и посвящены мемуары. Боннэ прежде всего необходимо снять ответственность с себя и всей французской политики 1938 г., за которую он отвечал. Именно поэтому он доказывает, что «решительный поворот на пути к войне или миру произошёл 7 марта 1936 г., когда Гитлер оккупировал демилитаризованную Рейнскую зону и начал возводить линию укреплений. Франция и Великобритания могли при помощи одного жеста помешать германской армии оккупировать Рейнскую зону. Французская авиация не была в тот момент подавлена германской авиацией; наша армия была ещё значительно сильнее германской армии, перед ней не было ещё укреплённой линии. Если бы война разразилась, она была бы немедленно перенесена на германскую территорию, и Франция не была бы изолирована в этом предприятии. Великобритания колебалась — это правда,— но на востоке Польша, отдадим ей справедливость, была полна решимости нам помочь. Бек заявил, что он готов вновь надеть свою форму полковника, чтобы отправиться на фронт. Чехословакия и Польша были согласны оказать нам вооружённую помощь. Они отдавали себе отчёт в том, что наше дело,

которое они хотели защищать, является одновременно и их делом. И тем не менее мы воздержались от какого-либо выступления» (стр. 317).

Для подкрепления своей идеи Боннэ призывает на помощь одного из наиболее активных и убеждённых сторонников мюнхенской политики, посла Великобритании в Берлине Невиля Гендерсона, который также утверждает, что этот момент — захват Гитлером демилитаризованной зоны — «являлся последним случаем, когда Великобритания и Франция могли осуществить свою волю, не прибегая к войне» (стр. 318) [2].

Раз это так, раз последний шанс противопоставить свою волю Гитлеру был упущен в 1936 г., то совершенно очевидно, что деятели 1938 г. не несут политической и моральной ответственности за то, что было сделано до них. Именно в этом и заключается смысл рассуждений Боннэ. Однако он этими рассуждениями не ограничивается. Несмотря на то, что на протяжении многих страниц своих мемуаров он упорно возлагает всю ответственность за Мюнхен (как это делает и Франсуа Понсэ) на англичан, Невиля Чемберлена и лорда Галифакса, в цитируемой главе, подводящей итоги книги, Боннэ поёт дифирамбы именно Невилю Чемберлену. С этой целью он приводит свидетельство опять того же Невиля Гендерсона, который вспоминает о своём письме Чемберлену, написанном сейчас же после Мюнхенской конференции. В этом письме Гендерсон писал: «Миллионы матерей будут благословлять Ваше имя сегодня вечером за то, что Вы спасли их сыновей от ужасов войны» (стр. 321).

Как известно, сам Чемберлен, выступая в парламенте 30 октября 1938 г. с докладом о Мюнхенской конференции, заявил, что «эра умиротворения началась в Европе и что он (Чемберлен) привёз (из Мюнхена) мир нашему поколению».

Не следует забывать, что все это говорилось на второй день после Мюнхена, когда подобную ложь нельзя было опровергнуть фактами, но ведь Боннэ пишет об этом в 1946 г., прекрасно зная, что «эра умиротворения» не продолжалась и одиннадцати месяцев и что во время этой «эры» были захвачены Чехословакия, Албания и Мемель. Мало того, Боннэ сочувственно цитирует Невиля Гендерсона, который пишет, что «вердикт истории утвердит, что линия, которой следовал премьер-министр Великобритании, была единственно правильной и справедливой» (стр. 321).

И всего этого, однако, Боннэ кажется мало для оправданий и прославления мюнхенской политики. Для того чтобы оправдать свою политику, Боннэ нападает на политику сегодняшнего дня и пытается доказать, что эта последняя ничем не отличается от мюнхенской. Для этого он прибегает к следующим двум трюкам. Первый из них заключается в утверждении, что ряд людей, весьма активно проводивших мюнхенскую политику, продолжал оставаться на руководящих постах и в последующие периоды. Так, например, говорит Боннэ, «лорд Галифакс, который принимал активное участие во всём том, что делал Невиль Чемберлен, остался министром иностранных дел при Черчилле. После этого он был назначен послом в Вашингтон, где оставался с 1942 по 1946 г. и представлял поочереди как коалиционное правительство Черчилля, так и лейбористское правительство Эттли» (стр. 325).

Пример, приведённый Боннэ, бьёт гораздо дальше цели и говорит гораздо больше того, что хочет сказать Боннэ. Этот пример свидетельствует лишь о том, что в мюнхенской политике были элементы, не только конъюнктурные и характерные для того периода, но и более стабильные и представлявшие собою такие тенденции внешней политики ряда капиталистических государств, которые не менялись и не меняются при смене правительств.

В том же плане Боннэ указывает, что произведённая им в октябре смена семи послов Франции и назначение на их место других отнюдь не означала перемену ориентации французской политики, как это ему стремились приписать. Из семи назначенных им послов пять были вновь назначены послами Франции после её освобождения, шестой умер во время исполнения своих обязанностей, а седьмой был взят немцами в качестве заложника.

Вряд ли нужно прибавлять, что этот метод доказательства ничего не доказывает в одном случае или доказывает слишком много в другом.

Второй трюк, к которому прибегает Боннэ для восхваления мюнхенской политики, заключается в следующем: «Что такое Мюнхен?—восклицает Жорж Боннэ.—Мюнхен это—компромисс. Что представляет собою современная внешняя политика? — продолжает Боннэ.—Это тоже компромисс». Вот, например, продолжает он, нынешнее французское правительство заявило, что «желания Франции не могут осуществляться изолированно и индивидуально и должны быть подчинены предварительному соглашению с Великобританией и Соединёнными Штатами» (стр. 320).

Теряя всякое чувство меры и проявляя присущую ему наглость, Боннэ утверждает, что компромиссы, имевшие место после окончания второй мировой войны, значительно хуже, нежели компромисс, заключённый в Мюнхене. Там речь шла лишь о судьбе судетского населения, которое, дескать, в своём огромном большинстве хотело присое-

[2] Заявления как Боннэ, так и Невиля Гендерсона о том, что Франция в 1936 г. могла остановить агрессию Гитлера, правильны, хотя это обстоятельство ни в какой мере не снимает ответственности с мюнхенцев 1938 года. О действительном соотношении германской и французской армий в 1936 г. даёт интересное показание К. Шушниг в своей книге «Реквием Австрии». Во время свидания в Берхтесгадене в 1939 г. Гитлер сказал Шушнигу: «Три года назад (тут ошибка, не три, а два. — *Б. Ш.*) мы вошли в Рейнскую область с горсткой батальонов; в то время я рисковал всем. Если бы Франция остановила нас тогда, нам пришлось бы отступить, может быть, на 60 км или что-нибудь вроде этого...» Эту же мысль изложил Геббельс на одном из собраний в 1938 году.

диниться к Германии, а сейчас,—восклицает с ложным пафосом Боннэ,—«миллионы семейств оторгнуты от своей страны и бродят по дорогам в поисках крова» (стр. 319). Так проливает слёзы Боннэ по поводу участи немцев, выселенных из Польши и Чехословакии.

Как мы указывали выше, вся книга Боннэ стремится доказать, что ответственность за Мюнхен несёт Великобритания. Основным аргументом Боннэ является утверждение, что Великобритания отказывалась в течение всего периода, предшествовавшего Мюнхену, дать обязательство Франции придти ей на помощь в случае, если последняя выступит на стороне Чехословакии, на которую нападёт Гитлер. Шаг за шагом Боннэ рассказывает о франко-английских переговорах и встречах в течение всего 1938 года. Он приводит богатую документацию, показывающую упорное нежелание Чемберлена принять от имени Великобритании какие-либо точные обязательства по этому вопросу. Необходимо признать, что разрешение задачи, которую поставил перед собой Боннэ, в вопросе о поведении Великобритании, несомненно, полностью ему удалось. Не имея возможности привести ряд публикуемых Боннэ документов, отметим лишь один из них, имеющий, безусловно, исключительное значение.

10 сентября 1938 г. Жорж Боннэ в разговоре со специально вызванным им послом Великобритании в Париже Эриком Фипсом просил последнего получить у лорда Галифакса точный ответ на вопрос, сформулированный следующим образом: «Если немцы атакуют Чехословакию и если Франция мобилизуется, как она это сделает немедленно, и если Франция обратится к Великобритании, говоря: мы выступаем, выступаете ли вы с нами,— каков будет ответ Великобритании?» (стр. 218).

Лорд Галифакс даёт ответ на вопрос Жоржа Боннэ в письме на имя сэра Эрика Фипса от 12 сентября 1938 года. Боннэ публикует этот ответ в своих мемуарах, причём в подстрочном примечании говорится о том, что письмо публикуется с разрешения лорда Галифакса. В письме говорится следующее:

«Я отдаю, несомненно, себе отчёт в важности для французского правительства получить ясный ответ на этот вопрос. Однако, как Вы уже заметили, Боннэ (я думаю, что могу сказать, что Ваши выражения были блестящи), вопрос сам по себе, несмотря на совершенную ясность его формы, не может быть отделён от обстоятельств, в которых он может быть поставлен, обстоятельств, которые в данный момент неизбежно являются гипотетическими.

Более того, в этом вопросе для правительства его величества совершенно невозможно рассматривать только своё собственное положение, тем более, что всякое решение или действие, которое оно могло бы решить или предпринять, будет в действительности также обязывать доминионы. Правительства доминионов, несомненно, будут против того, чтобы их позиция была бы решена за них до того, как наступят обстоятельства, которые они хотели бы оценить сами.

Вот почему в данный момент единственный ответ, который я могу дать на вопрос Боннэ, является следующим: хотя правительство его величества никогда не позволит, чтобы безопасность Франции была поставлена под угрозу, оно не в состоянии уточнить характер своих будущих действий или момент, когда они будут предприняты при обстоятельствах, которые оно не может предвидеть в настоящее время» (стр. 219).

Повторяем, ответ Галифакса, опубликованный Боннэ, имеет, несомненно, огромное историческое значение. Этот ответ полностью подтверждает все обвинения, которые были сформулированы против правительства Чемберлена—Галифакса, обвинения в том, что в продолжение всего предмюнхенского периода это правительство категорически уклонялось от гарантий выступления на стороне Франции против Гитлера. Но все эти обвинения отнюдь не новы, и Боннэ никакой Америки этим не открыл. Он оказал, несомненно, большую услугу истории, опубликовав письмо Галифакса, которое документально подтверждает то, что не составляло до сих пор секрета. Мюнхенская политика Чемберлена именно в том и заключалась, чтобы не давать гарантий Франции и тем самым вести дело к «соглашению» с Гитлером.

Итак, может считаться доказанным, что Чемберлен и Галифакс умышленно не хотели зафиксировать какие-либо обязательства Великобритании по отношению к Франции. Может ли Боннэ, однако, торжествовать, защищая свою политику накануне Мюнхена?

Чтобы ответить на этот вопрос, нам придётся вызвать свидетеля в лице тогдашнего посла Франции в Варшаве Леона Ноэля. Свои свидетельские показания, в частности, относительно мюнхенской политики Боннэ, он изложил в рецензируемом нами томе мемуаров «Германская агрессия против Польши». Ноэль, один из видных французских дипломатов, не принадлежал, однако, к подлинным руководителям французской внешней политики Третьей республики. Это—дипломат-чиновник, выполнявший указания министерства иностранных дел, но имевший при этом иногда свою точку зрения и свои взгляды. Эти взгляды не всегда совпадали с мюнхенским направлением французской внешней политики периода Даладье—Боннэ. В своих мемуарах Ноэль сравнительно мало критикует, а то, что критикует, делает в спокойной, лишённой страсти и пафоса форме. Ноэль не разделял ряд позиций Боннэ, но не являлся его открытым противником. Тем более интересны и значительны показания, которые даёт Ноэль о линии поведения Боннэ.

Выше было установлено, что правительство Чемберлена не соглашалось дать ясных гарантий Франции на случай, если последней придётся выступить на стороне Чехословакии. В этой позиции Великобритании сомнений не имеется. Остаётся выяснить, однако, следующую «деталь»: а как относилось правительство Даладье—Боннэ к этой позиции Великобритании? Сам Боннэ, рассказывая о многочисленных разговорах с англичанами, утверждает, что как Даладье, так и он, Боннэ, систематически настаивали на уточнении английской позиции в определённом направлении и добивались той самой гарантии, ко-

торую англичане упорно не давали. Но вот что сообщает в своих мемуарах Леон Ноэль. Речь идёт о лете 1938 года. Ноэль пишет: «Боннэ твёрдо решил не вести дело к войне. Он был накануне поездки в Лондон вместе с Даладье. План был совершенно ясный. Речь шла о том, чтобы избежать всяких парламентских затруднений и для этого возложить на правительство Великобритании ответственность за оставление Чехословакии на произвол судьбы. Наш министр иностранных дел рассчитывал, что Невиль Чемберлен и его коллеги заявят своим французским гостям, что ни в коем случае Великобритания не согласится на войну, чтобы защищать независимость маленького государства, по отношению к которому она не имеет никаких обязательств. В таком случае французское правительство смогло бы избавиться от трудного положения, не возбуждая при этом негодования сторонников коллективной безопасности любой ценой и с любым риском» (стр. 202).

Это свидетельское показание Ноэля говорит больше, нежели весь том мемуаров Жоржа Боннэ. Спокойное заявление Ноэля в скупых выражениях вскрывает всю «дипломатическую механику» Боннэ. Будучи таким же убеждённым сторонником мюнхенской политики, как и Чемберлен, Боннэ маневрировал с тем, чтобы ответственность за эту политику была возложена на правительство Великобритании. Вот почему Боннэ отверг предложение Ноэля сообщить правительству Чехословакии, что несмотря на всю дружбу, которую Франция испытывает по отношению к Чехословакии, последняя не сможет рассчитывать на вооружённую помощь Франции. Именно этого не хотел Боннэ. Вот почему вплоть до самого последнего момента он продолжал уверять Чехословакию в том, что Франция выполнит свои обязательства до конца.

Свидетельство Ноэля о тактике Боннэ разрывает всю ту паутину, которую искусно плетёт Боннэ в своих мемуарах, рассказывая лишь об одной стороне вопроса, а именно о позиции Великобритании, и умалчивая при этом о своих истинных намерениях и планах.

Столь же неудобным свидетелем для Жоржа Боннэ является Ноэль и в вопросе об СССР.

В 1946 г., т. е. в момент публикации своих мемуаров, Жорж Боннэ всеми силами пытается доказать, что в 1938 г. его политика по отношению к СССР отнюдь не была враждебной. Давая абсолютно извращённую картину по вопросу о позиции СССР накануне Мюнхенской конференции, Боннэ всячески преуменьшает значение факта неприглашения СССР для участия в Мюнхенской конференции. При этом Боннэ также пытается косвенно переложить вину на англичан. Не говоря об этом прямо, он цитирует лишь выступление лорда Галифакса в палате лордов 5 октября 1938 г., выступление, в котором Галифакс заявил, что «ввиду непосредственной военной опасности и внезапного созыва конференции оказалось невозможным пригласить СССР». Сам Боннэ не сообщает, были ли сделаны какие-либо попытки поставить вопрос об участии СССР и на какие препятствия и с чьей стороны эти попытки натолкнулись. Он ограничивается лишь туманной фразой о том, что «нельзя обвинять Францию и Великобританию в том, что они не могли получить от Гитлера приглашения для СССР на это импровизированное собрание в Мюнхене» (стр. 338). Боннэ предусмотрительно не сообщает, как же «добивались» Франция и Великобритания приглашения для СССР. Он не сообщает об этом по той простой причине, что ни со стороны Франции, ни со стороны Великобритании самый вопрос о приглашении СССР даже и не был поставлен.

Это, однако, далеко не всё, поскольку речь идёт об отношениях с СССР.

Боннэ категорически утверждает, что «договоры в Мюнхене ни в чём не изменили внешнюю политику Франции» (стр. 337). Это своё заявление в части, касающейся советско-французских отношений, Боннэ сопровождает утверждением, что советско-французский пакт 1935 г. о взаимной помощи после Мюнхена остался совершенно не затронутым и что он, Боннэ, придавал ему полную силу. Так, он говорит в двух местах о том, что «франко-советский пакт остался не затронутым мюнхенскими соглашениями и сохранил всю свою силу» (стр. 339) и что «наш пакт с СССР продолжал существовать, так же как и наш союз с Великобританией» (стр. 340). И, наконец, заключает это фразой о том, что «на следующий день после Мюнхена Франция осталась верной всем своим старым договорам» (стр. 340).

Именно по вопросу о том, насколько Боннэ остался верным «всем старым договорам», и даёт свои свидетельские показания Леон Ноэль. Он сообщает, что в начале ноября 1938 г., т. е. через месяц после подписания мюнхенских соглашений, он приехал в Париж и имел серьёзный разговор с Жоржем Боннэ. В этом разговоре Боннэ заявил ему, что «решено денонсировать, и притом немедленно, все договоры, заключённые Францией; под этими договорами он понимал как франко-польский, так и договор о взаимной помощи между Францией и СССР» (стр. 259). Ноэль далее рассказывает, что он убедил Боннэ отказаться от предполагавшегося (и, по словам Боннэ, решённого) денонсирования как франко-польского, так и франко-советского договоров. Оказались ли достаточно убедительными доводы Ноэля или Боннэ отказался от своего плана денонсирования договоров под чьим-либо другим влиянием, в данный момент не так важно. Свидетельство Ноэля раскрывает действительную ценность уверений Боннэ в том, что руководимая им французская внешняя политика осталась верной всем старым договорам.

Не меньший интерес представляет сообщение Ноэля о разговоре, который имел Боннэ с Риббентропом во время подписания известной франко-германской декларации 6 декабря 1938 года. Речь шла о претензиях Германии иметь свободу рук на востоке Европы и об отношении к этим претензиям со стороны Франции. Когда летом 1939 г. разразился польско-германский конфликт по вопросу о Данциге, Боннэ заявил, что во время подписания декларации 6 декабря он оговорил в виде резерва, что Франция полностью сохраняет свои особые отношения к

Польше и что, таким образом, признание особых интересов Германии в центре и на востоке Европы не касается отношений Франции к Польше. Риббентроп решительно отверг эту интерпретацию и в письме от 13 июля на имя Бонне писал: «Абсолютно неверно, что резерв (о котором упоминал Бонне. — *Б. Ш.*) заключает в себе признание особых отношений Франции к Польше. В переговорах, которые имели место в Берлине и в Париже, во время преливинарных совещаний по поводу декларации и по поводу её подписания, было, наоборот, совершенно ясно, что резерв относится к особым отношениям дружбы Франции к Великобритании и Германии — к Италии. В частности, во время наших разговоров 6 декабря 1938 г. в Париже мы были согласны с Вами, что уважение взаимных жизненных интересов должно явиться предварительным условием и принципом будущей эволюции добрых франко-германских отношений. По этому случаю я заметил совершенно ясно, что Восточная Европа является сферой германских интересов, а Вы... подчеркнули в этот момент, со своей стороны, что позиция Франции в отношении проблем Восточной Европы радикально изменилась после Мюнхенской конференции» (стр. 278).

Бонне возражал против этого утверждения Риббентропа, но в данном случае можно поверить Риббентропу, поскольку всё сказанное выше не оставляет сомнений в том, что Бонне признал за Германией полную свободу рук в Восточной Европе.

Можно было бы привести ещё ряд интереснейших свидетельств, приводимых Поэлем в своих мемуарах и касающихся позиции Жоржа Бонне. Но и сказанного вполне достаточно для поставленной нами задачи. Нарисованную выше тремя мемуаристами картину мюнхенской политики следует дополнить сообщениями четвёртого автора мемуаров — Г. Гафенко. Рецензируемая книга относится, правда, к послемюнхенскому периоду, а именно к лету 1939 года. Назначенный министром иностранных дел Румынии 28 декабря 1938 г., Гафенко в апреле 1939 г. предпринял дипломатическое путешествие по столицам Европы. Он последовательно посетил Берлин, Париж, Брюссель, Лондон, Рим и Белград. В своём путешествии Гафенко не ограничивался только разговорами с соответствующими политическими деятелями перечисленных стран. Во время этих свиданий он выполнял роль посредника при передаче соответствующих политических заявлений. Он передал Бонне свой разговор с Гитлером, а Чиано — разговор с Бонне и т. д. Это обстоятельство делает его свидетельство особенно интересным и проливает свет на весь мюнхенский период международных отношений. Мемуары Гафенко заслуживают, несомненно, значительного внимания. Будучи министром иностранных дел в течение всего 1939 г., а затем в течение 1940—1941 гг. посланником Румынии в СССР, Гафенко был весьма информированным политическим деятелем. Уже его первая книга «Предыстория войны на востоке», выпущенная в 1944 году, обратила на себя внимание. В период своего пребывания на посту министра иностранных дел Гафенко придерживался англо-французской ориентации, и его уход с поста министра в 1940 г. рассматривался как признак перехода Румынии в орбиту политики Германии. Во время своего дипломатического путешествия, которому посвящены рецензируемые мемуары, Гафенко тщетно пытался способствовать созданию системы безопасности, которая включала бы в себя Францию, Великобританию и СССР. Разговоры, которые вёл Гафенко с полковником Беком, Герингом, Риббентропом, королём Леопольдом Бельгийским, Чемберленом, Черчиллем, Галифаксом, Жоржем Бонне и другими, представляют собой значительный интерес для истории этого периода. Не имея возможности останавливаться на анализе этих записей Гафенко, мы хотели бы отметить лишь одно место в его изложении хода англо-советско-французских переговоров летом 1939 года. История этих переговоров известна Гафенко из французских и английских источников и далеко не объективно изображает действительное положение вещей. Однако, даже получая такую необъективную информацию, Гафенко всё же в ряде случаев даёт правильную оценку. Так, подводя итоги бесплодных переговоров 1939 г., Гафенко совершенно правильно говорит, что в течение этих переговоров Франция и Великобритания имели на себе тяжёлый груз Мюнхена. «Во время переговоров, — пишет Гафенко, — СССР не ссылался на мюнхенский пакт, но недоверие, которое он связывал с этим пактом, несомненно, существовало в течение всего времени переговоров. Для того чтобы компенсировать это недоверие, было бы необходимо, чтобы Великобритания и Франция имели в своём активе новый элемент — формальное присоединение Польши. Но именно это присоединение как раз и отсутствовало» (стр. 234—235).

Что же сделали лорд Галифакс и Жорж Бонне для того, чтобы преодолеть сопротивление полковника Бека, не желавшего присоединиться к англо-франко-советскому соглашению и категорически возражавшего против какой бы то ни было помощи СССР Польше в случае нападения Германии? Все данные, которые приводит Гафенко, убедительно показывают, что именно в этом вопросе ни с английской, ни с французской сторон не было сделано достаточного нажима для того, чтобы сломить сопротивление полковника Бека. Так, в частности Гафенко приводит текст английской ноты (французскому правительству) от 29 апреля 1939 г., в которой был изложен взгляд правительства Великобритании на сущность переговоров с СССР. В этой ноте было сказано следующее:

«Политика, которую преследует правительство Его Величества в переговорах с Советским правительством, имеет цель попытаться согласовать следующие положения:

а) не упускать возможности получения помощи Советского правительства в случае войны;

б) не компрометировать общий фронт, проходя мимо возражений со стороны Польши и Румынии (сопротивлявшихся помощи со стороны СССР в случае войны. — *Б. Ш.*);

в) не отвращать симпатии всего мира, да-

вал предлог для антикоминтерновской пропаганды Германии;

д) не компрометировать дело мира, провоцируя со стороны Германии насильственные действия» (стр. 165).

Приводя содержание этой ноты, Гафенко восклицает: «На лёгкое движение вперёд, отмеченное в пункте «а», сколько резервов! Один шаг вперёд и три шага назад... И сказать после этого, что это было правительство Великобритании, которое хотело советской помощи», и далее: «Правительство Великобритании было счастливо выдвинуть на первый план возражения Польши и Румынии для того, чтобы ограничить те обязательства, которые мог бы взять на себя Советский Союз» (стр. 165—166).

Так действовал Галифакс. Какова же была позиция Жоржа Бонне? В разговоре с Гафенко Бонне, правда, подчёркивал, что соглашение с СССР является единственным барьером, который может преградить путь к войне, но далее он прибавлял, что если этот барьер будет возвигнут, то «румынские и польские резервы отпадут сами по себе» (стр. 166).

Ставить так проблему именно в то время, когда польское сопротивление являлось реальным препятствием для благополучного [illegible] переговоров, значило не стремиться к завершению переговоров, а срывать их. Именно так и действовал Жорж Бонне.

Мы можем не вести итог. Все рецензируемые нами мемуары представляют собой значительный интерес. Они дают очень много для освещения мюнхенской политики, которая наравне с политикой агрессии несёт ответственность за вторую мировую войну. Однако при этом следует иметь в виду, что, как мы показали выше, каждый из авторов мемуаров, преследуя свои политические задачи, по-своему извращает историю. Вот почему чрезвычайно важно начать как можно скорее публикацию подлинных документов, освещающих эту эпоху. Такая публикация сделалась сейчас возможной благодаря тому, что германские архивы попали в руки союзников. Чем скорее мир узнает подлинную правду, и притом всю правду о мюнхенской политике, тем меньше шансов будет для её возрождения.

Проф. Б. Штейн

АНГЛИЙСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ ЗА ГОДЫ ВОЙНЫ

В настоящей статье мы ставим целью кратко охарактеризовать четыре наиболее распространённых, известных специалистам-историкам, исторических журнала Англии: «The English Historical Review», «The Cambridge Historical Journal», «The Economic History Review», «History».

«The English Historical Review», основанный в 1885 г., является одним из старейших исторических журналов Англии. Он издаётся профессорами преимущественно Оксфордского университета, но выходит в Лондоне, и частично в нём участвуют профессора Лондонского университета. Среди авторов встречаются знакомые специалистам по истории Англии фамилии профессоров — Дэвиса, Кларка, Дугласа, Стентона, Пауэр, Полларда и других. Редакторами журнала являются профессора Оксфордского университета Эдвардс и Пэрс. Журнал обычно выходит один раз в три месяца. Во время войны иногда выходило три номера в год, причём со значительно уменьшенным листажом. Направление журнала как до войны, так и во время войны оставалось консервативным в политическом отношении и узко исследовательским с академической стороны. Журнал обычно не печатает статей на широкие темы или темы проблемного характера.

Журнал уделяет большое внимание публикациям документов. Публикации эти носят также узкий характер. Обычно это сообщения о каком-либо вновь найденном документе, часто локального и далеко не первостепенного значения.

Подавляющее большинство статей журнала, публикаций архивных материалов и рецензий посвящено истории средних веков. Даже XVI—XVIII вв. мало отражаются в журнале. Ещё меньше статей по истории XIX века. Почти все статьи посвящены истории Англии. Отдельные вопросы из истории древнего англо-саксонского периода, норманское завоевание и норманский период, история средневекового парламента, анализ взглядов средневековых юристов (Брактон и др.) составляют основные темы журнала. Из более позднего периода довольно часто встречаются статьи по вопросам тюдоровского периода. Попадаются также статьи по истории английской буржуазной революции (по терминологии оксфордцев — «пуританской революции»).

В годы войны журнал несколько расширил свою тематику. Чаще стали появляться статьи по истории дипломатических и международных отношений Англии не только в средние века, но и в новое время. Например, в № 234 (май 1944 г.) встречаем статьи на такие довольно актуальные темы, как «Великобритания и Италия на Красном море в 1868—1885 гг.», «Германские колониальные проекты в Карибском море в 1844—1848 гг.» Но и в этот период в журнале преобладают медиевистские, узко исследовательские статьи.

Журнал совершенно не печатал статей, посвящённых истории подготовки второй мировой войны, политике и идеологии фашизма. Впрочем, в одном из номеров была напечатана рецензия на английский перевод «Речей Гитлера в период 1932—1939 гг.» в № 230 (апрель 1943 г.). Самые «Речи» вышли в Англии в двух томах в

вал предлог для антикоминтерновской пропаганды Германии;

д) не компрометировать дело мира, провоцируя со стороны Германии насильственные действия» (стр. 165).

Приводя содержание этой ноты, Гафенко восклицает: «На лёгкое движение вперёд, отмеченное в пункте «а», сколько резервов! Один шаг вперёд и три шага назад... И сказать после этого, что это было правительство Великобритании, которое хотело советской помощи», и далее: «Правительство Великобритании было счастливо выдвинуть на первый план возражения Польши и Румынии для того, чтобы ограничить те обязательства, которые мог бы взять на себя Советский Союз» (стр. 165—166).

Так действовал Галифакс. Какова же была позиция Жоржа Бонне? В разговоре с Гафенко Бонне, правда, подчёркивал, что соглашение с СССР является единственным барьером, который может преградить путь к войне, но далее он прибавлял, что если этот барьер будет возвигнут, то «румынские и польские резервы отпадут сами по себе» (стр. 166).

Ставить так проблему именно в то время, когда польское сопротивление являлось реальным препятствием для благополучного [illegible] переговоров, значило не стремиться к завершению переговоров, а срывать их. Именно так и действовал Жорж Бонне.

Мы можем не вести итог. Все рецензируемые нами мемуары представляют собой значительный интерес. Они дают очень много для освещения мюнхенской политики, которая наравне с политикой агрессии несёт ответственность за вторую мировую войну. Однако при этом следует иметь в виду, что, как мы показали выше, каждый из авторов мемуаров, преследуя свои политические задачи, по-своему извращает историю. Вот почему чрезвычайно важно начать как можно скорее публикацию подлинных документов, освещающих эту эпоху. Такая публикация сделалась сейчас возможной благодаря тому, что германские архивы попали в руки союзников. Чем скорее мир узнает подлинную правду, и притом всю правду о мюнхенской политике, тем меньше шансов будет для её возрождения.

Проф. Б. Штейн

АНГЛИЙСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ ЗА ГОДЫ ВОЙНЫ

В настоящей статье мы ставим целью кратко охарактеризовать четыре наиболее распространённых, известных специалистам-историкам, исторических журнала Англии: «The English Historical Review», «The Cambridge Historical Journal», «The Economic History Review», «History».

«The English Historical Review», основанный в 1885 г., является одним из старейших исторических журналов Англии. Он издаётся профессорами преимущественно Оксфордского университета, но выходит в Лондоне, и частично в нём участвуют профессора Лондонского университета. Среди авторов встречаются знакомые специалистам по истории Англии фамилии профессоров — Дэвиса, Кларка, Дугласа, Стентона, Пауэр, Полларда и других. Редакторами журнала являются профессора Оксфордского университета Эдвардс и Пэрс. Журнал обычно выходит один раз в три месяца. Во время войны иногда выходило три номера в год, причём со значительно уменьшенным листажом. Направление журнала как до войны, так и во время войны оставалось консервативным в политическом отношении и узко исследовательским с академической стороны. Журнал обычно не печатает статей на широкие темы или темы проблемного характера.

Журнал уделяет большое внимание публикациям документов. Публикации эти носят также узкий характер. Обычно это сообщения о каком-либо вновь найденном документе, часто локального и далеко не первостепенного значения.

Подавляющее большинство статей журнала, публикаций архивных материалов и рецензий посвящено истории средних веков. Даже XVI—XVIII вв. мало отражаются в журнале. Ещё меньше статей по истории XIX века. Почти все статьи посвящены истории Англии. Отдельные вопросы из истории древнего англо-саксонского периода, норманское завоевание и норманский период, история средневекового парламента, анализ взглядов средневековых юристов (Брактон и др.) составляют основные темы журнала. Из более позднего периода довольно часто встречаются статьи по вопросам тюдоровского периода. Попадаются также статьи по истории английской буржуазной революции (по терминологии оксфордцев — «пуританской революции»).

В годы войны журнал несколько расширил свою тематику. Чаще стали появляться статьи по истории дипломатических и международных отношений Англии не только в средние века, но и в новое время. Например, в № 234 (май 1944 г.) встречаем статьи на такие довольно актуальные темы, как «Великобритания и Италия на Красном море в 1868—1885 гг.», «Германские колониальные проекты в Карибском море в 1844—1848 гг.» Но и в этот период в журнале преобладают медиевистские, узко исследовательские статьи.

Журнал совершенно не печатал статей, посвящённых истории подготовки второй мировой войны, политике и идеологии фашизма. Впрочем, в одном из номеров была напечатана рецензия на английский перевод «Речей Гитлера в период 1932—1939 гг.» в № 230 (апрель 1943 г.). Самые «Речи» вышли в Англии в двух томах в

Оксфордском университетском издательстве в 1942 г. (!). Рецензия, написанная проф. Энсор, никакой критики вражеской идеологии не содержала. Рецензент мог только отметить «скверную манеру» и «дурную логику» фюрера. В заключение автор рецензии выразил удивление, почему в Германии, где так много университетов и людей с учёными степенями, могут иметь успех подобные «нелогичные, безнравственные речи». Этим и ограничилась вся критика фашизма!

В № 235 (сентябрь 1944 г.) в журнале был напечатан аншлаг о книге немецкого социал-демократа Штейнберга «История Германии», вышедшей на английском языке. Книга рекламировалась журналом не в целях разоблачения агрессивных моментов в истории Германии, а только с точки зрения характерных противоречий её политического строя в прошлом — постоянной борьбы централизации с раздробленностью.

Журнал уделял некоторое внимание советским историческим работам. Обычно в нём регистрировались статьи «Исторического журнала» и «Красного архива». Но выходившие отдельные монографии и брошюры советских историков журналом учитывались весьма неполно. Единственным разбором крупной советской исторической книги является статья Христофора Хилла в № 218 (август 1940 г.), в которой он излагает содержание книги проф. С. И. Архангельского «Аграрное законодательство английской революции». Хилл — один из немногих современных английских историков марксистского направления — дал очень высокую оценку труду проф. Архангельского. Опубликование в «English Historical Review» статьи, написанной автором, стоящим на марксистских позициях, было явлением исключительным. Его можно объяснить лишь большим интересом, который вызвал солидный труд проф. С. И. Архангельского даже в консервативных и умеренных кругах английской профессуры.

«Cambridge Historical Journal» — орган профессоров Кембриджского университета. Редактором его является профессор Кембриджского университета Брук. В редакционную коллегию входит также известный профессор Тревельян, автор недавно вышедшей «Социальной истории Англии от Чосера до королевы Виктории». Журнал основан в 1915 году. По сравнению с «English Historical Review» «Cambridge Historical Journal» более либерален, темы печатаемых в нём исторических статей шире и разнообразнее. Наряду с большим количеством статей по средним векам в журнале встречаются статьи и по истории древнего мира, по новой истории, есть часто даже исследования, посвящённые новейшему периоду. История реформации, отдельные этапы развития партии вигов и либералов, темы международного и колониального характера чаще всего фигурируют в «Cambridge Historical Journal». По сравнению с «English Historical Review» журнал несколько больше откликался на военные события. Так, в № 3 за 1940 г. была напечатана статья «Эдуард I и Адольф Нассауский» (автор—проф. Бараклоу), в которой подчёркивалась активность и успешность английской дипломатии конца XIII в. в составлении коалиции против французского короля Филиппа IV. Окончательному успеху дела, по мнению автора, помешали «дезертирство, двуличность, слабость и колебания» императора Адольфа Нассауского (стр. 266). В № 3 за 1943 г. журнал напечатал большую статью чешского профессора Дворника (жившего во время войны в Англии) на тему «Первая волна Drang nach Osten». Статья славянского учёного написана с большим знанием источников и выясняет ряд важных моментов в истории борьбы полабских славян с немцами в X веке. Проф. Дворник, так же как и советские учёные, подчёркивает активный характер борьбы славян с немцами — их восстания в конце X в.—и подробно характеризует политику «окружения» полабских славян, которую пытался осуществить император Оттон III, заключивший союз с венгерским, чешским и польским королями, причём императору приходилось идти по отношению к ним на значительные уступки.

Отдельные статьи журнала не могут, однако, не вызвать серьёзных возражений. Либеральный журнал напечатал, например, в № 2 за 1945 г. статью Вормальда на тему «Как Гайд (Кларендон) стал роялистом». Статья имеет другой подзаголовок — «Долгий парламент в 1641 г.». В ней автор всеми силами старается оправдать Гайда-Кларендона в его ренегатстве (Гайд перешёл от парламентской оппозиции на сторону короля Карла I и стал в дальнейшем одним из вождей кавалеров-контрреволюционеров). В другой статье — «Рейд Джемсона» (1894 — 1895)—в номере третьем журнала за 1940 г. автор, проф. Эрик Уокер, хотя и констатирует связь набега Джемсона на Южную Африку середины 90-х годов с последующей бурской войной начала 900-х годов, тем не менее в целом оправдывает его, хотя с юридической стороны «рейд» Джемсона был настоящим разбойничьим набегом.

Журнал совершенно не имеет критико-библиографического отдела. Но в нём обычно печатаются списки тем исследований (диссертаций), которые подготовляются научными работниками Кембриджского университета. В тематике диссертаций чувствуется довольно заметное влияние войны. Встречается очень много (пожалуй, больше всего) тем по международным и колониальным вопросам. Например, по истории англо-китайских отношений в XIX в. (англо-китайская война 1842 г. и позднее) работает несколько человек. Англо-германские, англо-итальянские, англо-американские отношения также являются предметом нескольких диссертаций. Интересна попытка пересмотреть трактовку средневековых тем. Например, есть тема «Влияние экономических факторов на реформу папы Григория VII». Заслуживают внимания некоторые подготовляемые работы по истории славян: «История богомильства в

Болгарии», «Пангерманизм и Австрия в 90-х годах», «Влияние христианизации юго-восточных славян на взаимоотношения их с немцами» и другие. Из тем по новейшей истории Англии любопытна тема «История фабианства в период 1881—1915 годов».

«The Economic History Review»—орган «Экономического исторического общества», основанного в 1927 г. профессорами Кембриджского университета во главе с умершим в годы войны проф. Скоттом, автором известной трёхтомной «Истории акционерных компаний Англии, Ирландии и Шотландии». Кроме историков-экономистов Кембриджского университета в общество вошли также лондонские профессора, в том числе известный в СССР проф. Тоуни, автор «Аграрной проблемы в Англии в XVI в.», и проф. Липсон, автор «Экономической истории Англии», а также и оксфордские историки, интересующиеся экономической историей, ученики Виноградова — Пауэр, Дуглас и другие. В этом журнале также часто помещаются статьи группы молодых английских историков марксистского направления — Христофора Хилла, Маргариты Джемс, Генри Холореншоу и других. Редактором журнала является лондонский профессор Постан, помощником его — проф. Беннетт (из Кембриджского университета).

В отличие от «English Historical Review» и даже от «Cambridge Historical Journal» разбираемый журнал печатает статьи и на широкие социальные темы. Материал распределяется довольно равномерно между средней и новой историей. Помимо статей по социально-экономической истории Англии встречаются статьи по истории других стран Европы. Журнал освещает также вопросы новейшей истории, в частности проблемы эпохи первой мировой войны и периода 1919—1939 годов. Но излюбленные темы журнала—социально-экономические проблемы феодализма, средневековый аграрный строй и его разложение (огораживания), промышленная революция (понимаемая авторами журнала, однако, очень широко, включая развитие промышленности в средние века), история заработной платы, эмиграция населения, колониальные проблемы. Журнал имеет очень большой критико-библиографический отдел. Тщательно учитывается вся историко-экономическая литература, не только выходящая в Великобритании, но и в других странах, особенно в Америке (по США раздел библиографии ведёт крупный специалист по экономической истории средневековья проф. Грас).

Военные события отразились на тематике журнала весьма сильно. Вопросы экономической депрессии, продовольственной политики и вообще политики государственного контроля над народным хозяйством дебатируются в различных номерах журнала. В частности, профессором Тоуни ещё в ноябре 1913 г была напечатана статья «Отмена экономического контроля в 1918—1921 гг.», в которой он ставил вопрос о перспективах постепенного ослабления государственного вмешательства в народное хозяйство и после второй мировой войны. В № 1—2 за 1942 г. была напечатана статья Постана на тему «Некоторые социальные последствия Столетней войны» в связи с тем же вопросом — об экономических затруднениях Великобритании во время второй мировой войны с 1939 года. Вопросу о связи войны с народным хозяйством в том же номере была посвящена статья проф. Нефа «Война и экономический прогресс, 1510—1640». Последняя статья производит довольно странное впечатление. Автор, подчёркивая исключительные условия Англии периода 1540—1640 гг., когда она пользовалась длительным миром, отмечает большие успехи, достигнутые страной за этот период. При этом обращает на себя внимание чрезмерно восторженная оценка автором королей из дома Тюдоров, политике которых целиком приписывается этот «счастливый период». Наряду с этим автор делает совершенно нелепый вывод о том, что если бы не было английской революции, то Англия ещё в конце XVII в. проделала бы промышленный переворот, т. е. у неё уже тогда появились бы фабрики (вместо XVIII в.). Хорошо известно, что английская революция средины XVII в. не только не задержала, а, наоборот, дала новый мощный толчок развитию народного хозяйства в Англии. «Пуританская революция» XVII в. являлась прямой предшественницей промышленной революции XVIII века.

«Economic History Review» также напечатал в связи с войной статью о западных славянах — «Славяне в северо-восточной Германии» (автор Гарстен) (№ 1, 1941 г.). В противоположность вышеназванной статье Дворника в «Cambridge Historical Journal» статья Гарстена трактует взаимоотношения славян с немцами совершенно неправильно. По Гарстену, полабские славяне не оказали никакого сопротивления натиску немцев и пассивно покорились им. «Сопротивление немецким рыцарям оказали только пруссы» (стр. 60). Слияние немцев и славян, по мнению Гарстена, происходило «быстро» и «мирно». На самом деле, как выяснили советские историки (акад. В. Пичета, покойный проф. Грацианский и др.), такая точка зрения не имеет под собой никакого исторического основания и является грубой идеализацией немецкой агрессии.

Журнал поражает пёстрым составом своих сотрудников — от историков-экономистов чисто буржуазно-либерального направления до историков экономистов-фабианцев и историков, стоящих на марксистских позициях или приближающихся к ним. Этот эклектизм отражается на всём содержании журнала. В одном и том же номере или в двух соседних номерах можно встретить и как будто положительное предупредительное отношение к марксизму и советским научным работам и тут же, рядом, враждебные выпады против марксизма. Например, в № 1—2 за 1942 г. напечатана очень горячая и сочувственная

рецензия Христофора Хилла на монографию известного советского учёного — проф. В. М. Лавровского[1]. В статье говорится о большой роли русских историков, начиная с Виноградова, в изучении аграрной истории Англии. Упоминаются и другие учёные нашей страны — профессора Савин, Косминский, Архангельский. Но тут же, почти рядом, напечатана рецензия Постана на книгу Урланиса о народонаселении Европы, которую Постан хвалит за то... что тот мало цитирует Маркса и других классиков, что делает, по мнению Постана, обычно трудночитаемыми работы советских историков (!).

Христофору Хиллу принадлежит в журнале ещё ряд рецензий на различные книги по истории английской революции (№ 2 за 1940 г.), на книгу Шлюттера о социальных идеях в Англии периода 1660—1688 гг., № 1—2. 1943 г. — на книгу Джордана о пуританских лидерах Робинсоне и Паркере, в которой он весьма убедительно разъясняет учение о связи базиса с надстройкой, о происхождении идей из социальных классовых корней и т. п. Эти рецензии журнал печатает. Но тут же, в других рецензиях (№ 1, за 1941 г.), в журнале ведут полемику с Марксом, в частности, укоряют его в том, что он-де в своих высказываниях по ирландскому вопросу переоценил «сознательность ирландской нации» (проф. Ханком — рецензия на книгу Мансера по истории Ирландии).

Настоящие классовые симпатии журнала проявились в статье, посвящённой вышедшему в Австрии ещё в 1938 г. сборнику в честь 70-летия Допша. Сборник этот, в котором приняли участие некоторые английские историки-медиевисты, был встречен редакцией журнала с восторгом.

Рецензия о сборнике, написанная проф. Гриерсоном, была напечатана уже во время войны Германии с Англией, в № 2 за 1940 год. В ней Гриерсон говорит о Допше буквально следующее: «Претензии проф. Допша на ранг выдающегося и влиятельнейшего историка-экономиста нашего века бесспорны» (стр. 100). Подобный же хвалебный отзыв о Допше был дан в другой статье журнала № 1 за 1940 г. проф. Пауэр.

Между тем советские историки в своих работах давно уже показали, насколько некритически и предвзято в ряде случаев Допш подходил к освещению отдельных исторических проблем (например, непра-

вильная трактовка им каролингских Traditiones, натянутое и совершенно неправильное понимание капитулярия Карла Великого о поместьях — Capitulare de villis — и т. д.) и насколько методологически неверна вся его теория средневекового «вотчинного капитализма». Никаких ошибок подобного рода журнал не замечает. Редакция журнала полностью солидаризируется с концепцией венского профессора.

Последний рассматриваемый нами журнал «History» — орган «Исторической ассоциации», общества историков, состоящего главным образом из учителей лондонских школ, частью учителей других городов. Ассоциация была основана в 1906 году. Первым председателем её был Чарльз Ферс, продолжатель работ С. Р. Гардинера по изучению английской революции. Председателями общества последовательно перебывали многие профессора Лондонского университета, в том числе Поллард, Дж. П. Гуч и др. В настоящее время во главе ассоциации стоит проф. Тэрберуэлл. Редактором журнала является проф. Вильямс.

Журнал заметно отличается от других академических журналов большей популярностью печатаемых статей, большим разнообразием тематики и большей связью исторического исследования с жизнью средней школы. Война злободневно поставила перед учительством Англии ряд весьма острых, принципиальных общеисторических вопросов. В публикуемых журналом статьях чувствуется и острота этих вопросов и одновременно трудность, если не сказать невозможность, разрешения их в современных английских условиях. Самое отношение к гитлеризму в журнале выражено более отчётливо, чем в других разобранных английских исторических журналах. Симптоматичной в этом отношении является большая статья Ч. Г. Робертсона «Немецкая загадка» (№ 102, сентябрь 1941 г.). В ней вскрывается не только жестокость, бесчеловечность и иррациональность гитлеровских «идей», расового господства, но и показывается, что Гитлер здесь совершенно неоригинален. Весь арсенал фашистских идей был выработан в Германии ещё задолго до Гитлера. Гитлер и его единомышленники лишь использовали тяжёлую политическую обстановку, сложившуюся в Германии в связи с острым экономическим кризисом, для того чтобы вдохнуть в жизнь эти не новые мысли. «Эти основные идеи, провозглашённые Гитлером, — пишет Робертсон, — вовсе не были новым евангелием, провозглашённым с Синая Берхтесгадена, чтобы спасти гибнущую Германию; каждая из них вырабатывалась, по крайней мере, в течение трёх поколений» (стр. 117—118).

Журнал ставил, в связи с войной, ряд вопросов о преподавании в школе истории морского дела (статья адмирала Ричмонда в № 105, июнь 1942 г.), о внимании к изучению археологии (Трир «Археология и воспитание» № 106, сен-

[1] В № 2 этого же журнала за 1946 г. помещена новая обстоятельная статья Хилла — «Исследование профессора Лаврозского о маноре XVII в.», — посвящённая оценке работы В. М. Лавровского, напечатанной в «Известиях отделения истории и философии» за 1946 г. (№ 3), о маноре Барроу. Ввиду того, что эта статья Хилла выходит за хронологические рамки нашего очерка, мы ограничиваемся здесь лишь указанием на неё, чтобы вернуться к ней при другом случае.

тябрь 1942 г.), о необходимости изучения новейшей истории (Гендерсон «За изучение современной истории», № 101, июнь 1941 г.) и т. д. Но особенно любопытны две статьи, которые являются показательными для современного состояния исторической науки в Англии: одна из них принадлежит Робертсону, автору статьи «Немецкая загадка», и носит заглавие «Ценность изучения истории во время войны» (№ 96, март 1940 г.). Автор отмечает повышенный интерес среднего англичанина к истории во время войны. Это наблюдалось и в первую мировую войну 1914—1918 годов. «Обыкновенный гражданин» жадно хочет получать историческую информацию. «Он хочет узнать от специалистов о причинах войны и кроме того хочет знать, во что выльется будущее» (стр. 289). Однако сам автор, признавая естественность подобных вопросов, весьма затрудняется дать на них сколько-нибудь внятный ответ. Он занимает позицию своего рода агностика, мотивируя это тем, что историки в 1914 г. очень смело отвечали на подобные вопросы, а потом, после войны, когда были опубликованы архивные материалы, убедились в том, что в действительности они знали о причинах войны очень мало (!). Робертсон упрекает английских историков в том, что в период между двумя войнами (1919—1939) они мало изучали вопрос о виновниках первой мировой войны (!), и выражает лишь надежду, что по окончании войны учёные будут более внимательно изучать факты, которые они получат в своё распоряжение, и только тогда смогут дать ответ о подлинных причинах войны (стр. 142). Статья очень симптоматична. Отсутствие общей методологической концепции ставит английского историка в положение чистого эмпирика, который не может дать ответа на самые волнующие современные вопросы. Фактически Робертсон и его коллеги отказываются отвечать на вопрос о причинах, порождающих мировые войны.

Но особенно ярко характеризует кризисное состояние современной английской исторической науки другая статья в журнале, принадлежащая председателю «Исторической ассоциации» профессору Тербервилю, — «Переход от войны к миру» (№ 111, март 1945 г.). Тербервилль, как и Робертсон, подчёркивает возросший интерес среднего англичанина к истории во время войны. Тербервилль советует историкам не замыкаться в кабинетах и библиотеках. Он указывает, что современные события помогают историку лучше разобраться в далёком прошлом, например, в свете теперешней войны лучше можно понять замыслы Наполеона I против Англии. Тербервилль не возражает и против изучения «современной истории», хотя оговаривает, что подлинная история всё же базируется на документах и источниках и должна относиться к более отдалённому периоду (стр. 5). Но, признавая известное практическое значение истории для современности, Тербервилль совершенно отказывается видеть в истории закономерный процесс. Он считает «наивностью» представлять ход человеческой истории, как такой ряд, «где один пункт расположен по отношению к другому в порядке простой геометрической схемы», примерно как «от Антиохтальца до царицы Хатшепсут, от царицы Хатшепсут до Перикла, от Перикла до Цезаря, от Цезаря до зарождения христианства, от зарождения христианства до реформации, от реформации до французской революции, от французской революции до Лиги наций» (стр. 5). Стрелы Тербервилля попадают фактически в сторонников буржуазных теорий прогресса, в частности в пацифистов, возлагавших большие надежды на организацию Лиги наций в деле предупреждения новых войн. Но, отвергая закономерность исторического процесса, Тербервилль сам ставит себя как историка в критическое положение. На вопрос, в чём же конкретно состоит практическое значение исторической науки, председатель «Исторической ассоциации» мог только ответить ссылкой на воспитательно-психологическую роль истории. История тем важна для современников, что она ободряет человека, раскрывая перед ним историческую панораму, рассказывающую о том, что в прошлом были бедствия и превратности, ещё большие, чем теперь... В соответствии с этим Тербервилль следующим образом определяет роль историка: «Историк должен служить своей эпохе и своему поколению воспитанием твёрдого духа, который получается в результате созерцания великих исторических перспектив» (стр. 19). «Руины истории говорят не только об одной агонии людей, но и об их радостях и победах несокрушимого человеческого разума» (стр. 20).

Вот и всё, что может дать история современному человеку! Фактически история, по Тербервилю, не является настоящей наукой, так как она не ставит целью показать, как возникли из прошлого современные общественные формы. Её задачи суживаются до обязанности представлять те или иные исторические примеры, которые могли бы служить предметом воспитания. Невольно вспоминается древний, дофукидидовский, период античной историографии, когда на историю смотрели только как на собрание поучительных рассказов. Едва ли такой ответ на вопрос о задачах истории удовлетворит учителей лондонских школ.

Теперь можно сделать некоторые выводы.

1. Рассмотренные журналы дают наглядное представление о различных направлениях в современной английской исторической науке. Каждый из разобранных журналов имеет своё академическое и политическое лицо. Консервативный, узко эрудитивный, преимущественно медиевистский «English Historical Review», либеральный, с уклоном в сторону новой истории и международных отношений

«Cambridge Historical Journal» — тоже либеральный, но с участием радикалов (школа Тоуни и др.); с интересом к социальной и экономической истории «Economic History Review» и, наконец, популярный, рассчитанный на широкого «среднего» читателя, с уклоном в педагогику, «History» — в целом дают любопытную смесь разнородных исторических школ, направлений и течений.

2. Война оказала значительное влияние на тематику и трактовку материала у английских историков. Наименьшему влиянию подверглся «English Historical Review». «Cambridge Historical Journal» и «Economic History Review» испытали это влияние в большей степени. Больше всего война затронула «History», сотрудники и читатели которого почувствовали практическую необходимость пересмотра ряда общих исторических вопросов.

3. Журналы в общем достаточно ярко обнаружили кризис современной английской исторической науки, выражающийся, с одной стороны, в крайне узком подходе к историческим исследованиям по одним частным вопросам, при полном невнимании и отказе от постановки каких-либо общих проблем и широких тем (что особенно характерно для «English Historical Review»); с другой — в неспособности дать ответы на общие методологические вопросы, постановка которых была вызвана самой войной (примером этой методологической беспомощности особенно являются статьи в «History»). Эклектизм, стремление объединения на своих страницах сторонников самых различных направлений характеризуют «Cambridge Historical Journal» и ещё более «Economic History Review».

4. В этих условиях большим научным и политическим событием является образование в Англии группы историков марксистского направления. Христофор Хилл, Маргарита Джеме, Генри Холорен-шоу, М. Добб и другие опубликовали в годы войны ряд работ [1], посвящённых преимущественно истории английской революции и чартизму, в которых ярко противопоставили свои теоретические взгляды и оценки традиционным взглядам и концепциям торийских и либерально-вигистских историков. Перед английскими историками-марксистами открываются широкие перспективы создания подлинно научной истории Британии, в которой полностью должны отразиться как роль английских народных масс, так и острота классовых боёв, характерных для английского исторического процесса в целом.

Проф. В. Семёнов

[1] Работы Хилла — «Английская революция» и Холореншоу — «Левеллер и английская революция» в настоящее время переводятся на русский язык.

ZANNA KORMANOWA *„Joachim Lelevel"*. Spoldzienia wydawnicza „Ksiazka". Lódz. 1936. 95 str.

ЖАННА КОРМАНОВА *«Иоахим Лелевель»*.

Жанна Корманóва в своей прекрасной книге восстанавливает подлинный облик Лелевеля — учёного, революционного демократа и человека. Лелевель дорог польскому народу своей неустанной борьбой за независимость и свободу польского народа; Лелевель дорог польскому народу потому, что своими трудами он обессмертил польскую науку.

Великий поляк близок и дорог и нам, советским людям. Он был страстным врагом царизма, тирански расправившегося с его родиной, но он не был врагом русского народа. Борьбу польского народа за свою независимость Лелевель рассматривал как борьбу «за нашу и вашу свободу».

На ежегодных собраниях, посвящённых годовщине ноябрьской революции 1831 г., всегда упоминались с благоговением имена русских революционеров — жертв царского деспотизма. Лелевель первый напечатал в «Северном вестнике» критический разбор «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, вызвавший апологетические отклики В. Жуковского и графа Блудова. Лелевель первый в печати отметил, что в историческом труде Н. М. Карамзина отсутствует народ — главный фактор исторического процесса.

Лелевель дорог всей европейской революционной демократии, с которой он был тесно связан. Маркс и Энгельс высоко оценивали деятельность польских революционных демократов. На митинге 22 февраля 1848 г., посвящённом второй годовщине краковского восстания 1846 г., Маркс отметил: «Люди, которые стояли во главе краковского революционного движения, имели глубокое убеждение в том, что только демократическая Польша могла быть независимой и что польская демократия невозможна без упразднения феодальных прав, без аграрного движения, которое превратило бы крепостных крестьян в свободных собственников, собственников современных»[1]. Энгельс также видел в краковском восстании победу «молодой демократической Польши над старой аристократической Польшей» [2]. Характеризуя 1830 г. в Польше как «консервативную революцию», Энгельс вместе с тем оха-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 263.

[2] Там же, стр. 264.

«Cambridge Historical Journal» — тоже либеральный, но с участием радикалов (школа Тоуни и др.); с интересом к социальной и экономической истории «Economic History Review» и, наконец, популярный, рассчитанный на широкого «среднего» читателя, с уклоном в педагогику, «History» — в целом дают любопытную смесь разнородных исторических школ, направлений и течений.

2. Война оказала значительное влияние на тематику и трактовку материала у английских историков. Наименьшему влиянию подверглся «English Historical Review». «Cambridge Historical Journal» и «Economic History Review» испытали это влияние в большей степени. Больше всего война затронула «History», сотрудники и читатели которого почувствовали практическую необходимость пересмотра ряда общих исторических вопросов.

3. Журналы в общем достаточно ярко обнаружили кризис современной английской исторической науки, выражающийся, с одной стороны, в крайне узком подходе к историческим исследованиям по одним частным вопросам, при полном невнимании и отказе от постановки каких-либо общих проблем и широких тем (что особенно характерно для «English Historical Review»); с другой — в неспособности дать ответы на общие методологические вопросы, постановка которых была вызвана самой войной (примером этой методологической беспомощности особенно являются статьи в «History»). Эклектизм, стремление объединения на своих страницах сторонников самых различных направлений характеризуют «Cambridge Historical Journal» и ещё более «Economic History Review».

4. В этих условиях большим научным и политическим событием является образование в Англии группы историков марксистского направления. Христофор Хилл, Маргарита Джеме, Генри Холорен-шоу, М. Добб и другие опубликовали в годы войны ряд работ [1], посвящённых преимущественно истории английской революции и чартизму, в которых ярко противопоставили свои теоретические взгляды и оценки традиционным взглядам и концепциям торийских и либерально-вигистских историков. Перед английскими историками-марксистами открываются широкие перспективы создания подлинно научной истории Британии, в которой полностью должны отразиться как роль английских народных масс, так и острота классовых боёв, характерных для английского исторического процесса в целом.

Проф. В. Семёнов

[1] Работы Хилла — «Английская революция» и Холореншоу — «Левеллер и английская революция» в настоящее время переводятся на русский язык.

ZANNA KORMANOWA *„Joachim Lelevel"*. Spoldzienia wydawnicza „Ksiazka". Lódz. 1936. 95 str.

ЖАННА КОРМАНОВА *«Иоахим Лелевель»*.

Жанна Корманóва в своей прекрасной книге восстанавливает подлинный облик Лелевеля — учёного, революционного демократа и человека. Лелевель дорог польскому народу своей неустанной борьбой за независимость и свободу польского народа; Лелевель дорог польскому народу потому, что своими трудами он обессмертил польскую науку.

Великий поляк близок и дорог и нам, советским людям. Он был страстным врагом царизма, тирански расправившегося с его родиной, но он не был врагом русского народа. Борьбу польского народа за свою независимость Лелевель рассматривал как борьбу «за нашу и вашу свободу».

На ежегодных собраниях, посвящённых годовщине ноябрьской революции 1831 г., всегда упоминались с благоговением имена русских революционеров — жертв царского деспотизма. Лелевель первый напечатал в «Северном вестнике» критический разбор «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, вызвавший апологетические отклики В. Жуковского и графа Блудова. Лелевель первый в печати отметил, что в историческом труде Н. М. Карамзина отсутствует народ — главный фактор исторического процесса.

Лелевель дорог всей европейской революционной демократии, с которой он был тесно связан. Маркс и Энгельс высоко оценивали деятельность польских революционных демократов. На митинге 22 февраля 1848 г., посвящённом второй годовщине краковского восстания 1846 г., Маркс отметил: «Люди, которые стояли во главе краковского революционного движения, имели глубокое убеждение в том, что только демократическая Польша могла быть независимой и что польская демократия невозможна без упразднения феодальных прав, без аграрного движения, которое превратило бы крепостных крестьян в свободных собственников, собственников современных»[1]. Энгельс также видел в краковском восстании победу «молодой демократической Польши над старой аристократической Польшей» [2]. Характеризуя 1830 г. в Польше как «консервативную революцию», Энгельс вместе с тем оха-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 263.

[2] Там же, стр. 264.

рактеризовал роль Лелевеля в ноябрьском восстании как человека, «который резко нападал на узость взглядов господствующего класса. Он предложил действительно революционные меры, смелость которых устрашила аристократов сейма. Призывая к оружию всю старую Польшу, обращая таким образом войну за независимость Польши в европейскую войну, предоставляя гражданские права евреям и крестьянам, наделяя последних землёю, восстановляя Польшу на основах демократии и равенства, он хотел превратить национальную борьбу в борьбу за свободу, он хотел отожествления интересов всех народов с задачами польского народа. Нужно ли назвать того гениального человека, который задумал этот столь обширный и в то же время столь простой план? Это был Лелевель»[3].

Социально-политические идеалы Лелевеля — независимость и свобода польского народа — воплощены в современной, демократической Польше. Победа польской демократии, разрешение аграрного вопроса, уничтожение шляхетского землевладения осуществили социально-экономическую и политическую программу Лелевеля.

Великому поляку — патриоту, учёному, революционеру — Жанна Корманóва посвятила труд, написанный блестящим художественным, образным литературным языком. Автор этого труда — талантливая представительница молодой, марксистской исторической науки в новой, демократической Польше. Польские буржуазные учёные интересовались Лелевелем как историком, учёным, создателем новой исторической школы, но, конечно, Лелевель-революционер был им чужд и ненавистен. Им была более близка идеология аристократической эмигрантской прослойки во главе с кн. Адамом Чарторыйским, политическая роль которого была преувеличенно оценена таким выдающимся представителем польской буржуазной историографии, каким был покойный проф М. Гандельсман.

Автору удалось дать всестороннюю характеристику Лелевеля, деловитого учёного и революционного демократа. Проникнутая глубокой симпатией к Лелевелю, Корманóва тем не менее объективно рисует его образ, останавливаясь и на допущенных им в период ноябрьской революции политических ошибках. Ведь Лелевель только с августа 1831 г. становится тем революционным деятелем, которого так высоко ценили Маркс и Энгельс и которого так ненавидели все реакционеры во Франции, во главе с правительством июльской монархии.

Книга Жанны Корманóвой составлена в биографическом разрезе. Автор знакомит читателя с основными вехами жизненного пути Лелевеля — с детства до смерти в госпитале в Париже. Естественно, что Ж. Корманóва подробно останавливается на роли Лелевеля в ноябрьском восстании 1831 г., на его общественно-политических взглядах и философско-историческом мировоззрении. Ж. Корманóва оканчивает своё исследование интересной главой «Мы и Лелевель».

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 265.

Её исследование даёт следующие основные даты жизни Лелевеля, его деятельности. Родился он 23 марта 1786 г.; в 1803 г. Лелевель — студент только что открытого Виленского университета; с 1808 г.— преподаватель известного Кременецкого лицея, основанного видным учёным и общественным деятелем Тадеушем Чацким. Впрочем, Лелевель недолго оставался в лицее. В 1810 г. он снова в Варшаве. С 1816 по 1818 г. он занимает кафедру в Виленском университете, а с 1818 по 1821 г. он опять в Варшаве. Увенчанный докторской степенью Краковского университета, Лелевель вернулся в Виленский университет, из которого был удалён сенатором Новосельцевым, как политически неблагонадёжный профессор (1821—1824). Вернувшись в Варшаву, Лелевель с 1824 по 1831 г. остаётся в ней до конца восстания, занимая должность помощника главного библиотекаря университета. Во время революции 1830—1831 гг. Лелевель — председатель Патриотического клуба и член национального правительства. Вынужденный стать эмигрантом, Лелевель сначала поселился в Париже, откуда был затем удалён французским правительством. После скитания по разным городам Франции Лелевель пешком отправляется в Брюссель, где и живёт до мая 1861 года. Привезённый больным в Париж, Лелевель умер 29 мая 1861 года.

В Париже Лелевель был организатором «Временного комитета эмиграции», а с 15 декабря 1831 г.— председателем национального польского комитета. После изгнания из Франции (1832) Лелевель — организатор группы «Объединение польской эмиграции», слившейся в 1846 г. с «Демократическим обществом». В 1842 г. комитет «Объединения» принял следующую программу Лелевеля: отмена крепостных отношений и освобождение народа; уничтожение барщины и повсеместное наделение крестьян землёй; полная свобода совести, фактическое равноправие всех религий как христианской, так и нехристианской; всеобщее государственное, национальное и бесплатное обучение для детей несостоятельных родителей.

Лелевель был связан с конспиративными организациями французской республиканской оппозиции. Он принимал участие в помощи партизанам Заливского и помогал в отправке Шимона Конарского в королевство. Лелевель был связан с «Молодой Италией», «Молодой Польшей» в Швейцарии. В феврале 1848 г. Лелевель встретился с М. Бакуниным как представителем русских революционеров. Тогда же Лелевель встретился и с Марксом и Энгельсом. Лелевель — один из основателей «Международного демократического общества». Вместе с «Союзом коммунистов» Лелевель 22 февраля 1848 г. организовал митинг, посвящённый второй годовщине краковской революции. Здесь мы должны отметить ошибку нашего автора, полагающего, что «Коммунистический манифест» был подписан Лелевелем, хотя он сам об этом нигде не вспоминает. Как известно, «Коммунистический манифест» никем, кроме Маркса и Энгельса, не подписывался, и, следовательно, нет никаких

оснований упоминать о подписи Лелевеля под манифестом. Автор имеет в виду, очевидно, одобрение идей манифеста Лелевелем на митинге в Брюсселе в феврале 1848 г., о чём действительно упоминал Маркс в своём приветствии женевскому собранию польских демократов в 1883 году.

Лелевель — величайший учёный, произведения которого были изданы в 22 томах. Его научно-исследовательская деятельность началась ещё на университетской скамье. В 1809 г. им была написана «Гисторика», изданная в Вильно в 1815 году. Научное его творчество крайне разнообразно, хотя в период эмиграции он долгое время был лишён возможности заниматься историей своего народа, так как копии архивных документов, выписки из них и вся библиотека остались в Варшаве, и только впоследствии весь архив и библиотека были перевезены в Брюссель. С периодом эмиграции была связана публикация таких замечательных трудов Лелевеля, как «Средневековая нумизматика» (1835), «Средневековая география» (1852—1857). Лелевель дал новую периодизацию истории Польши, общепринятую в польской исторической науке вплоть до укрепления влияния позитивной краковской исторической школы.

Лелевель — представитель романтического направления в польской историографии, распространившегося под влиянием «консервативной» революции 1830—1831 годов. В истории Польши Лелевель отмечает четыре периода: «первых Пястов», «Польши раздробленной», «Польши цветущей (от Казимира Великого до Вазов)» и «Польши падающей». Основную причину упадка Польши Лелевель видел в уничтожении «шляхетского земледержества аристократией», тогда как основатель новой польской исторической науки, Адам Нарушевич, объяснял упадок Польши внешними условиями. Конечно, наблюдения Лелевеля были значительным шагом вперёд по сравнению с внешними факторами Адама Нарушевича. Но периодизация польской истории Лелевеля не могла удержаться в науке: она была искусственной и надуманной и не отвечала конкретному материалу. Эта периодизация была лишь отражением демократических взглядов Лелевеля, объяснения которых он искал в истории Польши.

Лелевель оставил большое научное наследство, с которым необходимо считаться исследователям как истории польского народа, так и всемирной истории. Наблюдения Лелевеля относительно этногенеза славян представляют значительный интерес.

Жанна Корманова справедливо отмечает, что новой, демократической Польше Лелевель должен быть близким и дорогим. Новая, демократическая Польша осуществляет то, что было основой всего революционного мировоззрения Лелевеля, боровшегося за независимость Польши и социальную справедливость.

Книга Жанны Корма́новой — выдающееся явление в молодой польской марксистской историографии. Жанна Корма́нова начала свою научную деятельность в тяжёлые годы польской фашистской реакции. В новой, демократической Польше перед нею открыты все возможности обогатить новыми, марксистскими трудами историческую науку.

Акад. В. Пичета

MUNCY LYSBETH WALKER. *The Junker in the Prussian administration under William II. 1888—1914.* Providence. 1944. 234 p.
МЭНСИ ЛИЗБЕТ В. *Юнкер в прусской администрации при Вильгельме II. 1888—1914.*

Среди факторов, исторически определивших исключительно агрессивный и реакционный характер германского империализма, особое значение имело то, что возвышение германской буржуазии вовсе не привело к утрате прусским юнкерством его былого политического преобладания. Вплоть до падения Третьей империи, как известно, германский империализм продолжал оставаться буржуазно-юнкерским империализмом, и заэльбские помещики не утратили своего господствующего положения ни в государственном аппарате, ни в армии.

В этой связи для советского читателя большой интерес представляет монография молодого американского историка Лизбет В. Мэнси, посвящённая роли юнкерства в прусском государственном аппарате и органах местного самоуправления в годы царствования последнего кайзера, до начала первой мировой войны.

Путём кропотливого исследования, привлекая обильный статистический материал, автор доказывает и конкретизирует сказанное выше о прусском юнкерстве в эпоху империализма. Прежде всего автор уточняет определение самого понятия «юнкер». Последний, в понимании автора, — помещик средней руки, владеющий имением, расположенным в одной из семи заэльбских провинций Пруссии. Юнкера в собственном смысле этого слова следует отличать от крупного магната. Доход его умеренный, уровень хозяйства нередко весьма отсталый. Ограниченность и замкнутость, бережливость, переходящая в скупость, властность и надменность — вот наиболее характерные черты юнкера как представителя одной из основных групп внутри класса германских помещиков.

Автор насчитывает в Пруссии периода 1888—1914 гг. всего 668 юнкерских фамилий, причём, по его словам, в состав юнкерства им включены не только юнкера по происхождению, но и «юнкеризованные» землевладельцы и чиновники — «все те, кто более или менее недавно был поглощён юнкерской традицией и от кого в узловых общественно-политических вопросах можно было ожидать таких действий, как если бы это были юнкера» (стр. 39).

При решении вопроса об отнесении к

оснований упоминать о подписи Лелевеля под манифестом. Автор имеет в виду, очевидно, одобрение идей манифеста Лелевелем на митинге в Брюсселе в феврале 1848 г., о чём действительно упоминал Маркс в своём приветствии женевскому собранию польских демократов в 1883 году.

Лелевель — величайший учёный, произведения которого были изданы в 22 томах. Его научно-исследовательская деятельность началась ещё на университетской скамье. В 1809 г. им была написана «Гисторика», изданная в Вильно в 1815 году. Научное его творчество крайне разнообразно, хотя в период эмиграции он долгое время был лишён возможности заниматься историей своего народа, так как копии архивных документов, выписки из них и вся библиотека остались в Варшаве, и только впоследствии весь архив и библиотека были перевезены в Брюссель. С периодом эмиграции была связана публикация таких замечательных трудов Лелевеля, как «Средневековая нумизматика» (1835), «Средневековая география» (1852—1857). Лелевель дал новую периодизацию истории Польши, общепринятую в польской исторической науке вплоть до укрепления влияния позитивной краковской исторической школы.

Лелевель — представитель романтического направления в польской историографии, распространившегося под влиянием «консервативной» революции 1830—1831 годов. В истории Польши Лелевель отмечает четыре периода: «первых Пястов», «Польши раздробленной», «Польши цветущей (от Казимира Великого до Вазов)» и «Польши падающей». Основную причину упадка Польши Лелевель видел в уничтожении «шляхетского земледержества аристократией», тогда как основатель новой польской исторической науки, Адам Нарушевич, объяснял упадок Польши внешними условиями. Конечно, наблюдения Лелевеля были значительным шагом вперёд по сравнению с внешними факторами Адама Нарушевича. Но периодизация польской истории Лелевеля не могла удержаться в науке: она была искусственной и надуманной и не отвечала конкретному материалу. Эта периодизация была лишь отражением демократических взглядов Лелевеля, объяснения которых он искал в истории Польши.

Лелевель оставил большое научное наследство, с которым необходимо считаться исследователям как истории польского народа, так и всемирной истории. Наблюдения Лелевеля относительно этногенеза славян представляют значительный интерес.

Жанна Корманова справедливо отмечает, что новой, демократической Польше Лелевель должен быть близким и дорогим. Новая, демократическая Польша осуществляет то, что было основой всего революционного мировоззрения Лелевеля, боровшегося за независимость Польши и социальную справедливость.

Книга Жанны Корма́новой — выдающееся явление в молодой польской марксистской историографии. Жанна Корма́нова начала свою научную деятельность в тяжёлые годы польской фашистской реакции. В новой, демократической Польше перед нею открыты все возможности обогатить новыми, марксистскими трудами историческую науку.

Акад. В. Пичета

MUNCY LYSBETH WALKER. *The Junker in the Prussian administration under William II. 1888—1914.* Providence. 1944. 234 p.
МЭНСИ ЛИЗБЕТ В. *Юнкер в прусской администрации при Вильгельме II. 1888—1914.*

Среди факторов, исторически определивших исключительно агрессивный и реакционный характер германского империализма, особое значение имело то, что возвышение германской буржуазии вовсе не привело к утрате прусским юнкерством его былого политического преобладания. Вплоть до падения Третьей империи, как известно, германский империализм продолжал оставаться буржуазно-юнкерским империализмом, и заэльбские помещики не утратили своего господствующего положения ни в государственном аппарате, ни в армии.

В этой связи для советского читателя большой интерес представляет монография молодого американского историка Лизбет В. Мэнси, посвящённая роли юнкерства в прусском государственном аппарате и органах местного самоуправления в годы царствования последнего кайзера, до начала первой мировой войны.

Путём кропотливого исследования, привлекая обильный статистический материал, автор доказывает и конкретизирует сказанное выше о прусском юнкерстве в эпоху империализма. Прежде всего автор уточняет определение самого понятия «юнкер». Последний, в понимании автора, — помещик средней руки, владеющий имением, расположенным в одной из семи заэльбских провинций Пруссии. Юнкера в собственном смысле этого слова следует отличать от крупного магната. Доход его умеренный, уровень хозяйства нередко весьма отсталый. Ограниченность и замкнутость, бережливость, переходящая в скупость, властность и надменность — вот наиболее характерные черты юнкера как представителя одной из основных групп внутри класса германских помещиков.

Автор насчитывает в Пруссии периода 1888—1914 гг. всего 668 юнкерских фамилий, причём, по его словам, в состав юнкерства им включены не только юнкера по происхождению, но и «юнкеризованные» землевладельцы и чиновники — «все те, кто более или менее недавно был поглощён юнкерской традицией и от кого в узловых общественно-политических вопросах можно было ожидать таких действий, как если бы это были юнкера» (стр. 39).

При решении вопроса об отнесении к

юнкерству того или иного «семенительного» лица или семьи автор учитывает также наличие и других признаков, как-то: пожалование дворянства до вступления на престол Вильгельма II, лютеранское вероисповедание, отсутствие тесного родства с западногерманской аристократией, традиция службы в прусской армии и администрации, отсутствие представителей «буржуазных» профессий, брани с отпрысками старых юнкерских фамилий и, наконец, принадлежность к консервативной партии (стр. 40).

Юнкера, таким образом, подвизались на государственной арене либо в качестве офицеров либо в качестве чиновников. Этих последних, собственно и являющихся предметом данного исследования, автор насчитывает в период 1888—1914 гг. всего 1500 человек. При этом оказывается, что лишь немногим более половины из них (54%) — государственные служащие; остальные же юнкера служили в органах местного самоуправления, не получая никакого жалования.

С цифрами в руках автор прослеживает процесс постепенного отрыва юнкера-чиновника от земли. Если служащие в органах самоуправления почти поголовно оказываются землевладельцами, то чиновники государственных учреждений во большей части ими уже не являются. Такие безземельные юнкера составляют 49% общего количества юнкеров — административных служащих. С другой стороны, именно наличие крупных имений облегчало юнкеру путь к занятию высших государственных должностей.

В отличие от юнкера-офицера, обычно после нескольких лет службы выходившего в отставку, юнкер-чиновник обнаруживал стремление служить, пока и насколько хватало сил и здоровья. Жалованье обеспечивало такому юнкеру-чиновнику прочный, хотя, согласно ставкам 1888 г., и умеренный доход, уступавший доходу не только среднего предпринимателя, но и университетского профессора, врача или адвоката с хорошей практикой. Бюрократическая карьера, с точки зрения автора, была основным каналом, по которому протекал процесс обуржуазивания юнкерства.

При поступлении и прохождении административной службы представители юнкерства пользовались рядом льгот, по большей части существовавших к тому времени де факто, а не де юре. Весьма значительное преимущество детей юнкеров перед выходцами из немущих слоёв проистекало из непомерно высокого образовательного ценза прусских чиновников. По завершении среднего образования, тоже платного, семья должна была содержать будущего чиновника ещё восемь — девять лет.

Но и по сравнению с представителями недворянских имущих слоёв, т. е. буржуазии, восхождение по административной лестнице молодого юнкера сильно облегчалось благодаря наличию у него целого ряда молчаливо признаваемых преимуществ. То были титул, членство в одной из аристократических студенческих корпораций, принадлежность к офицерскому корпусу (в отставке или в запасе), семейные связи и, наконец, самое важное — консервативные убеждения. «Юнкера большей частью были консерваторами по природе» (стр. 111), и нередко самое поступление их на службу диктовалось идеалистическим, по мнению автора, а в действительности классово корыстным стремлением отстоять консервативные принципы «христианства, национализма, дворянства».

Наконец, юнкерам предоставлялась и важная формальная льгота. Дело в том, что всякий молодой ассессор обязан был пройти административную практику на посту ландрата — уездного начальника, представлявшего в одном лице государственное управление и местное самоуправление. О значении этой своеобразной, сугубо прусской должности даёт яркое представление письмо одного из лидеров консервативной партии, фон Клейст-Ретцова, историку фон Петерсдорфу. «Ландрат, — писал в конце предыдущего столетия Ретцов,— всё ещё пользуется авторитетом, часто приводящим меня в трепет. Когда жители рассказывают своим детям, что папе римскому нельзя жениться, дети задают вопрос, не запретил ли ему это ландрат» (стр. 180).

Льгота для юнкеров заключалась в том, что лица, владевшие в течение года имением в данном уезде и занимавшие в течение не менее четырёх лет посты в органах местного самоуправления, имели право на занятие должности ландрата без предварительной сдачи экзаменов не только на ассессора и референдария, но даже на аттестат зрелости. Ландрат же имел в дальнейшем право на занятие всех вышестоящих должностей.

Таким образом, практика и законодательство Второй империи предоставляли юнкерству большие возможности для заполнения административного аппарата своими представителями. Юнкерство же, со своей стороны, с неослабительным единодушием и постоянством поддерживало и пополняло кадры чиновников и офицеров. Стабильность основного состава юнкерства обеспечивалась в значительной степени путём браков. В рассматриваемый период около половины юнкеров всё ещё женились в своём, юнкерском, кругу. Женщины при этом были более мужчин разборчивы: так, например, в 13 семьях, специально обследованных автором, 38% женщин остались старыми девами, не найдя женихов в своём кругу.

При решении вопроса о фактическом влиянии юнкерства в государственном управлении, а также в местном самоуправлении Пруссии автор опирается на большое количество ценных цифровых данных. Мы узнаём, например, что юнкера составляли 10% судебных кадров, 30% — обер-президентов (глав провинциального управления), 80% — ландестгауптманов (глав провинциального самоуправления) и т. д.

Среди министерств наиболее «юнкеризованным» оказывается министерство внутренних дел, где за период 1888—1914 гг. юнкера занимали пост министра в течение одиннадцати лет. Однако процент юнкеров-чиновников в этом министерстве низок: в среднем 15%.

В прусской палате господ юнкерам принадлежало 30% мест, в нижней палате они составляли около 25% общего числа заэльбских депутатов и почти поголовно в обеих палатах входили в консервативную фракцию. В комитете одиннадцати, руководящем органе консервативной партии, насчитывалось шесть юнкеров.

Чрезвычайно важным является то обстоятельство, что «чиновники из средних буржуазных слоёв не составляли противовеса, не были антагонистичны юнкерству; напротив, многие из них... были, несомненно, столь же консервативны и «феодальны» в своих взглядах, как юнкера, и брали с них пример» (стр. 192). В этой связи уместно напомнить слова Ленина о том, что германская буржуазия «отвернулась от демократии, позорно предала свободу, которую раньше защищала, и повернула к лакейству перед помещиками и клерикалами» [1].

Читатель с интересом прочтёт биографии отдельных представителей чиновного юнкерства, особенно таких колоритных фигур, как Эрнст фон Келлер — министр внутренних дел, Готлиб фон Ягов — статс-секретарь по иностранным делам, как твердолобый и старомодный консерватор Болеслав фон Банин, издавший в 1922 г. памфлет «Вперёд к старой Пруссии», и других. Характеристика хотя бы одного из этих людей, сообщённая в лекции, может дать студенту особенно ясное и конкретное представление об юнкерстве.

Основной вывод автора заключается в признании невозможности свести фактическое многообразие юнкеров-чиновников к единому социологическому типу. Всё же наиболее общей чертой, равно присущей почти всем юнкерам-чиновникам, является их реакционность. Автор прав, рассматривая юнкера-чиновника, как «фактор политической гегемонии консерваторов в Пруссии перед последней войной», т. е. войной 1914—1918 годов (стр. 159). Если удельный вес юнкерства в административном аппарате на протяжении всего царствования Вильгельма II количественно и падал, то тем более замечателен контраст между сравнительно незначительным числом юнкеров-чиновников и их огромным политическим влиянием. «Существенным является не их упадок, а медленность этого упадка» — подчёркивает автор (стр. 233—234).

Вряд ли однако, можно целиком принять утверждение Лизбет Мэнси, что обуржуазивание юнкерства шло главным образом по линии его бюрократизации. Если это и верно, то лишь для суженного круга юнкеров, которым автор ограничил своё исследование. Далее, те индивидуальные типы юнкеров, которые — и вполне уместно — приводит автор в четвёртой главе монографии, недаром не укладываются в рамки им же определённого понятия юнкера как среднего землевладельца. Наконец, не видно, чем мотивирован обрыв исследования 1914 годом. Хотелось бы пожелать автору продолжения его исследования для последующего периода.

Советский читатель может только разделить справедливое опасение автора, как бы в современной Германии старое юнкерство не возродилось и не преградило немецкому народу путь к демократии. Предупреждению этой опасности служат аграрная реформа в советской зоне оккупации, воссоединение исконно славянских земель Восточной Германии с Польшей, ликвидация прусского государства и рост демократических сил немецкого народа. Нельзя не видеть в этих исторических условиях надёжной гарантии против возрождения прусского юнкерства, этого оплота германской реакции.

Несмотря на современную слабость юнкерства, решительного отпора заслуживает попытка британского рецензента данной монографии использовать её в целях защиты этого гнезда милитаризма и мракобесия от справедливых обвинений со стороны прогрессивных элементов как в самой Германии, так и за её пределами. Губительная роль юнкерства не есть «чисто импрессионистское обобщение» автора, как полагает «English Historical Review» [2], но непреложный факт, с которым, между прочим, дважды пришлось познакомиться английскому народу.

Монография Лизбет Мэнси заслуживает, на наш взгляд, положительной оценки. Несмотря на известное влияние на Мэнси Макса Вебера с его теорией «идеальных типов» работа американского исследователя представляет собой полезный вклад в новейшую историографию кайзеровской Германии.

Проф. С. Кан

[1] Ленин. Соч. Т. XVI, стр. 524.

[2] «English Historical Review», January 1946. Vol. 59. № 239, p. 125.

ALMA LUCKAU. *The German delegation at the Paris Peace Conference.* The Paris Peace Conference History and Documents published for the Carnegie Endowment for International Peace. New York. 1941. 522 p.

АЛЬМА ЛЮКАУ. *Германская делегация на Парижской мирной конференции.*

Подготовка мирного договора с Германией, вопрос о дальнейших путях её развития и о создании условий для предотвращения новой германской агрессии возбудили особый интерес к работам Парижской мирной конференции 1919 г., подготовившей Версальский мирный договор. Этот интерес, как о том свидетельствует привлекшая известное внимание книга американского историка Люкау, заметен был и в начале второй мировой войны.

Книга Люкау была написана в декабре 1940 г. и опубликована в Нью-Йорке в августе 1941 г. на средства института известного мультимиллионера Карнеджи, в момент, когда гитлеровская Германия, поработив государства Западной Европы, напала на Советский Союз. Написанная в прогерманском духе, работа Люкау отражает настроения некоторых американских кругов в период, предшествовавший вступлению США в войну против гитлеровской Германии.

Чтобы понять главную тенденцию книги, необходимо в самых общих чертах напомнить, при каких обстоятельствах был подписан мирный договор между Германией и союзными державами после окончания первой мировой войны.

Как известно, Компьенское перемирие позволило германским империалистам предотвратить вторжение союзных войск на территорию Германии и избежать уничтожения германской армии. Используя разногласия между союзниками и запугивая их «большевистской опасностью», германские империалисты уже к декабрю 1918 г. могли считать свой план спасения армии в основном осуществлённым. К моменту открытия Парижской мирной конференции (18 января 1919 г.) германское социал-демократическое правительство. послушно выполняя волю германских империалистов, потопило в крови революционное восстание берлинского пролетариата и укрепило своё положение в стране созывом Национального собрания. Пока союзники в Париже спорили между собой насчёт условий мирного договора с Германией, германское правительство и германская дипломатия вырабатывали программу политики Германии на Парижской конференции. Эта программа, провозглашённая 14 февраля 1919 г. германским министром иностранных дел графом Брокдорфом-Рантцау в его речи перед Веймарским национальным собранием[1], с формальной стороны представляла германскую интерпретацию основ соглашения о мире (14 пунктов Вильсона и его последующие высказывания). В действительности же под громкими фразами о «демократии», «новой дипломатии», Лиге наций и пр. скрывалась защита далеко идущих интересов германского империализма.

Во время своего пребывания в Версале германская делегация пыталась навязать союзникам свой вариант мирного договора. Однако, несмотря на все ухищрения германских дипломатов, им не удалось склонить союзников на пересмотр разработанного победителями проекта. Германия была поставлена перед альтернативой: либо подписать договор без всяких изменений либо совсем отказаться подписать его. Отказ грозил возобновлением военных действий на территории Германии и усилением революционного движения в стране, а также подвергал серьёзной опасности дальнейшее существование германской армии и целостности государства. Поэтому германское правительство решило подписать мирный договор и согласиться со всеми его пунктами.

С первых же дней подписания мирного договора Германия начала подготовку к новой империалистической войне. Версальский договор не предусматривал полного военно-экономического разоружения Германии и сохранял в неприкосновенности её военно-промышленный потенциал—материальную базу германской агрессии. Используя эти коренные недостатки Версальского договора, играя на разногласиях между союзниками и извлекая для себя выгоды из политики союзных держав, восстанавливавших Германию против Советского Союза, Германия могла вынашивать свои планы реванша и «мирового господства» и готовиться к развязыванию второй мировой войны.

Как трактуется германский вопрос в книге Люкау?

Следует отметить, прежде всего, что Люкау освещает один из наиболее тёмных моментов в истории Парижской мирной конференции. Вопрос о деятельности германской делегации в Версале до сих пор не служил темой специального исторического исследования. Трудность вопроса заключалась главным образом в отсутствии необходимых материалов, тем более, что веймарские правительства старались их скрыть, а гитлеровское, повидимому, уничтожило некоторые материалы. Изданная в 1919—1921 гг. официальная германская документация[2] не даёт правильного представления о германской политике накануне подписания Версальского договора. Её главная политическая цель заключалась в том, чтобы создать версию об «измене Вильсона» и невыполнимости Версальского договора и таким образом облегчить германским империалистам

[1] Brockdorff-Rantzau «Dokumente». 1920.

[2] «Materialien betreffend die Friedensverhandlungen». Bd. I—X. Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1919—1921.

задачу идеологической и политической подготовки к новой войне. В том же духе выдержаны и изданные мемуары некоторых членов германской делегации в Версале[3]. Эти авторы описывают лишь внешнюю сторону событий и дают максимум эмоций и минимум фактов, характеризующих их собственную политику, мысли, намерения и планы. В итоге, до сих пор не существовало работы, которая бы правдиво освещала политику Германии во время Парижской мирной конференции.

Автору рецензируемой работы удалось воспользоваться многими документами, до сих пор не опубликованными. Кроме того она использовала некоторые документы германских архивов, бумаги частных лиц, прессу и пр. Не упоминая всех тех, кто предоставил ей возможность ознакомиться с германскими материалами, Люкау называет лишь имя д-ра Симонса, который возглавлял административную работу германской делегации в Версале и, по свидетельству автора, проявил живейший интерес к её работе. Частные бумаги Симонса после его смерти поступили в распоряжение Люкау.

Книга Люкау состоит в основном из двух частей—вводного раздела и документации. Последняя занимает около четырёх пятых всей книги. Введение должно, по замыслу автора, ознакомить читателя с существом вопроса и облегчить ему чтение документов. Ссылки автора на многочисленные источники делают эту часть книги наиболее ценной по содержанию. Что касается документации, то большая часть опубликованных автором документов представляет перевод с немецких источников (обмен нотами между союзниками и германской делегацией в Версале). Работа выиграла бы, если бы Люкау вместо сокращённого перевода уже опубликованных ранее документов полностью поместила в книге материалы, которые были использованы ею в вводном разделе и которые остаются недоступными для исследования. К такого рода документам, которые приводит автор, относятся, например, письма Симонса из Версаля и чрезвычайно важные для определения общего курса германской политики «Инструкции германским делегатам при мирных переговорах», составленные германским министерством иностранных дел в апреле 1919 г. и излагающие основные принципы германской политики накануне подписания Версальского договора.

В вводном разделе, наиболее ценной части книги, Люкау избегает полемики по существу тех или иных вопросов и ограничивает свою задачу компиляцией подобранного ею материала. Люкау осторожна в своих выводах. Ссылки на источники не сопровождаются самостоятельным анализом автора, оценка событий даётся в редких фразах. Тем не менее по подбору материала и его расположению можно судить о направлении политической мысли автора и его точке зрения на германскую проблему.

Первую главу Люкау посвящает соглашению о перемирии между Германией и союзниками и подробному изложению обмена нотами между германским правительством и Вильсоном. Такой подход автора, изучавшего германскую дипломатию во время Парижской конференции, совпадает с официальным направлением германской политики накануне и во время этой конференции, а также с освещением Версальского договора представителями немецкой историографии, которые рассматривают этот договор как извращение вильсоновской программы мира, а Германию — как несчастную жертву «измены Вильсона» и Карфагенского мира. Этой же концепции придерживались и некоторые представители английской и американской историографии, сторонники умеренного «справедливого» мира с Германией и «мягкого» обращения с нею[4].

Излагая мирную программу Вильсона и сопоставляя её с текстом Версальского договора, приверженцы этой концепции усматривали главный недостаток Версальского договора в нарушении союзниками юридических основ соглашения о мире. Люкау также уделяет всё своё внимание этой стороне вопроса и совершенно абстрагируется от конкретных экономических и военных условий Версальского договора, который, как указывалось выше, не затрагивал экономической основы германского империализма. Правда Люкау избегает говорить об «измене» Вильсона и возлагает ответственность за нарушение вильсоновской программы в значительной мере на германское верховное командование. Ошибка последнего, считает Люкау, заключалась в том, что оно не выступило в первых числах октября 1918 г. с германской интерпретацией программы Вильсона и не обуздало чрезмерных аппетитов союзников. Эта «роковая ошибка» германского верховного командования и расхождения между Людендорфом и Максом Баденским, по мысли автора, обусловили поражение Германии на Парижской конференции и все главные недостатки Версальского договора.

«Героем» Люкау является далеко не героическая личность—Макс Баденский. Оказывается, этот последний вместе с Вильсоном осуществлял демократизацию Германии. Характерно, как Люкау заканчивает свою первую главу: Макс Баденский, которому революция помешала претворить в жизнь свой идеал конституционной монархии, передаёт власть Эберту. Эберт выводит Германию из состояния политического «хаоса», в который она была ввергнута революцией, и прививает германскому народу вкус к «умеренным методам» (Веймарское национальное собрание).

Ноябрьская революция упоминается вскользь только в этой главе книги. От Компьенского перемирия автор сразу переходит к рассказу о подготовке Германии к

---

[3] Brandt R. «Versailles 28 April — 28 Juni». Berlin. 1919; D-r Wilhelm «Versailles». Dresden. 1919, etc.

[4] Кейнс «Экономические последствия Версальского мирного договора». 1924; Никольсон Г. «Как делался мир в 1919 г.» 1945; Lloyd George D. «The Truth about the Peace Treaties», 1938 и др.

мирной конференции. Техническим вопросам этой подготовки посвящается вся вторая глава, между тем как более важные события: развитие революции в Германии, борьба между правительством Эберта—Шейдемана и спартаковцами по вопросам внешней политики (отношение к Советской России), влияние революционных событий на ход переговоров с союзниками о продлении перемирия—совершенно выпали из поля зрения автора. Между тем в Комиссии по перемирию в Спа германские делегаты, как известно, неоднократно добивались уступок от союзников, запугивая их усилением революции в Германии. Так было, например, в январе 1919 г., когда под влиянием берлинских боёв Фош значительно сократил свои требования к Германии [5]. По свидетельству самих немцев, Германия нарушила условия перемирия и саботировала требования союзников [6].

Далее, Люкау совершенно игнорирует русский вопрос и его роль в политике германского правительства. Не следует забывать, что по этому вопросу между союзниками и Германией не существовало разногласий. Оказывая услугу мировой реакции, Германия обязалась по ст. 12 Компьенского перемирия задержать свои войска в России. Германское правительство носилось с планами создания буферного государства в Прибалтике. С помощью балтийских баронов оно стремилось задушить молодую Советскую республику и участвовало в подготовке интервенции против неё.

Автор замалчивает антисоветскую линию германской дипломатии в период Парижской конференции и не показывает стремлений Антанты создать в Европе такой мир, который был бы направлен против Советской республики.

Третья глава содержит главную тему всей книги — описание деятельности германской делегации в Версале. В этой главе под видом критики деятельности германской делегации Люкау проявляет свои политические взгляды и своё действительное отношение к Германии. Люкау подробно излагает ход переговоров между союзниками и германской делегацией в Версале. При этом она не анализирует материал и не выясняет те главные приёмы, которыми пользовались немцы в своей борьбе за пересмотр проекта мирного договора.

Как известно, одним из основных приёмов германской делегации были её постоянные ссылки на экономическую несостоятельность мирного договора, который, уничтожая якобы Германию экономически, разрушает всю экономическую систему Европы и грозит самыми неприятными политическими последствиями: общеевропейской анархией, революцией и большевизмом. Другим важным приёмом была попытка освободить Германию от единоличной ответственности за возникновение войны и лишить таким путём мирный договор его морально-юридической основы (статьи 227—231). Вместе с тем в демагогических целях немцы предлагали созвать в Версале международный конгресс по рабочему вопросу, надеясь с его помощью оказать давление на Парижскую конференцию.

Люкау высоко оценивает германские «контрпредложения» — типичный документ германского империализма, несмотря на своё военное поражение не терявшего надежды снова приобрести политическое влияние в Европе, требовавшего сохранения за Германией её колоний и армии и немедленного допущения Германии в Лигу наций, с помощью которой предполагалось постепенно осуществить пересмотр мирного договора. Люкау ставит немцам в заслугу «скромность» их требований.

Не видя действительных недостатков Версальского договора, Люкау подвергает критике не германские требования, а неправильную, с её точки зрения, тактику германской делегации. Люкау порицает метод отдельных нот, к которому прибегли немцы: лучше бы они, считает Люкау, не ожесточали напрасно союзников «нотной атакой», а сразу поразили бы их своими «контрпредложениями». При этом Люкау осуждает не столько тактику немцев, сколько упорное нежелание союзников вступить в устные переговоры с германскими дипломатами.

Если бы союзники открыли немцам двери Парижской конференции и дали им возможность высказаться, тогда между союзниками и Германией было бы достигнуто полное взаимопонимание по всем вопросам, и Парижская конференция была бы избавлена от того кризиса, который она переживала в первые дни июня 1919 года. Люкау утверждает, что если даже письменный документ немцев произвёл такой эффект на союзников и вызвал кампанию за пересмотр мирного договора со стороны Ллойд Джорджа и др., то можно судить, каких результатов добились бы немцы в устных переговорах с союзниками. Люкау сожалеет, что союзники проявили такое упорство по отношению к Германии. Она высказывается за «понимание» между Германией и союзниками. Таков окончательный вывод её работы.

Если сопоставить этот вывод с точкой зрения проф. Шотвелла, по плане которого написана книга Люкау, то становятся понятными исходная концепция всей книги и цели, которые преследовали её издатели.

В предисловии к рецензируемой работе Шотвелл заявляет, что книга Люкау — поучительный урок для потомства. Составители будущих мирных договоров, считает Шотвелл, должны освободиться от недостатков технической организации, которые якобы обусловили все дальнейшие злоключения Версальского договора. Мирный договор, по его мнению, с самого начала должен быть составлен с учётом возможных в будущем изменений и исправлений допущенных при его составлении (сознательно или бессознательно) ошибок.

Безболезненный, «законный», «незаметный» пересмотр мирных договоров, пересмотр, не сопряжённый с актами насилия и не привлекающий внимания человечества,—

---

[5] См. Эрцбергер М. «Германия и Антанта». 1923.

[6] См. Гофмач М. «Записки и дневники 1914—1918», стр. 262. 1929.

таков урок, который Шотвелл советует державам извлечь из прошлого, когда они будут заключать мир с Германией. Шотвелл ещё более остро, чем Люкау, критикует тактику германской делегации в Версале: немцы должны были бить на слабые места союзников и углублять разногласия между ними. При правильной тактике они имели бы все шансы прорвать фронт союзников, единство которых, убеждён Шотвелл, было лишь видимым. Правильная тактика и та потенциальная сила, которыми располагала Германия в момент переговоров, обеспечили бы ей дипломатический успех в Версале. Таким образом, критика Шотвелла была советом, адресованным германскому империализму на случай, если военное поражение снова заставит его искать дипломатических успехов в качестве условия своего нового восстановления.

Книга Люкау могла бы представить ценность для историка как изобилующая богатым документальным материалом и представляющая первую попытку дать основанную на источниках историю деятельности германской дипломатии на Парижской мирной конференции, однако ввиду общей тенденции книги эту попытку никак нельзя считать удачной.

Отсутствие единогласия между союзниками дало возможность германским империалистам подготовиться ко второй мировой войне. Свою критику деятельности германской делегации Люкау сопровождает советом основывать германскую дипломатию в будущем на умелом использовании и углублении разногласий между союзниками.

Эти мысли Люкау являются историческим провозвестником тех взглядов, которые в настоящее время нашли такое широкое распространение в реакционной американской прессе и публицистике. Сторонники этих взглядов кричат о непреодолимых разногласиях между членами Объединённых наций и заранее обрекают на провал политику согласованных действий в отношении Германии. Советы Люкау так же фальшивы и так же неспособны привести ни к чему хорошему, как и эти крики.

Л. Поздеева

DUBLER CÉSAR E. *Über des Wirtschaftsleben auf der Iberischen Halbinsel vom XI zum XIII Jahrhundert* (Beiträg zu den islamisch christlichen Beziehungen). 1943. Geneve—Erlenbach-Zürich. XIV+184 S.+5 Karten.

ДУБЛЕР ЦЕЗАРЬ Е. *О хозяйственной жизни на Иберийском полуострове с XI до XIII века* (к исламо-христианским отношениям).

Вопрос об изучении испанского средневековья, в частности периода господства арабов и мавров на Иберийском полуострове, содержит ряд проблем, к разрешению которых наука ещё не подошла или подходила чаще всего с неверных позиций. К таким проблемам относятся вопросы хозяйственного развития и социальных отношений на юге Испании и вопрос о своеобразии арабского феодализма.

В какой мере способствует разрешению указанных проблем вышедшая в 1943 г. в лингвистической серии швейцарского издания Romanica Helvetica (т. 22) работа востоковеда и специалиста по арабской Испании — Дублера?

Хотя автор, как он заявляет в предисловии, не ставил перед собой задачу дать исчерпывающую историю хозяйства Испании в средние века, а только попытку уяснить исламо-христианские отношения этого времени, работа его не может не быть связана с трактовкой ряда указанных выше проблем испанского средневековья. С этой точки зрения она и представляет для нас интерес, тем более что эта попытка делается «при помощи лингвистического материала и лингвистическими методами, которые должны восполнить существующие источники» (из предисловия).

Под формулой «христиано-исламские отношения» автор, как видно из текста самой книги, понимает процесс взаимодействия и взаимовлияния культуры арабов и культуры христиан как в области хозяйственного развития, так и в области социальных отношений.

В книге—восемь глав. Первая глава освещает хозяйственное состояние Иберийского полуострова в древности; вторая и третья главы посвящены горной промышленности и сельскому хозяйству в средние века; четвёртая — социальным отношениям на Иберийском полуострове в XI—XIII веках; остальные три главы посвящены торговым связям Испании в средние века, вопросам города, рынка и цехов.

В первой главе, являющейся как бы вводной ко всей книге, даётся краткий обзор хозяйственного развития Иберийского полуострова. В частности, приведены сведения о добыче ископаемых в древности, с указанием районов, где эта добыча производилась. Места добычи золота, меди, серебра, олова, железа, соли, красителей и других ископаемых устанавливаются на основании археологических данных и показаний древних авторов. Утверждая, что хозяйственное развитие древней Испании проходило целиком под влиянием карфагенян, греков и римлян, автор вместе с тем считает, что для Испании последствия нашествия варваров и уничтожения ими Римской империи были невелики. Нашествие варваров привело лишь к улучшению положения рабов и ухудшению хозяйственного положения свободных и полусвободных. Готы, говорит он, принесли только перемену господ, но не смену системы господства. Сохранились античная система налогов и круп-

таков урок, который Шотвелл советует державам извлечь из прошлого, когда они будут заключать мир с Германией. Шотвелл ещё более остро, чем Люкау, критикует тактику германской делегации в Версале: немцы должны были бить на слабые места союзников и углублять разногласия между ними. При правильной тактике они имели бы все шансы прорвать фронт союзников, единство которых, убеждён Шотвелл, было лишь видимым. Правильная тактика и та потенциальная сила, которыми располагала Германия в момент переговоров, обеспечили бы ей дипломатический успех в Версале. Таким образом, критика Шотвелла была советом, адресованным германскому империализму на случай, если военное поражение снова заставит его искать дипломатических успехов в качестве условия своего нового восстановления.

Книга Люкау могла бы представить ценность для историка как изобилующая богатым документальным материалом и представляющая первую попытку дать основанную на источниках историю деятельности германской дипломатии на Парижской мирной конференции, однако ввиду общей тенденции книги эту попытку никак нельзя считать удачной.

Отсутствие единогласия между союзниками дало возможность германским империалистам подготовиться ко второй мировой войне. Свою критику деятельности германской делегации Люкау сопровождает советом основывать германскую дипломатию в будущем на умелом использовании и углублении разногласий между союзниками.

Эти мысли Люкау являются историческим провозвестником тех взглядов, которые в настоящее время нашли такое широкое распространение в реакционной американской прессе и публицистике. Сторонники этих взглядов кричат о непреодолимых разногласиях между членами Объединённых наций и заранее обрекают на провал политику согласованных действий в отношении Германии. Советы Люкау так же фальшивы и так же неспособны привести ни к чему хорошему, как и эти крики.

Л. Поздеева

DUBLER CÉSAR E. *Über des Wirtschaftsleben auf der Iberischen Halbinsel vom XI zum XIII Jahrhundert* (Beiträg zu den islamisch christlichen Beziehungen). 1943. Geneve—Erlenbach-Zürich. XIV+184 S.+5 Karten.

ДУБЛЕР ЦЕЗАРЬ Е. *О хозяйственной жизни на Иберийском полуострове с XI до XIII века* (к исламо-христианским отношениям).

Вопрос об изучении испанского средневековья, в частности периода господства арабов и мавров на Иберийском полуострове, содержит ряд проблем, к разрешению которых наука ещё не подошла или подходила чаще всего с неверных позиций. К таким проблемам относятся вопросы хозяйственного развития и социальных отношений на юге Испании и вопрос о своеобразии арабского феодализма.

В какой мере способствует разрешению указанных проблем вышедшая в 1943 г. в лингвистической серии швейцарского издания Romanica Helvetica (т. 22) работа востоковеда и специалиста по арабской Испании — Дублера?

Хотя автор, как он заявляет в предисловии, не ставил перед собой задачу дать исчерпывающую историю хозяйства Испании в средние века, а только попытку уяснить исламо-христианские отношения этого времени, работа его не может не быть связана с трактовкой ряда указанных выше проблем испанского средневековья. С этой точки зрения она и представляет для нас интерес, тем более что эта попытка делается «при помощи лингвистического материала и лингвистическими методами, которые должны восполнить существующие источники» (из предисловия).

Под формулой «христиано-исламские отношения» автор, как видно из текста самой книги, понимает процесс взаимодействия и взаимовлияния культуры арабов и культуры христиан как в области хозяйственного развития, так и в области социальных отношений.

В книге—восемь глав. Первая глава освещает хозяйственное состояние Иберийского полуострова в древности; вторая и третья главы посвящены горной промышленности и сельскому хозяйству в средние века; четвёртая — социальным отношениям на Иберийском полуострове в XI—XIII веках; остальные три главы посвящены торговым связям Испании в средние века, вопросам города, рынка и цехов.

В первой главе, являющейся как бы вводной ко всей книге, даётся краткий обзор хозяйственного развития Иберийского полуострова. В частности, приведены сведения о добыче ископаемых в древности, с указанием районов, где эта добыча производилась. Места добычи золота, меди, серебра, олова, железа, соли, красителей и других ископаемых устанавливаются на основании археологических данных и показаний древних авторов. Утверждая, что хозяйственное развитие древней Испании проходило целиком под влиянием карфагенян, греков и римлян, автор вместе с тем считает, что для Испании последствия нашествия варваров и уничтожения ими Римской империи были невелики. Нашествие варваров привело лишь к улучшению положения рабов и ухудшению хозяйственного положения свободных и полусвободных. Готы, говорит он, принесли только перемену господ, но не смену системы господства. Сохранились античная система налогов и круп-

ное землевладение. Радикальные изменения в жизнь полуострова были внесены только арабским завоеванием, начиная с 711 года. Как видно, в вопросе о значении готского завоевания для истории Испании Дублер стоит на противоположной Энгельсу [1], тривиальной и глубоко ошибочной точке зрения современной буржуазной науки, выдвинувшей тезис о полной романизации вестготов в Галлии и Испании и отсутствии у них в VI—VII вв. каких-либо общественных институтов, коренившихся в их варварском строе.

Во второй главе собраны: 1) все имеющиеся у арабских авторов, преимущественно географов (Ал-Хамадани, Ал-Маккари, Идриси и др.), сведения о месторождениях минералов («семь древних металлов», неметаллическое сырьё, минеральные источники); 2) данные об этом же из христианских источников, в частности отрывочные данные городского права; 3) данные археологии о горном деле в средние века и 4) данные топонимики арабского происхождения, проливающие свет на локализацию горного дела. Связав воедино и сопоставив эти данные, автор приходит к выводу, что, опираясь на античное производство, мусульмане в Испании добились существенных успехов в горном деле и металлургии, значительно продвинув их вперёд. Автор считает, что превосходство мусульман над их соседями—христианами северной части полуострова — в области горного дела — результат наличия у них более высоких знаний, связей с Востоком и установленного арабами длительного мира в стране.

В третьей главе, носящей название «Земледельческие продукты и животноводство в их хозяйственном значении», автор говорит о различиях в путях экономического развития мусульманской и христианской частей Испании. В то время как христианская Испания развивалась только в аграрном направлении, мусульманская Испания очень рано вступила на путь создания большой «урбанистической» культуры, в которой она опередила остальную Европу на три столетия. Такое направление развития испано-мусульманской культуры определялось, по его мнению, не только включением мусульманской Испании в орбиту культурной жизни восточного Средиземноморья, но и проявлением общего социологического закона, заключающегося, по мнению Дублера, в том, что географические условия юга более благоприятны для развития городской жизни, чем условия севера. Урбанистический характер исламо-испанской культуры в отличие от отсталой, основанной на сельском хозяйстве культуры христианского севера выступает не только в нравах и условиях быта крупных городов, но и в цеховом устройстве, торговле, ремесле и денежном хозяйстве. Противоположность этих двух культур автор иллюстрирует путём сопоставления двух городов: христианского Леона и арабской Кордовы. Затем следует подробный обзор географического размещения земледельческих культур и их промышленной обработки на основе показаний арабских географических и других источников (сельскохозяйственный трактат Ибн Ал-Аввама, Ал-Маккари и др.). Автор в соответствии со своей урбанистической точкой зрения считает, что высокое состояние и развитие крупного сельского хозяйства и садоводства под мусульманским владычеством вызывалось необходимостью обеспечить городские центры продуктами питания и промышленным сырьём. Что касается христианской части страны то, сопоставляя данные городского права, автор устанавливает зависимость городов от охоты и сельского хозяйства. В этой главе собрано много показаний арабских авторов о городском праве, и данных топонимики о животноводстве, охоте и переработке сельскохозяйственных продуктов в Испании XI—XIII веков.

Указанные главы насыщены значительным конкретным материалом, нанесённым на карты (I—IV) и дают яркое представление о месторождениях металлов и других ископаемых и о распространении промыслов на Иберийском полуострове в XI—XIII веках. Но в то же время, поскольку автор не подкрепляет своих положений о преобладании арабского города данными о соотношении промыслов и сельского хозяйства, его положения остаются не аргументированными и не доказанными. Он совершенно игнорирует процессы, происходившие в земледелии и в других областях хозяйственной жизни Испании в XI—XIII веках. Не вникнув в характер крестьянского хозяйства, как и в характер крупного землевладения средневековой Испании (об этом в его работе ни слова не говорится) и не выявив тем самым особенностей арабского феодализма в Испании, автор не в состоянии был найти действительных причин расцвета городской культуры арабской Испании и совершенно ошибочно свёл дело к преимуществам климата и связям арабской Испании с Востоком.

Четвёртая глава носит название «О социальных отношениях на Иберийском полуострове с XI по XIII век», но в ней об этих отношениях ничего не говорится. «Три верования — христианство, ислам и еврейство—определяют социальную структуру испанского средневековья»,—говорит автор. Однако при исследовании этой структуры внимание Дублера привлекли не отношения общественных классов, а размещение этнических и религиозных групп населения в разных областях страны. На основе топонимики он устанавливает места поселений христиан и евреев, а также места мусульманских погранич-

[1] Напомним известное место из Энгельса. Варвары, говорит он, «всюду ввели свою германскую марку с общим владением лесами и пастбищами и с распространением власти марки также и на поделённую землю. Это было проделано... вестготами в Южной Франции и в Испании» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 634).

ных укреплений. Эти данные, несомненно, дают возможность пополнить наши знания о реконкисте.

Пятая и шестая главы являются небольшими сводками известных фактов о торгово-географическом положении Иберийского полуострова в средние века и о городах Иберийского полуострова.

В седьмой главе — «Рынок» — даётся топонимика мест, где были рынки. На основании её данных делается попытка установить влияние ислама на образование рынков на севере страны. Попытка эта неудачна, поскольку автор не выясняет особенностей феодализма арабской Испании и их проявления в структуре города и рыночных отношений. Дублер не в состоянии выяснить также и вопрос о цехах средневековой Испании, которым посвящена последняя, восьмая глава книги. Прилагая теорию Белова о происхождении цехов к Хнобе, Дублер видит в этой принесённой мусульманами с Востока, сначала полусветской, полудуховной организации, корпоративную организацию, которая объединила производителей и торговцев вокруг рынка, т. е. цеховую организацию.

По-другому автор пытается объяснить развитие цехов в христианской части Испании. Этот процесс он изображает следующим образом: политические условия эпохи реконкисты (в частности необеспеченность жизни и имущества) рано привели к возникновению и существованию организации взаимопомощи передвигающихся по стране скотоводов, пастухов, перевозчиков клади и торговцев, получивших позже королевские привилегии (пример — знаменитая Места), которые и развились к XV в. в цехи. Внешние европейские влияния на организацию цехов сказались только в одной Каталонии (влияние из Франции). В дальнейшем, когда в реконкисте шло завоевание городов арабской Испании, завоеватели наряду со всей городской жизнью, торговлей и ремеслом восприняли и систему городского правления и цехи с собственным судом. Только в XVI в. всё устройство Испании стало подобно цеховому устройству остальной Европы.

Предложенная Дублером схема возникновения цехов Испании неверна, раньше всего потому, что эта схема декларативна. Автор не подтверждает своих положений конкретным описательным материалом о деятельности тех организаций, которые он именует цехами. Ограничиваясь одним лингвистическим материалом, он не показывает особенностей развития городов Испании и роста потребностей торговцев и купцов в самоорганизации для борьбы с феодалами. В конечном счёте, главный порок предложенной Дублером схемы состоит в том, что возникновение цехов у автора не обусловлено феодальным строем.

Таково содержание рецензируемой книги. В чём же её ценность?

Как видно из вышеизложенного, не в обобщениях автора. Его обобщения неверны как в общих, так и в частных вопросах. Они отражают беспомощность буржуазной историографии в освещении коренных вопросов истории средневековой Испании.

В рецензируемой работе эти вопросы, по существу, обойдены. Отсюда поверхностное, чисто внешнее представление автора о воздействии арабской культуры на культуру христианской Испании. Ценность книги в том, что она является сводкой большого конкретного материала из арабских и других источников и данных топонимики для суждения о производительных силах, городах, рынках и многих других хозяйственных явлениях Иберийского полуострова в XI—XIII веках. Эти источники изложены статично, и сама книга поэтому носит скорее характер сборника данных по исторической географии, чем работы, долженствующей разрешить проблему, поставленную автором.

Б. Рыбкин

„One America". Edited by F. D. Brawn and D. S. Ruchek. New York, 1945.
Сборник «Единая Америка», под ред. Ф. Д. Браун и Д. С. Ручек Нью-Йорк. 1945.

Сборник статей о национальных меньшинствах в США написан группой авторов. Авторы собрали обширный исторический материал, который мог бы иметь большую познавательную ценность при изучении формирования американской нации.

Однажды покойный президент Рузвельт сказал: «Мы все иммигранты». Он имел в виду тот факт, что американцы — это прежде всего иммигранты, которые в разные времена переселились в США с европейского, африканского и азиатского континентов. Сегодняшние американцы — это вчерашние славяне, голландцы, англичане, немцы и др. Авторы указывают, что только с 1820 по 1934 г. в Соединённые Штаты прибыло свыше 38 млн. иммигрантов; за эти 114 лет из Германии прибыло более 6 млн. человек, из Италии — 4719 тыс., из Ирландии — 4592 тыс., из Великобритании — около 4265 тыс., из Австро-Венгрии — 4144 тыс., из России — 3393 тыс., из Швеции — 1265 тыс. и т. д. Коренного населения — индейцев, живущих в настоящее время в так называемых резервациях, управляемых правительственными агентами,— насчитывается около 400 тысяч.

Колоссальный приток иммигрантов в Со-

ных укреплений. Эти данные, несомненно, дают возможность пополнить наши знания о реконкисте.

Пятая и шестая главы являются небольшими сводками известных фактов о торгово-географическом положении Иберийского полуострова в средние века и о городах Иберийского полуострова.

В седьмой главе — «Рынок» — даётся топонимика мест, где были рынки. На основании её данных делается попытка установить влияние ислама на образование рынков на севере страны. Попытка эта неудачна, поскольку автор не выясняет особенностей феодализма арабской Испании и их проявления в структуре города и рыночных отношений. Дублер не в состоянии выяснить также и вопрос о цехах средневековой Испании, которым посвящена последняя, восьмая глава книги. Прилагая теорию Белова о происхождении цехов к Хнобе, Дублер видит в этой принесённой мусульманами с Востока, сначала полусветской, полудуховной организации, корпоративную организацию, которая объединила производителей и торговцев вокруг рынка, т. е. цеховую организацию.

По-другому автор пытается объяснить развитие цехов в христианской части Испании. Этот процесс он изображает следующим образом: политические условия эпохи реконкисты (в частности необеспеченность жизни и имущества) рано привели к возникновению и существованию организации взаимопомощи передвигающихся по стране скотоводов, пастухов, перевозчиков клади и торговцев, получивших позже королевские привилегии (пример — знаменитая Места), которые и развились к XV в. в цехи. Внешние европейские влияния на организацию цехов сказались только в одной Каталонии (влияние из Франции). В дальнейшем, когда в реконкисте шло завоевание городов арабской Испании, завоеватели наряду со всей городской жизнью, торговлей и ремеслом восприняли и систему городского правления и цехи с собственным судом. Только в XVI в. всё устройство Испании стало подобно цеховому устройству остальной Европы.

Предложенная Дублером схема возникновения цехов Испании неверна, раньше всего потому, что эта схема декларативна. Автор не подтверждает своих положений конкретным описательным материалом о деятельности тех организаций, которые он именует цехами. Ограничиваясь одним лингвистическим материалом, он не показывает особенностей развития городов Испании и роста потребностей торговцев и купцов в самоорганизации для борьбы с феодалами. В конечном счёте, главный порок предложенной Дублером схемы состоит в том, что возникновение цехов у автора не обусловлено феодальным строем.

Таково содержание рецензируемой книги. В чём же её ценность?

Как видно из вышеизложенного, не в обобщениях автора. Его обобщения неверны как в общих, так и в частных вопросах. Они отражают беспомощность буржуазной историографии в освещении коренных вопросов истории средневековой Испании.

В рецензируемой работе эти вопросы, по существу, обойдены. Отсюда поверхностное, чисто внешнее представление автора о воздействии арабской культуры на культуру христианской Испании. Ценность книги в том, что она является сводкой большого конкретного материала из арабских и других источников и данных топонимики для суждения о производительных силах, городах, рынках и многих других хозяйственных явлениях Иберийского полуострова в XI—XIII веках. Эти источники изложены статично, и сама книга поэтому носит скорее характер сборника данных по исторической географии, чем работы, долженствующей разрешить проблему, поставленную автором.

Б. Рыбкин

„One America". Edited by F. D. Brawn and D. S. Ruchek. New York, 1945.
Сборник «Единая Америка», под ред. Ф. Д. Браун и Д. С. Ручек Нью-Йорк. 1945.

Сборник статей о национальных меньшинствах в США написан группой авторов. Авторы собрали обширный исторический материал, который мог бы иметь большую познавательную ценность при изучении формирования американской нации.

Однажды покойный президент Рузвельт сказал: «Мы все иммигранты». Он имел в виду тот факт, что американцы — это прежде всего иммигранты, которые в разные времена переселились в США с европейского, африканского и азиатского континентов. Сегодняшние американцы — это вчерашние славяне, голландцы, англичане, немцы и др. Авторы указывают, что только с 1820 по 1934 г. в Соединённые Штаты прибыло свыше 38 млн. иммигрантов; за эти 114 лет из Германии прибыло более 6 млн. человек, из Италии — 4719 тыс., из Ирландии — 4592 тыс., из Великобритании — около 4265 тыс., из Австро-Венгрии — 4144 тыс., из России — 3393 тыс., из Швеции — 1265 тыс. и т. д. Коренного населения — индейцев, живущих в настоящее время в так называемых резервациях, управляемых правительственными агентами,— насчитывается около 400 тысяч.

Колоссальный приток иммигрантов в Со-

единённые Штаты авторы сборника объясняют тем, что стране понадобилось огромное количество дешёвой рабочей силы. Агенты американских промышленников разъезжали по Европе и вели искусную пропаганду о стране «свободы и изобилия», заключали соглашения с железнодорожными и пароходными компаниями, по которым они сами оплачивали проезд законтрактованных иммигрантов, платили мэрам европейских городов и деревень за каждого жителя, которого им удавалось убедить эмигрировать в Америку.

Несомненно, вербовка иммигрантов облегчалась тем, что Америка была для европейского населения, жившего под гнётом феодальных и полуфеодальных режимов, страной надежд и возможных удач. Она, как магнит, притягивала к себе людей со всех концов мира, причём людей предприимчивых и энергичных, «Америка всё быстрее идёт вперёд, беря со всего мира наиболее энергичное, способное к труду рабочее население»[1].

Однако американцы делятся не только по национальным, но и по расовым признакам. Особо важным расовым меньшинством авторы книги считают негров, которых, по переписи 1940 г., насчитывалось 13 млн. человек, что составляло около 10% всего американского населения.

Главу «Негры в Америке» авторы начинают с описания появления первых негритянских рабов в Америке. Далее, следуя этой линии, они уделяют своё главное внимание распределению и росту негритянского населения. В одном месте мы находим важное замечание о том, что негры по своему «языку, религии, обычаям и мировоззрению — американцы, но они не имеют такой возможности сузить разрыв между собой и основной массой американского населения, как это могут сделать иммигранты». Авторы, однако, не раскрывают подлинных причин «исключительности» негритянской национальности. Они как бы мимоходом пишут о «подчинённом положении негров» в их взаимоотношениях с белыми, о том, что негры на юге находятся в «невылазной кабале у белых землевладельцев» и что там «вошло в обычай применять насилие против жизни и собственности негров». Эти сдержанные и вежливые замечания о бесправии негров в дальнейшем заслоняются звучным и решительным утверждением о том, что в Северных Штатах негры «имеют возможность получить образование и пользоваться политическими правами». Положение негров, проживающих на Севере, бесспорно лучше положения негров, проживающих на Юге. Однако при этом надо было бы сообщить, что на Юге проживают около 10 млн. негров, а на Севере—всего 3 миллиона. Но даже и в северных городах негры подвергаются жестокому преследованию. Суды Линча и негритянские погромы на Севере продолжают иметь место. На Севере, как и на Юге, негритянское население оказалось изолированным от белого населения и вынуждено проживать в гарлемах, или в кварталах, в несравненно худших социально-экономических условиях.

В США говорят, что нью-йоркские жители разговаривают на «международном языке». В самом деле, в этом городе имеются: Маленькая Италия, Немецкий квартал, Еврейский квартал, Русская улица, Китайский город, Негритянский гарлем. Все эти «города», «улицы» и «кварталы» строго придерживаются нравов и обычаев своей страны, справляют свои праздники, говорят на родном языке, поют свои национальные песни, готовят свои национальные блюда, имеют свои организации, издают свои газеты.

В своей книге авторы делают упор на процесс ассимиляции иммигрантов и подробно разбирают, какая национальность быстро и какая медленно приспособляется к американским условиям жизни. Эта особая забота авторов об ассимиляции национальных «меньшинств», составляющих абсолютное большинство американского белого населения, проявляется неспроста. Соединённые Штаты ещё не достигли полного единства и однородности. Отсюда проповедь «чистого» американизма, стремление привить инородным элементам политические и культурные доктрины американского буржуазного общества. Американская буржуазия всеми силами стремится переплавить многонациональную массу населения страны в единый стандарт «стопроцентного американизма». При этом учитывается и то, что у многих европейских иммигрантов обнаружились «опасные симптомы»: они хотят вернуться назад, на родину. Возьмём, к примеру, русскую иммиграцию. Согласно данным авторов книги, по переписи 1940 г., в США насчитывается 585 тыс. человек, которые назвали своим родным языком русский. Кто эти сотни тысяч людей, бережно хранящих свой родной русский язык?

Старая русская эмиграция, прибывшая в США до 1917 г., состояла главным образом из неграмотных и малограмотных крестьян, приехавших в Америку на заработки или бежавших от преследований царских властей. Первая мировая война отгородила их от родины, и им пришлось устраиваться в США на постоянное жительство.

Тяжёлый жизненный путь прошли старые русские эмигранты. Не будучи грамотными людьми, без специальной квалификации и без знания английского языка, они обычно шли на фабрики и заводы, в каменоломни, в рудники и шахты, туда, где нужны были крепкие мускулы. Они разбросаны почти по всем штатам. Многие работают на угольных шахтах и металлургических заводах в штатах Пенсильвания, Охайо, Вирджиния. Значительное число русских рабочих занято на лесоразработках в штатах Вашингтон и Мичиган, на рыбных промыслах тихоокеанского побережья, в строительстве, в портняжном деле и в ресторанах. Свыше 33 тыс. русских живут и работают на фермах в штатах Южная Дакота, Техас, Колорадо, Висконсин, Нью-Йорк, Пенсильвания, Нью-Джерси, Массачузетс и Коннектикут. Много русских садоводов имеется во Флориде и Западной Вирджинии.

Русская белая эмиграция состояла по большей части из представителей буржуазии и буржуазной интеллигенции. Многие из них оказались в США более беспомощными, чем простые русские крестьяне: те имели хоть крепкие мускулы и привычные к работе ру-

[1] Ленин. Соч. Т. XVII, стр. 41.

ки, а белоэмигранты и этого не имели. Кому были нужны их знания и опыт среди народа, на языке которого они даже не умели говорить? Многие из них вынуждены были переменить профессии и пойти на работу на предприятия, шахты, рудники и т. д.

Русские иммигранты «переплавлялись» в американских рабочих; некоторые обзаводились семьями, создавали молодое русско-американское поколение. На поверку оказалось, что большая часть из них сохранила свои национальные чувства.

Тяготение американцев-иммигрантов к старой родине не могут скрыть даже сами авторы сборника, хотя они и объясняют такое явление (как в примере с американскими албанцами) «крайними националистическими чувствами». Стремясь заверить читателей в успешности процесса ассимиляции иммигрантов, авторы изобразили проблему национальных меньшинств в США как проблему чисто культурную и этнографическую, лишённую каких бы то ни было политических аспектов. Этим самым они пытаются затушевать роль иммигрантов в американской политической жизни. В книге преуменьшается роль левых прогрессивных организаций и совершенно замалчивается деятельность фашистских организаций, создаваемых иммигрантами.

Наглядным примером такого преднамеренного искажения этой важной проблемы современной американской истории является оценка роли эмиграции из стран оси. Указав, что современное белое население США на 25% состоит из лиц немецкого происхождения, авторы заявляют, что «влияние немецкого элемента в американской политической жизни не соответствует его численности». А если и есть влияние, то оно «всегда было направлено в хорошую сторону и было гораздо более сильным, чем это признавалось». Немецкая иммиграция, по мнению авторов, характеризуется необычайно быстрой ассимиляцией, так как уже в первом поколении дети немецких родителей обнаруживают типично американские черты.

Всё это, несомненно, находится в полном противоречии с фактами, характеризующими деятельность немецкой иммиграции в США. Разве не немцы создали в США ряд немецко-фашистских организаций, которые ставили своей целью свержение существующего режима? С 1936 г. действовал в США германо-американский союз, созданный по прямому указанию Рудольфа Гесса. Этот союз, насчитывавший около 200 тыс. членов, создал широкую сеть американских фашистских организаций, антисемитских и антисоветских центров, военно-шпионских и нацистско-террористических ячеек, которые проникали во все области американской жизни с намерением подготовить и установить в стране фашистскую диктатуру. Если всё это называется «положительной» деятельностью немцев в Америке, то позволительно спросить: что же называется подрывной деятельностью?

В книге совершенно не упоминается деятельность итальянских фашистских организаций, о которой можно и нужно было бы поведать американскому читателю. Авторы ограничились заявлением о том, что «немногие итальянцы поддерживали режим Муссолини». Касаясь деятельности японского меньшинства на западном побережье США, авторы высказывают убеждение в том, что присутствие японских рыбаков и огородников в районах расположения важнейших американских военных баз объясняется лишь «историческими обстоятельствами». «К сожалению, — пишут они, — многие японские поселения оказались расположенными в стратегически важных районах США. Поскольку японцы уже находились в этих местах до того, как эти местности стали жизненно важными оборонительными зонами, подобное совпадение следует признать крайне неблагоприятным». И всё. А между тем авторам должно быть известно, что соответствующие американские органы установили наличие тесной связи японцев, проживавших на западном побережье, с японской разведкой. И не поэтому ли 19 февраля 1942 г. Рузвельт издал приказ о выселении всех японских американцев с западного побережья в глубь страны? Это было массовым переселением, охватившим 110 тыс. из 127 тыс. человек.

Нельзя пройти и мимо того факта, что в значительной части своей книги авторы пытаются протащить клеветнические материалы антисоветского характера. Путём перемещения событий и подтасовки фактов в разделах «Русские американцы», «Украинские американцы», «Литовские американцы», «Латышские американцы», «Эстонские американцы», «Армянские американцы», «Польские американцы» они преподносят читателю измышления и антисоветскую пропаганду.

Приведём лишь один пример подобной безграмотной и реакционной стряпни. В полном противоречии с хорошо известными и непреложными историческими фактами авторы утверждают, что «Советская Россия присоединила к себе нынешнюю Армянскую республику». Достаточно указать, что это «откровение» сопровождается длинным описанием «деятельности» предателей и врагов армянского народа — дашнаков, — чтобы обнаружить пахучий «источник» этой фальсификации истории. Впрочем, проявление симпатий к представителям контрреволюционных и монархических групп, обосновавшихся в США, видно во многих местах книги.

Реакционные руководящие идеи сборника и заведомая тенденциозность авторов в изложении исторического материала сводят до минимума познавательную ценность книги.

Б. Вронский

Проф. Г. А. КОКИЕВ. *Аграрное движение в Кабарде в 1913 году.* Кабгосиздат. Нальчик. 1946. 20 стр.

История аграрного движения 1913 г. в Кабарде во многих отношениях интересна и поучительна.

Как правильно отмечается в рецензируемой работе, это движение, охватившее большинство кабардинского трудового крестьянства (около 12 тыс. непосредственных активных участников движения), было вызвано не только частными местными причинами и обстоятельствами и носило не только узко локальный характер, а являлось «непосредственным результатом проведения в жизнь, в конкретных условиях Кабарды, столыпинской аграрной реформы, сводившейся к концентрации отнимаемых у крестьян-общинников земель в руках кабардинских помещиков и кулаков» (стр. 6—7)

Таким образом, история этого восстания вносит новый и ценный материал в общую историю проведения столыпинской аграрной политики на окраинах России, темы, которая до сих пор ещё является одной из наименее разработанных в нашей исторической литературе.

Несмотря на то, что восстание 1913 г. в Кабарде представляет собой крупное историческое событие, память о котором до сих пор ещё свежа среди кабардинского народа, имеющиеся о нём сведения чрезвычайно скудны, отрывочны и часто весьма неопределённы. В исторической литературе об этом восстании упоминается лишь вскользь и мимоходом, причём обычно неправильно указывается даже год восстания: вместо 1913-го — 1912-й. Никто из писавших на эту тему прежде не взял на себя труд проверить по первоисточникам пущенную в научный оборот ошибочную историческую дату[1].

Профессору Г. А. Кокиеву для того, чтобы хотя бы в общих чертах восстановить подлинную историю этого восстания, пришлось собрать распылённый по различным источникам фактический материал, прежде всего архивную документацию, дополнить её современными газетными сообщениями (корреспонденциями и статьями в газетах «Терек» и «Терские ведомости») и сопоставить всё это с воспоминаниями старожилов, участников описываемых событий.

К сожалению, важнейший источник — архивный документальный материал по истории аграрного движения 1913 г. в Кабарде — незначителен и односторонен. Как отмечает автор брошюры, бывшие в его распоряжении документы следственного дела весьма скупо освещают ход и общую картину восстания 1913 года. Ограниченность и специфичность привлечённых источников лишили автора возможности дать историю восстания во всей его полноте. В связи с этим остался недостаточно освещённым и требует дополнительных изысканий ряд важных вопросов, затронутых в работе Г. А. Кокиева. Так, автор брошюры поднимает чрезвычайно важный вопрос о том, кто был идейно-политическим руководителем восстания кабардинских крестьян в 1913 году. В связи с этим вопросом он обращает внимание на факт пребывания в этот период в Кабарде выдающегося деятеля большевистской партии С. М. Кирова.

Действительно, все биографы С. М. Кирова указывают, что в 1912—1913 гг. Сергей Миронович, живший тогда постоянно в городе Владикавказе (являвшемся административным центром Терской области, куда входила и Кабарда), не раз посещал под видом туриста Кабарду и устанавливал личные связи с вожаками кабардинских крестьян[2]. Поэтому нам представляется вполне вероятным предположение Г. А. Кокиева о руководящей роли С. М. Кирова в революционных кабардинских событиях 1913 года. Предположение это, однако, нуждается в более определённом фактическом обосновании, и первоочередная задача историка кабардинского восстания 1913 г.— уточнение этого важного вопроса.

Брошюра Г. А. Кокиева, являющаяся пока первым наброском картины восстания 1913 г. в Кабарде, имеет и ряд других существенных пробелов, которые необходимо устранить в процессе дальнейшей работы над этой темой.

Прежде всего желательно, чтобы автор более основательно и подробно осветил состояние аграрного вопроса и землепользования в Кабарде накануне событий 1913 года. При этом следовало бы отметить особое значение в сельском хозяйстве дореволюционной Кабарды пастбищных и сенокосных угодий, так как главнейшим занятием и источником дохода кабардинского крестьянства в ту эпоху было скотоводство.

Необходимо также более детально изложить историю и особенности проведения столыпинской аграрной реформы в Кабарде, показать все последствия этой реформы для крестьянского хозяйства и особенно отметить влияние этой реформы на развёртывание классовой борьбы в кабардинской деревне, внутри крестьянства.

К сожалению, показ крестьянского движения в Кабарде в связи с проведением столыпинской аграрной политики, показ этого движения во всей его сложности и внутренней противоречивости намечен в работе Г. А. Кокиева пока только схематически. Между тем это центральная, стержневая тема его брошюры, посвящённой крестьянскому движению, вызванному аграрной реформой 1913 года.

[1] Странно, что Г. А. Кокиев в своей брошюре нигде не указывает, что в печатной литературе принято датировать это восстание 1912 годом. Ср., например, Большая Советская Энциклопедия. Т. XXX. стб. 413; Малая Советская Энциклопедия. Т. V, стб. 109.

[2] См. С. М. Киров. Статьи, речи, документы. Т. I, 2-е изд., дополненное. Партиздат ЦК ВКП(б). 1936, стр. XIV—XV; И. Разгон. Биографический очерк С. М. Кирова, стр. 29. 1938; С. М. Киров (1886—1934). Краткий биографический очерк, стр. 23. Политиздат при ЦК ВКП(б). 1940.

Нельзя также забывать, что столыпинская аграрная политика на окраинах тесно связана со «столыпинской» национально-колониальной политикой. Это обстоятельство, естественно, накладывало свой особый отпечаток и на проводившиеся на окраинах аграрные реформы.

Издание брошюры Г. А. Кокиева Кабардинским научно-исследовательским институтом нужно признать вполне своевременным и необходимым. Указанные же выше пробелы и недостатки рецензируемой работы автор с успехом может устранить в следующем, расширенном и исправленном издании, необходимость которого, несомненно, ощущается.

Б. Гарданов

Известия Казахского филиала Академии наук Союза ССР. Серия историческая, вып. 2 (27). Алма-Ата. 1946. 160 стр.

Второй выпуск исторических статей в Известиях Казахского филиала Академии наук СССР (ныне преобразованного в самостоятельную Академию наук Казахской ССР) подводит итоги исследовательской работы казахских историков за последние несколько лет. Сборник достаточно разнообразен по своей тематике: наряду со статьями по истории национально-освободительного движения XIX века мы находим здесь специальные работы, посвящённые колониальной политике царизма, социально-экономическим процессам начала XX века, революции 1905 г. и гражданской войне в Семиречье; одна из статей затрагивает специальные проблемы источниковедения. Все напечатанные работы основаны, главным образом, на местном материале и написаны на темы по истории Казахстана.

Сборник открывается постановлением Центрального Комитета КП(б)К о подготовке второго издания «Истории Казахской ССР», содержащим критику первого издания этой книги и принципиальные указания о задачах дальнейшего изучения истории казахского народа. Постановление намечает пути правильного разрешения важнейших вопросов, относящихся к истории Казахской ССР, и тем самым определяет программу дальнейшей исследовательской работы казахских историков.

Из постановления ЦК КП(б)К исходит первая руководящая статья сборника, принадлежащая перу ответственного редактора Х. Г. Айдаровой,— «Некоторые итоги и перспективы развития исторической науки в Казахстане». Здесь дана сжатая характеристика досоветской и современной историографии Казахстана, очерчена проблематика предстоящих исторических исследований и изложен план ближайшей научной работы молодого Института истории, археологии и этнографии КАЗФАНа. Автор совершенно правильно выдвигает на первый план «изучение истории развития производительных сил и производственных отношений, классов и классовой борьбы в Казахстане», уделяя большое внимание и таким проблемам, как история государственного строя казахов, «освещение губительных последствий монгольского ига для казахских племён», «история взаимоотношений казахов со среднеазиатскими ханствами, с Китаем и Джунгарией», «присоединение Казахстана к России», история общественной мысли и т. д. В соответствии с намеченной проблематикой в план Института истории наряду с подготовкой второго издания «Истории Казахской ССР» и документальных публикаций включена тема «Социально-экономические отношения в XIX веке в Казахстане». Признавая вполне обоснованными мысли, высказанные в статье Х. Г. Айдаровой, нужно только пожелать, чтобы молодой Институт истории Казахской Академии наук не оставил без внимания и таких крупнейших, до сих пор не разрешённых проблем, как происхождение казахского народа и возникновение казахского государства. Именно здесь открывается широкое поле для согласованной работы историков, археологов, этнографов и лингвистов. Поставить эти проблемы и приблизиться к их разрешению — одна из важнейших задач Академии наук Казахской ССР.

Из числа конкретно-исследовательских статей сборника особое внимание обращает на себя — продуманной постановкой вопросов и документальной обоснованностью выводов—работа Е. Бекмаханова «К вопросу о массовости восстания Кенесары». Автор значительно дополнил и уточнил обычные представления о характере этого широкого национально-освободительного движения 1837—1847 годов. На разнообразных материалах, в значительной части почерпнутых в местных государственных архивах, Е. Бекманов сумел конкретно и точно установить состав участников восстания Кенесары Касымова. В этом отношении особенно ценны составленные автором сводные таблицы казахских родов, в разное время примыкавших к описываемому движению, а также таблицы районов расположения этих родов в периоды зимних и летних кочевий. Публикуемые данные с несомненностью убеждают в массовом, народном характере восстания Кенесары Касымова и вскрывают своеобразные черты степной национально-освободительной войны, менявшей свою территорию и создававшей дополнительные трудности для противника. Е. Бекманов анализирует также социальный и национальный состав участников движения, подробно останавливаясь на роли низших слоёв населения (байгушей, джатаков и егинши), на мотивах, которые руководили участниками из среды феодальной и родовой знати, на деятельности вождей батыров, на действиях представителей других

Нельзя также забывать, что столыпинская аграрная политика на окраинах тесно связана со «столыпинской» национально-колониальной политикой. Это обстоятельство, естественно, накладывало свой особый отпечаток и на проводившиеся на окраинах аграрные реформы.

Издание брошюры Г. А. Кокиева Кабардинским научно-исследовательским институтом нужно признать вполне своевременным и необходимым. Указанные же выше пробелы и недостатки рецензируемой работы автор с успехом может устранить в следующем, расширенном и исправленном издании, необходимость которого, несомненно, ощущается.

Б. Гарданов

Известия Казахского филиала Академии наук Союза ССР. Серия историческая, вып. 2 (27). Алма-Ата. 1946. 160 стр.

Второй выпуск исторических статей в Известиях Казахского филиала Академии наук СССР (ныне преобразованного в самостоятельную Академию наук Казахской ССР) подводит итоги исследовательской работы казахских историков за последние несколько лет. Сборник достаточно разнообразен по своей тематике: наряду со статьями по истории национально-освободительного движения XIX века мы находим здесь специальные работы, посвящённые колониальной политике царизма, социально-экономическим процессам начала XX века, революции 1905 г. и гражданской войне в Семиречье; одна из статей затрагивает специальные проблемы источниковедения. Все напечатанные работы основаны, главным образом, на местном материале и написаны на темы по истории Казахстана.

Сборник открывается постановлением Центрального Комитета КП(б)К о подготовке второго издания «Истории Казахской ССР», содержащим критику первого издания этой книги и принципиальные указания о задачах дальнейшего изучения истории казахского народа. Постановление намечает пути правильного разрешения важнейших вопросов, относящихся к истории Казахской ССР, и тем самым определяет программу дальнейшей исследовательской работы казахских историков.

Из постановления ЦК КП(б)К исходит первая руководящая статья сборника, принадлежащая перу ответственного редактора Х. Г. Айдаровой,— «Некоторые итоги и перспективы развития исторической науки в Казахстане». Здесь дана сжатая характеристика досоветской и современной историографии Казахстана, очерчена проблематика предстоящих исторических исследований и изложен план ближайшей научной работы молодого Института истории, археологии и этнографии КАЗФАНа. Автор совершенно правильно выдвигает на первый план «изучение истории развития производительных сил и производственных отношений, классов и классовой борьбы в Казахстане», уделяя большое внимание и таким проблемам, как история государственного строя казахов, «освещение губительных последствий монгольского ига для казахских племён», «история взаимоотношений казахов со среднеазиатскими ханствами, с Китаем и Джунгарией», «присоединение Казахстана к России», история общественной мысли и т. д. В соответствии с намеченной проблематикой в план Института истории наряду с подготовкой второго издания «Истории Казахской ССР» и документальных публикаций включена тема «Социально-экономические отношения в XIX веке в Казахстане». Признавая вполне обоснованными мысли, высказанные в статье Х. Г. Айдаровой, нужно только пожелать, чтобы молодой Институт истории Казахской Академии наук не оставил без внимания и таких крупнейших, до сих пор не разрешённых проблем, как происхождение казахского народа и возникновение казахского государства. Именно здесь открывается широкое поле для согласованной работы историков, археологов, этнографов и лингвистов. Поставить эти проблемы и приблизиться к их разрешению — одна из важнейших задач Академии наук Казахской ССР.

Из числа конкретно-исследовательских статей сборника особое внимание обращает на себя — продуманной постановкой вопросов и документальной обоснованностью выводов—работа Е. Бекмаханова «К вопросу о массовости восстания Кенесары». Автор значительно дополнил и уточнил обычные представления о характере этого широкого национально-освободительного движения 1837—1847 годов. На разнообразных материалах, в значительной части почерпнутых в местных государственных архивах, Е. Бекманов сумел конкретно и точно установить состав участников восстания Кенесары Касымова. В этом отношении особенно ценны составленные автором сводные таблицы казахских родов, в разное время примыкавших к описываемому движению, а также таблицы районов расположения этих родов в периоды зимних и летних кочевий. Публикуемые данные с несомненностью убеждают в массовом, народном характере восстания Кенесары Касымова и вскрывают своеобразные черты степной национально-освободительной войны, менявшей свою территорию и создававшей дополнительные трудности для противника. Е. Бекманов анализирует также социальный и национальный состав участников движения, подробно останавливаясь на роли низших слоёв населения (байгушей, джатаков и егинши), на мотивах, которые руководили участниками из среды феодальной и родовой знати, на деятельности вождей батыров, на действиях представителей других

национальностей (в частности, русских солдат, бежавших из царской армии). Подводя итоги своего анализа, Е. Бекмаханов приходит к выводу, что «основной движущей силой восстания Кенесары были широкие народные массы казахов», испытавшие на себе «двойную тяжесть колониального гнёта царизма и патриархально-феодальной эксплоатации султанов и биев» (94 стр.).

Автор статьи вполне прав, раскрывая широкую национально-массовую базу восстания: об этом говорят не только таблицы родов, но и настроения эксплоатируемых классов казахского общества, мечтавших об улучшении своей участи с установлением единой могущественной ханской власти. Но при выяснении движущих сил восстания историк не может ограничиться раскрытием субъективных мотивов участников: он должен проанализировать программу изучаемого движения и его объективные, закономерно проявляющиеся классовые тенденции. С этой точки зрения феодальное движение Кенесары Касымова в отличие от демократического восстания Исатая Тайманова не было движением трудящихся масс Казахстана; как бы ни было значительно участие байгушей, джатаков и егинши в степной войне 1837—1847 годов, основной движущей силой восстания оставались средние феодальные слои, заинтересованные в ликвидации прежней патриархально-феодальной раздробленности Казахстана.

Представляет интерес с источниковедческой точки зрения статья А. Маргулана «О характере и исторической обусловленности казахского эпоса». Автор устанавливает большую древность героического эпоса, возникшего ещё в ту эпоху, когда казахский народ не выделился из группы степных племён, кочевавших на территории современного Казахстана. Впоследствии эти эпические сказания составили неотъемлемую часть казахского народного эпоса и пополнились новыми, отразившими более поздние этапы казахской истории и степного быта. А. Маргулан характеризует особенности этой сокровищницы восточной поэзии, которые делают её одним из ценных источников познания прошлого: её относительную реалистичность, бо́льшую свободу от фантастики и мифологических украшений, свойственных эпосу других древних народов. «По воспроизведению исторических фактов и бытовых подробностей древних времён,— говорит А. Маргулан,— казахский эпос иногда не уступает летописной записи, зачастую как бы служа ей заменой, когда народ не имел письма» (стр. 75). Особенно обильный материал дают нам казахские поэмы о борьбе народа с внешними врагами — Китаем, Ираном, Византией, Джунгарией и пр. Немало данных заключают в себе народные поэмы о внутренних родовых отношениях, о феодальных усобицах, о борьбе народных масс с ханами, султанами и царизмом под руководством героических батыров. Автор статьи даёт периодизацию развития казахского эпоса, начиная с архаической эпохи древнетюркских племён и кончая историческими песнями XIX века.

К сожалению, некоторые тезисы автора не получили в статье необходимого развития и обоснования. Это относится прежде всего к важному выводу о большей реалистичности казахского эпоса: чтобы принять это положение, читателю необходимо ознакомиться со сравнительным систематическим анализом сходных эпических циклов казахского и других народов. Чтобы оценить казахский эпос как исторический источник, нужно подробно остановиться на некоторых вопросах, которых почти не касается автор статьи: о позднейших наслоениях, которыми по его собственному выражению, «перекрываются более древние мотивы эпических сказаний», о социальной основе этих разновременных наслоений, о соответствии поэтических образов сохранившимся данным археологии и восточных летописей и т. д. Бесспорно, народный эпос, как исторический источник, имеет огромное значение для изучения истории казахского народа, сравнительно поздно создавшего свою письменность, но тем важнее проблема критики этого источника как памятника художественного творчества, неизбежно включающего в себя элементы вымысла и поэтической идеализации. Особенно важно подвергнуть классовому анализу и критической оценке эпические сказания, сложившиеся под непосредственным влиянием класса феодалов (поэма об Едигее и пр.). В статье А. Маргулана вовсе не поставлена эта источниковедческая задача; такой методологический пробел неизбежно делает его характеристику казахского эпоса суммарной и недостаточно научной.

Очень ценной является статья В. Шахматова «Есет Котибаров». На основании многочисленных архивных материалов автор удачно разрешает спорный вопрос о характере вооружённого восстания 1855—1857 гг. под руководством батыра — рода Шекты — Есета Котибарова. Автор подробно останавливается на своеобразном положении, которое занимали отделения рода Шекты между Хивой и Россией, вынужденные в силу хозяйственных и политических мотивов лавировать между обоими государствами. Подробный анализ материала даёт автору полное основание утверждать, что Есет Котибаров не был вассалом, а тем более агентом хивинского хана и что восстание 1855 — 1857 гг. носило массовый характер, увлекши почти всех казахов из многочисленного рода Шекты и много аулов из родов Табын и Адай; по соглашению с Есетом Котибаровым, в восстании должны были принять участие казахи родов Черкеш, Тазлар, Иссык и Шомишли — Табын. Более того: на известном этапе развития в движении ясно обнаружились антифеодальные тенденции: нападения повстанческих отрядов на стада биев и баев подтверждаются официальными документами и получили демократическое истолкование в народном эпосе. Однако в целом движение Есета Котибарова не приобрело характера широкой крестьянской войны, не внесло изменений в феодальную основу казахского общества, страдало стихийностью, локальностью и непоследовательностью.

Следует признать, что обстоятельная работа Б. Шахматова вносит необходимую ясность в вопрос о предпосылках и движущих силах восстания 1855—1857 гг.: она устраняет ошибочное представление об Есете Котибарове как об агенте хивинского хана, организовавшем вооружённые нападения на царские отряды в личных, корыстолюбивых целях.

Перу С. Н. Покровского принадлежит статья «Начало гражданской войны в Семиречье», являющаяся одной из глав его большого диссертационного исследования. На основании местных архивных фондов, с привлечением русской и иностранной литературы, автор шаг за шагом прослеживает военные события на семиреченском фронте в течение мая—ноября 1918 года. Параллельно С. Н. Покровский вскрывает контрреволюционную роль богатого казачества, буржуазно-националистической партии «Алаш-орда» и «Сибирского правительства», выясняет большое значение аграрного вопроса во взаимоотношениях местного крестьянства с советской властью, указывает недостатки и ошибки местных ревкомов и красногвардейских отрядов. Достоинством статьи является ясное и точное освещение последовательных этапов вооружённой борьбы на фоне социальных противоречий в казачьих станицах, переселенческих сёлах и казахских аулах. Изложение С. Н. Покровского ещё более выиграло бы, если бы он ввёл в статью больше социально-экономического материала и приложил к тексту карту военных действий.

Ш. Я. Шафиро поместил в сборнике статью «Верный в годы первой русской революции». Выбор этой темы можно только приветствовать: она даёт возможность показать, как ещё в 1905 г. создавалось революционное братство русского и казахского народов. Вначале автор даёт характеристику старого города Верного, устанавливает в нём наличие большевистских кружков ещё ранее первой революции, говорит о революционной пропаганде и революционных событиях в Верном в 1905 г. и заканчивает свой очерк — не совсем в соответствии с темой — характеристикой переселенческой политики Столыпина и признаками революционного подъёма 1913—1914 годов.

К сожалению, проблема революционного содружества русского и казахского населения в революционном движении 1905 г. намечена автором слишком бегло и не получила полного и обстоятельного освещения. Самое изложение революционных событий дано недостаточно конкретно, часто без строгой хронологической датировки и точных ссылок на первоисточники. В отличие от всех других статей сборника работа Ш. Я. Шафиро производит впечатление труда, сделанного наспех и не вполне доработанного.

Интересна и важна постановка проблемы в статье А. Тарсунбаева «Социально-экономические последствия переселенческой политики царизма в Казахстане». Автор поставил перед собой задачу подойти к изучаемому явлению диалектически и проследить, с одной стороны, реакционные стороны столыпинской колонизации, с другой — прогрессивные последствия сближения казахского населения с русскими переселенцами. Автор собрал большой фактический материал, ярко и выпукло показал массовое обезземеливание казахских аулов в результате царской переселенческой политики, мобилизовал немало данных для характеристики новых капиталистических процессов в земледельческо-скотоводческих районах Казахстана, классовой дифференциации в аулах, роста отходничества и найма рабочей силы, разложения натурального хозяйства и пр. Однако автору не удалось установить непосредственную связь между переселением русских крестьян и развитием прогрессивных тенденций в казахском хозяйстве начала XX века. Северные районы, в которых наблюдалось наибольшее развитие товарно-денежных отношений, выделялись в этом отношении и раньше, во второй половине XIX века, под влиянием торговли с Россией, соприкосновения с казачьей линией, близости русских городов и пр. Можно предполагать, что хлынувшая после 1906 г. переселенческая волна расширила масштабы и усилила темпы ранее наметившегося процесса. Но для того чтобы выяснить непосредственное влияние русских переселенцев, нужно было произвести более сложный и тонкий анализ географического размещения переселенцев и хронологических этапов колонизации, проверить соответствие этих явлений экономическим изменениям в казахском хозяйстве. Недостаточно обоснован А. Тарсунбаевым и другой тезис — об улучшении способов производства в хозяйстве крупных баев Петропавловского и Омского уездов (63 стр.). Устанавливая увеличение посевов в районах переселенческих участков, автору следовало бы точно определить, какой процент увеличения падает на казахские хозяйства. При изложении фактов революционного движения не всегда ясно, участвовали ли в описываемых выступлениях (например у Омской телеграфной конторы) представители казахского населения? Эти недостатки метода мешают автору убедительно разрешить правильно поставленную и важную проблему.

Наряду с научными статьями в сборнике помещено два сообщения — Т. Шоинбаева «Восстание сырдарьинских егинши в 1856—1857 г.» и Б. Сулейменова «Подготовка реформы 1867—1868 гг. в Казахстане». Т. Шоинбаев привлёк новый архивный материал, относящийся к движению батыра Джанхожи Нурмухамедова, и дал этому событию новое освещение. Изучая состав участников, причины возникновения и общий характер восстания 1856—1857 гг., автор пришёл к выводу, что в основе этого массового выступления лежала борьба казахов-земледельцев (егинши) против захвата их земель царскими колонизаторами; большое участие в движении принимали бедняки-джатаки. Автор подкрепляет свои заключения большим количеством ссылок на литературу и источники. Для того чтобы концепция Т. Шоинбаева была вполне обоснована, ему необходимо наглядно показать, насколько сырдарьинские егинши действительно преобладали в разнородной массе восставших казахов.

Б. Сулейменов, опираясь на местные архи-

вы, подробно знакомит с внешней историей административной реформы, проведённой в Казахстане после присоединения к России последних казахских земель. Автор подробно излагает все этапы подготовительной работы, предшествовавшей изданию законов 1867 и 1868 гг.; частично он освещает и борьбу ведомственных мнений по вопросу об управлении степными областями. Для полноты картины Б. Сулейменову следовало бы познакомить читателя и с теми основными началами, к которым пришла степная комиссия и которые были положены в основу обоих законопроектов.

Сборник заканчивается обзором важнейших фондов Центрального государственного исторического архива Казахской ССР, характеристикой его научной работы и рецензиями на его последние издания — публикацию «Герои Советского Союза — казахстанцы» и «Путеводитель по фондам».

Несмотря на отдельные пробелы и недостатки «Известия Казахского филиала Академии наук СССР» производят хорошее впечатление разнообразием тематики, обилием привлечённого архивного материала и новизной сделанных исследовательских выводов. Сборник показывает, что в Казахстане выросли собственные кадры историков, которые с увлечением и успехом изучают прошлое своей родной республики.

Проф. Н. Дружинин

Л. БЕРГ. *Открытие Камчатки и экспедиции Беринга (1725—1742).* 3-е изд. Издательство Академии наук СССР. М.-Л. 1946. 379 стр. 30 руб.

Работа Л. С. Берга представляет ряд исследовательских очерков по отдельным проблемам, а не исследование истории продвижения России в сторону Тихого океана в связи с общей исторической обстановкой. Однако в плане тех задач, которые были поставлены Л. С. Бергом, ему удалось дать работу большой ценности.

Прекрасное знание научной литературы, советской, дореволюционной и зарубежной, лаконизм и точность изложения, глубокий анализ ряда проблем делают работу весьма интересной. Особенно следует отметить главы об экспедициях Беринга и Чирикова и о северной группе Камчатской экспедиции. Хорошо написана глава о плавании Дежнева. В ней дано исчерпывающее опровержение неверной, к тому же неоригинальной концепции по этому вопросу американского профессора Франка Голдера, который без достаточных оснований оспаривал факт прохождения Дежневым вокруг северо-востока Азии морским путём.

В изложении даётся много интересных комментариев по этнографии, зоологии, ботанике.

Целесообразность 3-го издания работы вытекает и из того, что в тексте и примечаниях, особенно в первой части её, имеются некоторые дополнения.

Приветствуя выход в свет этой нужной и интересной книги, мы должны отметить некоторые её недостатки. Прежде всего — это внутренняя противоречивость самой книги: чисто историческую тему автор пытается разрешить путём написания ряда отдельных очерков вне общей исторической связи. Вопрос о структуре книги — вопрос не только методический, но и методологический. В результате отрыва изложения от общей исторической обстановки основная историческая проблема — о задаче русских экспедиций на Тихом океане — решена Л. С. Бергом неправильно.

Причину снаряжения огромной экспедиции Беринга Л. С. Берг объясняет, основываясь на сведения Наотова, следующим образом: Пётр Великий решил послать экспедицию в Америку для того, чтобы узнать, соединяется ли Азия на северо-востоке с Америкой, главное же — отыскать «дорогу через Ледовитое море в Китай и Индию» (стр. 8, 11, 12). Все окружающие Петра лица и участники экспедиции поддерживали ту же версию. Однако нами установлено, что эта версия была предложена не для того, чтобы разъяснить истинную цель экспедиции, а для того, чтобы замаскировать её. Мы не будем здесь подробно останавливаться на этом большом и интересном вопросе, отметим лишь, что русские экспедиции на Тихом океане относились к эпохе, когда шла бурная колонизация Америки европейскими державами, когда встал вопрос об определении восточных границ России и об их безопасности. Эта экспедиция имела большое государственное значение. Объяснение Л. С. Берга противоречит архивным документам и уже опубликованным материалам и является неверным.

В некоторых случаях Л. С. Берг приводит документы без должного их анализа. Так, например, говоря об открытии русскими Курильских островов, автор неоднократно ссылается на документы, помещённые в «Памятниках сибирской истории XVIII в.». Эти документы совершенно бесспорно свидетельствуют о том, что в то время как Курильские острова были открыты русскими и присоединены к России, японцев на них не было. Даже тот документ, который приведён Л. С. Бергом на стр. 140—141, свидетельствует об этом. Местные жители называли японцев иноземцами, лишь от случая к случаю вели с ними торговлю. Л. С. Берг привёл соответствующий документ, но не сделал из него важного вывода об отсутствии японцев на островах.

Интересно приведённое Л. С. Бергом сведение о том, что курилы-айны острова Шикотан, на Малой Курильской гряде,

вы, подробно знакомит с внешней историей административной реформы, проведённой в Казахстане после присоединения к России последних казахских земель. Автор подробно излагает все этапы подготовительной работы, предшествовавшей изданию законов 1867 и 1868 гг.; частично он освещает и борьбу ведомственных мнений по вопросу об управлении степными областями. Для полноты картины Б. Сулейменову следовало бы познакомить читателя и с теми основными началами, к которым пришла степная комиссия и которые были положены в основу обоих законопроектов.

Сборник заканчивается обзором важнейших фондов Центрального государственного исторического архива Казахской ССР, характеристикой его научной работы и рецензиями на его последние издания — публикацию «Герои Советского Союза — казахстанцы» и «Путеводитель по фондам».

Несмотря на отдельные пробелы и недостатки «Известия Казахского филиала Академии наук СССР» производят хорошее впечатление разнообразием тематики, обилием привлечённого архивного материала и новизной сделанных исследовательских выводов. Сборник показывает, что в Казахстане выросли собственные кадры историков, которые с увлечением и успехом изучают прошлое своей родной республики.

Проф. Н. Дружинин

Л. БЕРГ. *Открытие Камчатки и экспедиции Беринга (1725—1742).* 3-е изд. Издательство Академии наук СССР. М.-Л. 1946. 379 стр. 30 руб.

Работа Л. С. Берга представляет ряд исследовательских очерков по отдельным проблемам, а не исследование истории продвижения России в сторону Тихого океана в связи с общей исторической обстановкой. Однако в плане тех задач, которые были поставлены Л. С. Бергом, ему удалось дать работу большой ценности.

Прекрасное знание научной литературы, советской, дореволюционной и зарубежной, лаконизм и точность изложения, глубокий анализ ряда проблем делают работу весьма интересной. Особенно следует отметить главы об экспедициях Беринга и Чирикова и о северной группе Камчатской экспедиции. Хорошо написана глава о плавании Дежнева. В ней дано исчерпывающее опровержение неверной, к тому же неоригинальной концепции по этому вопросу американского профессора Франка Голдера, который без достаточных оснований оспаривал факт прохождения Дежневым вокруг северо-востока Азии морским путём.

В изложении даётся много интересных комментариев по этнографии, зоологии, ботанике.

Целесообразность 3-го издания работы вытекает и из того, что в тексте и примечаниях, особенно в первой части её, имеются некоторые дополнения.

Приветствуя выход в свет этой нужной и интересной книги, мы должны отметить некоторые её недостатки. Прежде всего — это внутренняя противоречивость самой книги: чисто историческую тему автор пытается разрешить путём написания ряда отдельных очерков вне общей исторической связи. Вопрос о структуре книги — вопрос не только методический, но и методологический. В результате отрыва изложения от общей исторической обстановки основная историческая проблема — о задаче русских экспедиций на Тихом океане — решена Л. С. Бергом неправильно.

Причину снаряжения огромной экспедиции Беринга Л. С. Берг объясняет, основываясь на сведения Наотова, следующим образом: Пётр Великий решил послать экспедицию в Америку для того, чтобы узнать, соединяется ли Азия на северо-востоке с Америкой, главное же — отыскать «дорогу через Ледовитое море в Китай и Индию» (стр. 8, 11, 12). Все окружающие Петра лица и участники экспедиции поддерживали ту же версию. Однако нами установлено, что эта версия была предложена не для того, чтобы разъяснить истинную цель экспедиции, а для того, чтобы замаскировать её. Мы не будем здесь подробно останавливаться на этом большом и интересном вопросе, отметим лишь, что русские экспедиции на Тихом океане относились к эпохе, когда шла бурная колонизация Америки европейскими державами, когда встал вопрос об определении восточных границ России и об их безопасности. Эта экспедиция имела большое государственное значение. Объяснение Л. С. Берга противоречит архивным документам и уже опубликованным материалам и является неверным.

В некоторых случаях Л. С. Берг приводит документы без должного их анализа. Так, например, говоря об открытии русскими Курильских островов, автор неоднократно ссылается на документы, помещённые в «Памятниках сибирской истории XVIII в.». Эти документы совершенно бесспорно свидетельствуют о том, что в то время как Курильские острова были открыты русскими и присоединены к России, японцев на них не было. Даже тот документ, который приведён Л. С. Бергом на стр. 140—141, свидетельствует об этом. Местные жители называли японцев иноземцами, лишь от случая к случаю вели с ними торговлю. Л. С. Берг привёл соответствующий документ, но не сделал из него важного вывода об отсутствии японцев на островах.

Интересно приведённое Л. С. Бергом сведение о том, что курилы-айны острова Шикотан, на Малой Курильской гряде,

насильственно переселённые сюда японцами в 1884 г., и после этого, в 1899 г., «продолжали называть себя русскими именами и фамилиями. Здесь было всего четыре фамилии: Сторожев, Новограбленый, Плетни и Шериники; имена же у них были: Евсей, Трифон, Прокофий, Иван, Дарья, Матрёна, Мавра, Пелагея, Харитина, Федора и др. Впрочем, каждый кроме того носил и айнское имя» (стр. 147).

Второй существенный недостаток работы Л. С. Берга — почти полное неиспользование архивных материалов, за исключением карт из фондов «Географический департамент» (Библиотека АН СССР), архива Академии наук СССР и некоторых других.

В связи с тем, что автор не использовал архивы, его изложение проблемы отличается неполнотой. Л. С. Бергу остался неизвестным целый ряд важных звеньев истории открытия Америки со стороны России.

Ничего он не сказал о большой экспедиции Якова Агеевича Елчина, о «Большом Камчатском наряде», хотя по этому вопросу имеются не только архивные данные, но и очень интересная статья военно-морского историка А. Сгибнева в «Морском сборнике» за 1868 год.

Ничего не сказано и о попытке первой экспедиции в Америку Мельникова в 1725—1730 гг. и о тех интересных сведениях об Америке, которые сообщил Мельников. Выпал и ряд других важных звеньев истории русских экспедиций на Тихом океане в XVIII веке.

Сведения об экспедиции Фёдорова и Гвоздева взяты автором из статьи и публикации А. П. Соколова в «Записках» Гидрографического департамента за 1851 год под названием: «Первый поход русских к Америке». Л. С. Берг высказывает убеждение в том, что данная «неподписанная» статья принадлежит Соколову. Поскольку статья вошла в список сочинений А. П. Соколова, изданных в связи с его юбилеем, о её авторе можно говорить не только предположительно.

Самая публикация документов об экспедиции Фёдорова и Гвоздева дана Соколовым с нарушением всех правил археографии. Да это и понятно. В середине прошлого столетия археографические правила очень мало походили на современные. Пользоваться публикацией Соколова просто нецелесообразно. Между тем в Центральном военно-морском историческом архиве сохранился подлинный, подписанный Гвоздевым «репорт» и ряд других важнейших документов об его экспедиции. Кроме того в архивах имеется, хотя довольно схематичная и в копии, карта похода в 1732 г. бота «Гавриила» к американским берегам, составленная на основании лагбуха подштюрмана Фёдорова. Использование подлинных документов позволило бы более исчерпывающе осветить поход Фёдорова и Гвоздева, имевший такую огромную важность.

Л. С. Бергу неизвестно, что отчёт Евреинова о походе на Курильские острова и карта этих островов сохранились. Эта карта была экспонирована на выставке, организованной Центральным государственным архивом древних актов (ЦГАДА) в связи с 220-летием Академии наук СССР. Подлинник же отчёта сохранился в книгах фонда «Кабинет Петра Великого». Вне поля зрения Л. С. Берга остались и интереснейшие русские печатные карты Америки одного из сподвижников Петра Великого — московского картографа Василия Киприянова (1713—1715).

Л. С. Берг пишет о карте Чукотского полуострова и Аляски якутского дворянина Ивана Львова, ссылаясь на описание её, данное Миллером. Между тем подлинник этой карты сохранился в архивах, и если бы Л. С. Берг ознакомился с архивными материалами, он мог бы определить происхождение карты Чукотского полуострова, напечатанной впервые в Нюрнберге в 1725 г. наследниками Иоганна Баптиста Гомана и вновь опубликованной Л. С. Бергом в 1943 году [1].

Опубликовав в 1943 г. карту Анадырского полуострова и Камчатки, взятую им из атласа Иоганна Баптиста Гомана, Л. С. Берг написал: «Это — первое печатное изображение Камчатки. Как оно попало к Гоману — неизвестно. Но так как Пётр I благоволил Гоману, то возможно, что карта Камчатки была получена Гоманом через него» [2].

Далее Л. С. Берг высказывает совершенно правильное предположение о том, что громадный безыменный остров, изображённый на карте, — это Аляска. Ознакомление с картой Львова дало бы Л. С. Бергу возможность разрешить вопрос о происхождении карты Гомана. Карта Аляски, островов Диомида и Чукотского полуострова Гомана с поразительной точностью воспроизводят контуры карты якутского дворянина Ивана Львова.

Карта 1726 г. в ряде глав названа картой Шестакова. В опечатках сказано, что её надо считать картой Кириллова. Однако вопрос о происхождении этой карты очень трудный и сложный, до конца не разрешён. Самая карта технически воспроизведена крайне неудовлетворительно (вклейка к стр. 96). Мы имели возможность пользоваться оригиналом этой карты и её латинским вариантом в фонде Географического департамента в библиотеке Академии наук СССР. И оригинал и латинский вариант карты в хорошей сохранности и поддаются удовлетворительному воспроизведению.

В книге Л. С. Берга встречаются и мелкие неточности. Например, автор, ссылаясь на публикацию В. Н. Александренко, пишет: 29 октября 1732 г. русский посол в Лондоне Антиох Кантемир (на самом деле в то время Кантемир был не послом, а резидентом) писал Анне Иоанновне, что англичанин Эльтон подал ему «Проект об изыскании корабельного хода от Архангельского города около Новой земли в Японии, Китай, Индии и в Америку и в протчия».

Мы имели возможность ознакомиться с подлинным архивным делом. В нём нет указания на то, что автором проекта является

[1] См. статью Л. С. Берга «Первые карты Камчатки». «Известия ВГО» № 4 за 1943 г. (т. 75), стр. 5.

[2] Там же.

Эльтон. В реляции А. Кантемира от 29 октября сказано: «По прибытии моём сюда один англичанин, имени которого для безопаства вашему имп. вел. объявить не могу, подал мне приложенный при сем проект»[3]. Автора проекта можно установить по другим архивным материалам и на основании публикации Мартенса и Александренко. Таким образом, ссылка Л. С. Берга на то, что Кантемир назвал автора реляции, неосновательна.

Этнографические комментарии Л. С. Берга всегда интересны. К числу немногих, вызывающих возражения комментариев следует отнести объяснение Л. С. Бергом сведения, полученного от чукчи в 1718 г., о том, что на Большой земле, т. е. Аляске, «есть и такие люди, у коих ноги подобны вороновым, и кожа на ногах такая же, и зимою обужи никакой не носят» (стр. 54). Л. С. Берг полагает, что речь идёт о тотеме ворона в виде ноги этой птицы с тремя пальцами. Нам представляется более вероятным другое объяснение: аляскинские эскимосы ходят на нескользящих лыжах-ракетках, которые называются у них «вороньи лапки». Рассказ об эскимосе, который ходит на «вороньих лапках», и мог лечь в основу версии о людях, «у коих ноги подобны вороновым».

То обстоятельство, что Л. С. Берг не проделал работы по разысканию и анализу архивных материалов, является причиной некоторых существенных пробелов в рецензируемой книге. Задача исследования истории русских экспедиций на Тихом океане в историческом плане этой книгой не решена. Однако работа Л. С. Берга даёт систематизацию большого интересного материала и решает ряд важных частных проблем истории географических знаний.

В целом это капитальный труд большого научного значения.

Проф. А. Ефимов

[3] ЦГАДА, Ф. «Сношения России с Англией». 1732 г., д. № 545, л. 255.

БИБЛИОГРАФИЯ

Историческая литература, вышедшая в СССР в марте 1947 года

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIX. Письма. М. Госполитиздат. 1946. IX, 500 стр. 4 вкл. л. илл. (ИМЭЛ).

В. И. Ленин. Соч. 4-е изд. Т. V. Май 1901 — февраль 1902 г. М. Госполитиздат. 1946. VIII, 528 стр. 2 вкл. л. факсим. (ИМЭЛ).

В. И. Ленин. Соч. 4-е изд. Т. VI. Январь 1902 — август 1903 г. М. Госполитиздат. 1946. VIII, 513 стр. 3 вкл. л. факсим. (ИМЭЛ).

Жизнь и деятельность В. И. Ленина. 1870—1924. Альбом. По материалам Центрального музея В. И. Ленина. М. 1945. 47 стр. текста, 112 отд. л. илл. в одной папке.

———

Абрамян В. Ремёсла и цеховые организации в Армении IX—XIII веков. Ереван. акад. наук Армян. ССР. 1946. 154 стр., илл. (Гос. ист. музей Армении). На армян. яз.

Арциховский А. В. Русское оружие X—XIII веков. «Доклады и сообщения ист. фак-та Моск. ордена Ленина гос. ун-та им. М. В. Ломоносова». Вып. 4-й. М. 1946, стр. 3—17.

Бабиров М. Из истории большевистской организации Баку и Азербайджана. М. Госполитиздат. 1946. 227 стр. 1 вкл. л. портр.

Базилевич К. и Новицкий Г. История СССР от древнейших времён до конца XVIII века. Уч. пособие для слушателей ВПШ при ЦК ВКП(б). Ч. I. М. 1946. 742 стр. (Высшая партшкола при ЦК ВКП(б).

Бекмаханов Е. Социально-экономические последствия присоединения Казахстана к России. «Большевик Казахстана». № 11—12, 1946, стр. 62—73.

Берг Л. Очерки по истории русских географических открытий. М. и Л. Акад. наук СССР. 1946. 358 стр. 7 вкл. л. илл. (Научно-популярная серия).

Болтин Е. Контрудар Фрунзе и разгром Колчака. Уч. пособие. М. 1946. 107 стр. 8 вкл. л. схема. (Краснознам. ордена Ленина и ордена Суворова 1-й степени Воен. акад. Красной Армии им. М. В. Фрунзе).

Внешняя политика СССР. Сб. документов. Т. IV (1935 — июнь 1941 г.). Сост. А. С. Тиемниец. Отв. ред.— С. А. Лозовский. Ред. и автор прим.— Б. Е. Штейн. М. 1946. 647 стр. Для служебного пользования.

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. I. М. Госполитиздат. 1946. 803 стр. 2 вкл. л. портр. (Документы и материалы 22 июня 1941 г.— 31 декабря 1943 г.).

Гнучева В. Географический департамент Академии наук XVIII века. Под ред. А. И. Андреева. М. и Л. Акад. наук СССР. 1946. 446 стр. 4 вкл. л. илл. 13 карт на отд. л. (Труды архива Акад. наук СССР. Вып. 6-й. Под общей ред. Г. А. Князева и Л. Б. Модзалевского).

Гусаков А. Очерки по денежному обращению России накануне и в период Октябрьской социалистической революции. М. Госфиниздат. 1946. 124 стр. (Ин-т экономики).

Житов К. Краткий очерк истории Узбекской ССР. Ташкент. Госиздат Узб. ССР. 1947. 54 стр. На узб. яз.

Капанцян Г. Об урартском божестве Шебиту. Ереван. акад. наук Армян. ССР. 1947. 16 стр.

Каргер М. Новгород Великий. М. Акад. архитектуры СССР. 1946. 183 стр., илл. (Ин-т истории и теории архитектуры. Сокровища рус. зодчества. Под общ. ред. В. А. Веснина).

Каухчишвили С. История поселения греков в Грузии. «Труды Кутаисского гос. пед. ин-та им. А. Цулукидзе». Т. VI. 1946, стр. 125—154. На груз. яз.

Кржевский Б. Франсиско Кеведо о Московской Руси XVII века. «Научный бюлл. Ленингр. гос. ордена Ленина ун-та» № 14—15. 1947, стр. 23—25.

Ленинград. Архитектурно-планировочный обзор развития города. Отв. ред.— Н. В. Баранов. Художник — В. А. Каменский. Л. и М. Искусство. 1943. 403 стр., илл. (Ленингр. гор. совет деп. труд. Исполн. ком-т. Архитект.-планиров. упр.).

Мавродин В. О появлении огнестрельного оружия на Руси. «Вестник Ленингр. ун-та». № 3. 1946, стр. 66—75.

Мазунин Н. Военно-морской флот при Петре I. «Преподавание истории в школе». № 3. 1946, стр. 12—22, илл.

Майрановский Л. Батумская демонстрация 1902 года. М. Гослитиздат. 1947. 62 стр., илл.

Материалы по археологии Кабардино-Балкарии. Под ред. М. И. Артамонова. М. и Л. Акад. наук СССР. 1941. 325 стр., илл. 7 вкл. л. (Ин-т матер. культуры им. Н. Я. Марра. Материалы и исследования по археологии СССР № 3). Резюме на франц. яз.

Нотович Ф. Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. Т. I. Потеря союзниками Балканского полуострова. М. и Л. Акад. наук СССР. 1947. 748 стр. (Ин-т истории).

Осипов К. Великий русский полководец Суворов. М. Воениздат. 55 стр. (В помощь преподавателю дивиз. школы партактива. История СССР).

Приказчикова Е. Экономические взгляды А. Н. Радищева. М. и Л. Акад. наук СССР. 1947. 141 стр. (Ин-т экономики).

Светлов Л. Издательская деятельность Н. И. Новикова. М. Гизлегпром. 1946. 116 стр., илл., 1 вкл. л. портр.

Тарле Е. Роль русского военно-морского флота во внешней политике России при Петре I. «Морской сборник». № 10. 1946. стр. 35—73; № 11—12, стр. 63—102.

Тихомиров М. Великокняжеская Москва XIV—XV веков. «Преподавание истории в школе». № 3. 1946, стр. 33—42.

Чалоян В. Философия Давида Непобедимого. Ереван. акад. наук Армян. ССР. 1946. 239 стр. (Ин-т истории).

Шорников М. Зарождение большевистских организаций в Сибири (1896—1903). «Сибирские огни». № 4. 1946, стр. 89—97.

Юшков С. История государства и права СССР. Ч. I. Учебник для юрид. школ. Допущ. Упр. уч. заведениями Министерства юстиции СССР в качестве учебника для юрид. школ. М. Юриздат. 1946. 332 стр. (Всесоюзн. ин-т юрид. наук).

Государственная публичная историческая библиотека

Иностранные книги и статьи по истории второй мировой войны *

(Продолжение)

Германия

Troughton E. It's happening again. London. Gifford. 1944. III p. ФБОНАН

Vagts A. Hitler's second army. Washington. Infantry journal. 1943. 245 p. ФБОНАН

Dickinson R. The German Lebensraum. West Drayton, Middlesex. Penguin books. 1943. 223 p. ГЛБ

Seydewitz M. Civil life in wartime Germany. The story of the home front. New York. Viking press. 1945. VIII, 418 p.

Hitler's ten-year war on the Jews. New York. 1943. 311 p. (Institute of Jewish affairs of the American Jewish congress) ФБОНАН

Berg E. Behind barbed wires. Among war prisoners in Germany. Transl. from the Swedish by O. N. Olson. Rockisland. Augustana book concern. 1945. 95 p. ФБОНАН

The exploitation of foreign labour by Germany. Montreal. Internat. lab. office. 1945. V, 286 p. (Stud. and repts. ser. C. No 25)

Janta A. I lied to live. A year as a German family slave. Forew. by Rex Stout. New York. Roy. 1944. VIII, 312 p. ФБОНАН

Monk F. The legacy of nazism. London. Macmillan. 1944. 288 p.

Elimination of German resources for war. Pt. 1—2. Washington. Govt. print. off. 1945. 124 p. (U. S. Congress, 79th. Session Ist. Senate. Committee on military affairs) ГЛБ

Thompson D. Signals from Germany. «Foreign affairs». 1944. Vol. 22. N 2, p. 189—208.

Langhoff W. Die Bewegung «Freies Deutschland» und ihre Ziele. Zürich. Europa-Verlag. 1945.

Bernadotte F. The curtain falls. Last days of the Third Reich. Transl. from the Swedish by F. Lewenhaupt. New York. Knopf. 1945. 154 p.

Граф Бернадотт был использован Гитлером для переговоров с Великобританией и США о компромиссном мире в последние дни «III империи».

Brailsford H. Our settlement with Germany. New York. Day. 1944. 160 p. ФБОНАН

Riiser-Larsen H. A propos du problème allemand. Rèflexions d'un combattant. «France libre». 1944. Vol. 8. N 44, p. 141—145.

Friedwald E. Mythe du colosse germanique. (Fictions et réalités allemandes). «France libre». 1944. Vol. 3. N 46, p. 291—296.

Phil G. Germany. The last phase. New York. Knopf. 1944. 323 p. ФБОНАН

Headrick W. Occupation of Germany. «Current history». 1944. Vol. 7. N 40, p. 460—467.

Unconditional surrender of Germany. Declaration and other documents issued by the Governments of the United Kingdom, the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics, and the provisional government of the French republic 5th June, 1945. London. 1945. 8 p. ФБОНАН

Viner J. The treatment of Germany. «Foreign affairs». 1945. Vol. 23. N 4, p. 567—581.

Mosley L. Report from Germany. London. Gollancz. 1945. 125 p.

Италия. Ватикан.

The Ciano diaries. 1939—1943. Ed. by Gibson. Introd. by S. Welles. New York. Doubleday. 1946. XXI, 584 p.

Scrivener J. Inside Rome with the Germans [Sept. 1943—June 1944.] New York. Macmillan. 1945. 204 p.

Menken J. The Italian campaign. «National review». 1944. Vol. 123. № 742, p. 472—480.

Mitchell D. From Calabria to Cassino. «Current history». 1944. Vol. 6. № 33, p. 405—409.

Review of allied military government and of the allied commission in Italy. July 10, 1943, D—day Sicily to May 2, 1945 German

---

* Начало см. в № 4 журнала «Вопросы истории» за 1947 г.

surrender in Italy. Rome. Allied commission. Public relations branch. 1945. 125 p.

Wiskemann E. The breaking of the axis. «International affairs». 1946. Vol. 22. № 2, p. 227—239.

Hewetson J. Italy after Mussolini. London. Freedom press. 1945. 48 p.

Lehman L. Vatican policy in the Second world war. New York. Agora publ. co. 1946. 48 p. ФБОНАН.

Binchy D. The Vatican and international diplomacy. «International affairs». 1946. Vol. 22. № 1, p. 47—56.

Lehman L. Behind the dictators. (A fully documented analysis of Vatican fascist collaboration). 2d enl ed. New York. Agora publ. co. 1945. 107 p. ФБОНАН.

Австрия. Венгрия.

J. L. G. The allied commission for Austria. A preliminary account of its organization and work. «World today». 1945. Vol. 1. № 5, p. 204—213.

Kobr M. Hungary's war. London. New Europa publ. co. 1943. 56 p. ФБОНАН.

Count Karolyi and Hungary. From defeat to victory. London. Lincolns — Prager. 1945. 68 p.

Mende T. Hungary's road to freedom. «Fortnightly». 1945. № 940, p. 228—235.

Pavel P. Transylvania and Danubian peace. With a pref. by R. W. Seton — Watson and two contributions by S. Jovanovitch and H. Ripka. London. New Europe publ. co. 1943. 64 p. ФБОНАН.

Балканы. Румыния. Греция

Machray R. The Balkans in 1943. «Contemporary review». 1944. № 937, p. 8-13.

Padev M. Escape from the Balkans. Indianapolis — New York. Bobbs — Merill co. 1943. 311 p. ФБОНАН.

Mezincescu A. Roumania. Over two years of German domination. A chronology of unrest and sabotage. Oxford. 1943. 28 p. ФБОНАН.

Pavel P. Certain aspects of the armistice with Rumania. «Journal of Central European affairs». 1945. Vol. 4. № 4, p. 367—372.

White book, May 1944 — March 1945. By the National liberation front—E. A. M. Transl. from the Greek. New York. Greek American council. 1945. 137 p.

Documents regarding the situation in Greece. January 1945. London. Stat. off. 1945. 14 p. (Greece № 1. 1945). ФБОНАН.

Was Churchill right in Greece? Comp. by Ch. J. Agrafiotis. Manchester. The author. 1945. 152 p.

Швейцария

Switzerland's war-time and post-war policy. By J. R. «Bulletin of international news». 1945. Vol. 22. № 8, p. 343—349.

Forst de Battaglia O. La Suisse et la guerre. «Revue politique et parlementaire». 1945. № 551, p. 253—262.

Испания

Hayes C. Wartime mission in Spain, 1942 — 1945. New York. Macmillan. 1945. 313 p.

The Spanish government and the Axis. Official German documents. Washington. Govt. print. office. 1946. 39 p.

Международные отношения и война на Средиземном море, Среднем Востоке и в Африке

The Mediterranean fleet. Greece to Tripoli. The Admiralty account of naval operations. April 1941 to January 1943. London. Stat. off. 1944. 95 p. ФБОНАН.

Davidonis A. Harbor forcing operations. «Military affairs». 1944. Vol. 8. № 2, p. 81—94.

Glenny A. Mediterranean air power and the second front. London. Conrad press. 1944. 62 p.

R. A. F. Middle East. The official story of air operations in the Middle East, from February 1942 to January 1943. London. Stat. off. 1944. 143 p. ФБОНАН, НБ МГУ.

Revier W. Malta story. Based on the diary and experiences of lieutenant Howard M. Coffin, Usaaf, formerly flying officer of the R. A. F. New York. Dutton. 1943. 222 p. ФБОНАН.

The air battle of Malta. The official account of the R. A. F. Malta. London. Stat. off. 1944. 96 p. (Prep. for the Air ministry by the Ministry of information). ФБОНАН.

Walker R. Spitfires over Malta. London. Black. 1944. 183 p. ФБОНАН.

Beurling G. and Roberts L. Malta spitfire. The story of a fighter pilot. With a forew. by W. A. Bishop. New York — Toronto. Farrar & Rinehart. 1943. XIV, 235 p. ФБОНАН.

Guedalla Ph. Middle East 1940—1942. A study in air power. London. Hodder. 1944. 236 p. ГЛБ.

Middle East. Turkey — Syria — Palestine — Transjordan — Egypt. London. Royal Institute of International affairs. 1944. 37 p. (Information notes № 1). ФБОНАН.

Landis J. Anglo-American co-operation in the Middle East. «Annals». 1945. Vol. 240. p. 64—72.

Chair S. The Golden carpet. London. Faber & Faber. 1943. 224 p. ФБОНАН.

Rodger G Desert journey. London Cresset. 1944. 151 p.

Dimbleby R. The frontiers are green. London. Hodder & Stoughton. 1944. 278 p. (The war in the Middle East).

Hamzavi A. Persia and the powers. An account of diplomatic relations, 1941—1946. London. Hutchinson. 1946. 125 p.

Hamzavi A. Iran's part in the present war. An address delivered by the author at the Victoria league. «Asiatic review». 1944. Vol. 40. № 141, p. 72—79.

Moorehead A. African trilogy. Comprising Mediterranean front, a year of battle, the end of Africa. A personal account of the

three years' struggle against the Axis in the Middle East and North Africa, 1940—1943. With a forew. by Wavell. London. Hamilton. 1946. 592 p. ФБОНАН, ГЛБ

Hill R. Desert conquest. New York. Knopf. 1943. VIII, 339 p. ФБОНАН

Shaw W. Long-range desert group. The story of its work in Libya, 1940—1943. London. Collins. 1945. 256 p.

British military administration of occupied territories in Africa during years 1941—43. London. Stat. off. 1945. 35 p. (War office) ФБОНАН

The first to be freed. The record of British military administration in Eritrea and Somalia. 1941—1943. London. Stat. off. 1944. 71 p. ФБОНАН

Wilmot Ch. Tobruk, 1941. Sydney. Angus & Robertson. 1945. 348 p.

Clifford A. Three against Rommel. The campaigns of Wavell, Auchinleck and Alexander. London. Harrap. 1944. 427 p. ГЛБ

The battle of Egypt. London. Ministry of information. 1943. 29 p. ГЛБ

Wisdom T. Triumph over Tunisia. London. Allen & Ionwin. 1944. 202 p. ГЛБ

North M. Lessons of the North African campaign. «Military affairs». 1944. Vol. 8. № 3, p. 161—168.

Crawford R. I was an eighth army soldier. London. Gollancz. 1944. 86 p. ФБОНАН

The Sudan's service in a global war. The story of a section of the Trans-African air Ferry Route. «Journal of the Royal African society». 1944. Vol. 43. N 170, p. 16—20.

Agreement between His majesty in respect of the United Kingdom and His imperial majesty the emperor of Ethiopia. Addis Ababa, 19th December 1944. London. Stat. off. 1945. 12 p. (Great Britain. Treaties. Ethiopia, N I. 1945). ФБОНАН

Correspondence between His Majesty's government in the United Kingdom and the Egyptian government concerning Egyptian foreign exchange requirements for 1945. Cairo, 3d,6th Jan. 1945. London. Stat. off. 1945. 11 p. (Great Britain, Foreign office. Egypt, N I, 1943). ФБОНАН

Gosset R. Conspiracy in Algiers, 1942—1943. Transl. from the French by N. Hecksher. New York. Nation. 1945. 248 p.

Индия

Goshal K. The people of India. New York. Sheridan house. 1944. VIII, 375 p. ФБОНАН

Report by the earl of Munster on the welfare of troops in India and South East Asia commands. London. Stat. off. 1944. 16 p. ФБОНАН

Mayne M. India's war effort. (Proceedings of the East India association). «Asiatic review». 1945. Vol. 41. N 148, p. 321—324.

Proceedings of the East India association. «Asiatic review». 1945. Vol. 41. N 146, p. 113—165. 1) F. L. Brayne. The Indian soldier in India to-day (Discussion); 2) A. Metcalfe. Baluchistan and the northwest frontier in war-time; 3) E. Wrench. Impressions of India in the war years; 5) Britain's Indian market past, present and future. An oriental cultural centre in London.

Watson A. War conferences. India's status. «Great Britain and the East». 1944. N 1721, p. 13—14.

James F. The Indian legislature in war-time. «Asiatic review». 1945. Vol. 41, N 147, p. 225—235.

Das R. Wartime labor conditions in India. Washington. Govt. print. off. 1943. II, 28 p. ГЛБ

Китай

Chiang Kai-shek. Resistance and reconstruction. Messages during China's 6 years of war 1937—1943. 4th ed. New York-London. Harper. 1943. XXIV, 322 p.

Chiang Kai-shek. Before final victory. Speeches by Generalissimo Chiang Kai-shek, 1943—1944. New York. Chinese news service. 1944. 80 p. ФБОНАН

Treaty between China and Afganistan. «Amerasia». 1944. Vol. 8. N 6, p. 83.

The first Sino-Canadian treaty. «Contemporary China». 1944. Vol. 3. N 25, p. 1—2.

Ward R. Asia for the Asiatics? The techniques of Japanese occupation. Chicago. Univ. of Chicago press. 1945. XIV, 205 p. ФБОНАН

Sun Fo. China looks forward. With an introd. by Lin Yutang. New York. Day. 1941. XVI, 276 p. ФБОНАН

David F. Our neighbors the Chinese. New York. Field Afar press. 1944. 92 p. (World horizons series). ФБОНАН

Rosinger L. China's wartime politics. Princeton. Princeton univ. press. 1944. 133 p.

In guerilla China. Report of China defence league. Chungking. 1943. 72 p. ФБОНАН

Pan Chaoying. China fights on. An inside story of China's long struggle against our common enemies. New York. Fleming H. Revell co. 1945. 188 p.

China after seven years of war. Ed. by H. K. Tong. New York. Macmillan. 1945. 246 p.

Farmer Rh. Shanghai harvest. A diary of three years in the China war. London. Museum press. 1945. 294 p. ФБОНАН, ГЛБ

Payne R. Chunging diary. London. Heineman. 1944. VI, 526 p.

From Stilwell to Marshall. A survey of China, 1945. «Amerasia». Vol. 9. № 19. p. 311—327

Британские доминионы. Канада, Австралия и Новая Зеландия

Industrial Canada's directory of government war organizations. «Industrial Canada». 1944. Aug., p. 65—87. ФБОНАН

Canada. «Entente». London. 1944. N 28.

Dawson R. Canada in world affairs. Two years of war 1939—1941. London. Oxford univ. press. 1943. VIII, 342 p. (Canadian inst. of international affairs). ФБОНАН, ГЛБ

Roberts L. Canada's war in the air. 3d ed. Montreal. Beatty. 1943. 96, 100 p. ФБОНАН

The R. C. A. F. overseas. The first four years. With an introd. by C. G. Power. Toronto. Oxford univ. press. 1944. XV, 418 p.

Strange W. The wonderful year. Royal Canadian navy 1943—44. «Canadian geographical journal». 1944. Vol. 29. N 5, p. 208—241.

Carr W. Checkmate in the North. The Axis planned to invade America. Toronto. Macmillan. 1944. 304 p. ФБОНАН

J. M. E. Canadian economy and the war. «World to — day». 1946. Vol. 2. № 1, p. 28—34.

The Southwest Pacific and the war. Lectures delivered under the auspices of the Committee on international relations on the Los Angeles campus of the University of California. Spring, 1943. Berkeley—Los Angeles. Univ. of California press. 1944. IX, 168 p. ФБОНАН

The text of the Australian—New Zealand agreement, 1944... signed at Canberra, Australia, on January 21, 1944. In: Current notes on international affairs. 1944. Vol. 15. № 1. (issued by the Australian Departament of external affairs).

Australian and New Zealand policy concerning dependencies and territories in the Pacific (articles 21—34 of Canberra agreement of January 21, 1944). «World affairs». 1944. Vol. 107. № 2, p. 101—106.

Wickham E. Australia and New Zealand in wartime. «United Empire». 1945. Vol. 36. № 1, p. 6—11

The Australian army at war. An official record of service in two hemispheres 1939—1944. London. Stat. off. 1944. 72 p. ФБОНАН

Catterns C. Australia, bastion of the Pacific. «Entente». 1944. № 29, p. 6—15.

Burton H. The Australian war economy, November 1944—May 1945. «The economic record». 1945. Vol. 21. № 40, p. 1—22.

Wood F. New Zealand in the Pacific war. «Pacific affairs». 1944. Vol. 17. № 1, p. 38—48.

Япония

Japan and the Japanese. A military power we must defeat. A Pacific problem we must solve. By the editors of «Fortune». Washington. Infantry journal. 1944. IX, 166 p. ФБОНАН

Japanese atrocities. United States representations of January 27, 1944 to Japan. «Department of State Bulletin». 1944. Vol. 10. № 242, p. 168—175.

Morrison I. This war against Japan. Thoughts on the present conflict in the Far East. London. Faber & Faber. 1944. 128 p. (Guild books № 121). ФБОНАН

First blows. Britain's fight against Japan. New York. British information services. 1945. 31 p. ФБОНАН

Lory H. Japan's military masters. The army in Japanese life. Forew. by J. C. Grew. New York. The Viking press. 1943. 256 p. ГЛБ

Mendelssohn P. Japan's political warfare. London. Allen & Unwin. 1944. 192 p. ГЛБ

Morris J. Tokyo since Pearl Harbor. «Harper's magazine». 1944. Vol. 188. № 1125, p. 271—283.

Bisson T. Japan's war economy. New York. Macmillan. 1945. 277 p.

Griffin D. First steps to Tokyo. The royal Canadian air force in the Aleutians. Toronto — Vancouver. Dent. 1944. 50 p. ФБОНАН

The Road to Tokyo and beyond. 3d report to the President, the Senate and the House of representatives, the Director of war mobilization and reconversion, July 1, 1945. Washington. 1945. 71 p.

Japan surrenders. «Current history». 1945. Vol. 9. № 49. p. 177—192.

Fleisher W. What to do with Japan? Garden city—New York. Doubleday, Doran. 1945. 178 p. ФБОНАН

Johnstone W. The future of Japan. London. Oxford univ. press. 1945. VIII, 162 p. ФБОНАН

Are we winning the peace in Japan? «Amerasia». 1946. Vol. 10. № 2, p. 43—71.

Война на Тихом океане

War and peace in the Pacific. A preliminary report of the 8th conference of the Institute of Pacific relations on wartime and post-war co-operation. London. Royal institute of international affairs. 1943. X, 164 p. ФБОНАН

Morin R. Circuit of conquest. New York. Knopf. 1943. 361 p. ФБОНАН

Tahu Hole. War against Japan. «National review». 1944. Vol. 122. № 732, p. 130—135.

Karig W. and Kelley W. Battle report. Pearl Harbor to Coral sea. Prep. from official sources. New York—Toronto. Farrar & Rinehart. 1944. VII, 499 p. ФБОНАН

Ocean front. The story of the war in the Pacific. 1941—1944. London. Ministry of information. 1945. 66 p. ФБОНАН

Nakamuza R. Decisive battles in the Pacific. «Contemporary Japan». 1944. Vol. 13. № 10—12, p. 855—868.

Marshall S. Island victory. Washington— New York. Infantry journal. Penguin books. 1944. VIII, 213 p. ФБОНАН

Abercrombie L. and Pratt F. My life to the destroyers. New York. Holt. 1944. XI, 157 p. ФБОНАН

Norton-Taylor D. With my heart in my mouth. New York. Coward-McCann. 1944. 167 p. [Заметки военного корреспондента]. ФБОНАН

Driscoll J. Pacific victory 1945. Philadelphia — New York. Lippincott. 1944. 297 p. ФБОНАН

Reconquest versus liberation in Asia. «Amerasia». 1945. Vol. 9. № 18, p. 287—303.

Bailey K. Dependant areas of the Pacific. «Foreign affairs». 1946. Vol. 24. № 3, p. 491—512.

Lud A. Bataan the judgment seat. The saga of the Philippine command of the United States army air force. May 1941 to May 1942. New York. Macmillan. 1944. 395 p. ФБОНАН

St. John J. Leyte calling as told to Howard Handleman. New York. Vanguard. 1945. 229 p. ФБОНАН

Army story of Pearl Harbor: surprise as winning weapon. «United States news». 1945. Vol. 19. № 26, p. 20—23.

Dickover E. Third anniversary of the attack on Pearl Harbor. Delivered at a civic gathering under the auspices of the Kiwanis club at Salisbury, Maryland on Dec. 7, 1944. «Department of state bulletin». 1944. Vol. 11. № 285, p. 728—732.

Macdonald A. Revolt in paradise. The social revolution in Hawaii after Pearl Harbor. New York. Daye. 1944. XI, 288 p. ФБОНАН

Strong M. Washington at Pearl Harbor. «Current history». 1946. Vol. 10, № 54 p. 125—132.

Outpost. Singapore nightmare. A story of the evacuation and an escape to Australia. Notes by K. Murdock. London. Crowther. 1943. 68 p.

Sansom G. The story of Singapore. «Foreign affairs». 1944. Vol. 22. № 2, p. 279—297.

Bennett K. Why Singapore fell. Canberra. Angus & Robertson. 1945. 162 p.

Maxwell G. The civil defence of Malaya. London. Hutchinson. 1944. 128 p.

Arnold H. The aerial invasion of Burma. «National georgaphic magazine». 1944. Vol. 86. № 2, p. 129—148.

Rolo Ch. Wingate's raiders. Enl. ed. with new chapters covering the 1944 airborne invasion of Burma and with a forew. by Viscount Wavell. New York. Viking press. 1944. XIV, 264 p. ФБОНАН

Sewell H. The campaign in Burma. «Foreign affairs». 1945. Vol. 23. № 3, p. 496—504.

Landon M. Thailand under the Japanese. «Asia and the Americas». 1944. Vol. 44. № 9, p 389—394.

Stanner W. New Guinea under war conditions. «International affairs». 1944. Vol. 20. № 4, p. 480—494.

Tregaskis R. Guadalcanal diary. Garden city — New York. Blue ribbon books. 1943. 263 p. ФБОНАН

Hannah D. Tarawa. The toughest battle in marine corps history. n. p. US camera book. 1944. 126 p. ФБОНАН

How the army in the Netherlands Indies resisted Japanese invasion. By a special correspondent. «Asiatic review». 1944. Vol. 40. № 442, p. 209—214.

Hung Ti-Chu. Korea shall be independent. «Contemporary China». 1944. Vol. 3. № 23, p. 1—4.

Brewer F. Freedom for Korea. «Editorial research reports». 1945. Vol. 2. № 16, p 293—307.

Латинская Америка

Handbook of international organizations in the Americas. Prep. by R. D. Masters and other Staff members of the division. New York. Columbia univ. press. 1945. 453 p. (Carnegie endowment for international peace. Division of international law).

Inter-American affairs. 1944. An annual survey. № 4. Ed. by. A. P. Whitaker. New York. Columbia univ. press. 1945. IV, 284 p.

Ball M. Problem of inter-American organization. Stanford university, Cal. Stanford univ. press. 1944. VII, 117 p. ФБОНАН

Crary R. Latin America and the world struggle for freedom. New York. Ginn. 1943. VIII, 120 p. (North central ass'n of colleges and secondary schools Com. on experimental units. Unit. studies in American problems). ФБОНАН

Phillips A. Brazil. Bulwark of international American relations. New York. Hastings house. 1945. 228 p.

Brazil at war. New York. Brazilian government trade bureau. 1945. 47 p.

Rennie Y. The Argentine republic. New York. Macmillan. 1945. XVIII, 431 p. ФБОНАН

Phillips H. Argentina. Pivot of Pan-American peace. New York. Hastings house. 1944. 241 p.

Josephs R. Argentine diary. The inside story of the coming of fascism... With a foreword by A. Chase. New York. Random house. 1944. XLVI, 358 p.

Tannenbaum F. Argentina, the recalcitrant American state. «Foreign affairs». 1945. Vol. 23. № 2, p. 271—283.

Murkland H. Argentine battleground. «Current history». 1945. Vol. 9. № 50, p. 299—304.

Gammans L. The West Indies in wartime. «United Empire». 1944. Vol. 35. № 5, p 147—152.

Report of the West Indian conference. Held in Barbados 21 st — 30th March 1944. London. Stat. off. 1944. VI, 20 p. (Colonial office). ФБОНАН

The Caribbean islands and the war. A record of progress in facing stern realities. Washington. Govt. print. off. 1943. V, 85 p. ФБОНАН

Stockdale F. Anglo-American co-operation in the Caribbean. «World affairs». 1944. Vol. 107. № 2, p. 100—104

Фундаментальная библиотека общественных наук Академии наук СССР

ХРОНИКА

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Сессия Отделения истории и философии АН СССР

28 февраля — 1 марта 1947 г. состоялась сессия Отделения истории и философии Академии наук СССР, посвящённая итогам археологических исследований Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра за 1946 год.

После доклада директора ИИМК члена-корреспондента АН СССР А. Д. Удальцова, осветившего основные итоги полевых исследований, проведённых в истекшем году тридцатью экспедициями Института, сессия заслушала ряд докладов руководителей экспедиций.

Отчёт о работах Согдийской археологической экспедиции в Таджикистан сделал начальник экспедиции член-корреспондент АН СССР А. Ю. Якубовский. Экспедиция была организована ИИМК совместно с Государственным Эрмитажем и Таджикским филиалом АН СССР.

— Естественно, — сказал докладчик, — что первый год работ должен был по преимуществу носить археолого-разведочный характер, так как Таджикская ССР в археологическом отношении является наименее изученной республикой Средней Азии.

Летом 1946 г. экспедиция работала тремя отрядами: Верхнезеравшанский (от Пянджикента до Оббурдана) работал под руководством А. Ю. Якубовского, Кафирниганский — преимущественно в районе Гиссара под руководством М. М. Дьяконова и Вахшский — в районе Ховалинга, Бальджуана и Файзабада под руководством А. М. Беленицкого.

Зеравшанский отряд обследовал около двадцати развалин горных замков в ущельях рек Зеравшана, Матчи, Фан-Дарьи и других замков, относящихся к древности и раннему средневековью. Результаты обследования (обмеры, планы, описания) показали, что замки эти охраняли небольшие владения, в которые входило несколько горных селений. В горных селениях Рарзе и Фэтьмэве отряд открыл два неизвестных до сего времени минарета из сырцового кирпича — интересные памятники таджикского зодчества X—XI веков. Открыты также три, не известные до сих пор, резные деревянные колонны IX—XII вв., из которых колонна IX в. в Урмитане является одним из самых лучших для своего времени памятников резьбы по дереву на Ближнем Востоке. Тот же отряд провёл предварительное обследование городища Пянджикента, домусульманские слои которого представляют исключительный интерес.

Кафирниганский отряд свои главные работы провёл в районе Гиссара, в 30 километрах к юго-западу от Сталинабада. Здесь он обследовал (составив планы и обмеры) архитектурные памятники, а также древние, относящиеся к античному времени, — городища Хок-и Сафед, Туп-хана и другие. Наиболее интересный материал Кафирниганский отряд получил во время разведывательных раскопок на Туп-хана, где был обнаружен некрополь II—I вв. до нашей эры. Здесь были вскрыты четыре погребения, найдены глиняные сосуды, женские украшения, греко-бактрийская монета. Обнаружены развалины известного в раннее средневековье города Чаганиана в 4—5 км от города Денау, Узбекской ССР. Проведены пробные раскопки в Кала-и Шодман (Рохатинский район). Удалось установить, что это городище не является остатками древнего города Шумана, как думали некоторые исследователи. У селения Шахринау обнаружено городище; предполагается, что оно представляет собой остатки древнего города Ахаруна.

Вахшский отряд установил местоположение известного в средние века города Вашгирда. Остатками его является обширное городище у кишлака Сар-и Мазар, Файзабадского района. Отряд установил также местоположение Минка — столицы области Хутталяна. От этого города осталось городище Шахр-и Минг, Ховалинского района. Проведённые на городищах Сар-и Мазар и Шахр-и Минг предварительные раскопки способом шурфов обнаружили преимущественно материалы IX—XII вв. (фрагменты неполивной и поливной керамики, изделия из стекла, монеты). На городище Шахр-и Минг во время раскопок обнаружен устой здания с комбинированной кладкой кирпичей, а также интересный облицовочный материал в виде резных терракотовых плиток и фигурных кирпичиков XI—XII веков.

Археологическая работа Хорезмской археолого-этнографической экспедиции 1946 г. была освещена в докладе начальника экспедиции проф. С. П. Толстова.

Археологическая группа экспедиции работала на территории Каракалпакской АССР, Казахской ССР и частично Туркменской ССР под руководством С. П. Толстова и его помощников М. А. Орлова и Я. Г. Гулямова в течение июля—октября. Работа делилась на два периода: стационарных раскопок и разведывательных маршрутов, в которых

впервые были применены авиаразведки и аэрофотосъёмка.

Стационарные раскопки замка города-крепости Топрак-Кала (I—VI вв.) продолжались полтора месяца. В результате раскопок вскрыты 28 помещений замка общей площадью около 2 тыс. кв. метров. Обнаружены многочисленные фрагменты росписной штукатурки (III в. нашей эры), украшавшей внутренние помещения замка. Крупные фрагменты (изображение арфистки, сборщицы винограда и др.), а также целое панно, сохранившееся в нише одной из комнат, с изображением двух фигур, впервые найденные на этой территории, имеют огромное значение для истории искусства Средней Азии.

Большой интерес представляют проведённые параллельно с основными раскопками шурфовки стен и башен городища, вскрывшие ценные детали в конструкции крепостных стен. При раскопках помещений найдено большое количество целых керамических сосудов, монет и торс алебастровой статуэтки женщины.

Разведывательные маршруты и аэрофотосъёмки проводились в четырёх районах.

Первые авиаразведки и аэросъёмки проведены в Турткульско-Шаббазском районе, на границе культурной полосы и пустыни Кара-Кум. Здесь проведено тщательное изучение системы ирригации, изученной с земли во время предыдущих сезонов работы экспедиции. Открыты основные русла древних каналов и составлена подробная карта ирригации. Собраны материалы по планировке ряда крепостей и замков, и произведена подробная аэросъёмка всех памятников района.

В результате разведывательного маршрута плато Усть-Урт и при помощи авиации открыта дорога X—XI вв. с колодцами и караван-сараями, ведшая из Хорезма на Волгу. Исключительный интерес, как сказал проф. Толстов, представляет один из караван-сараев этой дороги — Белеули. Здание сложено из крупных блоков жёлтого камня с изображением в сассанидской манере — в плоском рельефе—на тимпанах входной арки двух львов.

На юго-восточных обрывах Усть-Урта открыта система сигнальных каменных башен и ряд крепостей X в., оборонявших спуски с плато.

Особо отмечает докладчик разведанные крепость и городище Пульджай X—XIII веков.

В результате авиамаршрута в Кара-Кумы собран материал по планировке ряда крупных комплексов, как Гяур-Кала, Шах-Сенем, Ат-ака. Открыты интересные памятники и сооружения, вроде «казармы» крепости Ат-ака и других. Подробно обследован город Дэв-Кескен (Вазир). Работы, произведённые с воздуха и при посадке у наиболее важных объектов, дали возможность соединить аэросъёмку с наземными обмерами, сбором керамики и монет.

Кызыл-Кумский авиа-автомаршрут проходил от г. Нукуса на Аму-Дарье до Кзыл-Орды, Джусалы, Казалинска на Сыр-Дарье и обратно. Маршрут проошёл по сухим руслам Жаны-Дарьи и Куван-Дарьи. Здесь открыто огромное количество памятников, относящихся к шести различным периодам истории этих районов — от V в. до н. э. до XVIII в. нашей эры. Большой интерес представляют результаты обследования средневекового центра кочевников—города Дженда на Жаны-Дарье, группы памятников первых веков до нашей эры в урочище Джеты-Асар и культура городищ кочевых племён в низовьях Сыр-Дарьи (Куюк-Кала, Кескен-Куюк и др.).

Проф. С. П. Толстов рассказал также о большом материале, собранном экспедицией, по остаткам поселений и грандиозным ирригационным сооружениям каракалпаков.

Проф. Б. Б. Пиотровский выступил с докладом о раскопках урартской крепости VII—VI вв. до н. э. на Кармир-блуре (Армения).

Раскопки крепости Тайшебаини на Кармир-блуре были начаты в 1939 г. и продолжены в 1940, 1941, 1945 и 1946 гг. совместной археологической экспедицией Академии наук Армянской ССР (ранее Армянского филиала АН СССР) и Государственного Эрмитажа при участии Ленинградского отделения института истории материальной культуры АН СССР. Были открыты развалины монументального здания, имевшего около 120 комнат, повидимому, дворца урартского наместника. В дворцовых помещениях обнаружен большой материал, характеризующий связи Ванского царства с Закавказьем. Найдены образцы урартского искусства ассирийские и древнеегипетские мелкие предметы, свидетельствующие о разнообразных культурных связях Урарту со странами Древнего Востока. В одной из дворцовых кладовых обнаружены обломки глиняных табличек с клинописью документов крепостного архива. На территории крепости, около стен дворца, открыты жилища, погибшие при пожаре. Раскопки этих жилищ дали громадный материал, характеризующий культуру Урарту и Закавказья этого периода. Найденные остатки зерновых культур позволят изучить высокую земледельческую культуру древнего Закавказья.

Археологические исследования крепости на Кармир-блуре, указывает Б. Б. Пиотровский, включают следующие проблемы: изучение урартской крепости VII—VI вв. до н. э. в Закавказье, выяснение характера взаимоотношений Ванского царства и скифов с Закавказьем, а также роль скифов в разрушении урартских административных центров в Закавказье.

Об археологической работе в Монголии доложил проф. С. В. Киселёв, входивший в группу учёных, возглавлявшуюся проф. И. Н. Устюгиновым, посетившую МНР по заданию Академии наук СССР.

Научными сотрудниками Академии наук СССР были обследованы архивы и музеи, обсуждены основные положения составленного бригадой проспекта «Истории МНР», организован коллектив историков-монголов. Скопированы важнейшие исторические документы и рукописные книги и вместе с многочисленными монгольскими изданиями по вопросам истории этой страны в копиях доставлены в Москву.

В итоге проведённого в Улан-Батор-Хото изучения археологических материалов выяснилась далеко не полная картина развития Монголии в далёком прошлом. Поэтому крайне необходимо провести широкие полевые работы для датировки ряда важнейших памятников, уже разведанных, и для создания археологической периодизации древностей. Без этого невозможна исследовательская работа по древней истории Монгольской Народной Республики.

В настоящее время, по мнению докладчика, на основании уже имеющегося материала можно наметить ряд весьма существенных для дела положений.

Так, изучение находок неолитических изделий позволяет определить большую культурную близость древних племён Внешней Монголии с древнейшими обитателями районов, прилегающих с севера к Великой китайской стене, а также с неолитическими и энеолитическими насельниками оазисов Синьцзяна. На север эта культура прослеживается до бассейна Нижней Селенги.

Как и следовало ожидать, археологические материалы показали, что территория МНР явилась связующим звеном между культурами развитой бронзы Северного Китая и Южной Сибирью времён гробничных и карасукских погребений (конец II и начало I тысячелетия до н. э.).

Добытые монгольскими раскопками в Ноин-Уле новые материалы существенно дополняют сведения о гуннах.

Исключительный интерес представляют собранные в Монголии материалы по древней городской культуре. Многочисленные развалины городов, начиная с уйгурского периода, позволяют с достаточной полнотой изучить проблему города в Монголии. По мнению С. В. Киселёва, вполне возможен коренной пересмотр основных вопросов феодализма в этой части Центральной Азии и, в частности, вопросов монгольского феодализма.

Кандидат исторических наук П. Н. Шульц сделал доклад о работе возглавляемой им Тавроскифской экспедиции, организованной ИИМК совместно с Государственным музеем изобразительного искусства имени А. С. Пушкина.

Раскопками экспедиции 1945—1946 гг. окончательно установлено местоположение Неаполя Скифского, главного города государства поздних скифов в Крыму, на юго-восточной окраине Симферополя. Как показали раскопки, Неаполь возник в конце IV в. до н. э. и просуществовал до IV в. нашей эры. Ещё в V—VI вв. н. э. здесь сохранялось небольшое поселение. Судя по раскопкам, Неаполь пережил два этапа наибольшего расцвета — в III—II вв. до н. э. и в I—II вв. нашей эры. Скифское государство продолжало существовать в первые века нашей эры, что позволяет значительно раздвинуть хронологические рамки исторического развития поздних скифов.

Исследование Неаполя, говорит докладчик, знакомит нас с новым, почти ещё не изученным этапом истории скифов, когда они перешли на оседлость, перенесли центр своего государства в Крым и создали культуру городского типа. Раскопки уточнили линию и характер городской стены Неаполя (циклопической кладки), достигающей в южном участке почти 9 метров ширины.

Раскопками установлено наличие у скифов Крыма широко развитого скотоводства (костные остатки), земледелия (зерновые ямы) и уже обособляющегося от земледелия ремесла (гончарные печи античного типа и изготовление посуды на круге). В Неаполе обнаружены крупные каменные здания, крытые черепицей. Находки свидетельствуют о размахе торговых связей и о силе эллинистических влияний на культуру скифов.

Открытие в 1946 г. у городских стен Неаполя мавзолея с многочисленными погребениями скифской знати (72 костяка) знакомит нас с зодчеством, погребальным обрядом, вооружением, местными и привозными ювелирными изделиями поздних скифов эллинистического и римского времени (обнаружено 1312 золотых украшений). В результате раскопок склепов Неаполя удалось впервые установить наличие у поздних скифов своеобразной и яркой по стилю стенной живописи.

Результаты разведочных работ Симферопольского отряда приводят докладчика к выводу о том, что скифские города и укреплённые пункты Крыма образуют продуманную и стройную стратегическую систему, приспособленную как для отпора степным кочевникам, так и для обороны и наступательных действий против греков.

Бахчисарайский отряд экспедиции уточнил границы скифских и таврских владений и впервые исследовал ряд укреплённых пунктов горных тавров.

Перекопский отряд занят выяснением вопроса о времени возникновения и структуре рва и вала на Перекопе: являлся ли ров в древние времена каналом и не создан ли он скифами?

В результате работы экспедиции, заключает П. Н. Шульц, начинают вырисовываться контуры яркой и оригинальной культуры поздних скифов в Крыму, создавших своё государство, свои города, свой монументальный стиль в архитектуре, скульптуре и стенной живописи. Удаётся наметить ряд новых точек соприкосновения этой культуры с культурой восточных славян. Уточнение этих связей затруднено тем, что славянские древности Крыма (Корчев, поселение в Коктебеле, Сурож, славянские памятники в Херсонесе) ещё почти не изучены.

Об основных итогах археологических исследований древнего Киева сессии сообщил проф. М. К. Каргер.

Раскопки последних лет на территории владимирова Киева показали, что так называемый «город Владимира» не может быть признан древнейшим ядром Киева. Раскопками установлено существование в границах «города Владимира» более древнего городища, окружённого рвом и валом, за пределами которого находился огромный языческий курганный могильник IX—X веков. Инвентарь погребений древнего киевского некрополя позволяет восстановить яркую картину жизни города в XI—X веках. Среди этих погребений особенного внимания заслуживают богатые погребальные комплек-

ты, принадлежавшие дружинной знати Киева. Над уничтоженным в конце X в. курганным некрополем IX—X вв. расположился новый город Владимира с Десятинной церковью в центре его.

Археологическими исследованиями далее было установлено существование на территории Киева нескольких (не менее трёх) самостоятельных поселений VIII—X вв., остатками которых, кроме городища и некрополя на Андреевской горе, являются городище на горе Киселёвке и некрополь на Кирилловской улице. Легенда о трёх братьях, основателях города, занесённая в древнейшую Киевскую летопись, являлась, повидимому, отголоском реального факта существования нескольких самостоятельных поселений на территории Киева, лишь к концу X в. объединившихся в один город.

Систематизация и изучение случайных находок, многочисленных кладов римских монет и погребений III—IV вв. на территории Киева позволили восстановить ещё более древнюю страницу его истории. Можно считать установленным, говорит М. К. Каргер, наличие на территории Киева нескольких небольших поселений в первые века нашей эры. Однако связать их непрерывной нитью исторического развития с последующей историей города в IX—X вв. пока не удалось.

Наиболее многочисленный и яркий материал, добытый раскопками в Киеве, относится к великокняжескому периоду его истории (XI—XIII вв.). Открыты значительные количества отлично сохранившихся остатков жилищ горожан, ремесленных мастерских, развалины каменных храмов X—XIII вв. и княжеских дворцов. Эти открытия сопровождались находками огромного количества разнообразнейшего инвентаря. Всё это позволяет получить богатое представление о жизни города накануне разгрома его татаро-монгольскими полчищами в декабре 1240 года. Изучение своеобразной стратиграфии культурных слоёв Киева дало возможность установить длительный период запустения «верхнего Киева» в результате его разгрома.

В заключение был заслушан доклад профессора Б. А. Рыбакова о раскопках в Чернигове. Раскопки этого старейшего русского города велись в 1946 г. на территории черниговского детинца, в его северо-восточной части. Подстилающим слоем на большом протяжении оказался слой, содержащий древнеславянские землянки VII—VIII вв. с лепной керамикой. По мнению Б. А. Рыбакова, из этого славянского посёлка и развился княжеский город X века. Одной из задач экспедиции явились розыски княжьего двора, упомянутого в летописи 1174 года. Задача эта в 1946 г. не была решена, и розыски будут продолжены в текущем году.

Экспедицией вскрыты остатки Благовещенской церкви, построенной князем Святославом Всеволодовичем (героем «Слова о полку Игореве») в 1186 году. Церковь представляет собой большое кирпичное здание с боковыми галлереями, близкое по типу к Успенскому собору во Владимире (1185—1189 гг.). По своим размерам Благовещенская церковь относится к крупнейшим зданиям древней Руси. Большой научный интерес представляет декоративная отделка здания. Стены были построены из красного кирпича, а полуколонны из жёлтого кирпича. В отделке применялся и белый камень. Особенной роскошью отличалась отделка пола: помимо поливных плиток в центральной части пол был вымощен цветной смальтой; из смальты же выложены геометрические узоры и изображение павлина. Церковь 1186 г. свидетельствует о высоком развитии русской культуры этой эпохи и вносит ряд новых данных в историю русской архитектуры.

Многие доклады были иллюстрированы диапозитивами и кинодокументами. Во время сессии демонстрировалась выставка археологических находок экспедиций ИИМК 1946 года.

После окончания работ сессии Отделения истории и философии состоялись заседания пленума Учёного совета Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра, на которых было заслушано 23 доклада об итогах полевых работ института в истекшем году. Помимо пленарных происходили заседания по секциям: первобытной археологии, античной археологии, археологии Средней Азии и Сибири и славяно-русской археологии.

В. А.

Институт славяноведения Академии наук СССР и его задачи

Согласно постановлению Президиума Академии наук СССР, система научно-исследовательских учреждений Академии пополнилась новым научно-исследовательским институтом — Институтом славяноведения, в котором должны быть сосредоточены все отрасли славяноведческой науки.

Учреждение Института вызвано необходимостью создать ещё более благоприятные условия для развития славяноведения в СССР. Учреждённый на базе сектора славяноведения[1] и Славянской комиссии, Институт имеет два основных сектора: истории славянских народов и славянской филологии и истории литературы славянских народов. Кроме того в Институте создаётся отдельная славяно-византийская группа, которая должна будет сосредоточить своё внимание на исследовании политиче-

[1] О работе сектора славяноведения см. «Вопросы истории» № 10 за 1946 год.

ты, принадлежавшие дружинной знати Киева. Над уничтоженным в конце X в. курганным некрополем IX—X вв. расположился новый город Владимира с Десятинной церковью в центре его.

Археологическими исследованиями далее было установлено существование на территории Киева нескольких (не менее трёх) самостоятельных поселений VIII—X вв., остатками которых, кроме городища и некрополя на Андреевской горе, являются городище на горе Киселёвке и некрополь на Кирилловской улице. Легенда о трёх братьях, основателях города, занесённая в древнейшую Киевскую летопись, являлась, повидимому, отголоском реального факта существования нескольких самостоятельных поселений на территории Киева, лишь к концу X в. объединившихся в один город.

Систематизация и изучение случайных находок, многочисленных кладов римских монет и погребений III—IV вв. на территории Киева позволили восстановить ещё более древнюю страницу его истории. Можно считать установленным, говорит М. К. Каргер, наличие на территории Киева нескольких небольших поселений в первые века нашей эры. Однако связать их непрерывной нитью исторического развития с последующей историей города в IX—X вв. пока не удалось.

Наиболее многочисленный и яркий материал, добытый раскопками в Киеве, относится к великокняжескому периоду его истории (XI—XIII вв.). Открыты значительные количества отлично сохранившихся остатков жилищ горожан, ремесленных мастерских, развалины каменных храмов X—XIII вв. и княжеских дворцов. Эти открытия сопровождались находками огромного количества разнообразнейшего инвентаря. Всё это позволяет получить богатое представление о жизни города накануне разгрома его татаро-монгольскими полчищами в декабре 1240 года. Изучение своеобразной стратиграфии культурных слоёв Киева дало возможность установить длительный период запустения «верхнего Киева» в результате его разгрома.

В заключение был заслушан доклад профессора Б. А. Рыбакова о раскопках в Чернигове. Раскопки этого старейшего русского города велись в 1946 г. на территории черниговского детинца, в его северо-восточной части. Подстилающим слоем на большом протяжении оказался слой, содержащий древнеславянские землянки VII—VIII вв. с лепной керамикой. По мнению Б. А. Рыбакова, из этого славянского посёлка и развился княжеский город X века. Одной из задач экспедиции явились розыски княжьего двора, упомянутого в летописи 1174 года. Задача эта в 1946 г. не была решена, и розыски будут продолжены в текущем году.

Экспедицией вскрыты остатки Благовещенской церкви, построенной князем Святославом Всеволодовичем (героем «Слова о полку Игореве») в 1186 году. Церковь представляет собой большое кирпичное здание с боковыми галлереями, близкое по типу к Успенскому собору во Владимире (1185—1189 гг.). По своим размерам Благовещенская церковь относится к крупнейшим зданиям древней Руси. Большой научный интерес представляет декоративная отделка здания. Стены были построены из красного кирпича, а полуколонны из жёлтого кирпича. В отделке применялся и белый камень. Особенной роскошью отличалась отделка пола: помимо поливных плиток в центральной части пол был вымощен цветной смальтой; из смальты же выложены геометрические узоры и изображение павлина. Церковь 1186 г. свидетельствует о высоком развитии русской культуры этой эпохи и вносит ряд новых данных в историю русской архитектуры.

Многие доклады были иллюстрированы диапозитивами и кинодокументами. Во время сессии демонстрировалась выставка археологических находок экспедиций ИИМК 1946 года.

После окончания работ сессии Отделения истории и философии состоялись заседания пленума Учёного совета Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра, на которых было заслушано 23 доклада об итогах полевых работ института в истекшем году. Помимо пленарных происходили заседания по секциям: первобытной археологии, античной археологии, археологии Средней Азии и Сибири и славяно-русской археологии.

В. А.

Институт славяноведения Академии наук СССР и его задачи

Согласно постановлению Президиума Академии наук СССР, система научно-исследовательских учреждений Академии пополнилась новым научно-исследовательским институтом — Институтом славяноведения, в котором должны быть сосредоточены все отрасли славяноведческой науки.

Учреждение Института вызвано необходимостью создать ещё более благоприятные условия для развития славяноведения в СССР. Учреждённый на базе сектора славяноведения[1] и Славянской комиссии, Институт имеет два основных сектора: истории славянских народов и славянской филологии и истории литературы славянских народов. Кроме того в Институте создаётся отдельная славяно-византийская группа, которая должна будет сосредоточить своё внимание на исследовании политиче-

[1] О работе сектора славяноведения см. «Вопросы истории» № 10 за 1946 год.

ских и культурных славяно-византийских отношений. Директором Института утверждён акад. Б. Д. Греков.

Основная задача Института — монографическая разработка отдельных проблем, актуальных в научном и общественно-политическом отношении. К первоочередным проблемам относятся революции 1848 г. в славянских странах. Конечно, революции 1848 г. в славянских странах были связаны с общеевропейским революционным движением, но причины их были внутреннего происхождения: они вытекали из общего социально-экономического и политического положения славянских стран.

Дореволюционные слависты занимались историей права славянских народов в сравнительно историческом освещении, интересуясь исключительно догмой права. Институт славяноведения выдвигает проблему изучения древнеславянского права в ином аспекте. Разработкой этой проблемы будет заниматься акад. Б. Д. Греков. Задачей его исследования является сравнительное изучение источников древнейшего права славянских народов — хорватов, сербов, болгар, руси и др. — в целях выяснения закономерности в развитии общественных отношений славян.

В советской историографии оставалась неразработанной проблема образования в 1918 г. славянских государств — Чехословакии, Польши и Югославии. Правда, в буржуазной историографии эта проблема не раз рассматривалась, но крайне односторонне. Исследователи обычно ориентировались на Запад, учитывали известные 14 пунктов Вильсона, но совершенно игнорировали Великую Октябрьскую социалистическую революцию, без учёта которой эта проблема не может быть научно-объективно исследована.

Чтобы подойти к изучению вопроса о новой демократии в славянских странах, Институт славяноведения поставил проблему изучения истории этих стран за время с 1918 по 1939 год. Таким образом, Институт славяноведения подготовит монографии по истории всех славянских народов с 1918 г. до наших дней включительно.

В советской историографии много внимания было уделено развитию капитализма в основных европейских странах (Франция, Великобритания и Германия) и в США. Проблема развития капитализма в славянских странах, формирование рабочего класса и рабочее движение почти не отражены в нашей историографии. Институт славяноведения, включив эту проблему в свой научно-исследовательский план на 1947—1950 гг., тем самым стремится заполнить этот существенный пробел. Равным образом Институт славяноведения включил в свой план историю аграрных отношений и крестьянского вопроса в славянских странах.

История национально-освободительного движения в славянских странах занимает видное место в тематике Института. Дореволюционная историография почти не уделяла внимания революционному движению в Боснии и Герцеговине, а самое движение обычно описывала без анализа его классовой сущности. Между тем в Сербии в течение 1814—1815 гг. происходила подлинная буржуазная революция, на что дореволюционные историки не обратили внимания. Только советская историография поставила вопрос о сербском национально-освободительном движении как буржуазной революции. Равным образом и чешское национально-освободительное движение обычно исследовалось во внеклассовом аспекте.

Научно-исследовательский план Института предусматривает исследование времени Яна Гуса и гуситских движений. В Чехословакии прокатолические и пронемецкие исследователи ещё до 1938 г. занимались пересмотром деятельности Яна Гуса и его продолжателей. Относясь весьма отрицательно к таборитскому движению, они объясняли упадок Чехии после Белогорской битвы 1620 г. исключительно деятельностью Гуса, в особенности деятельностью таборитов. В последнее время в чешской историографии акад. З. Р. Неедлы поставил вопрос о революционной программе Яна Гуса. Поднятый им вопрос о Гусе как о практическом и политическом деятеле, в противоположность Виклефу, очень важен в принципиальном отношении. Он позволяет с иных точек зрения подойти к изучению всей деятельности Яна Гуса, выйти за пределы реформационного его учения.

Институт славяноведения поставил также проблему о русско-славянских, украинско-славянских и белорусско-славянских отношениях, нуждающуюся во всестороннем исследовании. Научным планом Института предусматривается и вопрос о средневековых Далматинских коммунах, которого частично касались дореволюционные историки (история г. Дубровника). Наконец, проблема международных отношений и международного положения на Балканах также занимает видное место в тематике Института.

В 1947—1950 гг. Институт предполагает подготовить ряд общих руководств по истории славянских народов: историю Сербии, историю Боснии и Герцеговины, историю Хорватии, историю Словении, историю Чехии, историю Словакии.

В научно-исследовательском плане работ славяно-византийской группы поставлены следующие проблемы: история славяно-византийских отношений в трудах русских, болгарских, сербских и румынских византинистов; византийские источники второго Болгарского царства; византийско-славянские отношения в Далмации; борьба Рима и Византии в Далмации и Хорватии, славяне и Византия в VI—VII веках.

Филологи-слависты будут разрабатывать отдельные вопросы грамматики и синтаксиса славянских языков в сравнительно-историческом освещении; историю формирования литературного языка славянских народов; характерные особенности языка отдельных славянских писателей. В проблематике по истории литературы славянских народов поставлены такие темы, как «Развитие идеи славянской взаимности в чешской литературе», «Роль Вука Караджича в сербском литературном возрождении», «Болгарская литература в период болгарского политиче-

ского возрождения», «Начало реализма в сербской художественной литературе».

Институт предполагает также опубликовать новые исторические материалы, в первую очередь «Законник царя Стефана Душана» по списку Исторического музея, который не был известен Неваковичу, издателю «Законника», и «Политичны Думы» Ю. Крижанича. Все исследования о Юрии Крижаниче опирались на его основное сочинение — «Политичны Думы». Это сочинение, изданное П. Безсоновым под неправильным заглавием «Русское государство в половине XVII в.» (1859—1860), было неполным и мало удовлетворительным. Институт готовит к печати полное новое издание «Политичных Дум».

Помимо этого Институт подготовит к печати «Следственное дело о Костюшко» — документ большой политической важности, который до сих пор не привлекался исследователями восстания 1794 года. Только отрывки из этого документа были опубликованы в печати и лишь частично были использованы С. М. Соловьёвым.

На Институт славяноведения возложена и подготовка научных кадров. Если сектор истории славянских народов Института располагает в настоящее время известным количеством научных сотрудников, то в секторе славянской филологии и истории литературы славянских народов ощущается большой недостаток в научных силах. Созданная при Институте аспирантура в известной степени должна восполнить этот недостаток в научных кадрах. Некоторое количество аспирантов-славистов было передано Институту славяноведения Институтом русского языка. В настоящее время в аспирантуре Института насчитывается 18 аспирантов по истории, языку и литературе славянских народов.

Помимо научных записок Институт предполагает издавать журнал по славяноведению, в котором будут печататься статьи на всех славянских языках.

На Институт славяноведения возложены большие задачи. Мы не сомневаемся в том, что научные сотрудники Института будут работать с энтузиазмом над созданием марксистско-ленинского славяноведения.

Акад. В. Пичета

Работа сектора новейшей истории Института истории Академии наук СССР в 1946 и 1947 годах

Работа сектора новейшей истории в текущем 1947 г., как и в прошедшем 1946 г., посвящена выполнению пятилетнего плана 1946—1950 годов.

Главное место в пятилетнем плане сектора занимает разработка истории отдельных стран и истории международных отношений новейшего времени.

По истории международных отношений и внешней политики запланирован ряд крупных монографий. Акад. И. М. Майский работает над монографией «Внешняя политика Великобритании между двумя войнами»; «История внешней политики США в 1919—1939 гг.» разрабатывается д-ром исторических наук проф. Л. И. Зубоком. В конце первого полугодия 1947 г. он закончит часть этой работы — «Политика США в странах Карибского бассейна». Над «Историей внешней политики германского империализма» (2 тома) работает проф. А. С. Ерусалимский. Первый том уже закончен и будет представлен в ближайшее время на обсуждение Учёного совета в качестве диссертации на соискание степени д-ра исторических наук. Монографии Л. И. Зубока и А. С. Ерусалимского включены в академический план института. «Англо-американским отношениям между Версальской и Вашингтонской конференциями» посвящена монография кандидата исторических наук П. Е. Осиповой. Часть этой работы, на тему «Вопрос о мандатах на Парижской мирной конференции 1919 г.», уже закончена. В текущем году П. Е. Осипова работает над темой «Система мандатов между двумя войнами».

По группе истории стран Востока готовится ряд монографий, касающихся истории внешних сношений между Россией и странами Востока. Над монографией «Россия и Китай» работает д-р исторических наук проф. Г. Н. Войтинский; над монографией «Россия и Турция» — д-р исторических наук проф. А. Ф. Миллер. В текущем году Г. Н. Войтинский и А. Ф. Миллер разрабатывают историю русско-китайских и русско-турецких отношений в конце XVIII и начале XIX века. Кандидат исторических наук В. Б. Луцкий готовит монографии «Россия и Египет», «Россия и страны арабского Востока»; младший научный сотрудник Н. А. Киселёв — монографию «Россия и Афганистан».

Близится к завершению также ряд диссертаций. Докторант А. Я. Манусевич заканчивает работу над диссертацией на тему «Польша в европейской политике 1918—1921 гг.», аспирантка Л. Л. Захтрегер — над диссертацией на тему «Политика США по отношению к Советской России в 1917—1918 гг.» и аспирантка Т. В. Еремеева — над диссертацией на тему «Египетский кризис 1832—1833 гг.».

По истории международных отношений и внешней политики на заседании сектора были заслушаны доклады, представлявшие собой изложение отдельных глав или основных разделов монографий или диссертаций. С докладами выступили: Л. И. Зубок — «Американо-мексиканские отношения», А. С. Ерусалимский — «Начало кризиса Тройственного союза», В. М. Турок — «Локарнская конференция».

ского возрождения», «Начало реализма в сербской художественной литературе».

Институт предполагает также опубликовать новые исторические материалы, в первую очередь «Законник царя Стефана Душана» по списку Исторического музея, который не был известен Неваковичу, издателю «Законника», и «Политичны Думы» Ю. Крижанича. Все исследования о Юрии Крижаниче опирались на его основное сочинение — «Политичны Думы». Это сочинение, изданное П. Безсоновым под неправильным заглавием «Русское государство в половине XVII в.» (1859—1860), было неполным и мало удовлетворительным. Институт готовит к печати полное новое издание «Политичных Дум».

Помимо этого Институт подготовит к печати «Следственное дело о Костюшко» — документ большой политической важности, который до сих пор не привлекался исследователями восстания 1794 года. Только отрывки из этого документа были опубликованы в печати и лишь частично были использованы С. М. Соловьёвым.

На Институт славяноведения возложена и подготовка научных кадров. Если сектор истории славянских народов Института располагает в настоящее время известным количеством научных сотрудников, то в секторе славянской филологии и истории литературы славянских народов ощущается большой недостаток в научных силах. Созданная при Институте аспирантура в известной степени должна восполнить этот недостаток в научных кадрах. Некоторое количество аспирантов-славистов было передано Институту славяноведения Институтом русского языка. В настоящее время в аспирантуре Института насчитывается 18 аспирантов по истории, языку и литературе славянских народов.

Помимо научных записок Институт предполагает издавать журнал по славяноведению, в котором будут печататься статьи на всех славянских языках.

На Институт славяноведения возложены большие задачи. Мы не сомневаемся в том, что научные сотрудники Института будут работать с энтузиазмом над созданием марксистско-ленинского славяноведения.

Акад. В. Пичета

Работа сектора новейшей истории Института истории Академии наук СССР в 1946 и 1947 годах

Работа сектора новейшей истории в текущем 1947 г., как и в прошедшем 1946 г., посвящена выполнению пятилетнего плана 1946—1950 годов.

Главное место в пятилетнем плане сектора занимает разработка истории отдельных стран и истории международных отношений новейшего времени.

По истории международных отношений и внешней политики запланирован ряд крупных монографий. Акад. И. М. Майский работает над монографией «Внешняя политика Великобритании между двумя войнами»; «История внешней политики США в 1919—1939 гг.» разрабатывается д-ром исторических наук проф. Л. И. Зубоком. В конце первого полугодия 1947 г. он закончит часть этой работы — «Политика США в странах Карибского бассейна». Над «Историей внешней политики германского империализма» (2 тома) работает проф. А. С. Ерусалимский. Первый том уже закончен и будет представлен в ближайшее время на обсуждение Учёного совета в качестве диссертации на соискание степени д-ра исторических наук. Монографии Л. И. Зубока и А. С. Ерусалимского включены в академический план института. «Англо-американским отношениям между Версальской и Вашингтонской конференциями» посвящена монография кандидата исторических наук П. Е. Осиповой. Часть этой работы, на тему «Вопрос о мандатах на Парижской мирной конференции 1919 г.», уже закончена. В текущем году П. Е. Осипова работает над темой «Система мандатов между двумя войнами».

По группе истории стран Востока готовится ряд монографий, касающихся истории внешних сношений между Россией и странами Востока. Над монографией «Россия и Китай» работает д-р исторических наук проф. Г. Н. Войтинский; над монографией «Россия и Турция» — д-р исторических наук проф. А. Ф. Миллер. В текущем году Г. Н. Войтинский и А. Ф. Миллер разрабатывают историю русско-китайских и русско-турецких отношений в конце XVIII и начале XIX века. Кандидат исторических наук В. Б. Луцкий готовит монографии «Россия и Египет», «Россия и страны арабского Востока»; младший научный сотрудник Н. А. Киселёв — монографию «Россия и Афганистан».

Близится к завершению также ряд диссертаций. Докторант А. Я. Манусевич заканчивает работу над диссертацией на тему «Польша в европейской политике 1918—1921 гг.», аспирантка Л. Л. Захтрегер — над диссертацией на тему «Политика США по отношению к Советской России в 1917—1918 гг.» и аспирантка Т. В. Еремеева — над диссертацией на тему «Египетский кризис 1832—1833 гг.».

По истории международных отношений и внешней политики на заседании сектора были заслушаны доклады, представлявшие собой изложение отдельных глав или основных разделов монографий или диссертаций. С докладами выступили: Л. И. Зубок — «Американо-мексиканские отношения», А. С. Ерусалимский — «Начало кризиса Тройственного союза», В. М. Турок — «Локарнская конференция».

Особое место в пятилетнем плане сектора занимает внесённая в академический план института монография руководителя сектора А. М. Деборина «Политические учения новейшего времени». В начале текущего года А. М. Деборин закончил работу «Идеология германского империализма». На Учёном совете института были заслушаны доклады его на темы «Пангерманизм и гитлеризм» и «Историческая «теория» германского империализма».

Большое внимание уделено в пятилетнем плане разработке новейшей истории отдельных стран. Истории Франции посвящена монография кандидата исторических наук, проф. А. Я. Гуральского «Франция в 1930—1939 гг.», часть которой — «Политический кризис 1934 г. во Франции» — уже закончена и обсуждена сектором. В текущем году А. Я. Гуральским разрабатывается и будет закончен следующий раздел монографии — «Единый и народный фронт во Франции (1935—1936)». Истории Германии посвящена монография кандидата исторических наук С. И. Ленчнер «Создание Веймарской республики». Отдельные главы монографии («Веймарская конституция», «Буржуазные партии в ноябрьской революции 1918 г.») обсуждены сектором. В текущем году С. И. Ленчнер разрабатывает часть монографии — «Лагерь германской реакции в 1919—1920 гг.». Кандидат исторических наук И. С. Юзефович готовит монографию «Майский переворот Пилсудского в Польше в 1926 г.». Часть монографии («Внешняя политика Польши накануне майского переворота Пилсудского») будет закончена в текущем году. Над монографией «Английская лейбористская партия в 1918—1924 гг.» работает кандидат исторических наук П. В. Гурович.

Разрабатывается также новейшая история отдельных стран. Кандидат исторических наук Н. М. Сегаль закончил работу «История фашистской Италии». В настоящее время он работает над темой «Италия во второй мировой войне». С. И. Ленчнер готовит «Историю Веймарской республики 1918—1933 гг.». Над «Историей Австрии» работает кандидат исторических наук В. М. Турок; над «Историей Норвегии» — младший научный сотрудник О. К. Рыковская.

По группе истории стран Востока: Г. Н. Войтинский закончил «Очерки по новейшей истории Китая 1918—1939 гг.» и начал работу над историей Китая в период с начала тихоокеанской войны до капитуляции Японии; А. Ф. Миллер закончил «Очерки по новейшей истории Турции» и начал работу над «Очерками по новой истории Турции»; В. Б. Луцкий подготовил «Очерки по новейшей истории арабских стран»; в текущем году им будет написана работа «Арабские страны во время второй мировой войны»; Н. А. Киселёвым будет подготовлена работа «Установление государственных границ современного Афганистана».

Новейшей истории отдельных стран посвящены диссертационные темы аспирантов А. И. Некрича «Лейбористская партия и внешняя политика консервативного кабинета в 1935—1939 гг.» и К. В. Кобылянского «Италия от перемирия до фашистского похода на Рим». В 1947 г. будет закончена подготовка к печати труда по новейшей истории Англии безвременно умершего талантливого и глубокого исследователя истории этой страны — С. В. Захарова. Труд этот явится ценным вкладом в дело разработки новейшей истории Англии.

Пятилетний план предусматривает также подготовку коллективных трудов: томы 1918—1923 гг. и 1924—1929 гг. «Всемирной истории». Том 1918—1923 гг. в текущем году должен быть уже сдан в печать. К работе над томами «Всемирной истории» привлечены сотрудники секторов Института истории, многие специалисты из других институтов и организаций. Большая часть глав тома обсуждается на секторе. Так, сектор обсудил уже главу «Китай в 1918—1923 гг.» Г. Н. Войтинского, «Чехословакия в 1918 — 1923 гг.» И. И. Удальцова.

В текущем году будут обсуждены главы: Л. И. Зубока «США в 1918—1923 гг.», покойного С. В. Захарова «Англия в 1918—1923 гг.», С. И. Ленчнер «Германия в 1918—1923 гг.», А. З. Манфреда «Франция в 1918—1923 гг.».

Сектор заслушал доклады о работе над подготовкой тома по «Всемирной истории» 1918—1920 гг. Из ранее подготовленных сектором коллективных трудов в текущем году выходит из печати работа «Из истории германского фашизма», находится в печати первый том «Истории второй мировой войны».

В пятилетнем плане перед сектором поставлены задачи огромной важности. Особенно большое место в работе сектора должна занимать разработка гражданской истории новейшего времени, ибо в этой области у нас почти полностью отсутствуют фундаментальные научные труды.

Многое сделано сектором для перенесения центра тяжести своей монографической, научно-популярной, индивидуальной и коллективной работы в область изучения гражданской истории новейшего времени.

Недочётом в работе являются нерегулярность, неравномерность постановки научных докладов на секторе, недостаточное привлечение к их обсуждению работников других научно-исследовательских институтов и учреждений.

Основной задачей сектора новейшей истории Института истории Академии наук СССР является превращение его в подлинный руководящий центр научной разработки новейшей истории.

С. Ленчнер

В секторе истории средних веков Института истории АН СССР

В 1946 г. работники сектора истории средних веков Института истории АН СССР закончили семь крупных монографий, представляющих результат многолетних исследований.

Акад. Е. А. Косминский закончил новую книгу «Исследование по аграрной истории Англии в XIII в.», являющуюся итогом его тридцатилетней работы в этой области. В основу книги положено подвергшееся полной переработке исследование «Английская деревня с XIII в.», опубликованное в 1935 году Книга акад. Е. А. Косминского содержит ряд новых глав: «Расслоение английского крестьянства», «Свободное крестьянство», «Мелкая вотчина», «Вопрос о рабочей силе в феодальной вотчине». Автор по-новому ставит ряд важнейших проблем аграрного развития феодальной Англии. В результате изучения архивных и других источников он выяснил специфику феодального развития Англии, для которого характерно сохранение многочисленных элементов дофеодального строя и в то же время раннее разложение феодализма под влиянием развития товарно-денежных отношений. Общим результатом нового исследования акад. Е. А. Косминского является вывод, что уже в XIII в. можно отметить предпосылки раннего развития капиталистических отношений в области сельского хозяйства, которые с такой силой сказались с конца XV века. Книга акад. Е. А. Косминского в ближайшее время выходит из печати.

Чл.-корр. АН СССР А. Д. Удальцов закончил своё многолетнее исследование «Древнейшее население Восточной Европы и происхождение славян». В своей монографии А. Д. Удальцов впервые применил комбинированный метод исторического, археологического и лингвистического изучения. Вступительная глава книги посвящена анализу теоретических основ этногенетических исследований. В основных главах книги А. Д. Удальцов показывает, что основное ядро протославянского этногенеза складывалось первоначально на территории Среднего Днепра, где в III тысячелетии до н. э. процветала так называемая «трипольская культура» первобытных земледельцев-яфетидов, которые в процессе дальнейшего развития расширяли свою территорию на север, северо-восток, запад и юг, скрещиваясь с другими племенами и составляя военно-племенные союзы и новые племенные образования предков восточного, западного и южного славянства.

Старший научный сотрудник д-р исторических наук, Я. Я. Зутис закончил вторую часть своей монографии «Остзейский вопрос». Эта часть монографии вместе с первой, законченной в 1944 г., издана в 1946 г. отдельной книгой в 40 печатных листов. Работа Я. Я. Зутиса основана на архивных и печатных источниках. Она посвящена изучению реформ просвещённого абсолютизма в XVIII в. в Прибалтике и оценке их исторического значения для народов Латвийской и Эстонской ССР. Автор подвергает пересмотру установившуюся в историографии отрицательную оценку реформ, доказав их положительное значение в истории развития города и деревни в Прибалтике.

Старший научный сотрудник д-р исторических наук А. И. Неусыхин закончил первую часть своей монографии «Собственность и свобода в варварских правдах» («Очерки эволюции варварской государственности на территории Западной Европы»). Автор разрешает основные вопросы социального строя в варварском раннефеодальном государстве, в частности вопрос эволюции развития собственности на землю и своеобразия этой собственности. Законченная первая часть монографии основана на анализе Салической правды, Правды франков-хамавов, Рипуарской правды, Саксонской и Фризской правды и на лангобардских и англо-саксонских законах. В результате своего исследования автор конкретизирует процесс социально-экономической диференциации среди свободных и тем самым выясняет своеобразие общественного строя варварского государства в Западной Европе в V—VIII вв., а также и генезис феодальных отношений в нём.

Старший научный сотрудник д-р исторических наук М. М. Смирин закончил свою монографию «Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война». В своём исследовании М. М. Смирин показывает, что учение Томаса Мюнцера выделилось как особое направление, в котором нашло своё выражение народное понимание реформации как учения о социально-политическом революционном перевороте. Подробно анализируя теологические взгляды Мюнцера, автор показывает, что хотя они и сложились в известной мере под влиянием средневековых мистических учений, но заключали уже в себе новое содержание, сделавшись в условиях того времени орудием антифеодального восстания. Автор показывает также, что учение Мюнцера не было сектантским так как оно выражало собою то народное понимание реформации, которое сделалось руководящей силой Великой крестьянской войны, и имело тенденцию сделаться исходным пунктом централизации всех сил антифеодальной революции. В работе М. М. Смирина широко освещается роль городов в крестьянской войне и выясняются основания для определения реформации и крестьянской войны в Германии как первого акта европейской буржуазной революции. Автор останавливается также на значении, которое имели своеобразные черты германского исторического развития для судьбы Мюнцера и революционной борьбы эпохи крестьянской войны, и на особом интересе, проявленном поэтому Мюнцером к революционному пути чешской реформации. Книга М. М. Смирина находится в печати и намечена к выпуску в конце 1947 года.

Старший научный сотрудник д-р исторических наук Б. Ф. Поршнев закончил свою монографию «Тридцатилетняя война и Московское государство». В монографии Б. Ф. Поршнев даёт новую трактовку пред-

посылок и международного политического значения Тридцатилетней войны. Эта новая трактовка является одновременно и критикой немецкой историографии, создавшей легенду о Тридцатилетней войне как о попытке германских императоров объединить и централизовать германское государство. В исследовании показано, что в основе Тридцатилетней войны лежала политика Габсбургов, направленная на установление универсальной католической империи в Европе, и что со стороны антигабсбургских держав война носила национально-оборонительный характер. Кроме того автор изучил вопрос о роли Московского государства в истории так называемого шведского периода Тридцатилетней войны (1630—1635). Изучение внешней политики Московского государства дало возможность по-новому объяснить начало, ход и финал «шведского периода» Тридцатилетней войны.

Старший научный сотрудник д-р исторических наук В. М. Лавровский закончил монографию «Английский манор в XVI—XVIII вв.». Монография состоит из трёх частей: История средневекового английского манора в трудах русских учёных (Виноградов, Петрушевский, Савин и их ученики); История группы маноров в XVI—XVIII вв. (анализ поземельных отношений, данный на основании архивных источников); Английский манор на грани XVIII—XIX веков; Конец системы общинных полей и переворот в области сельскохозяйственной техники.

Продолжалась работа над многографиями «Католицизм как система феодального мировоззерцания» (чл.-корр. АН СССР С. Д. Сказкин) и «Аграрные отношения в Ливонии» (Я. Я. Зутис).

Покойный профессор Н. П. Грацианский в своей монографии «Очерки по истории славяногерманских отношений в средние века» изучил вопрос о характере и результатах немецкой агрессии против полабских славян. Установив на основании хроник Видукинда и Титмара Мерзебургского, что немцы даже при Оттоне I не смогли подчинить своей власти все славянские племена между Лабой и Одрой, автор перешёл к характеристике внутреннего социального и политического строя полабских славян и истории их борьбы с немецкой агрессией в XI—XII веках. В частности автором было изучено государство ободритов, которое отнесено им к типу варварских государств. В ходе своего исследования автор написал очерк о неудачном крестовом походе немцев против славян в 1147 году. Внезапная смерть автора оборвала его работу над интересной монографией.

В 1946 г. на заседаниях сектора были заслушаны и обсуждены следующие доклады научных сотрудников, докторантов и аспирантов института: Б. Ф. Поршнев «Смоленская война и Тридцатилетняя война», А. И. Неусыхин «Литство по Саксонской и Фризской правдам», М. М. Смирин «О влиянии таулеровской мистики на различные направления немецкой реформации», А. Д. Удальцов «Речь товарища Сталина 9/II—46 г. и задачи советской медиевистики», А. П. Каждан «Община в поздней Византии», Е. В. Гутнова «Рыцари графств в парламентах Эдуарда I», Н. А. Сидорова «Первое столкновение Абеляра с партией воинствующих церковников», «Суассонский собор 1121 г. и первое осуждение Абеляра», Г. Г. Жордания «Посольство маркиза Талейрана в Москву», О. Г. Чайковская «К вопросу о социально-политических корнях клюнийского движения», В. М. Лавровский «Основные проблемы и выводы исследования по истории английского манора в XVI—XVIII вв.», М. М. Смирин «О задачах перестройки работы сектора истории средних веков в связи с постановлениями ЦК ВКП(б) об идеологическом фронте».

При секторе истории средних веков успешно работают группы кандидатской и докторской аспирантуры. Аспиранты И. Я. Лернер и А. П. Каждан защитили диссертации на степень кандидата исторических наук: первый—на тему «Политические идеи Марсилия Падуанского», второй — на тему «Крестьянская собственность и формы феодальной зависимости в Византии в XIII—XV вв.».

Закончили кандидатские диссертации М. А. Барг на тему «К вопросу о социальных сдвигах в английском землевладении XI—XIII вв.», Е. Л. Рабкин «Генезис мировоззрения Мильтона и его идеалы», О. Г. Чайковская «Клюнийское движение в X в.». Аспиранты М. Л. Абрамсон и М. Я. Равич работают над вопросами кандидатского минимума.

Докторант Н. А. Сидорова написала уже большую часть своей докторской диссертации «Абеляр и его время», докторант А. С. Самойло защитил докторскую диссертацию «Колониальная политика английской республики и протектората».

В 1947 г. заканчивают свои докторские диссертации докторанты Е. В. Гутнова «Возникновение английского парламента» и Ю. А. Корхов «Возникновение городского ремесла в средневековой Германии». Продолжают работу над диссертациями докторанты З. В. Мосина — «Идея всемирной монархии у Карла V» — и А. М. Розенберг — «Мюнстерская коммуна».

В 1947 г. работники сектора начинают ряд новых исследований по проблемам, намеченным пятилетним планом отделения истории и философии АН СССР. Для монографической разработки взяты проблемы этногенеза (чл.-корр. АН СССР А. Д. Удальцов), политической истории Англии (акад. Е. А. Косминский), своеобразия политического развития Германии (А. И. Неусыхин и М. М. Смирин), культурно-исторического развития средневековой Европы (чл.-корр. АН СССР С. Д. Сказкин), народных движений XVI—XVII вв. (Б. Ф. Поршнев) и др. Большое место в пятилетнем плане сектора занимает работа над многотомным изданием «Всемирной истории».

В секторе истории средних веков работала группа по истории Византии, которая провела сессию по вопросам византиноведения, подготовила к печати 2 номера «Византийского Временника» и приступила к изданию новонайденной рукописи III тома «Истории Византийской Империи» Ф. И. Успенского.

М. С

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

◆ Государственный департамент США объявил о том, что в ближайшее время начинается издание серии публикаций, документов по истории внешней политики Германии в новейшее время, извлечённых из германских архивов. Документы будут опубликованы в многотомном издании, снабжённом обширным научным аппаратом. При государственном департаменте создана специальная комиссия историков с большим штатом сотрудников для подготовки этого издания. На должность главного редактора издания приглашён профессор Берклейского университета (Калифорния) Раймонд Зонтаг, автор ряда трудов по внешней политике Германии.

◆ 24—25 октября 1946 г. в Вашингтоне (США) состоялась годичная конференция Общества американских архивных работников. Одновременно в Вашингтоне 25 октября открылась конференция Американской ассоциации обществ, занимающихся локальной историей (American association for state and lokal history). 25 октября состоялось совместное заседание обеих конференций, на котором были обсуждены вопросы о задачах архивных работников в разработке местной истории, о состоянии архивных материалов и о работе над историей отдельных штатов и районов страны.

◆ 26—27 апреля 1946 г. в Чикаго (США) состоялась конференция среднезападной секции Общества американских ориенталистов совместно с секцией Общества библейской истории и библейских исследований. На конференции был заслушан ряд научных докладов и сообщений, в частности о значении надписей на Персеполисе (Камерон), «Хеттский бог Тархун» (Джебб), «Мусульманская архитектура и искусство готов» (Смит) и др.

◆ В 1946 г. исполнилось двухсотлетие Принстонского университета (США). Университет этот представляет собой одно из крупнейших учебных заведений и научных учреждений США. Его специальность — гуманитарные науки: история, философия, история искусств, лингвистика и др. В университете есть также факультеты машиноведения и архитектуры, но и на этих факультетах преподавание сосредоточено на гуманитарной стороне (история техники, история архитектуры и пр.). В ознаменование двухвекового юбилея готовятся десять томов истории университета, освещающие различные фазы и аспекты его развития.

◆ Чикагское историческое общество начало выпуск нового журнала «Chicago history». Журнал посвящён истории города Чикаго, Великих озёр, штата Иллинойс и вообще истории штатов так называемого Среднего Запада. Журнал иллюстрирован. Намечено выпускать четыре номера в год.

◆ В городе Каракасе (Венецуэла) 22 августа — 1 сентября 1946 г. состоялась конференция Панамериканского института истории и географии. Одновременно с конференцией состоялось совещание по вопросам картографии. На конференции присутствовали представители всех государств американского континента, кроме Боливии, Гондураса и Доминики. О значении, которое придаётся этой конференции, свидетельствует такой факт: в связи с тем, что по некоторым обстоятельствам на конференцию не смогли прибыть канадские учёные, Канаду на конференции представлял дипломатический представитель её в Каракасе. На конференции был зачитан ряд докладов по истории и географии Америки. Между пленумами конференции работали две исторические сессии: по истории доколумбовой Америки и по истории Америки нового времени.

◆ При университете города Сан Хосе (Коста-Рика) начали выходить учёные записки «Revista de la Universidad de la Costa Rica». Около трети издания посвящено главным образом истории Коста-Рики, её археологии; истории, языку и культуре индейских племён Центральной Америки, колониальной истории и т. д. Издание будет выходить по мере накопления материала.

◆ В городе Санта Фе (Аргентина) начал выходить новый журнал «Boletin del departamento de estudios etnograficas y coloniales». Журнал посвящён главным образом истории провинции Санта Фе и Аргентины в целом. В первом номере помещены статьи и интересные документы, касающиеся некоторых фаз колониальной истории Аргентины.

◆ 2—5 января 1946 г. в Лондоне состоялась очередная годичная конференция Английской исторической ассоциации. В работе конференции приняли участие некоторые американские историки, оказавшиеся в это время в Англии. Главными темами конференции были избраны следующие: «История США» и «Международное взаимопонимание и преподавание истории». С докладом об истории США выступил председательствовавший на конференции проф. Хейль Беллот. Доклад опубликован в очередном выпуске журнала Исторической ассоциации «History» (март 1946 г.). Особенно оживлённому обсуждению подверглась тема «Международное взаимопонимание и преподавание истории». С докладом на эту тему выступил Хэнкин, который напомнил собравшимся, что этот вопрос обсуждается не впервые: ещё в январе 1945 г. совет Исторической ассоциации принял резолюцию о создании специального комитета экспертов для изучения текстов школьных учебников по истории; в своей резолюции совет поручал комитету «принять меры к устранению пропусков, извращения фактов и ложного их истолкования, которые способны повести к недоразумениям и обострению отношений между народами». Комитет экспертов должен был опубликовать результаты своих изысканий. Это решение совета, видимо, осталось невыполненным. В оправдание докладчик сослался на создание при организации Объединённых наций специального учреждения — Организации по вопросам просвещения, науки и культуры Объединённых наций. Эта организация, по мнению докладчика, должна была координировать в международном масштабе пересмотр и

исправление учебников, ибо только авторитет организации Объединённых наций может помочь придти к положительным результатам. В прениях по докладу Хэнкина выступил ряд участников конференции. Преподаватель истории Натан подверг резкой критике постановку преподавания новой истории в английской средней школе, особенно истории периода 1870—1939 годов. К этой критике присоединилась преподавательница Норрис, заметившая, что и в высших учебных заведениях Англии новая история преподаётся на низком уровне. Другие ораторы, соглашаясь с критикой Натана и Норрис, предлагали обратить особое внимание на улучшение качества учебников, утверждая, что в них слишком много внимания уделяется политической истории и недостаточно — экономической, социальной и культурной истории. Был затронут вопрос об обучении самих учителей, о международном обмене профессурой и т. д. Заслушав отчёт руководящих органов, конференция избрала президентом исторической ассоциации известного английского учёного Д. Тревельяна, но, поскольку, последний в настоящее время очень занят, фактическим заместителем его избран Тойн в должности председателя совета. На конференции был также обсуждён вопрос о финансовом положении ассоциации.

◆ 15 апреля 1946 г. в Лондоне состоялось очередное годичное собрание Общества экономической истории. Был заслушан доклад проф. Дарби по вопросу о локальной истории. Докладчик подчеркнул важность детального изучения экономической истории отдельных городов и районов, независимо от административных делений. Он выразил сожаление по поводу того, что эти деления, установленные более или менее произвольно, до сих пор заставляли историков следовать этим географическим границам, что часто мешало правильному исследованию. В выступлениях по докладу рядом участников собрания подчёркивалось преобладание лондонской тематики в изучении английской экономической истории. Был также заслушан доклад д-ра Гамберса об истории одного из районов Нортгемптоншира. Доклад о новой и новейшей экономической истории сделал проф. Хэнкок. Докладчик подчеркнул значение так называемой современной, то есть новейшей, истории, отметив, что изучение её связано с рядом дополнительных трудностей. Выступавшие по докладу соглашались с доводами докладчика и подчёркивали специфические трудности работы в этой области и особенно затруднения, встречающиеся с допуском к архивным материалам.

◆ Французское Общество новой истории в конце 1946 г. возобновило прекращённое в 1940 г. издание бюллетеня Общества «Bulletin de la société d'histoire moderne». В ближайшем будущем Общество надеется возобновить и более солидное издание Общества — «Revue d'histoire moderne», также прекращённое в период войны.

◆ В кругах французских синологов 15 марта 1947 г. отмечали два года со дня смерти известного французского специалиста по истории, археологии и лингвистике Китая — Анри Масперо, замученного немцами в застенках концентрационного лагеря Бухенвальд. Анри Масперо, сын знаменитого французского египтолога, был арестован вместе с женой в качестве заложника за сына, участника французского движения сопротивления. Жена Масперо была освобождена из концлагеря наступавшими частями Советской Армии. Анри Масперо не дождался освобождения: он умер в концентрационном лагере. Его перу принадлежит ряд блестящих исследований по истории религии, эпиграфике и лингвистике Китая, а также широко известная, популярная работа «La Chine antique».

◆ Продолжается учёт ущерба, причинённого гитлеровцами культурным учреждениям, архивам и библиотекам Европы. По предварительным данным, германские варвары уничтожили свыше 200 важнейших библиотек и архивохранилищ Европы. Особенно пострадали польские архивы: уничтожено не менее 40% архивных материалов Польши. Гитлеровцы широко практиковали ограбление культурных ценностей оккупированных стран. До сих пор значительная часть похищенных материалов не разыскана.

◆ Недавно в пещере близ Эренбрайтштайна обнаружены архивные материалы, увезённые немцами из Гааги и Амстердама (Голландия); среди материалов — древние архивы Люксембурга (до XIII в.), архивы Оранского дома и др. Это лишь незначительная часть того, что было сожжено и разграблено немцами в Голландии. Последняя пострадала от гитлеровцев несколько раз: в период военных действий в мае 1940 г., в последующие годы оккупации и в период освобождения Голландии в 1944 году. Особенно пострадал Роттердам: немцы, открывая военные действия, 14 мая 1940 г. бомбардировкой фактически уничтожили центральную часть города, где находилось большинство культурных учреждений: Академия искусств и технических наук, Институт мореходства с его богатейшим музеем и архивом, библиотека Роттердама и др. Следует напомнить, что бомбардировка Роттердама не имела оправданий в военных соображениях, так как правительственный центр и государственные учреждения Голландии находятся в Гааге. Во время оккупации немцы занялись в широких масштабах изъятием «нежелательной литературы» и ценных архивов. Разряд «нежелательной литературы» оказался очень обширным: в Германию были вывезены целые библиотеки (библиотека имени Спинозы в Рейнсбурге, библиотека Мореходного института в Гельдере и т. п.). Настоящему опустошению подверглись архивохранилища. Высадка англо-американских войск в Европе принудила гитлеровские части оставить территорию Голландии. Отступая, гитлеровцы в слепой злобе уничтожали всё, что оставалось. При оставлении Неймегена, специальный отряд немецких войск поджёг библиотеку и до основания разрушил монастырь с ценнейшей библиотекой, которую немцы готовились вывезти, но не успели. В Эйнд-

гофене немцы подвергли яростной бомбардировке августинский монастырь и уничтожили его библиотеку; та же судьба постигла публичную библиотеку в Венло и другие библиотеки, архивы, памятники культуры и искусства Голландии. Анализ и подсчёт убытков, причинённых немцами в Голландии, продолжается.

◆ В Бухаресте (Румыния) начал выходить исторический журнал «Les études byzantines», орган Бухарестского института византийских исследований. Журнал является продолжением «Echos d'Orient», прекращённого в период войны.

◆ Английский исследователь Уолтер Эмери, проводящий раскопки в Саккаре (к югу от Гизы), открыл мастабу (род пирамиды) с захоронением, которое указывает на большую древность, возможно, эпоху первой династии (около 3000 лет до нашей эры). Раскопано погребение, которое было давно разграблено, найдены лишь остатки посуды и некоторых вещей. Надписи на кувшинах с именем Merneith позволяют Эмери высказать предположение о том, что здесь захоронена дочь или жена одного из древнейших фараонов — полумифического Zer. На древность захоронения указывает и характер мастабы. В 1936 г. тому же исследователю удалось открыть ещё одну мастабу. Это даёт ему основание высказать предположение, что известные пирамиды в Гизе являются лишь памятниками усопшим фараонам, а не усыпальницами, как это было позднее; место их погребения находилось в Саккаре.

◆ В настоящее время выясняются подробности о судьбе известной архивной коллекции так называемого «китайского человека» (синантроп). Находка синантропа в 1929 г. в пещере Чжоукоутен близ Бейпина, как известно, вызвала настоящую сенсацию в учёном мире. Коллекция — кости, орудия и другие материалы — хранилась в музее американского медицинского колледжа в Бейпине. В декабре 1941 г., когда началась война между США и Японией, китайские власти предложили уезжавшим американцам взять коллекцию с собой. Упакованные ящики были захвачены японцами в Цинвандао. Другая часть коллекций, которую американцы не успели вывезти из Бейпина, была захвачена японцами и перевезена в Токио, где ныне обнаружена в Токийском университете. Здесь обнаружены каменные орудия, кости рыб и животных, а также подробный план раскопок 1929 г. и список находок. Однако самая ценная часть коллекции — кости синантропа — до сих пор не найдены.

◆ В 1935 г. между Варшавским университетом и Французским институтом восточной археологии было заключено соглашение о совместном проведении археологических работ в Эдфу — в Горном Египте. От Варшавского университета руководство работами возложено было на декана гуманитарного факультета университета проф. К. Михайловского. В течение 1937—1939 гг. при раскопках было найдено много ценных предметов которые Варшавский университет передал на хранение Польскому национальному музею и которые были положены в основу собраний древнего искусства. Во время оккупации немцы почти полностью уничтожили и вывезли эти коллекции. Ныне соглашение между Варшавским университетом и Французским институтом восточной археологии возобновлено, и в ближайшее время будут продолжены начатые до войны раскопки.

◆ В середине февраля текущего года в Кракове умер выдающийся историк, палеограф и архивист проф. Ягеллонского университета Эдмунд Длугопольский. После него осталось богатое научное наследство, в том числе крупная монография о бунте Войта Альберта. В течение ряда лет по поручению Польской академии наук Э. Длугопольский руководил составлением и обрабатывал крупный труд «Monumenta Poloniae Vaticana». Покойный одновременно в течение сорока лет был профессором университета.

◆ В начале текущего года скончался профессор Варшавского университета Станислав Боровский, руководивший кафедрой по истории славянского законодательства. Покойный живо интересовался законодательством народов Югославии и оставил большое количество трудов в этой области. В 1932 г. он выпустил книгу под названием «Суд сеньора в городе Грич в средние века», а затем основанную на изучении архивных материалов работу «Сословные суды Дубровника в XIII столетии» (Львов, 1933).

Истории сербского законодательства он посвятил исследование под названием «Законники царя Душана 1349 и 1354 гг.».

В 1938 г. Боровский выпустил «Сборник законов князя Даниила 1355 г.», а также перевод «Закона Винодольского 1288 г.». Свои работы в области польского законодательства он публиковал на польском, хорватском, болгарском языках. Памяти Боровского был посвящён ряд статей как в польской, так и в хорватской прессе.

◆ Закончились раскопки в Бискупине, возобновлённые после 6-летнего перерыва, вызванного войной. Открыты новые поперечные улицы, из которых две проходят через ворота города, связывая последний с окрестностями Бискупина. На местах, где стояли дома, и на улицах найдены обломки посуды и много предметов из глины, камня, кости, бронзы и железа. Все найдённые вещи переданы в археологический музей в Познани.

◆ В связи с наступающим 600-летием со дня вступления на престол чешского короля Карла IV вышел в свет один из ценнейших памятников чешской литературной готики — автобиография Карла IV. Перевод с латинского языка был сделан Якубом Павел. Предисловие к изданию написано доктором Вацлавом Халупецким. Книга вышла в издании Мелантриха в Праге.

Автобиография Карла IV является первым чешским автобиографическим памятником, написанным к тому же чешским королём и римским императором. Хотя в средневековой литературе и известны автобиографические произведения, однако они были очень редким явлением, ибо средневековый человек рассматривал свою земную жизнь как подго-

товку к вечной жизни и не мог придавать ей большой цены.

◆ В феврале текущего года в Люблине состоялся первый после войны Всепольский съезд этнографов, на котором собрались все известные представители этой отрасли науки. Съезд разработал план работ на ближайшие три года. Было решено продолжать издание ежегодника «Lud», который является одним из наиболее серьёзных этнографических журналов славянских стран. Затем намечено издавать «Труды» по этнологии, «Труды и материалы» по этнографии и, наконец, польский этнографический атлас и атлас, отражающий переселение во вновь присоединённые западные районы Польши.

◆ Декретом Рады народовой в Польше учреждён Научно-исследовательский государственный институт книги, подведомственный Министерству просвещения. В институте будут сосредоточены документация, исследования и планирование в области всех вопросов, касающихся книги и отдельных отраслей науки о книге, как, например теоретическая библиология, систематика и история, социология и экономика книг. На институт возлагается учреждение Центральной книговедческой библиотеки и Музея книги и библиотековедения, издание исследовательских трудов по всем отраслям науки о книге и использование результатов этих исследований в практической деятельности библиотек, библиографических учреждений и издательско-книготорговых предприятий.

Задачей института является не только выполнение своими силами возложенных на него обязанностей, но и планирование библиографических и библиологических работ, осуществляемых различными научными общественными учреждениями во всей стране.

◆ Многие музеи в Словении во время войны были повреждены, уничтожены или расхищены. Тотчас после освобождения Словении народная власть республики приступила к обновлению и упорядочению музейного дела. Так, в Народном музее в Любляне были восстановлены два отделения: культурно-историческое и археологическое. Обновлён и скоро начнёт работать Географический музей; в таком же положении Орнитологический музей. Обновлены областной музей в Мариборе, богатый культурно-историческими экспонатами, музей в Цельи Лоце и других городах.

◆ В Боснии был открыт Государственный этнографический музей Боснии. В музее имеется собрание старинного оружия, палеонтологическая и археологическая коллекции. Намечается выставка экспонатов, относящихся к народно-освободительной борьбе против оккупантов.

◆ Музей города Белграда и городская библиотека организовали по поводу годовщины освобождения Белграда от немецких оккупантов выставку «История Белграда в документах и книгах». Библиотека экспонировала все книги, написанные о Белграде. Музей выставил богатое собрание гравюр и планов старого Белграда, начиная с XVI до XIX века. Были экспонированы одна из первых печатных книг — 1493 года, в которой говорится о Сербии, — и напечатанная в Белграде первая книга — евангелие, которое в 1552 г. напечатал Троян Гундулич Дубровчанин. Кроме того были выставлены документы XIX в., отражающие общественную и культурную жизнь Белграда: декреты, манифесты, обращения к народу по поводу важных политических событий и другие материалы, связанные с историей и культурно-политическим развитием Белграда.

◆ Великое народное собрание приняло закон о Болгарской академии наук. В силу этого закона академия становится государственным учреждением, имеющим самостоятельность в проведении организационной, административной и творческой работы под верховным руководством Совета министров.

По закону предусматривается деление Академии наук на два отдела: философско-общественный и естественно-математический, — которые, в свою очередь, по мере надобности делятся на отделения. Существенно новым в законе об Академии наук является то, что ей даётся право организовать свои научно-исследовательские институты, научные станции и опытные участки.

◆ 1 декабря текущего года исполнилось 100 лет со дня выхода в свет первой болгарской газеты. По этому поводу в Народном театре состоялось торжественное собрание, на котором были заслушаны речи председателя Союза журналистов Трайчо Доброславского, министра информации Д. Казасова и академика Тодора Павлова. Доклад академика Т. Павлова касался истории развития прогрессивной прессы в Болгарии, трудностей, которые ей пришлось встретить в своём развитии. Он подчеркнул, что новая конституция обеспечит прессе полную свободу и все материальные и духовные условия для воздействия на развитие болгарского народа.

◆ В Софии открыта библиотека-читальня Союза болгаро-советской дружбы. На торжественном собрании, посвящённом открытию библиотеки-читальни, председатель Софийского болгаро-советского общества проф. Емануилов привёл в своём докладе интересные данные о состоянии библиотеки, перечислив наиболее ценные, полученные библиотекой советские издания, а также журналы и газеты СССР. О значении открытой библиотеки говорил член Союза болгаро-советской дружбы поэт Крум Кюлявков. В заключение выступил представитель ВОКС при советской делегации Колесников.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Зомбе Е. — Двадцатипятитысячники 3
Удальцов И. — К вопросу о революционном движении в Чехии в 1848 году . . 23
Осипова П. — Образование блока фашистских агрессоров 48
Джанашиа С., акад.— Об одном примере искажения исторической правды . . . 71

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Ваганов О.— Царизм и казахское байство (1906—1914 гг.) 90
Козьменко И.— Русское общество и апрельское болгарское восстание 1876 года 95
Смирнов И. — Законы В. Шуйского о крестьянах и холопах и восстание Болотникова 109
Тревер К., проф. — Александр Македонский в Согде (из истории народов Средней Азии) 112

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Штейн Б., проф.— Мюнхен на страницах четырёх мемуаров 123
Семёнов В., проф.— Английские исторические журналы за годы войны 131
Пичета В., акад. — Ж. Корманова. Иоахим Лелевель 136
Кан С., проф.— Л. Мэнси. Юнкер в прусской администрации при Вильгельме II (1888—1914) 138
Поздеева Л.— А. Люкау. Германская делегация на Парижской мирной конференции 141
Рыськин Б.— Дублер Ц. О хозяйственной жизни на Иберийском полуострове с XI до XIII века 144
Вронский Б.— Сборник «Единая Америка» 146
Гарданов Б. — проф. Г. Кокиев. Аграрное движение в Кабарде в 1913 году . . 149
Дружинин Н., проф.—Известия Казахского филиала Академии наук Союза ССР. Серия историческая 150
Ефимов А., проф.—Л. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга (1725—1742). 153

Библиография

ХРОНИКА

Историческая наука в СССР

В. А.— Сессия Отделения истории и философии АН СССР 162
Пичета В., акад.— Институт славяноведения Академии наук СССР и его задачи 165
Ленчнер С.— Работа сектора новейшей истории Института истории Академии наук СССР в 1946 и 1947 годах 167
М. С.— В секторе истории средних веков Института истории АН СССР 169

Историческая наука за рубежом

CONTENTS:

ARTICLES: Sombe E. «Dvadzatipyatitysyachniki» (Twenty-five Thousanders). Udaltsov I. On the question of the revolutionary movement in the Boheme in 1848. Osipova P. The organization of the fascist agressor's block. Djanashia S. academ. Concerning one example of the distortion of historical truth. INFORMATIONS AND PUBLICATIONS: Vaganov O. Tsarism and Kazakh bais (1906—1914). Kozmenko I., The Russian Society and Bolgarian April of 1876. Smirnov I. Shuisky' laws about the peasants and serfs and Bolotnikov's revolt. Trever K. Alexander the Great in Sogde (on the history of the people of Central Asia.). CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY. CHRONICLE.

SOMMAIRE:

ARTICLES: Zombé E. Les «dvavtzatipiatitysiatchniki» (vingt-cinq milliers). Oudaltsov I. Sur le mouvement révolutionnaire de 1848 en Bohême. Ossipova P. La formation du bloc des agresseurs fascites. Djanachia S., acad. Un exemple de falcification de la vérité historique. COMMUNICATIONS: Vaganov O. Le tsarisme et les bays kazakhs (1906—1914). Kozmenko I. La société russe et le soulevement bulgare de 1876. Smirnov I. Les lois de Vassili Chouiski sur les paysans et les «kholops» et la révolte de Bolotnikov. Trever H. Alexandre le Grand à Sogda (pour l'histoire des peuples de l'Asie Moyenne), CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE. CHRONIQUE.

Редакционная коллегия: **В. П. Волгин (отв. редактор), Е. Н. Городецкий, Б. Д. Греков, Н. М. Дружинин, Е. А. Косминский, И. А. Кудрявцев, И. И. Минц, А. М. Панкратова, С. Н. Ростовский, А. Л. Сидоров, М. Н. Тихомиров.**

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 239. Тел. Д 3-31-04.

А — 01500. Изд. № 350. Заказ № 1008. Тираж 33.600 экз.

Подписано к печати 24/V 1947 г. 10 печ. л. 68.000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.